

ТВОРЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

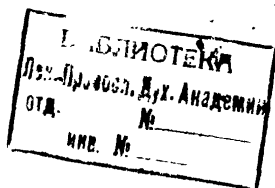
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

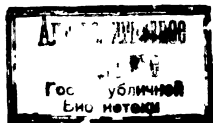
ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

— 838 —
Томъ тридцать седмой.
— 838 —



ТВОРЕНІЯ



ДУБЛЕТ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

12851-1

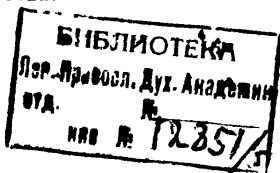
14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЪ.

1861



29, 34, 37, 48, 49, 74, 90, 100, 10
103, 10, 146, 153, 162, 192, 213, 24,
448, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

1. О ШЕСТОДНЕВЪ

СЛОВО ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ БРАТУ ПЕТРУ.

Что ты дѣлаешь, человѣкъ Божій, приказывая намъ отважиться на недоступное для человѣка, взяться за такія дѣла, въ которыхъ не только не возможно имѣть успѣхъ, но за которыя и приниматься, по моему понятію, не безукоризненно? Что у великаго Моисея, въ его любомудренномъ по божественному вдохновенію сказаніи о міробытіи, по первоначально представляющемуся значенію написаннаго, кажется заключающимъ въ себѣ противорѣчіе, велѣлъ ты намъ, отыскавъ въ этомъ нѣкій сообразный съ предметомъ смыслъ, привести во взаимную связь, доказать, что святое Писаніе само съ собою согласно, и сдѣлать это послѣ того богодухновеннаго обозрѣнія, какое оставилъ объ этомъ отецъ нашъ, ^(Видиши) которому всѣ читавшіе,

Гр. Русск. Ч. I.

поступая, по моему мнѣнію, хорошо и справедливо, дивятся не меньше, какъ и любомудренному сказанію самаго Моисея.

Какое отношеніе имѣеть къ зерну колось, который изъ зерна, и не зерно, лучше же сказать, тоже зерно по внутренней силѣ, но отличенъ отъ него по величинѣ, по красотѣ, по разнообразію и по наружному виду; такое же отношеніе (можетъ сказать иной) къ сказанному великимъ Моисеемъ имѣють мысли, при люботрудномъ обзрѣніи обработанныя великимъ Василиемъ. Что Моисей выразилъ немногими и опредѣленными реченіями, то учитель нашъ, возрадивъ возвышеннымъ любомудріемъ, по образу того, уподобяемаго царствію, горушичнаго зерна (Матѣ. 13, 31.), которое въ сердцѣ дѣлателя возрастаетъ въ дерево, содѣлалъ не колосомъ, но деревомъ: и оно повсюду изобилуетъ мыслями, вмѣсто вѣтвей распространяетъ ученія, и съ благочестивою цѣлію простирается въ высоту, такъ что возвышенныя и превыспреннія души, въ евангеліи называемыя *птицами небесными* (32), по величинѣ таковыхъ вѣтвей могутъ гнѣздиться на нихъ: потому что души, какъ бы нѣкимъ гнѣздомъ служить соглашеніе вопросовъ, упокояющее собою эту пытливость ни на чемъ не останавливающуюся ума, которая подобна какому-то туда и сюда кружащемуся полету.

Посему возможно ли противъ такого столь

великаго древа словесъ насадить малую вѣтвь
 нашего разумѣнія? Или ты и не приказываешь
 этого? Да и я никогда не рѣшился бы трудо-
 любію ^{Василии Великаго} (нашего отца и учителя) ^{каждо} прогнѣвопоставить
 свой трудъ? Но садовники дѣлають чудеса,
 умудряясь на одномъ деревѣ разнообразить
 плоды. И такой у нихъ способъ воздѣлыванія
 растѣній: сорвавъ съ другаго дерева малый
 лепестокъ съ продолженною при основаніи ко-
 жицею, на другомъ большемъ растѣніи вклады-
 ваютъ сію кожицу въ разрѣзъ какой либо ея
 части, чтобы вложенное, питаясь естествен-
 нымъ сокомъ большаго растѣнія, отродилось
 въ вѣтвь. Такъ и я, разумѣніе свое, какъ нѣкій
 малый отпрыскъ, срастивъ влагой великаго
 дерева—мудростію ^{Вас. Великаго} (нашего учителя) попытаюсь
 сдѣлаться его вѣтвію, сродняясь, сколько для
 меня это возможно, съ его мыслями, и напои-
 ваясь обиліемъ сообщаемыхъ мнѣ въ нихъ по-
 водовъ къ размышленію.

Ибо думаю, что нѣкоторые не въразумѣли
 хорошо цѣли написаннаго имъ въ Шестодневѣ;
 а поэтому винять его въ томъ, что не сооб-
 щилъ имъ яснаго вѣдѣнія о солнцѣ; почему
 свѣтило сіе послѣ трехъ дней особо создается,
 а не вмѣстѣ съ другими звѣздами; такъ какъ
 не возможно дневной мѣрѣ опредѣляться утромъ
 и вечеромъ, если солнце не станетъ непре-
 мѣнно производить вечеръ своимъ захожде-
 ніемъ, и утро восхожденіемъ.

А также не допускають созданія двухъ небесъ, говоря: хотя Апостолъ упоминаетъ о третіемъ небѣ (2 Кор. 12. 2.), тѣмъ не менѣе въ разсужденіи сего остается сомнѣніе; потому что въ началѣ сотворено одно небо, а потомъ твердь, объ иномъ же небѣ, то есть, о вторичномъ твореніи, не написано у Моисея, и не лзя доказать, что подъ сими двумя (а) разумѣется и третіе небо, такъ какъ ни послѣ тверди не сотворено иное небо, ни выраженіе: въ началѣ не позволяетъ подразумѣвать какого либо прежде бывшаго неба. Если въ началѣ сотворено небо, то явно, что тогда началось твореніе. Не согласно было бы съ разумомъ наименовать началомъ, что имѣетъ другое высшее себя начало. Что занимаетъ второе по порядку мѣсто, то—не начало, и не называется началомъ. Но Павелъ дѣлаетъ упоминаніе и о третіемъ небѣ, о которомъ не говорится при описаніи творенія. Значитъ и здѣсь упоминаніе о второмъ небѣ принадлежитъ къ числу вопросовъ.

Предлагающіе это и подобное сему не обращаютъ вниманія, кажется мнѣ, на ту цѣль ученія, какую имѣлъ отецъ нашъ, который, бесѣдуя въ Церкви многолюдной при такомъ стеченіи народа, по необходимости соображался

(а) Небомъ и твердою.

съ приѣмлющими слово. Въ такомъ числѣ слушателей, хотя много было способныхъ разумѣть слова болѣе возвышенныя, однакоже большая часть не могла слѣдовать за болѣе тонкимъ разысканіемъ мыслей; какъ люди простые, трудящіеся, занятые сидячими работами, какъ собрание женъ, не учившихся такимъ наукамъ, и толпа дѣтей, и престарѣлые по лѣтамъ, все они имѣли нужду въ такой рѣчи, которая удобопонятнымъ наставленіемъ посредствомъ видимой твари, и того, что въ ней хорошаго, руководила бы къ познанію все Сотворившаго. Почему, если кто будетъ судить о сказанномъ, соображаясь съ цѣлію великаго учителя; то не найдетъ никакого недостатка въ словахъ его. Ибо вещь не такую рѣчь, въ которой съ жаромъ оспариваются предлагаемыя возраженія, но всецѣло быль занятъ простѣйшимъ истолкованіемъ реченій, чтобы предложить слово полезное для простоты слушающихъ, и чтобы вмѣстѣ толкованіе его, указуя на многоразличныя ученія вышшняго любомудрія, удовлетворяло нѣсколько и слушателей, способныхъ разумѣть высшее; а такимъ образомъ и для простаго народа было оно понятно, и въ свѣдущихъ возбуждало удивленіе.

Но ты, какъ бы на горѣ Синаи, оставивъ внизу многочисленный народъ, и превысивъ другихъ разумѣніемъ, усиливаешься съ великимъ Моисеемъ войти въ тотъ мракъ созер-

цанія таинъ, въ которомъ былъ онъ, и видѣлъ незримое, слышалъ неизглаголанное словомъ, и стараешься узнать необходимый порядокъ творенія, почему по приведеніи въ бытіе неба и земли, свѣтъ, чтобы стать свѣтомъ, ожидалъ Божія повелѣнія, а тма была уже и безъ повелѣнія? И если свѣту ничего не доставало къ тому, чтобы озарить лежащій внизу воздухъ, и опредѣлить время дня и ночи; то какая была потребность въ устроеніи солнца? И если вмѣстѣ съ небомъ въ началѣ приведена въ бытіе земля; то почему приведенное въ бытіе было не устроено? Ибо устроить и сотворить не представляется въ понятіи чѣмъ либо различнымъ. А если сотворить тоже, что и устроить, то почему сотворенное не устроено? И въ разсужденіи влажной сущности встрѣчаются затрудненія; а именно поверхъ небеспаго свода, имѣющаго видъ шара, не возможно держаться чему либо текучему. Ибо чѣмъ утверждена влага на скатѣ, когда влажное по всей необходимости съ выпуклости шара стекаетъ на наклонныя ея части? Какъ при непрестанномъ движеніи того, что подъ влагою, будетъ она имѣть въ себѣ постоянство, всегда скользя на собственномъ своемъ основаніи? Почему не разсѣется при самомъ быстромъ вращеніи полюса, безъ сомнѣнія оттапливающаго то, что на немъ? Да и утрата влажнаго естества невѣроятною кажется воз-

ражающимъ; потому что въ равной всегда мѣрѣ видимы собранія водъ въ источникахъ, рѣкахъ, озерахъ, исключая только нѣкоторые источники, которые, свое обиліе водъ занимая съ земной поверхности, изливаютъ на-полняемое дождями и снѣгами, и подобно временнымъ потокамъ, по приливу сверху, и убываютъ и увеличиваются. Объ источникахъ же, изъ которыхъ изливается непрерывный токъ, безъ всякаго умаленія или приращенія, по необходимости признано, что въ нихъ не утрачивается влажная сущность: потому что расточаемое не можетъ всегда оставаться въ равной мѣрѣ. Да и огонь, если бы дѣйствительно онъ истреблялъ воду, не оставался бы не возрастающимъ въ собственной своей мѣрѣ, и не усиливающимся. Ибо отъ истребленія горячаго вещества невозможно не возрастать естеству огня.

Итакъ, если, любопытствуя о семъ и подобномъ сему, усиливаешься познать все возвышенное, то самъ своею мудростію можешь увидѣть и что сокрыто во мракѣ Моисеева видѣнія, не къ другому кому обращаясь, но къ той благодати, которая въ тебѣ, и глубины Божіи испытуя тѣмъ Духомъ откровенія, Который является въ тебѣ по молитвамъ. Но какъ, по апостольскому закону, надобно намъ угождать другъ другу ради любви, и достойному похвалы рабу свойственно приводить въ

исполненіе, что ему приказано; то въ краткихъ словахъ, сколько это возможно, попытаюсь открыть объ этомъ свою мысль, молитву твою употребляя въ спорника слову. Но прежде нежели приступлю къ дѣлу, пусть будетъ засвидѣтельствовано, что не предложимъ ученій противныхъ тому, что о міробытіи любу мудрствовалъ святой Василій, хотя бы слово наше, по какой либо послѣдовательности мыслей, пришло и къ иному истолкованію. Напротивъ того Василіево да удерживаетъ за собою верхъ, уступая первенство одному богодуховенному завѣту; а наше да предлагается читателямъ, какъ ученическое въ какомъ либо училищѣ упражненіе, отъ котораго никому никакого не произойдетъ вреда, если и найдется въ сказанномъ нѣчто несогласное съ общимъ мнѣніемъ. Ибо слова сего не выдаемъ за догматъ; чѣмъ подали бы поводъ клеветникамъ, но признаемся, что упражняемъ только свое разумѣніе въ предлагаемыхъ мысляхъ, а не истолковательное ученіе излагаемъ въ послѣдующемъ. Посему никто да не требуетъ отъ моего слова, чтобы оно занялось рвѣніемъ затрудненій, представляемыхъ намъ изъ святаго Писанія, и изъ того, что правильно истолковано нашимъ учителямъ, и кажется не согласнымъ съ общими мнѣніями. Мнѣ предлежитъ не то, чтобы придумать какое либо оправданіе противорѣчіямъ, представляющимся

— при
мнѣніи

съ перваго взгляда. Напротивъ того да будетъ дозволено, свободно и сообразно съ моею цілю, изслѣдовать смыслъ рѣченій; если только въ состояніи буду, при помощи Божіей, оставляя въ словахъ собственную ихъ выразительность, придумать какое либо связное и послѣдовательное представленіе совершающагося во время творенія.

[Сказано: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1, 1.), и за симъ все, что содержать въ себѣ слово о міробытіи, сказуется приведеннымъ въ бытіе въ продолженіе шестоднева. Но прежде изслѣдованія написаннаго надлежитъ, думаю, согласиться слову въ томъ, что въ Божескомъ естествѣ изволенію сопутственно могущество, и мѣрою Божія могущества служить воля. Воля же есть премудрость, и премудрости свойственно не незнать, какъ можетъ произойти каждая вещь. А съ вѣдѣніемъ неразрывно и могущество; почему совокупно съ тѣмъ, какъ позналъ Богъ, чему должно произойти, воздѣйствовала и творящая существа сила, приводя въ дѣйство умопредставленное, и въ слѣдствіе вѣдѣнія ни въ чемъ не обманывайся, такъ что согласно и нераздѣльно съ рѣшеніемъ воли оказалось и дѣло. Ибо рѣшеніе воли въ Богѣ есть вмѣстѣ и могущество напередъ предъизволяющее, чтобы существа пришли въ бытіе, и предуготовляющее поводы къ осуществленію умо-

представленнаго. Посему въ дѣлѣ творенія должно представлять себѣ въ Богѣ все въ совокупности, волю, премудрость, могущество, сущность существъ. А когда сіе дѣйствительно такъ; никто да не затрудняетъ самъ себя, доискиваясь и спрашивая о веществѣ: какъ и откуда оно? Ибо, слышимъ, нѣкоторые говорятъ: «если Богъ не вещественъ: то откуда вещество?»

Какъ количественное отъ неколичественнаго, видимое отъ незримаго, отъ неизмѣющаго величины и опредѣленнаго очертанія непремѣнно опредѣляемое объемомъ и величиною? И все прочее, усматриваемое въ веществѣ, какъ и откуда прозвель Тотъ, Кто въ естествѣ Своемъ не имѣетъ ничего подобнаго? Но на каждый вопросъ о веществѣ рѣшеніе у насъ одно—не предполагать, будтобы премудрость Божія не могущественна, и могущество не премудро; а напротивъ того держаться той мысли, что одно съ другимъ неразрывно, что то и другое оказывается однимъ и тѣмъ же, такъ что совокупно и вмѣстѣ съ однимъ усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божія явлена могуществомъ въ совершаемомъ, а дѣйственное могущество Божіе довершено премудрою волею. Посему, если въ одномъ и томъ же и вмѣстѣ есть премудрость и могущество, то не знаетъ Онъ, какъ могло найдтись вещество къ устроенію существъ, и не имѣетъ недостатка въ могуществѣ умопредставленное при-

вести въ дѣйство. Всемогу́щій же по премудрой и могущественной волѣ къ совершенію существъ положилъ основаніе въ совокупности всему тому, изъ чего составляется вещество: легкость, тяжесть, плотность, скважность, мягкость, твердость, влажность, сухость, холодность, теплоту, цвѣтность, образъ, очертаніе, протяженіе. Всѣ сіи свойства сами по себѣ — понятія и голыя умопредставленія. Ибо ни одно изъ нихъ само по себѣ не есть вещество, но сходясь между собою, дѣлаются они веществомъ. По сему, если о Преимуществующемъ премудростию и могуществомъ скажемъ, что все знаетъ и все можетъ, то приблизимся, можетъ быть, нѣсколько къ возвышенному слову Моисея, который говоритъ: въ заглавіи (*ἐν κεφαλαίῳ* — сіе слово употребилъ Акила вмѣсто слова: начало) сотворены Богомъ небо и земля. Поелику Пророкъ книгу Бытія содѣлалъ введеніемъ въ боговѣдѣніе, и у Моисея та цѣль, чтобы преданныхъ чувственности посредствомъ видимаго руководить къ превышающему чувственное пониманіе, а небомъ и землею опредѣляется познаваемое нами посредствомъ зрѣнія; то слово наименовало ихъ, какъ крайніе объемы существъ познаваемыхъ нами посредствомъ чувства, чтобы, сказавъ: отъ Бога получило бытіе содержащее, означить имъ все содержимое внутри сихъ предѣловъ, и вмѣсто того, чтобы сказать: Богъ сотворилъ всѣ су-

щества въ совокупности, изрекю: въ заглавіи или въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Пбо одно значеніе снхъ двухъ словъ: въ началѣ и въ заглавіи; обоими равно выражается совокупность. Словомъ: въ заглавіи показывается, что все вмѣстѣ приведено въ бытіе, а словомъ: въ началѣ выражается мгновенность и неразрывность. Слово: начало чуждо понятія о всякомъ протяженіи. Какъ точка—начало черты, и атомъ — начало тѣлеснаго объема: такъ мгновеніе начало временнаго протяженія. Посему совокупное положеніе основанія существъ неизреченнымъ Божиимъ могуществомъ у Моисея наименовано началомъ или заглавіемъ, въ которомъ скажется все состоявшимся. Пбо нарекъ крайніе предѣлы существъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ молча указалъ и на заключающееся между ними предѣлами. Предѣлы же разумѣю по человѣческому чувству, которое не простирается и до того, что подъ землею, и не восходитъ даже неба.

Итакъ словами: начало міробытія предполагается такое разумѣніе, что и поводамъ, и причинамъ, и силамъ всѣхъ существъ вдругъ и въ одно мгновеніе положилъ Богъ основаніе. За первымъ стремленіемъ Божіей воли послѣдовала сущность каждаго изъ существъ: пбо эфиръ, звѣзды, огонь, воздухъ, море, земля, живое существо, растѣнія, все, что зримо было Божиимъ окомъ, указуемо словомъ могущества,

какъ говорить пророчество, *Свидущему вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Когда же **могуществомъ** и премудростію положено основаніе совершенію каждой изъ частей міра, послѣдовать за снмъ необходимый нѣкій рядъ въ извѣстномъ порядкѣ, (такъ что предварилъ и прежде всего пнаго видимаго во вселенной появился огонь, а послѣ огня явилось, чему необходимо слѣдовать за предварившимъ, и за этимъ третіе, чего потребовала художественная природа: также четвертое и пятое и все прочее въ дальнѣйшемъ за снмъ послѣдованіи появлялось въ такомъ порядкѣ не по самослучайному какому либо столкновенію и не въ слѣдствіе беспорядочнаго и никуда не направленаго движенія; Но какъ необходимый порядокъ естества требуетъ послѣдовательности въ томъ, что приводится въ бытіе, такъ и Моисей, въ видѣ повѣствованія излагая любознательное ученіе о естествѣ вещей, говоритъ о созданіи каждаго существа, присоединяя и нѣкіе творческіе Божіи глаголы, которыми каждае изъ существъ приводится въ бытіе, и дѣлаетъ это прекрасно и боголѣпно: потому что все, въ нѣкоей стройной связи и премудро создаваемое Богомъ, подлинно есть нѣкій **гласъ**: потому что, хотя не знаемъ, что такое Божіа сущность, однакоже, представивъ въ умѣ Божію Премудрость и Божіе могущество, увѣряемъ себя, что постигли Бога умомъ.

Посему-то, когда приходила въ бытіе вселенная, прежде, нежели каждое изъ наполняющихъ вселенную существъ оказалось само по себѣ, надъ всемъ разлитъ былъ мракъ. Ибо не появлялось еще блистаніе огня, сокровенное въ частицахъ вещества. Какъ кремни остаются невидимыми во тмѣ, хотя по естеству имѣютъ въ себѣ свѣтоносную силу, при взаимномъ удареніи другъ о друга пораждая изъ себя огонь; но какъ скоро является изъ нихъ искра, и сами они при ея свѣтлости дѣлаются видимыми: такъ все было невидимо и не явлено, пока не пришла въ явленіе свѣтоносная сущность. Ибо когда по единому мановенію Божіей воли вдругъ нераздѣльно составила вселенная, и всѣ стихіи были еще одна съ другою смѣшаны, тогда разсѣянный по всюду огонь оставался потемненнымъ, омрачаемый приизбыткомъ вещества. Но поскольку въ немъ есть нѣкая всепроницающая и удобовижная сила; то вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ естеству существъ дано было Богомъ повелѣніе привести въ бытіе міръ, и огонь проторгся изъ всякаго тяжелаго естества, и вдругъ озарилъ все свѣтомъ. Но чтò произошло по слову премудрости могуществомъ Сотворшаго, о томъ упоминаетъ Моисей. какъ о повелительномъ Божіемъ словѣ, говоря: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.); потому что у Бога, и по нашему понятію, дѣло есть слово; по-

чему все, приводимое Имъ въ быгіе, приводится словомъ; и что́ отъ Бога, въ томъ невозможно и представить чего либо неразумнаго, какъ ни есть составившагося и самослучайнаго. А напротивъ того надлежитъ вѣрить, что въ каждое изъ существъ вложено нѣкое премудрое и художническое слово, хотя оно и недоступно нашему взору. Посему, что́ сказалъ Богъ? Послику таковое вѣщаніе есть повелительное слово, то боголѣпно, думаю, уразумѣемъ это, относя изреченіе сіе къ вложенному въ тварь слову. Такъ и великій Давидъ протолковалъ намъ подобныя вѣщанія, сказавъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Тѣ повелительные глаголы при твореніи существъ, которые Моисей писалъ съ Божія гласа, Давидъ наименовалъ премудростію, созерцаемою въ вещахъ сотворенныхъ. Почему и сказуетъ, что *небеса похваляютъ славу Божию* (Пс. 18. 2.), то есть, въ стройномъ вращеніи открываемое ими художественное зрѣлище для свѣдущихъ замѣняетъ слово. Ибо сказавъ: *небеса похваляютъ, и возвыщаютъ твердь*, Давидъ исправляетъ симъ тѣхъ, которые грубѣе понимаютъ сказанное, и думаютъ, можетъ быть, слышать и звуки вѣщанія и членораздѣльныя слова въ повѣданіи небесъ: почему говоритъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, иже не слышатся гласи ихъ* (4.); и тѣмъ показываетъ, что созерцаемая въ твари премудрость

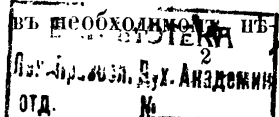
есть слово, впрочемъ не членораздѣльное. И еще, послѣнку Моисей говоритъ, что были ему нѣкія Божіи вѣщанія, изглаголанныя въ чудесахъ совершенныхъ въ Египтѣ: то Псалмопѣвецъ истолковалъ нѣхъ возвышеніе, нежели какъ понимаютъ многіе, сказавъ: *положи въ нихъ словеса знаменій Своихъ, и чудесъ Своихъ въ земли Халовъ* (Пс. 104, 27.). Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ, что дѣйственная сила каждаго изъ сотворенныхъ существъ приводится въ дѣятельность нѣкімъ словомъ, симъ изреченіемъ ясно далъ разумѣть, что наименовалъ такъ не слово дѣйствительно изрекаемое, но являемую въ чудесахъ силу.

Посему и здѣсь, хотя предваряла по скорости и удободвижности естества и отдѣлялась отъ существъ свѣтоносная сила, отдѣляющая себя отъ шороднаго, и все осіявалось, освѣщаемое лучезарною этою силою, однакоже то слово, по которому дѣйствовала въ этомъ сущность огня, принадлежало изречь единому Богу, въ естество вложившему свѣтоносное слово. О семъ-то свидѣтельствуесть писаніемъ своимъ и великій Моисей, когда говоритъ: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ*, выражая, какъ думаю, сказаннымъ ту мысль, что созданіе свѣта, превышающее всякое человѣческое понятіе, есть Божіе слово. Ибо мы видимъ только то одно, что совершается, и чудо приедемъ въ себя чувствомъ. Гдѣ же скрывавшійся огонь мно-

венно возражается? Если возгарается при взаимномъ удареніи кремней, то какихъ? Или происходитъ отъ тренія другихъ вещей? и какая эта сила, которая поядаетъ объятые огнемъ, а воздухъ озаряетъ пламенемъ? Не можемъ мы ни видѣть сего, ни составить о семъ какое либо понятіе, но говоримъ, что причина сего необычайнаго чуда сокрыта въ единомъ Богѣ, по неизреченному закону могущества сотворившемъ, что огнемъ поражается свѣтъ; какъ свидѣтельствуеть въ словѣ своемъ Моисей: *и рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро* (Быт. 1, 3. 4.). Ибо подлинно единому Богу свойственно было видѣть, что свѣтъ будетъ такимъ добромъ; нищета же нашего естества смотритъ только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидѣть, ни похвалить не въ состояніи; потому что похвала воздается тому, что познано, а не тому, что не извѣстно.

Итакъ сказано: *и видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою* (Быт. 1, 4.). Что происходитъ необходимо по самой послѣдовательности естества въ нѣкоемъ порядкѣ и стройности, Моисей опять приписываетъ Божіей дѣятельности, научая, какъ думаю. сказаннымъ, что Божіею премудростію предумышлено все, произшедшее въ послѣдствіи одно за другимъ въ необходимомъ и

Гр. Нис. Ч. I.



коемъ порядкѣ. Ибо когда свѣтоносная сущность, разсѣянная во вселенной, стеклась къ сродному, и вся собралась вокругъ себя; тогда, омыраемая прочимъ веществомъ стихій, необходимо затѣнялась, и эта тѣнь была тма. И сіе-то происходящее послѣдовательно, чтобы не приписатьъ кто какому либо самослучайному столкновенію, Моисей называетъ дѣломъ Бога, эту силу вложившаго въ творимое. Что естество огня быстро, приснодвижимо и стремится высирь, извѣстно это всякому изъ явленій. Что по сему началу предполагается словомъ разумѣть сіе послѣдовательно, то у Моисея описывается исторически въ видѣ повѣствованія: *и бысть вечеръ, и бысть утро* (Быт. 1, 5.). Ибо кто не знаетъ, что, поелію тварь понимается двояко, какъ нѣчто умопредставляемое, и нѣчто чувственное, то у законодателя теперь все попеченіе, не умопредставляемое описать, но въ явленіяхъ показать намъ устройство чувственнаго.

Поелію къ того же мгновенія, какъ начала составляться вселенная, огонь, подобно какой-то стрѣлѣ, отбрасываемый иносущественными стихіями, по легкости и стремительности высирь естественнаго ему движенія, изъ всего бытъ изгоняемъ, и съ равною мысли скоростію проникнувъ чувственную сущность, не могъ продолжать движенія по прямой чертѣ, потому что умопредставляемая тварь по необщности не входитъ въ смѣшеніе съ чувственнымъ, огонь

же есть нѣчто чувственное; то по сей причинѣ, достигнувъ крайнихъ предѣловъ твари, необходимо огонь совершаетъ кругообразное движеніе, вложенною въ естество его силою понуждаемый къ общему движенію со вселенной, (тогда какъ не имѣетъ для него мѣста движеніе по прямому направленію (потому что всякая чувственная тварь заключена въ собственныхъ своихъ предѣлахъ)) пролагаетъ себѣ путь по крайнему предѣлу чувственного естества, движась, гдѣ только удобно, (такъ какъ, по сказанному нами прежде, умопредставляемое естество не даетъ въ себѣ хода огню.)

Посему-то Моисей, послѣдовавъ мыслию за движеніемъ огня, говоритъ, что сотворенный свѣтъ не остался въ однихъ и тѣхъ же частяхъ міра, но, обтекая грубѣйшій составъ существъ, попеременно при сильномъ движеніи приноситъ частямъ несовершенно освѣщеннымъ свѣтлость, а освѣщеннымъ — мракъ. И можетъ быть, по временному протяженію такового преемства, совершающагося въ дольнѣй странѣ (разумѣю преемство свѣта и тмы), Моисей Богу также приписываетъ наименованіе дня и ночи, внушая о всемъ послѣдовательно происходящемъ не представлять себѣ, будто бы получило начало самослучайно, или отъ кого либо другаго. Посему говоритъ: *и нарече Богъ свѣтъ день, а тмѣ нарече ночь* (Быт. 1, 5.) Поелику свѣтоносная сила естественно не могла оставаться

въ покоѣ, когда свѣтъ проходитъ верхнюю часть круга, и стремленіе его было въ низъ, то при нисхожденіи огня лежащее выше необходимо покрывалось тѣнью, потому что лучъ вѣроятно омрачаемъ былъ естествомъ грубѣйшимъ. Потому удаленіе свѣта наименовалъ Моисей *вечеромъ*, и когда огонь опять поднимался съ нижней части круга, и снова простиралъ лучи къ верхнимъ частямъ, происходящее при семъ нарекъ онъ *утромъ*, наименовавъ такъ начало дня.

Но повторимъ нѣсколько сказаннаго выше, чтобы предложенное въ божественномъ Писаніи содѣйствовало намъ къ продолженію сдѣланнаго обозрѣнія.¹ О міробытіи прежде всего изрекло слово: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*. Поняли же мы это такъ, что слово означаетъ симъ совокупность состава существъ, указуя содержащимъ и на содержимое внутри; потому что крайнимъ предѣлами объемлетъ, конечно, и среднее. Крайніе же предѣлы для человѣческаго чувства суть небо и земля; такъ какъ ими съ той и другой стороны ограничивается человѣческій взоръ. Посему, какъ сказавшій: *въ руцѣ Его концы земли* (Пс. 94, 4.) разумѣлъ и средину между концами; такъ и Моисей упоминаніемъ о предѣлахъ дѣлаетъ указаніе на вещественную основу всего міра. Къ таковому же разумѣнію, утверждаемъ мы, содѣйствуютъ поставленныя въ срединѣ реченія;

ибо написано: *земля же бѣ невидима и не
 устроена* (Быт. 1, 2.); а изъ сего явствуетъ,
 что все уже было въ возможности при пер-
 вомъ *устремленіи* Божіемъ къ творенію, какъ
 бы отъ вложенной нѣкоей силы, осѣменяющей
 бытіе вселенной, но въ дѣйствительности не
 было еще каждой въ отдѣльности вещи. Ибо
 сказано: *земля бѣ невидима, и не устроена*; а
 сіе тоже значить, какъ еслибы сказать: земля
 и была, и не была; потому что не сошлись
 еще къ ней качества. Доказательствомъ сей
 мысли служить то, что, по Писанію, была она
невидима. Ибо невидимое не есть цвѣтность;
 а цвѣтность производится какъ бы нѣкимъ
 истеченіемъ образа на поверхность, образъ же
 не возможенъ безъ тѣла. Посему, если земля
 была невидима, то, конечно, и безцвѣтна, съ
 безцвѣтностію же подразумѣвается неимѣніе
 образа, и вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ неимѣ-
 ніе и тѣла. Слѣдовательно при начальномъ
 основаніи міра земля, какъ и все прочее, была
 въ числѣ существъ, но ожидала того, что дается
 устройствомъ качествъ, что и значить, придти
 въ бытіе. Писаніе, сказавъ, что земля была
невидима, показываетъ симъ, что никакого
 инаго качества не было еще при ней видимо;
 а наименовавъ *неустроенною*, даетъ разумѣть,
 что не была еще приведена въ огуствѣніе тѣле-
 сными свойствами.

Еще болѣе уясняется такая мысль писаніями

Симмаха, Осодотіона и Акилы. Одинъ сказалъ: «земля была праздною и безразличною»; другой: «она была пустота и ничто»; третій: «ничто и ничто». А симъ, по моему разсужденію, выражается, словомъ: *праздна*, что не была еще въ дѣйствительности, имѣла же бытіе въ одной только возможности, а словомъ: *безразлична*, что качества не были еще отдѣлены одно отъ другаго, и не могли быть познаваемы каждое въ особенностяхи и само по себѣ, но все представлялось взору въ какомъ-то слитномъ и безразличномъ качествѣ, не усматривалось въ подлежащемъ ни цвѣта, ни образа, ни объема, ни тяжести, ни количества, ни чего либо инаго сему подобнаго, отдѣльно въ себѣ самомъ взятаго. На ту же мысль указываютъ намъ слова: *пустота и ничто*. Ибо словомъ: *пустота* Осодотіонъ выразилъ способность вмѣстить въ себѣ качества; а изъ сего дознаемъ, что Творецъ вселенной предварительно далъ землѣ силу приѣмлемости качествъ: была же она какою-то ѱустотою, и ничего въ себѣ не имѣла, пока не восполнена качествами. Третіе же выраженіе Акилы, какъ отысканное имъ въ философіи Епикура, думаю оставить безъ разсмотрѣнія. Ибо и Епикуръ о первомъ началѣ существъ говоритъ нѣчто подобное, показывая таковыми реченіями, что не состоятельное естество атомовъ есть пустое слово, и ничего не значить: а это подобно выраженію: *ничто и ничто*.

Но возвратимся опять къ продолженію обозрѣнія. Когда огонь единожды обтекъ самый крайній предѣлъ чувственнаго естества, почему въ слѣдъ за симъ приходитъ въ бытіе твердь, о которой сказано, что она есть граница между верхними и нижними водами? Ибо думаю, что тверди, будетъ ли она одною изъ четырехъ стихій, или чѣмъ инымъ отъ нихъ, нельзя представлять себѣ, какъ воображала внѣшняя философія, тѣломъ твердымъ и упорнымъ; напротивъ того крайній предѣлъ чувственной сущности, по которому, по причинѣ приснодвигимой силы, круговращается естество огня, сравнительно съ вѣчнымъ, безтѣлеснымъ, неосязаемымъ свойствомъ, названъ въ Писаніи твердію. Кто не знаетъ, что все твердое сгущается по какому-то непремѣнно упорству; а сгущенное и упорное не свободно отъ качества тяжести; тяжелое же по естеству не можетъ быть стремящимся въспрьхъ. Напротивъ того твердь выше всей чувственной твари; потому сообразность съ разумомъ требуетъ не представлять о тверди чего-то грубаго и тѣлеснаго, но, какъ сказано, по сравненію съ умопредставляемымъ и безплотнымъ, все, что принадлежитъ къ чувственному, хотя по естественной тонкости избѣгаетъ нашего наблюденія, называется твердію. Посему, что было объято огнемъ во время его круговаго обращенія (объять же предѣлъ вещественной сущ-

ности), то, будучи однажды описано какимъ-то собственнымъ своимъ предѣломъ, по вещественной природѣ справедливо наречено твердо въ сравненіи съ тѣмъ, что ниже, по наименованю и небомъ, какъ и свѣту дано имя день, а тмѣ—ночь.

Раздѣленіе же водъ, разлучаемыхъ посредствомъ тверди, не противно сему предположенію и согласно съ Писаніемъ. Ибо сообразно съ утверждаемымъ послѣ сказаннаго о землѣ, написано: *тма верху бездны. и Духъ Божій пошашеся верху воды* (Быт. 1, 2.). Посему думаемъ, что Духу Божію столько же не возможно быть Дуломъ тмы, сколько чуждъ Онъ и всякаго зла. И на сіе можно представить тысячи изреченій святаго Писанія, что Богъ есть *святъ истинный* (Іоан. 1, 9.), и живетъ *во свѣтъ не пристурныймъ* (1 Тим. 6, 16.). А Дулъ Божій по естеству тоже, что и самъ Богъ. И если естество Бога и Духа одно, Богъ же есть свѣтъ, то, конечно, и Дулъ Божій также свѣтъ. Свѣтъ же, безъ сомнѣнія, и то дѣласть пребывающимъ во свѣтѣ, надъ чѣмъ носится. И вода, надъ которою носился Божій Дулъ, есть нѣчто иное, а не это въ низъ стремящееся естество текучихъ водъ; она твердо отдѣляется отъ тяжелой и въ низъ стремящейся воды. Если же въ Писаніи и она именуется водою (чѣмъ, какъ по высшему умозрѣнію догадываемся, означаетъ полнога умо-

представляемыхъ силъ): то никого да не смущаетъ сія подобостенность; потому что Богъ и онъ потребляя *есть* (Втор. 4, 24.), но понятіе о семъ огнѣ не имѣетъ вещественнаго значенія. Посему, какъ дознавъ, что Богъ есть ѿгонъ, представлялъ ты Его чѣмъ-то инымъ, а не этимъ видимымъ огнемъ, такъ наученный, что надъ водою носится Божій Духъ, представляй себѣ не это стремящееся въ низъ и текущее на землю естество: потому что Духъ Божій носится не надъ земнымъ и непостояннымъ.

Итакъ, чтобы яснѣе открылось намъ это понятіе, кратко повторимъ смыслъ сказаннаго, а именно: твердь, которая названа небомъ, есть предѣлъ чувственной твари, и за симъ предѣломъ слѣдуетъ нѣкая умопредставляемая тварь, въ которой нѣтъ ни образа, ни величины, ни ограниченія мѣстомъ, ни мѣры протяженій, ни двѣта, ни очертанія, ни количества, ни чего либо иного усматриваемаго подъ небомъ.

И никто да не подумаетъ о мнѣ, будтобы симъ въ моемъ воззрѣніи на реченія, понимая оныя иносказательно, ввожу смѣшеніе понятій, и чрезъ это соглашаюсь съ мнѣніями тѣхъ, которые прежде насъ имѣли подобный взглядъ, и говорю: бездною называются отпадшія силы, а подъ тмою верху бездны разумѣется міродержитель тмы. Никогда не соглашусь на та-

кую незаконную мысль, чтобы злобу представлять себѣ Божиимъ созданіемъ, когда Божіе слово вкратцѣ изрекło ясно: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се вся добра злы* (Быт. 1, 31.). Если добро все, что сотворилъ Богъ, бездна же, и что около нея, не виѣ созданнаго Богомъ; то слѣдуетъ, что и она, хотя есть бездна, въ собственномъ смыслѣ добра, хотя и не сіяетъ еще около сей бездны вложенный въ существа свѣтъ.

Посему, когда слышу въ Писаніи слово: *бездна*, утверждаю, что означается симъ множество водъ. Ибо такъ опредѣляется сіе слово и въ Псалмопѣніи, гдѣ сказано: *слышашася бездны, множество шума водъ* (Псал. 76, 17. 18.). А когда слышу, что около бездны тма, тогда представляю себѣ, что вложенная въ естество существъ свѣтоносная сила еще не явилась. Научаемый же Писаніемъ, что твердо произведено разлученіе водъ, думаю, не вопреки справедливости и значенію слова поступить, разлученіе водъ понимая такъ, что должно разумѣть подъ онымъ различное естество разлучаемыхъ водъ, убѣдиться, что одиѣ воды стремятся высирь легко, даже превосходятъ легкостію огонь: а посему, пребывая выше теплой сущности, не увлекаются движеніемъ того, что ниже ихъ, и теплою не приводятся въ противоположный порядокъ, но пребываютъ тѣмъ же не умаляясь, и круговращающемся

подъ ними огню не даютъ сквозь себя ника-
 кого прохода. Ибо какъ невещественному сдѣ-
 латься вмѣстительствомъ вещественнаго? Другія
 же воды суть тѣ самыя, которыхъ естество
 познаемъ и глазомъ, и осязаніемъ, и вкусомъ.
 Онѣ стремятся въ низъ, представляются проз-
 рачными, различаются вкусомъ по вложенному
 въ нихъ качеству: и воды сѣи подводитъ подъ
 какое либо другое понятіе не понуждаетъ есте-
 ство познаваемаго. А то, что названо также
 водами, но невидимо, не имѣетъ текучести,
 не объемлется вовсе ничѣмъ такимъ, чѣмъ
 обыкновенно сдерживается влажное естество,
 но какъ само внѣ мѣста, такъ и въ себя не-
 даетъ доступа всякому чувствомъ познаваемому
 качеству, потому что Духъ Божій носится надъ
 этимъ, и потому что признается это превыс-
 шимъ неба, и потому что пребываетъ внѣ всего
 познаваемаго чувствомъ, думаю, всякій изъ
 способныхъ судить, уносясь въ предположеніяхъ
 къ умопредставляемой сущности, представить
 себѣ чѣмъ-то инымъ, а не водою обыкновен-
 ною. Ибо на основаніи нами изслѣдованнаго
 припизъ мы къ той мысли, что все движимое
 заключено внутри умопредставляемаго естества,
 и имѣетъ обращеніе около себя самаго. Гра-
 ницею же движимому служить предѣлъ про-
 тяженнаго естества, за которымъ находится
 естество умопредставляемое и неизмѣряемое,
 свободное отъ свойствъ, мѣста и протяженія.

Посему о самомъ крайнемъ предѣлѣ чувственной сущности, далѣе котораго нѣтъ ничего подобнаго познаваемому въ видимомъ, утверждаемъ, что сей-то предѣлъ означается именемъ тверди; и сіе наше мнѣніе подтверждаетъ Писаніе, говоря: *и разлучи Богъ между водою, яже бы подѣ твердію, и между водою, яже бы надѣ твердію* (Быт. 1, 7.). Ибо симъ показывается, что и въ началѣ одна вода не была растворена другою, но при общности имени естество было не смѣшано; ибо говорится не то, что стало подѣ твердію бывшее выше тверди, но что одно было *подѣ твердію*, а другое нѣчто *надѣ твердію*. Если же въ самомъ началѣ опредѣлено занять положеніе одному въ низу во мракѣ, а другому не во мракѣ: ибо что въ Духѣ Божіемъ, то, конечно, во свѣтѣ и отдѣлено отъ мрака, а вмѣстѣ съ симъ было выше тверди, показавшейся посреди; то пусть разумный слушатель судить, удалось ли сколько нибудь слово наше въ сказанномъ отъ надлежащаго разумѣнія.

Таково сіе и подобное сему, что примышлено нами о первоначальномъ составѣ существъ, о томъ, почему свѣтъ по силѣ своей сущности не позднѣе существъ, хотя Писаніе прежде повѣствованія о свѣтѣ говоритъ о тмѣ, и таковы наши гаданія о тверди и о раздѣленіи водъ, естество которыхъ, раздѣленное на стремящееся въ низъ и на легкое, приводитъ

насть къ предположеніямъ, сообразнымъ съ каждымъ изъ подобоименно сказуемыхъ.

Когда же раздѣлены между собою воды и видимыя, и умопредставляемыя, и среднею гранью двоякаго естества водъ оказалось небо. о которомъ сказано, что приведено въ бытіе въ началѣ вмѣстѣ съ землею и со всѣмъ, положеннымъ въ основаніе устройству міра, а теперь довершено и наименовано при явленіи тверди, опредѣленной вращеніемъ огня; тогда второе круговращеніе свѣта снова стало вмѣстѣ и омрачать и освѣщать лежащую ниже часть. А сіе и наименовано, какъ одно за другимъ слѣдовало, въ совокупности же составило день. Въ слѣдствіе же сего по необходимости произошло въ тварь и свойство числа; потому что число не иное что есть, какъ сложеніе единицъ. Все же, представляющееся въ какомъ либо опредѣленномъ очертаніи, именуется единицею. Посему, такъ какъ кругъ, самъ себя опредѣляющій, со всѣхъ сторонъ полонъ; то Слово прекрасно чѣмъ-то единымъ наименовало одно обращеніе круга, сказавъ: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5.). И опять другое обращеніе назвало также единымъ: сложивъ же то и другое, составило два. Такъ Слово вмѣстѣ съ частями твари ввело и число, послѣдовательность въ порядкѣ означая числительными именами. Ибо говорить: *и бысть вечеръ, и бысть утро, день второй* (8.).

Когда сіе совершилось, естество существъ, держась послѣдовательности, снова производитъ, чему необходимо слѣдовало быть за произшедшимъ прежде. Но и сему Божію дѣлу предшествуетъ Божіе повелѣніе: потому что Моисей вездѣ обезопасиваегь нашъ умъ, чтобы ни одного изъ существъ не представлялъ себѣ состоявшимся безъ Бога, но удивленіе каждому изъ сотворенныхъ существъ возводило его къ Сотворшему.

Сказавъ, какъ вся свѣтоносная и огнистая сущность собственными своими качествами отдѣлилась отъ иныхъ существъ, Писаніе умоляло объ устроеніи воздуха, хотя въ естествословіи второе мѣсто послѣ поднявшагося вверхъ огня принадлежало воздуху, у котораго по легкости есть нѣкоторое сродство съ легкостію огня; и потомъ уже слѣдовало разсуждать объ естествѣ тяжеломъ: однако же Моисей ведетъ рѣчь о послѣднемъ, а не касается словомъ воздуха: не потому, что онъ ничего не привноситъ къ полнотѣ всего міра, и не потому, что лишенъ силы стихій, но, вѣроятно, потому, что при мягкости и уступчивости естества воздухъ въ себя принимаетъ каждое существо, даетъ его видѣть въ себѣ, а самъ не имѣетъ ни цвѣта собственнаго, ни образа, ни поверхности, но принимаетъ на себя и чужій цвѣтъ, и чужій образъ. Ибо при осіяніи его свѣтомъ дѣлается свѣтлымъ, а отѣняемый темнѣетъ,

самъ же по себѣ ни свѣтелъ, ни темень; принимаетъ на себя всякій образъ, окрашивается во всякій родъ цвѣтовъ, способствуетъ всякому движенію всего въ немъ движущагося. Легко уступаетъ тому, что въ немъ несется въ ту или другую сторону; и здѣсь и тамъ разсѣкаемый объемомъ движущагося, самъ собою возстановляется позади сего объема. Да и когда изъ сосуда льется, какая бы то ни была, влага, даетъ свободный ходъ выливаемому, и самъ собою на опорожненное мѣсто входитъ внутрь сосуда. И тысячи подобныхъ случаевъ доказываютъ мягкость и уступчивость воздушнаго естества. И такъ, поелику въ немъ совершается человѣческая жизнь, въ немъ заключена вся почти сила жизни, въ воздухъ заимствуетъ свою крѣпость дѣйственность чувственныхъ орудій; посредствомъ его и видимъ и слышимъ, чрезъ него также ощущаемъ пахучее, а переводеніемъ дыханія совершается главнѣйшее изъ жизненныхъ дѣйствій: переставшій дышать непременно перестаетъ вмѣстѣ и жить; то по сему самому премудрый Моисей не занялся естествословіемъ сей намъ близкой и сродственной стихіи, которою съ самаго рожденія питаемся, считая для насъ достаточнымъ по этой части учителемъ это прирожденное и родственное отношеніе естества нашего къ воздуху. Но что въ продолженіи творенія является въ воздухъ, то во всей подробности изобразилъ словомъ.

Премудрый и всестройный порядок создаваемых вещей, по прошествии втораго дня отдѣлюющій воду отъ земли, снова именуется Божиимъ глаголомъ и повелѣніемъ. Ибо дѣйствительно все совершаемое премудростію есть Божіе слово, не какими либо орудіями членораздѣльно изглашаемое, но изрекаемое самыми чудесами явленій. Земляная качественность была еще смѣшана съ естествомъ влажнымъ; посему кому иному было возможно до того огустить землю собственными ея качествами, что по приведеніи всѣхъ ея частей въ однородное, при сжатомъ и сгнетенномъ ея состояніи, выжата изъ нея заключающаяся влажность, вода же отдѣлена отъ земляной примѣси, и собралась вокругъ себя самой, заключенная въ земныхъ впадинахъ? И дѣйствительно сіе было дѣломъ Божія могущества и Божіей премудрости; потому и Моисей говорить, что чудомъ симъ управляло Божіе слово, издавшее повелительное нѣкое изреченіе; а какъ я о семъ разсуждаю, этимъ повелительнымъ изреченіемъ указуетъ Моисей на слово вложенное въ естество твари. Ибо говорить: *да соберутся воды въ собранія своя, и да явится суша* (Быт. 1, 9.). Смотри, вотъ необходимый порядокъ естества! Поелику извлечена изъ земли вода, то осушается отдѣленное отъ влажности, а поелику влажность неразтворена уже землею въ видѣ грязи, то вода необходимо остѣняется

какими-то водоемами, чтобы не утрачиваться ей по текучести естества, если бы ничто не препятствовало ей разлитію.

Но мнѣ не безвременнымъ кажется, сдѣлать опять упоминаніе о водахъ превышенебесныхъ. Если здѣсь для вмѣщенія водъ земля необходимо принимаетъ особый видъ, какъ бы въ нѣдра какія заключая ихъ текучесть, и собственно своею неподвижностію сообщая постоянство непостоянному естеству водъ; то какъ же она вода, если только она дѣйствительно вода, стоитъ на непостоянномъ, и на наклонномъ остается не разливающейся? Если предположимъ, что естество двухъ водъ одно и тоже; то по всей необходимости тоже самое, что видимъ въ здѣшнихъ водахъ, должны заключить и о пренебесныхъ. Слѣдовательно, небесный хребетъ изрытъ водотечами, покрытъ пропастями, на подобіе образовавшихся на землѣ между стремнинъ, чтобы вода держалась въ силъ впадинахъ. Посему, что скажутъ, когда кругообразное вращеніе полюса наклонить къ низу то, что теперь въ верху, развѣ придумаютъ какія на кругахъ крыши, чтобы повисшая вода не выпивалась изъ впадинъ?

Говорятъ: огонь расточителенъ, имѣетъ потребность въ какомъ либо веществѣ, которое бы непрестанно питаю пламень, чтобы не ослабѣвалъ онъ, при недостаткѣ горячаго вещества истребляя самъ себя. А я, хотя высо

кое слово нашего учителя соглашается на подобное мнѣніе, попрошу читателей, не оскорбляться, если вполнѣ поработаю себя предложенному выше въ семь обзрѣній существъ. У учителя была не та цѣль, чтобы собственныя свои мнѣнія непремѣнно поставить въ законъ слушателямъ, но чтобы ученіемъ своимъ содѣлаться для учаемыхъ нѣкимъ путемъ къ истинѣ. Посему и мы, заявившись оставшимися послѣ него уроками, имѣемъ въ виду сообразное съ ними. И это наше слово, если только окажется вѣроятнымъ, да будетъ приписано мудрости учителя. Итакъ что же заключимъ о предложенномъ возраженіи?

Не въ огнѣ только и водѣ усматриваемъ противоположныя качества, но и въ каждой изъ стихій непремѣнно можно найти въ свойствахъ ея нѣкую борьбу противоположностей. Какъ въ упомянутыхъ стихіяхъ холодному противоборствуетъ теплота, влажному сухость; такъ опять въ другомъ отношеніи въ землѣ и воздухѣ представляются взаимно одно другому противоположныя качества: твердость и разрѣженность, упорство и уступчивость, и все иное, что въ каждой изъ сихъ стихій въ отдѣльности познается изъ противоположнаго. Посему, какъ не льзя сказать, что въ сихъ стихіяхъ одна питается другою противоположною; потому что съ уменьшеніемъ тяжелаго не возрастаетъ легкость воздуха, плотность земли не произво-

дять разрѣженія въ противоположной стихіи, прочія свойства земли своею утратою не питають качествъ воздушныхъ; такъ, скажетъ иный, влажное и холодное, хотя противоположны теплomu и сухому, однакоже не питаются взаимнымъ исправленіемъ другъ друга, и возможность быть которому либо одному изъ сихъ качествъ состоитъ не въ возможности не быть другому. Въ такомъ случаѣ, если бы сохраненіе того и другаго качества имѣло возможность только при истребленіи обоихъ двухъ, не могли бы существовать ни то ни другое; потому что въ каждомъ равна сила къ истребленію другаго, и всегда избыточество преобладающаго служить уничтоженіемъ для недостаточнаго. А что сіе положеніе истинно, можно дознать это изъ самаго опыта. Когда какое либо вещество охватитъ огонь, потомъ будетъ введена въ дѣло вода: тогда ясно можно видѣть взаимное истребленіе двухъ силъ стихій; преобладающая изъ нихъ уничтожаетъ другую, такъ какъ каждая равно уступаетъ могуществу сближающейся съ нею. А пока силы въ обѣихъ равномѣрны, одинаково производится обѣими взаимное другъ другомъ уничтоженіе, ни одна другою не питается, но обѣ одна другою уничтожаются. Какъ о пожирающихъ другъ друга звѣряхъ неестественно сказать, что истребляемые другъ другомъ звѣри другъ другомъ живутъ; такъ противленіе влажнаго сухому не

моглобы ни того, ни другаго сохранить въ бытіи, если бы гибель одного питала другое.

Но мнѣ кажется, хорошо будетъ, держась послѣдовательности мысли, продолжить намъ слово свое такъ: поелику *вся елика сотвори Богъ, добра зъло* (Быт. 1, 31.); то утверждаю, что въ каждомъ изъ существъ должно быть усматриваемо совершенство добра. Ибо при-
 \ совокупленіе слова: *зъло*, усиливая значеніе, ясно показываетъ, что нѣтъ никакого недостатка въ совершенствѣ. Какъ въ цѣломъ родѣ животныхъ, хотя можно видѣть между ними тьмочисленныя различія породъ, однакоже утверждаемъ о каждой породѣ, что соотвѣтствуетъ она общему одобрительному о существахъ приговору, а именно, что они равно *добра зъло*: потому что одобреніе относится не къ видимому; будутъ ли это многоножка, земная лягушка, животныя родящіяся отъ гніенія нечистотъ, и они *добра зъло*. Поелику Божественное око взираетъ не на внѣшній видъ сотвореннаго, то не по доброцвѣтности, не по благообразію опредѣляется доброта, но потому что каждое существо, каково оно ни есть, имѣетъ въ себѣ совершенное естество. Ибо не быть быкомъ не значить быть конемъ: напротивъ того въ каждомъ изъ нихъ естество соблюдаетъ само себя, пріобрѣта особенныя причины къ особенному своему пребыванію, не въ разрушеніи естества почерпая силу, но имѣя ее для поддержанія бытія.

Такъ и стихіи, хотя иначе относятся одна къ другой, но каждая сама по себѣ *добра злы*; потому что каждая сама по себѣ, по особенному для нея закону, исполнена добра. Земля есть добро; потому что не имѣетъ *нужды въ гибели воздуха*, чтобы ей быть землею, но пребываетъ съ собственными своими качествами, соблюдая себя естественною, отъ Бога вложенною въ нее, силою. Добро и воздухъ; для продолженія своего бытія не требуетъ онъ, чтобы не было земли; но довольствуется тѣми силами, какія въ немъ по естеству. Такъ и вода—добра *злы*, и огонь—добръ *злы*, потому что и вода и огонь имѣютъ полноту по собственнымъ своимъ качествамъ, и силою Божіей воли въ особыхъ для нихъ мѣрахъ первоначальнаго бытія пребываютъ постоянно. Земля, сказано, *во-вѣкъ стоитъ* (Еккл. 1. 4.), не умаляясь и не прибывая. Воздухъ сохраняется въ особыхъ для него предѣлахъ; огонь не убываетъ. Почему же изъ всѣхъ существъ одна только вода принадлежитъ къ вещамъ истощаемымъ? И еще притомъ, когда усматриваемъ, что огненная сущность и сила велики въ сравненіи съ существами, въ ясное доказательство чего любомудрствовавшими о превысшреннемъ приводится то, что солнце во много кратъ больше земли; такъ что не на дальнее разстояніе въ воздухъ простирается тѣнь ея, по превосходству солнечной вели-

чины въ потокѣ солнечныхъ лучей принимающая видъ конуса. Посему, если одно столько мало въ сравненіи съ другимъ, что вода, измѣренная вмѣстѣ со всею землею, есть малая часть солнечной величины, то на сколько времени досталобы этой малости для истощенія такому огню? Но видимъ, что море всегда равно полно, и теченіе рѣкъ пребываетъ въ своихъ размѣрахъ, и такой опытъ свидѣтельствуешь, что влага нисколько не истощается. Но какъ первоначально не истребленіемъ влажности приведенъ въ бытіе огонь, но сотворенъ тою же, что и влажность, сплюю; такъ сообразно съ первоначальнымъ устройствомъ стихій навсегда сохранится продолженіе ея бытія, и огонь для своего продолженія не потревожитъ влажнаго естества.

Говорятъ: нерѣдко видимъ, что земля бываетъ увлажнена дождемъ; а потомъ, какъ скоро солнце сильнѣе пригрѣетъ открытое лучамъ его, земля, незадолго бывшая мокрою, дѣлается сухою. Гдѣже тутъ влажность, продолжаютъ, если истребила ее совершенно теплота луча? Поэтому, ужели скажутъ, что вода, если изъ одного горшка перелита въ другой, и полный сосудъ сталъ вдругъ пустымъ, потому что нѣтъ ея въ одномъ сосудѣ, а стала она въ другомъ, вовсе не существуетъ? А что бываетъ въ этомъ случаѣ, то предполагая и о сказанномъ выше, никто не погрѣшитъ про-

тивъ справедливости. Ибо равно возможно, перелиться влагѣ изъ одной вмѣстимости въ другую, и испарившейся мокротѣ изъ земли подняться въ воздухъ: такъ какъ влага естественнымъ образомъ возгоняется въ верхъ, когда теплота верхняго слоя мелкими частями влечетъ ее изъ земли къ себѣ. Признакомъ совершающагося при семъ служить, что нерѣдко, при выхожденіи изъ земной глубины паровъ болѣе грубыхъ, кажется текущимъ нѣкое подобное облаку вещество, и густота паровъ бывасть такова, что она видима и для глазъ. А иногда можетъ быть испареніе мокроты, состоящее изъ такихъ мелкихъ частей, что тонкостію оно нѣкоторымъ образомъ равняется воздуху, и тогда только дѣлается явнымъ для взоровъ, когда испареніе таковыхъ влагъ сложится само съ собою, и такимъ образомъ чрезъ сгущеніе обратится въ облако: почему снѣжки и парообразныя влаги до времени по легкости плаваютъ въ воздухѣ и носятся вѣтрами; но, если, по взаимному между собою сродству влаги, слившись вмѣстѣ, дѣлаются болѣе тяжелыми, то принимаютъ видъ капли, падающей изъ воздуха на землю. Итакъ теплота не истребила того, что извлекла изъ земли, но изъ этого самаго составилось облако, а сгустившееся облако стало водою, которая, опять смѣшавшись съ землею, обратилась въ паръ, а паръ, принявъ видъ облака, сдѣлался

дождемъ; и изъ дождя земля опять породила пары; пары же, сгустившись въ составъ облаковъ, излились, и излившееся снова возвращено воздуху въ парахъ; и такимъ образомъ составляется какой-то кругъ, около самаго себя обращающійся, и всегда дѣлающій одни и тѣже обороты. Укажешь ли на растѣнія и почки растѣній.—всѣ идетъ тѣмъ же кругомъ. Влага по растѣніямъ или сѣменамъ стекается въ почки: и если входитъ вмѣстѣ съ нею что либо земленистое, оставивъ это въ объемѣ питаемаго, когда то, что внизу изсушено окружающимъ, снова испаряется въ однородное съ собою. Воздухъ, будучи разрѣженъ въ своихъ частяхъ, которыя тоньше самыхъ тонкихъ частицъ пара, все находящееся въ немъ уступаетъ сродному. Такъ и пыль, если много разсѣяно ея въ воздухѣ, опять возвращается землѣ. И влага не истребляется, но непременно находитъ что либо сродное и близкое себѣ, кружащееся въ воздухѣ, къ чему прильнувъ и возрастая отъ присовокупленія подобныхъ частицъ, снова принимаетъ на себя объемъ облака; а такимъ образомъ въ видѣ кашель возстановляется въ свое собственное естество. Почему повсюду и во всемъ, что видимо въ мірѣ стихійнаго, сохраняется въ одной и той же мѣрѣ, какую первоначально установила для каждаго существа премудрость Создателя къ благоустройству вселенной.

Но знаю слѣдующее возраженіе: часто во время сильнаго зноя можно видѣть какія-то разсѣянные въ воздухѣ облака, которыми, если кто долѣе на нихъ посмотритъ, можетъ нѣсколько опровергнуть сіе положеніе, что влажное естество нимало не истребляется. Ибо скупленные отрывки облака, во множествѣ разсѣянные въ воздухѣ, сперва уменьшаются въ объемѣ, сожигаемые ^ипревозмогающимъ жаромъ, потомъ совершенно уничтожаются, попавшіе зноемъ, такъ что не сохраняется и малаго какого либо остатка по изсушеніи влаги жаромъ. А въ этомъ не лзя успокоить себя сказаннымъ о парахъ. Ибо то, что выше облаковъ и этого мутнаго и порываемаго вѣтрами воздуха, по тонкости своего естества имѣетъ такое раствореніе, что не принимаетъ въ себя ничего тяжелаго. Напротивъ того всѣ пары и куренія предѣломъ стремленія своего вверхъ имѣютъ тотъ грубый отчасти слой окружающаго землю воздуха, которому неестественно подниматься вверхъ; потому что тонкимъ и эфирнымъ не пріемлется ничто грубѣйшее. Такъ и описывавшіе вершины нѣкоторыхъ самыхъ высокихъ горъ говорятъ, что онѣ всегда выше облаковъ и недоступны вѣтрамъ, и птицамъ невозможно также взлѣтать туда, какъ и воднымъ животнымъ жить въ воздухѣ. А всѣмъ этимъ ясно доказывается, что въ воздухѣ, и именно въ верхнемъ его слоѣ, есть предѣлъ,

который всѣмъ грубѣйшимъ испареніямъ поднимаящимся съ земли служить остановкою. Посему-то до лѣтней поры на вершинахъ горъ остается снѣгъ нетаяющимъ, такъ какъ составленіе паровъ постоянно охлаждаетъ тамъ воздухъ. Да и огневидныя полосы, которыя называютъ иные падающими звѣздами, по естествословію мудрыхъ проесядутъ отъ тойже самой причины. Когда усиленіемъ какихъ-то вѣтровъ часть грубаго и наполненнаго разными веществами воздуха бываетъ занесена въ эфирный его слой, поднявшееся вверхъ немедленно воспламеняется, и этотъ текущій пламень несется по направленію данному вѣтромъ: когда же вѣтеръ утихнетъ, угасаетъ вмѣстѣ и пламень. Итакъ не лѣзя сказать, что, по уничтоженіи облака вѣтромъ, снова составляются пары, и поэтому согласно съ сказаннымъ о парахъ посящихъ внизу надѣяться на возстановленіе истребленной влаги, необходимо же согласиться съ тѣми, которые учатъ, что влага сгараетъ и обращается въ ничто.

Но я, хотя убѣждаюсь, что влажность въ парахъ уничтожается прензбыткомъ жара, почитая признакомъ человѣка суетнаго и спорливаго противорѣчить тому, что явно; однакоже, поелику при обслѣдованіи истины со всѣхъ сторонъ надлежитъ ничѣмъ не утомляться, тѣмъ не менѣе утверждаю, что мѣра влажнаго естества сохраняется не умаленною, и пздер-

живаемое всегда непремѣнно восполняется въ замѣнѣ недостающаго. А таковое мнѣніе дѣлается для меня твердымъ слѣдующее. Въ дѣйствіи огня у насъ дознаемъ по опыту, что огонь поядаетъ не всѣ качества вещества, но то одно, которое можетъ охватить. Скажемъ напримѣръ о веществѣ масла; когда оно отдѣлено отъ холоднаго качества, тогда влага изъ этого вещества удобно извлекается теплотою огня, и обращается въ пламень. Но не въ пламень только одинъ измѣняется масло огнемъ, а и влага въ огнѣ, производимомъ масломъ, послѣ огня, какъ говорятъ, дѣлается сухою пылью; что ясно доказываетъ дымъ отъ свѣтильника, очерняющій то, что надъ пламенемъ; и если дымъ идетъ долго, то на очерненномъ имъ мѣстѣ образуется толстый слой. Откуда явствуется, что масло, высушенное огнемъ, измѣняется въ тонкія и непримѣтныя частицы, въ такомъ видѣ переходитъ⁶ въ воздухъ, и оттуда осѣдаетъ на землю. А что въ воздухѣ происходитъ разліяніе изъ тонкихъ частицъ состоящаго дыма, это доказывается тѣмъ, что очерняются даже ноздри вдыхающихъ этотъ воздухъ, а нерѣдко и внутренній, изъ груди выдыхаемый, воздухъ оказывается чернымъ, потому что и онъ окрашивается цвѣтомъ дыма, входящимъ во внутренность при вдыханіи воздуха. Итакъ явствуется изъ сего, что, хотя влага масла претворяется въ сухость, однакоже

вещественный объемъ, будучи разсѣянъ въ воздухъ въ видѣ тонкихъ и непримѣтныхъ частицъ, не уничтожается до небытія. Посему, что дознали мы объ этой влагѣ изъ дѣйствительнаго опыта, а именно, что влага измѣняется только въ сухость, вещественное же не уничтожается совершенно,—если сіе же самое представить кто и о всякой влагѣ, не погрѣшитъ противъ справедливости. Ибо явно, что цѣлое состоитъ изъ частей. А что дознаемъ о части, тому научаемся и о цѣломъ. Никто же и самый спорливый не будетъ противорѣчить, что влажность въ родовомъ понятіи одна. Но влажность масла, сожженная огнемъ, сдѣлалась тонкою пылью. Значить и всякая влага, бывъ въ огнѣ, перемѣняетъ качество частей, изъ влажнаго дѣлаясь чѣмъ-то сухимъ, а не уничтожается вовсе.

Поелику облако есть сгущеніе пара, а паръ—разложеніе влаги на тонкія частицы; то, когда облако сожжено пламенемъ, этому тонкому и недѣлимому объему пара, хотя и не сохранить онъ влажнаго качества, по всей необходимости должно не обращаться въ ничто, и не дѣлаться чѣмъ-то невозстановимымъ. Четыре качества усматриваются въ парѣ: влажность, холодность, тяжесть, величина. Изъ сихъ качества противоположныя огню могуществомъ преобладающаго уничтожаются. Ни влажность, ни холодность, бывъ въ огнѣ, не остаются таковыми.

Но величина сродна и съ сущностію огня; ибо онъ бываетъ видимъ въ количественномъ; количественное же не противоборствуетъ количеству. Посему, если у пара сохраняется величина и отдѣленная отъ качества влажности и холодности; а при величинѣ сохраняется также и качество тяжести, существенно заключающееся въ естествѣ пара (тяжесть обыкновенно равно принадлежитъ и влажному и сухому): то умъ нашъ, держась строгой послѣдовательности, не затруднится познать, какъ вода, ставъ землею, въ слѣдствіе того, что пары перемѣняютъ качество, пріемлетъ подобовидное естество. Ибо сухость и тяжесть свойственны качеству усматриваемому въ землѣ, а въ сіе-то и претворяется сожженный паръ.

И мнѣ кажется, что положившимъ сіе начало, хорошо будетъ не оставлять послѣдовательности изслѣдованія, къ которой естественнымъ образомъ придетъ сіе обозрѣніе, руководя къ истинѣ. Ибо и море, по видимому, всегда пребываетъ въ своихъ предѣлахъ по тому самому, что, какъ всегда происходитъ въ немъ небольшое прибавленіе воды, такъ и вода въ видѣ паровъ исчерпывается въ верхніе слои воздуха согрѣвающею теплотою, которая, подобно кровососному рожку, поднимаетъ вверхъ тончайшія части влажнаго естества.

Сему разсужденію противорѣчить, повидимому, холодность окружающаго воздуха въ

странахъ средиземныхъ и сѣверныхъ, потому что море не нагрѣвается тамъ сильно, и не бываетъ образованія паровъ; но это возраженіе можно отстранить двойнымъ умствованіемъ. Во первыхъ тѣмъ, что море повсюду одно и само въ себѣ непрерывно, хотя дѣлится на тысячи водоемовъ, но взаимное ихъ сообщеніе нигдѣ не пресѣкается, почему, если на югѣ отъ всегдашняго присутствія теплоты испареній больше, то происходящее тамъ уменьшеніе водъ даетъ себя чувствовать въ странахъ холодныхъ, и вода перетекаетъ сама собою, по естественному стремленію всегда двигаться въ низъ. А потомъ равно сіе подтверждается и тѣмъ, что всякое море, изъ какой бы воды ни было составлено, солоно въ слѣдствіе образованія паровъ; потому что особенное свойство естества соли есть сухость. А если одно и тоже качество равно растворено во всемъ морѣ; то значить, что соленость во всякой части моря одинаково производитъ свойственное ей; ибо каждое естество непременно производитъ соотвѣтственное собственной ея силѣ. Какъ огонь жжетъ, снѣгъ холодитъ, медъ сладитъ, такъ соли сушатъ. Итакъ, поеліику въ моряхъ повсюду примѣшано сушащее естество солей, какъ сіе предувѣдала Божественная премудрость для удобнѣйшаго образованія паровъ (соленость, превозмогая надъ влажнымъ заключающеюся въ естествѣ ея сухостию, вытѣсняетъ

и изгоняетъ изъ моря все, что въ водѣ состоитъ изъ тонкихъ частей); то не противно будетъ справедливости думать также, что повсюду происходитъ трата влаги, потому что воздухъ псчерпываетъ море парамн.

Но что всякая воздушная влага дѣлается облакомъ, и оттуда изливаются на землю дожди, это показало предшествующее слово, этому научаетъ и пророчество, восписуя таковое дѣло Богу, когда говорить: *призывай воду морскую, и разливай ю на лице земли* (Амос. 5. 8.), и иное многое. И что всѣ облака возгораются, и совершенно сгораютъ отъ теплоты, которая выше ихъ, дознали мы это изъ дѣйствительности. Посему остается не упустить изъ виду возраженія, которое естественно возникаетъ передъ нами изъ сказаннаго. Ибо нѣкій на основаніи прежнихъ изслѣдованій скажетъ: изъ примѣра, что бываетъ съ масломъ, дознали мы, что вещественное въ предметѣ и по сгорѣніи не погибаетъ, а переходитъ въ воздухъ, измѣненное дѣйствіемъ огня; но по уничтоженіи влаги противоположнымъ качествомъ возможно ли влажному естеству навсегда оставаться неумаляемымъ, когда сущность теплоты непрестанно пожигаетъ влагу въ парахъ; и превращаетъ въ качество сухости, какъ на основаніи изслѣдованій показало сіе обозрѣніе? Посему, если влага испаряется, и влажность, будучи въ парахъ раздѣлена на тонкіе и недѣлимые уча-

стки, дѣлается удобоуловимою для теплоты; то, по переходѣнн влаги въ сухое качество, по всей необходимости должно признать болѣе истиннымъ то положеніе, что есть нѣкое обиліе водъ, изъ котораго всегда восполняется истраченное огнемъ. А, можетъ быть, въ подтвержденіе такого мнѣнія и изъ Писанія позаимствуемъ нѣкое свидѣтельство объ отверзшихся небесныхъ *хлябяхъ* (Быт. 7. 11.), когда надлежало стать всей землѣ подъ водою, всякой вершинѣ горъ быть въ великой водной глубинѣ.

Но утверждаю, что возраженіе, взятое изъ Писанія, можно отстранить другимъ Писаніемъ. Ибо знаю, какое употребленіе Божественныхъ реченій обычно Писанію. Чтѣ означаетъ оно словомъ: *отверзть*, и на чтѣ указываетъ словомъ: *заключить*? Ибо явно, что отверзается заключаемое, и заключается отверзаемое. Такъ, когда во времена Иліи усилилась засуха, Писаніе говоритъ: *заключися небо три лѣта и мѣсяцъ шесть* (Лук. 4, 25.). Думаю, что выраженіе Писанія: *хляби небесныя отверзошася* употреблено въ томъ же смыслѣ, въ ~~такомъ~~ ^{такомъ} и сіе: *заключися* небо во время бездождія. Но тогда, по молитвѣ Иліи явившееся изъ моря облако (3 Цар. 18, 44.) отверзло имъ небо пролитіемъ дождя. А симъ ясно показывается, что тогда не разверзшаяся небесная твердь излила дождемъ такъ называемыя надъ твердію воды, но

Писаніе называетъ небомъ окружающій землю воздухъ, опредѣляющій собою мѣсто парамъ, то есть предѣлъ тончайшему естеству того, что надъ нимъ, далѣе котораго не имѣетъ никакой силы восходить ничто болѣе тяжелое, ни облако, ни вѣтеръ, ни паръ, ни испареніе, ни птица. Посему, что у насъ надъ головою, то Писанію обычно называть небомъ; такъ птицъ летающихъ въ семъ воздухѣ называетъ небесными (Быт. 1, 26.). Но если это дѣйствительно такъ; то слово наше не рѣшило еще другаго вопроса; почему претвореніе паровъ въ сухость не умаляетъ влаги, утрачиваемой отъ преобладанія теплой сущности. Но для сего хорошо будетъ изобрѣсти иной ходъ умствованія, согласный съ воззрѣніемъ сего слова; и можетъ быть, при люботрудной внимательности удастся намъ не погрѣшнить въ предположеніи приличномъ предмету разсужденія.

Слышу пророчество, въ которомъ изображается величіе могущества Божія чудесами въ твари; оно говоритъ: *кто изльри рукою воду, и небо пядію, и всю землю горстію? Кто постави горы въ мѣриль и холми въ вѣсь* (Ис. 40, 12.)? Сими словами, думаю, Пророкъ ясно научаетъ, что каждая изъ стлхій описуется особенными мѣрами: потому что содержительная Божія сила, которую Пророкъ именуетъ рукою, горстію, пядію, каждое изъ существъ

особымъ образомъ заключаетъ въ должную мѣру. Посему, если небо измѣряется Божіею сплюю, вода рукою, вся земля горстію, и холмы взвѣшены, и горамъ опредѣлено явное мѣрило; то по всей необходимости каждому существу должно оставаться при собственной своей мѣрѣ и при своемъ мѣрилѣ, такъ что не можетъ произойти ни увеличенія, ни сокращенія въ томъ, что отмѣрено Богомъ и объемлется Его могуществомъ. Поэтому, если пророчество свидѣтельствуешь, что въ существахъ не бываетъ ни прибавленія, ни умаленія, то каждое непременно навсегда остается при собственной своей мѣрѣ, даже когда естество существъ оказывается измѣнчивымъ, все предлагающимъ въ то или другое, каждую вещь переначивающимъ въ что либо иное, и изъ этого снова посредствомъ преложения и переначиванія приводящимъ обратно въ то, чѣмъ была первоначально.

Но что влажный паръ, бывъ въ пламени, переходитъ въ земленистое качество, горѣніемъ будучи преложень въ нѣчто сухое, это въ сказанномъ выше достаточно дано разумѣть представленнымъ въ примѣръ масломъ, и послѣ сего надлежитъ разсмотрѣть, точно ли, по измѣненіи вещества пара въ противоположное качество, возможно оставаться вверху этому остатку пара, какъ замѣчаютъ въ одномъ мѣстѣ слово сіе, претворенному горѣніемъ въ нѣчто тончайшее и непримѣтное?

Думаю, что по извѣстнымъ вамъ примѣрамъ можно заключать и объ этомъ. Ибо здѣсь тонкія частицы дыма не навсегда остаются носящимися въ воздухъ, но по разрѣженности воздуха слюдятся съ сроднымъ, окрашивая собою землю, стѣны и дерево на крышахъ. Посему, сообразно съ симъ, и о парѣ также можно предполагать, что и онъ, поднятый вѣтрами вверхъ въ выпрепнѣй и пламенѣющій слой воздуха, при претвореніи влажнаго качества сохраняетъ вещественность, а сдѣлавшись сухимъ, привлекается къ сродному, и возеращается землѣ. Ибо въ каждое изъ существъ съ естествомъ вложена сила притягивать свойственное ему; посему нѣтъ никакой несообразности сдѣлать такое предположеніе, что паръ, дѣлаясь какимъ-то сухимъ и земленистымъ, по сему качеству примѣшивается къ сухости земли. Посему, если бы всякое естество влажной сущности было масленистое: то по грубости сего качества горѣніе обращало бы цвѣтъ таковыхъ паровъ въ чернѣй, и происходящее было бы для всѣхъ явно, будучи доказываемо принимаемымъ видомъ. Но послѣку въ парахъ воднаго естества производится что-то самое тонкое и прозрачное, и они, по доказанному выше, вошедши въ огонь, влажное качество мѣняютъ на сухое; то, если мысль наша и признаетъ это чѣмъ-то существеннымъ, но всей необходимости должна сіе вѣчто, тон-

кое, убѣгающее отъ нашего наблюденія, представлять чистымъ и воздухообразнымъ. Но если кто признаетъ чувство болѣе достовѣрнымъ, нежели понятіе разума, и старается глазами усмотрѣть оныя недѣлимыя и непримѣтныя величины: то желающему можно видѣть, что воздухъ наполненъ такими частицами, когда солнечный свѣтъ, входя въ окно, сдѣлаетъ болѣе явственною ту часть воздуха, которая освѣщена лучемъ. Ибо что недоступно для глазъ въ прочей части воздуха, то при помощи луча усматривается въ безконечномъ множествѣ вращающимся въ воздухъ. Посему, кто остановитъ на этомъ глазъ, тотъ найдетъ, что потокъ тонкихъ оныхъ частицъ всегда стремится въ низъ. Открывающееся же въ части воздуха служить доказательствомъ, что и во всемъ происходитъ подобное сему, потому что все само себѣ подобно, и цѣлое составляется изъ частей. А если потокъ сихъ тонкихъ и недѣлимыхъ частицъ во всякое время стремится по воздуху къ землѣ; явно же, что не зѣирное что либо, будучи раздроблено на сіи частицы, разсыпается въ воздухъ: потому что естество огня не подвергается раздробленію и разліянію на тонкія части; то по всей необходимости должно увѣриться, что опускается въ низъ вещество того самого, что показано было въ семъ словѣ восходящимъ въ парахъ, и что влаги. какія привлечены были

естествомъ теплоты, будучи сожжены и сдѣлавшись землянистыми, не удерживаются долѣе огнемъ, но опять возвращаются землѣ. Такъ пища, по измѣненіи ея въ насъ перевариваніемъ въ нѣкое тонкое качество, къ какой части тѣла приблизится во время пищеваренія, той части переваренное и дѣлается прибавленіемъ. И поелику многообразна разность членовъ въ составѣ тѣла по сухости и влажности, по теплотѣ и холодности; то при какомъ бы членѣ часть пищи ни находилась, дѣлается тѣмъ самымъ, что этотъ членъ по природѣ своей; потому что онъ, овладѣвъ благовременно, себѣ усволяетъ тонкость перевареннаго: подобнымъ сему образомъ происходитъ изъ недѣлимыхъ оныхъ величинъ непрестанно совершающееся нечувствительное приращеніе на землѣ. Почему прилипающее ко всякому предмету, чѣмъ бы ни было по сущности приѣмлющее, въ то естество измѣняется, и дѣлается въ землѣ землею, въ пескѣ пескомъ, въ камнѣ камнемъ, во всемъ всѣмъ; какимъ бы изъ твердыхъ веществъ ни было пріѣвшее, принятое превращается въ овладѣвшее имъ. Если же кто твердость камня признаетъ не допускающею такого приращенія; то при всей послѣдовательности нашего разсужденія не почитаю должнымъ спорить съ думающими такъ; потому что ихъ разсужденіе не будетъ имѣть никакой силы, если предположимъ, что этотъ падаю-

ній сверху потокъ землистыхъ частицъ отъ того, что не пріемлетъ ихъ, вѣтры переносятъ къ сродному.

Но ный, можетъ быть скажетъ, что слово наше опускаетъ изъ вида собственную свою цѣль, и предположивъ доказать, что влажное естество навсегда пребываетъ въ первоначальной своей мѣрѣ, само того не примѣчая, ведетъ къ противному заключенію. Ибо остается ли въ огнѣ возгоняемое вверхъ, или ставъ сухимъ опять возвращается на землю, въ томъ и другомъ случаѣ будетъ равное умаленіе воды, и тѣмъ неменѣе симъ разсужденіемъ доказывається необходимость прензбытка влаги, по причинѣ всегдашней непремѣнной ея убыли. Посему слову нашему необходимо будетъ снова разсмотрѣть естество существъ, чтобы въ немъ разсужденіе наше открыло намъ путь къ предположенной цѣли.

Посему какое же это естество? Изъ стихійныхъ существъ, видимыхъ въ составѣ надземнаго міра, Создателемъ всяческихъ ничто не сотворено непреложнымъ и неизмѣннымъ, но все одно въ другомъ существуетъ, другъ другомъ поддерживается; потому что прелагающая сила какимъ-то круговымъ вращеніемъ все земное прелагаетъ изъ одного въ другое, и изъ премѣннаго въ другое приводитъ снова въ то, чѣмъ было прежде. А какъ сіе измѣненіе въ стихіяхъ совершается непрестанно,

то необходимо всему переходить изъ одного въ другое, другъ отъ друга удаляясь, и снова въ равной мѣрѣ другъ съ другомъ сближаясь. Ибо ничто изъ сего не можетъ сохраняться само собою, если не поддержитъ естества примѣшеніе инороднаго.

Какъ же, спроситъ иной, прелагающая и измѣняющая сила совершаетъ круговой путь по четыремъ стихіямъ? Ибо не всѣ они происходятъ одна изъ другой, и кругъ измѣненія не равно проходитъ каждымъ изъ существъ. Но хотя вода изливается въ воздухъ парами, а пары, наплавъ собою пламень, снова оземляются, по сообщеніи съ огнемъ сдѣлавшись чѣмъ-то подобнымъ пеплу: однакоже земля, принявъ ихъ въ себя, останавливаетъ на себѣ ходъ сего измѣненія. Ибо не изслѣдовано еще объ ествѣ воды, изъ земли ли оно имѣетъ свое происхожденіе. Итакъ остается разсудить, возможно ли землѣ превратиться въ естество воды. Конечно же никто не обвинитъ насъ въ многословіи, если войдемъ, сколько можно, въ изслѣдованіе того, что требуетъ сего въ слѣдствіе сказаннаго.

Такъ видимъ многія сухія вещества, которыя по какой-то естественной особенноти увлажняются сами собою, какъ напримѣръ можно сіе примѣчать на соли, на металахъ и на веществахъ, составляемыхъ изъ какой либо сожженной влаги, отличительнымъ свойствомъ ко-

торыхъ есть сухость, но, если коснется ихъ какая мокрота, дѣлаются они влажными, и сухость перемѣняютъ въ себѣ въ влажное качество. Такъ знаю, что естество меда отъ поджариванія дѣлается нѣкоторымъ образомъ сухимъ, и опять отъ какого либо обстоятельства разлагается во влагу. Но оставляю это, потому что лучше на основаніи какого либо необходимаго начала придать послѣдовательность положенію.

Знаемъ, что въ каждой изъ стихій не одно качество, которымъ восполняется составляемое изъ сей стихій, и отдѣляется отъ того, что изъ противоположной стихій, но каждая вещь познается подъ различными качествами, изъ которыхъ одни не сообщимы другъ съ другомъ, а другія равно свойственны и приличны качествамъ взаимно между собою борющимся; на примѣръ: въ землѣ и въ водѣ не смѣшиваются между собою сухость и влажность; но въ каждой изъ сихъ стихій въ равной мѣрѣ есть холодность, нѣкоторымъ образомъ соединяющая собою взаимно борющееся. Опять вода отдѣляется отъ воздуха по противоположности тяжелаго легкому. Но и между ними посредствуетъ въ естествѣ той и другой стихій равно усматриваемая влажность. Опять воздухъ далекъ отъ огня, и противоположенъ ему по причинѣ борьбы между теплотою и холодомъ; но имѣетъ и общеніе по качеству легкости.

и общеніе этого качества служить какъ бы примиреніемъ какимъ естественнаго ихъ противленія. Потомъ огонь отъ земли отдѣляется по тяжести и легкости, но сухость обща обоимъ качествамъ, и чрезъ нее-то вступаетъ раздѣленное какъ бы во взаимный между собою союзъ.

Но, что имѣя въ виду, съ сего пачинаю изслѣдованіе? То, что холодность одинаково усматривается и въ землѣ, и въ водѣ, и въ воздухѣ, въ большей же мѣрѣ свойственна влагѣ, охраняя собою нѣсколько естество воды, своимъ противленіемъ теплотѣ замедляя ущербъ причиняемый сухостию. Посему, какъ теплоту сродна сухость, и огню одному невозможно оказывать себя не въ сухомъ; такъ справедливо можно говорить, что съ влагою соединена холодность, потому что каждому изъ качествъ, усматриваемыхъ въ огнѣ, должно и въ водѣ быть противоположное качество, чтобы съ сухимъ боролась влажность, а съ холоднымъ теплота. Посему, если доказано, что влага наравнѣ съ холодностию составляетъ естество воды; то слѣдуетъ заключить, что по силѣ холоднаго качества естественно заключающагося въ землѣ, и вода есть въ землѣ, и земля въ водѣ. Ибо естественное сопряженіе влаги съ холодностию не позволяетъ имъ всецѣло разлучиться другъ съ другомъ. Но хотя влажное и холодное встрѣчаются иногда отдѣльно,

каждое само по себѣ, впрочемъ каждое не въ точности одно, но въ одномъ усматриваются по возможности оба. Ибо какъ за разлитіемъ влаги въ воздухъ слѣдуетъ охлажденіе въ частяхъ влажныхъ паровъ: такъ наоборотъ, поелику въ глубинѣ земли сохраняется холодность, и влажность не теряетъ сопряженнаго съ нею качества, но холодная сила, естественно заключающаяся въ землѣ, дѣлается какъ бы сѣменемъ какимъ естества влаги, всегда изъ себя пораждая соединенное съ нею качество: такъ какъ измѣняющаяся дѣйственность, въ слѣдствіе сильнаго охлажденія, прелагаетъ землю въ воду.

А если кто потребуеъ у насъ въ этомъ отчетѣ, какъ измѣненіе сіе производитъ предложеніе твердаго въ влажное: то также не въ состояніи будемъ объяснить сего, какъ и всего инаго. Ибо какъ вода разливается въ воздухъ, и тяжелое находитъ себѣ мѣсто въ легкомъ, или какъ измѣненіе претворяетъ тяжелое въ легкое? Что бываетъ это, постигаемъ мы чувствомъ, но не можемъ разумомъ объяснить силъ дѣлъ природы. Но если кто во свидѣтельство такого предположенія приметъ опытъ: то готовы мы доказать, представляя въ свидѣтели слова копателей колодцевъ. Такъ какъ воды заключаются въ глубинѣ, выкапываютъ сперва они сухую землю, и поступаая ниже въ работѣ своей, не вдругъ встрѣчаютъ воду въ пол-

номъ составѣ, но прежде по осязанію заключаютъ, что въ землѣ есть нѣкоторая сырость: потомъ, достигнувъ болѣе охлажденнаго слоя по причинѣ глубины, находятъ комы подобныя грязи: послѣ сего, съ углубленіемъ работы въ слои еще болѣе охлажденные, появляется слабое нѣкое просачиваніе влаги: потомъ, по раскопаніи нѣкаго прохода подъ основаніемъ камня, куда по всей вѣроятности не проникала еще солнечная теплота, задерживаемая плотностію камня, открываются наконецъ рабочими нѣкія тонкія жилы воды, между которыми вкругъ дѣлается въ глубинѣ взаимная связь, и колодезь наполняется тогда водою. Посему, что здѣсь происходитъ въ пустотѣ, сдѣланной человѣческими руками,—тѣснямая отвсюду къ колодезю влага собирается въ немъ: тому же естественно быть и на всякомъ мѣстѣ, то есть изъ тонкой влаги непрестанно сообщаемому какими-то жилами течь болѣе широкими проходами, когда тонкіе токи будутъ соединены между собою. Такъ возраждается вода, когда холодъ увлажняетъ землю, и влажность, составляемая холодомъ, сама собою довершаетъ всецѣлое естество воды. Отсюда вода, уже собранная и сдѣлавшаяся потокомъ, гдѣ открывается удобнѣйшій путь, пробивается для выхода землю: и сіе называется источникомъ. Признакомъ же, что холодность сопровождается происхожденіемъ водъ, служитъ, что страны,

лежащія къ сѣверу и болѣе охлажденныя, изобилуютъ водами. Ибо въ такой же мѣрѣ были бы орошаемы водами освѣщаемыя солнцемъ и южныя страны, еслибы отсутствіе охлажденія не препятствовало происхожденію влагъ. Какъ вода, собранная во время дождя, отъ сліянія капель дѣлается потокомъ: но если кто посмотритъ на самыя капли, взятые порознь, то въ каждой каплѣ представится ему нѣчто малое и почти ничто; такъ при непрестанно составляющемся внизу по немногу количествѣ влаги, когда изъ многихъ потоковъ собраніе тонкихъ частицъ дѣлается однимъ,—все это обращается въ составъ рѣки. Отвергающій же предположенія сін откуда признастъ исходящими неизсякающіе источники рѣкъ? Не вообразить ли какихъ озеръ въ нѣдрахъ земли? Но и тѣ, если не будетъ въ нихъ притока, непременно вскорѣ истощатся: почему необходимо будетъ положить, что есть надъ ними еще другія озера. А послѣдовательность слова потребуеъ наполненія и еще другихъ озеръ, хотя и предположены будутъ служащія къ наполненію первыхъ, и необходимымъ сдѣлается допскиваться, изъ какихъ источниковъ наполняются послѣднія. А такимъ образомъ слово, простираясь въ безконечность, нигдѣ не остановится, предполагая озера надъ озерами, чтобы не имѣли они недостатка въ источникахъ, пока не найдетъ, откуда наполняются послѣднія, въ которыхъ

происхожденіе водъ беретъ свое начало. Посему, что касается до отысканія причины перваго происхожденія воды; гораздо основательнѣе видѣть это въ составленіи источниковъ, а не воображать подземныхъ озеръ, существованіе которыхъ тотъ часъ дѣлается противорѣчащимъ разуму, по свойству воднаго естества стремиться въ низъ. Ибо какъ потечетъ вверхъ то, чему по природѣ свойственно течь внизъ? Притомъ, о какой величинѣ силъ озеръ даетъ поводъ гадать непрестанное истеченіе столькихъ водъ, чтобы, въ продолженіе столькихъ временъ изливая такое количество, могли оставаться не опустѣвшими, между тѣмъ какъ внутри ихъ ничто не замѣняетъ исходящаго?

Но въ слѣдствіе нашихъ изслѣдованій явно, что снабженіе рѣки водою не оскудѣваетъ, потому что въ воду превращается земля. Объемъ же земли, въ слѣдствіе исходящей изъ нея воды, не умалется; потому что непрестанно совершающееся превращеніе сухихъ паровъ восполняетъ всегда то, что убываетъ въ ея объемѣ. А когда такъ, мысль объ измѣненіи стихій изъ одной въ другую не покажется уже для насъ несостоятельною. Но умъ поступаетъ послѣдовательно, когда въ превращеніи каждой вещи въ другую видитъ, какъ начало бытію той, въ которую преложена, такъ и возстановленіе опять въ ту, которою была первоначально. Напримѣръ, вода, въ парахъ вошедши въ

воздухъ, дѣлается воздухомъ: увлажненный воздухъ осушается въ огнѣ, который надъ нимъ: земленное во влагѣ отдѣляется отъ нея естествомъ огня; а это, когда бываетъ въ землѣ, холоднымъ ка^кествомъ претворяется въ воду. И такимъ образомъ совершается непрерывный порядокъ; ничто не убываетъ и не избыточествуетъ, но все остается навсегда въ первоначальныхъ мѣрахъ.

Итакъ, на основаніи сихъ изслѣдованій должны мы подъ водами *надъ твердію* разумѣть нѣчто иное, а не влажное естество, такъ какъ изъ сказаннаго стало понятно, что естество огня не питается убылью влаги. Ибо по изслѣдованному нами доказано, что теплота, не питается, но погашается холодомъ, и влажное, уничтожается, а не приумножается сухимъ. Но время обратить обзоръ на другой вопросъ, а именно, почему послѣ третяго дня сотворены всѣ небесныя свѣтила?

Что каждому изъ совершаемыхъ чудесъ предшествовало Божіе пѣкое повелительное слово (такъ какъ Моисей исторически научаетъ насъ высокимъ снмъ догматамъ), изслѣдовано то нами въ предыдущихъ словахъ, въ которыхъ дали мы разумѣть, что повелѣніе не есть Божій гласъ, изрекшій слова: но та художественная и премудрая сила каждаго изъ творимыхъ существъ, по которой совершаются въ нихъ сіи чудеса, есть Божіе Слово, и Имъ назы-

А если кто обратитъ вниманіе на явленія; то усмотритъ въ существахъ большую разность свѣтоносной силы. Почему и Псалмопѣвецъ говорить: *Сотворише ли свѣты (фѣта) велія единому* (Пс. 135, 7.). И Апостолъ говорить: *иная слава солнцу, и иная слава лунѣ, и иная слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу* (1 Кор. 15, 41.), потому что великая, конечно, разность въ свѣтѣ. Ибо, если и всему, что перечислено Павломъ, обычно и свѣтитъ, и каждому свѣтилу принадлежить нѣкая особая сила и слава: то справедливо по родовому понятію именовать все однимъ свѣтомъ, и въ каждомъ свѣтилѣ усматривать неслитную и раздѣльную разность. А если это дѣйствительно такъ; то, думаю, не погрѣшить противъ послѣдовательности мыслей наше гаданіе, если предположимъ сіе разумѣвшимъ Моисея, а именно, что первоначально вся свѣтоносная сила, собранная, въ себѣ самой, была единымъ свѣтомъ. Поелику же въ естествѣ цѣлой вселенной, относительно къ большей и меньшей мѣрѣ тонкости и удободвижимости усматривалась великая нѣкая разность: то достаточно было трехдневнаго продолженія времени, чтобы ясно и неслитно произойти взаимному отдѣленію каждой вещи въ мірѣ одной отъ другой, такъ чтобы самое тонкое и легкое, чисто невещественное, въ огненной сущности заняло самый крайній предѣлъ чувственной твари, за

которымъ слѣдуетъ умопредставляемое и безплотное естество, а все менѣе дѣятельное и болѣе оцѣненѣе составилось внутри пространства, окружаемаго тѣмъ тонкимъ и легкимъ естествомъ: да и сіе опять, по разности вложеннаго въ это свойства, раздѣлилось седмичаство, по взаимномъ между собою по средству соединеніи всѣхъ, одна другой соотвѣтственныхъ и близкихъ, частицъ свѣта и по отдѣленіи тѣхъ, въ которыхъ есть нѣчто иное, родное. Такъ по взаимномъ стеченіи всѣхъ сихъ частицъ, сколько ихъ было всѣяно въ свѣтоносной сущности солнечнаго естества, пронизало одно великое свѣтило; а также, и на лунѣ, и на каждой изъ прочихъ движущихся и неподвижныхъ звѣздъ, соединеніе частицъ каждой съ однороднымъ произвело которое либо одно изъ видимыхъ свѣтилъ. Такимъ образомъ пришло все въ бытіе. Великому же Моисею достаточно было поименовать только болѣе извѣстныя изъ нихъ—*свѣтило великое и свѣтило меньшее* (Быт. 1, 16.), а все прочее назвать родовымъ именемъ: *звѣзды*.

Если же затруднится симъ дебелость нашего ума, будучи не въ состояніи проникнуть въ тонкость Божіей премудрости: то никто да не дивится тому, взирая на бѣдность нашего естества, для котораго вождельно не то, чтобы ни въ чемъ не погрѣшать, но чтобы въ состояніи бытъ постигнуть хотя что либо одно.

Говорю же это, имѣя въ виду объяснить, какъ
 была причина сего трехдневнаго продолженія,
 и что такого времени достаточествовало къ
 отдѣленію каждаго свѣтлаго тѣла. Ибо явно,
 что непременно есть иѣкая причина, хотя и
 недоступная нашему взору, по которой мѣрз
 сего времени къ отдѣленію свѣтоносной сущ-
 ности служила и опредѣленнымъ своимъ тече-
 ніемъ, и количествомъ дѣятельности огня въ
 его движеніи, при чемъ удѣлы свѣта распе-
 рдѣлены по свойству свѣтилъ, такъ что сіи без-
 предѣльные разности свѣтовъ поставили себя
 каждая въ свойственномъ положеніи, какое есте-
 ственнымъ свойствомъ указано тамъ, куда каж-
 дую привела вложенная въ нее естественная
 сила, и не произошло при семъ никакого без-
 порядка, или смѣшенія; потому что Божествен-
 ною премудростію по естественному свойству,
 какое дано каждому свѣтлу, установлень у
 нихъ непреложный порядокъ, такъ что самую
 высшую страну занимають тѣ, которыя восло-
 дить вверху удободвижнѣе всякой выспрь стре-
 мящейся сущности. И изъ сихъ опять свѣтилъ
 нныя, или поставлены въ срединѣ, или сдѣла-
 лись южными, или уклонились къ сѣверу, или
 заняли среднее между ними мѣсто, наполнили
 собою или млчщій путь, или зодіакальный
 кругъ, и въ немъ опять производять или то
 или другое очертаніе созвѣздія; и опять въ
 созвѣздіи не самослучайно каждая изъ звѣздъ,

находящихся въ его очертаніи, имѣть положеніе или тамъ, или здѣсь; но куда привело равномѣрно вложенное въ звѣзду свойство, тамъ пребываетъ въ непреложномъ постоянствѣ по силѣ своего естества, согласно съ преобладающею премудростію Сотворшаго. Сіе и подобное сему таково, что умъ, взирая на это, приходитъ въ изнеможеніе, и осуждаетъ собственную свою лѣнность, не имѣя силъ отыскать причину, почему трехдневнаго продолженія времени достаточно было къ отдѣленію такого числа звѣздъ; или какъ, по причинѣ безпредѣльнаго состава неподвижной сферы окружающей землю, въ среднѣй всего пространства великая Божія премудрость помѣстила солнечное естество, чтобы мы не жили совершенно во тмѣ, когда бы свѣтъ, изливаемый звѣздами, прежде нежели доходилъ до насъ, истощался въ промежуточномъ разстояніи. Посему-то освѣщающую силу солнечнаго естества поставила надъ нами на такой высотѣ, что лучъ не ослабляется великимъ разстояніемъ, и не дѣлается для насъ непріятнымъ по чрезмѣрной близости; а что вещественнѣе и грубѣе всего, что надъ нами, разумѣю тѣло луны, то поставлено ниже, обтекаетъ ближайшія къ землѣ страны; и естество сего тѣла оказывается чѣмъ-то среднимъ, равно надѣленнымъ и не свѣтящею и свѣтоносною силой. Ибо собственному свѣтенію луны препятствуетъ

грубость ея сущности, но при отраженіи солнечнаго луча оказывается она не вовсе лишенною свѣтоноснаго естества." Но хотя видѣть причину въ каждомъ изъ существъ проявляемой премудрости невозможнымъ дѣлаетъ бѣдность нашего естества; однакоже изъ порядка, указаннаго Законодателемъ въ твореніи существъ, усматривать нѣкоторую послѣдовательность сотвореннаго возможно, думаю, для тѣхъ, которые умѣютъ достаточно видѣть, что за чѣмъ должно слѣдовать, и по нѣкоторымъ догадкамъ сколько нибудь уразумѣть это.

Итакъ повторимъ послѣдовательный рядъ докъ созданій. А онъ есть слѣдующій: за предварившимъ все явленіемъ повсемственнаго и родоваго свѣта по его удобовижности послѣдовало округленіе тверди, опредѣленное круговымъ обращеніемъ огня. По отдѣленіи же отъ легкаго естества естествъ болѣе тяжелыхъ, послѣдовательно различаются между собою тяжелыя качества, раздѣленные на землѣ и водѣ. А когда дальнѣе естество приведено въ устройство, тонкая, легкая, выпрь парящая сущность, потому что не вся она была сама въ себѣ однородною, въ промежуточное продолженіе протекавшаго времени, изъ общаго дѣлится на однородныя свойства; въ сей сущности образовавшееся безчисленное множество звѣздъ, по вложенному въ каждую часть естественному свойству, подымается на самый

верхъ твари, и каждая звѣзда занимаетъ собственное свое мѣсто, не прекращая всегдашняго стремленія къ движенію и не выходя изъ того положенія, въ которомъ поставлена. Но какъ порядокъ звѣздъ неподвиженъ, такъ естество ихъ во всегдашнемъ движеніи. Въ слѣдъ за симъ, звѣзда, которая по стремительности своей занимаетъ второе мѣсто послѣ самой быстрой въ движеніи, получаетъ въ удѣлъ низшій кругъ: и опять третій и четвертый круги даже до седмаго удѣляются звѣздамъ по отношенію ихъ естества къ скорости: каждая въ такой же мѣрѣ понижается предъ высшею, въ какой естество ея въ сравненіи съ звѣздами, которыя надъ нею, медленнѣе въ движеніи. Посему совершается это въ четвертый день, не потому что тогда созданъ свѣтъ, но потому что свѣтоносное свойство совокупилось во кругъ естественнаго и свойственнаго ему, и явились, какъ прѣчія звѣзды, такъ и видимыя въ большемъ предъ прочими объемѣ, солнце и луна, бытіе которыхъ въ первоначальномъ основаніи заимствовало начало отъ свѣта, но составъ каждаго свѣтила приведенъ въ совершенство въ три дня; потому что все движущееся непремѣнно движется во времени, и для взаимнаго между собою сложенія частей нужно нѣкоторое продолженіе времени.

И посему великимъ Моисеемъ объ устройствѣ существъ все описано не въ послѣдователь-

наго порядка. Если предварительнымъ могуществомъ Создателя всему въ совокупности положено вещественное основаніе, частное же проявленіе видимаго въ мірѣ совершилось въ иѣкоемъ естественномъ порядкѣ и въ послѣдовательности въ определенное продолженіе времени. (Когда явился вообще свѣтъ, а теперь возсіяло все свѣтоносное естество въ особыхъ тѣлахъ, къ числу которыхъ принадлежатъ солнце и луна. И какъ вещества, имѣющія иѣкую текучую силу, хотя всѣ текутъ, но не всѣ поэтому непремѣнно между собою однородны, а напротивъ того каждое имѣетъ какую либо съ другимъ разность (напримѣръ масло, ртуть, вода, если кто смѣшавъ всѣ эти вещества выльетъ въ одинъ сосудъ, то по прошествіи непродолжительнаго времени, сперва сдѣлается виднымъ, что ртуть, такъ какъ тяжелѣе другихъ, и сильнѣе стремится въ низъ, собираетъ собственныя свои части, хотя бы и повсюду были онѣ разсѣяны: потомъ вода сливается сама съ собою; а потомъ частицы масла вымываютъ на верхъ всего, и составляютъ между собою); такъ, думаю, должно гадать и о томъ, что составляетъ предметъ нашего обозрѣнія, перемѣнивъ изъ сказаннаго въ примѣрѣ одно то, что, здѣсь въ веществахъ текучихъ совершающееся по причинѣ тяжести, тамъ въ естествѣ стремящемся высирь оказывается происходящимъ въ обратномъ порядкѣ. Послику при первона-

чальною основаніи существъ все по легкости стремилось высирь, сколько въ каждомъ веществе было скорости по силѣ, какая во все была вложена естествомъ: то слѣдовало взаимно стекаться всему имѣющему равную скорость: и также по мѣрѣ разной скорости одному отъ другаго отдѣляться, сколько сіе было свойственно и возможно. Посему, какъ въ примѣрѣ отдѣленіе сихъ текучихъ веществъ своимъ размѣщеніемъ не произвело новыхъ веществъ, но уже бывшія и смѣшанныя между собою вещества показали, каждое въ его чистотѣ и одно отъ другаго отдѣльно: такъ и послѣ трехдневнаго продолженія времени не вновь созданы свѣтоносное естество и свѣтоносная сила солнца, но, какъ разлитыя по вселенной, отдѣлены и собраны въ самихъ себя.

Еслиже потребуешь кто у насъ слова и о третіемъ небѣ, о которомъ ничего не написалъ Моисей, но которое видѣлъ Павелъ, и, бывъ на немъ, какъ бы въ какомъ святилищѣ премудрости, слышалъ неизглаголанное; то скажемъ, что не виѣ изслѣдовавшаго нами и оное третіе небо. Миѣ кажется, что великій Апостолъ, простираясь ко всему, что видѣлъ предъ собою, преступивъ предѣлы всего чувственнаго естества, вошелъ въ умосозерцательное состояніе, такъ что его взглядъ на умопредставляемое сталъ совершенно не тѣлесный. Сіе и самъ онъ выражаетъ собственнымъ своимъ

словомъ, сказавъ: *аще въ тьмѣ, не свѣтъ, аще ли кроль тьма, не свѣтъ, Богъ свѣтъ: восхитѣна бывша такового до третіаго небесе* (2 Кор. 12, 2.). Посему, думаю, что самый крайній предѣлъ чувственнаго міра Павелъ нарекъ третімъ небомъ, раздѣливъ видимую вселенную на три части, и по обычаю Писанія каждый отдѣлъ наименовавъ небомъ. Ибо слово Писанія, по особому употребленію реченій, однимъ небомъ называетъ предѣлъ болѣе грубаго воздуха, до котораго возносятся облака, вѣтры и естество высоконарящихъ птицъ: потому что говоритъ и о небесныхъ облакахъ, и о птицахъ небесныхъ: и не просто называетъ сіе небомъ, но и съ пріевокупленіемъ имени: *твердь*. Ибо говоритъ: *да изведутъ воды гады душъ живыхъ, и птицы летаютъ по земли по тверди-небесной* (Быт. 1, 20.). Потомъ другимъ небомъ и твердію называетъ усматриваемое внутри неподвижной сферы, гдѣ совершаютъ путь свой подвижныя звѣзды. Ибо скажетъ: *сотвори Богъ свѣтила великая. И положи я на тверди-небесной, яко свѣтити на землю* (Быт. 1, 16. 17.). Всякому же, сколько нибудь обрашавшему вниманіе на устройство вселенной, явно, что все то пространство, въ оторомъ свѣтила вращаются при своемъ стремленіи выпрѣ, и самый крайній предѣлъ чувственнаго міра, эту границу умопредставляемой твари, Писаніе называетъ и твердію и небомъ.

Посему возжелѣвавши того, что выше слова, и не смотряющій, какъ повелѣваетъ и намъ, *видимыѣ: видима бо временна: невидима же вѣчна* (2 Кор. 4, 18.), куда восхитало его возжелѣніе, туда и былъ вознесенъ сіюю. И когда указываетъ на сіе столько для него возжелѣнное, вмѣсто того, чтобы сказать: *вѣль чело-вѣка*, который миновалъ всю чувственную тварь, и былъ въ святилищѣ умопредставляемаго естества, *яко изъ млада священна Писанія улывшій* (2 Тим. 3, 15.), обозначаетъ сіе словамъ Писанія, наименовавъ третімъ небомъ конецъ снѣ трехъ усматриваемыхъ во вселенной отдѣловъ. Ибо позади себя оставилъ воздухъ, прошелъ пути круговращенія наполняющихъ среду звѣздъ, миновалъ верхній сводъ эфирныхъ предѣловъ, и бывъ въ постоянномъ и умопредставляемомъ ествѣ, видѣлъ красоты райа, и слышалъ, чего человѣческое естество изречь не можетъ.

Сіе мы, челоѣкъ Божій, отвѣтствуемъ на предложенное намъ твоимъ благоразуміемъ, и выраженіи Писанія не претворяя въ иносказаніе, имѣющее переносный смыслъ, и не оставивъ безъ изслѣдованія сдѣланныхъ намъ возраженій. Но сколько можно, принявъ реченіе въ собственномъ его значеніи, при обзрѣніи именованій держались мы послѣдовательной связи естества, и тѣмъ по возможности доказали, что нѣтъ никакихъ противорѣчій въ томъ,

что само съ собою согласно, хотя и представляется противорѣчушимъ при поверхностномъ чтеніи. Описывать же прочее, что совершенно въ продолженіи шестидневнаго міротворенія, почли мы дѣломъ напраснымъ, потому что высокое слово учителя не оставило не обозрѣннымъ ничего изъ подлежащаго изслѣдованію, кромѣ устроенія челоуѣка, надъ чѣмъ прежде сего потрудившись въ особой книгѣ, послали мы твоему совершенству, и въ томъ словѣ и въ настоящемъ прося тебя и всѣхъ читателей не полумать, будто бы идемъ въ состязаніе съ усердіемъ учителя, напротивъ того и тамъ, воспомя, сколько было можно, недостававшее въ трудѣ его надъ шестодневомъ, присовокупили мы разсужденіе о челоуѣкѣ, а здѣсь позаботились написать сіе для требующихъ послѣдовательности въ томъ, что излагается въ Писаніи, чтобы вмѣстѣ, и сохранить буквальный смыслъ написаннаго, и съ буквою примирить естественное воззрѣніе. Еслиже въ сказанномъ недостаточно что; то безъ всякой зависти, и твое благоразуміе, и каждый изъ читателей довершите недостающее. Ибо дароношенію богатыхъ не пренятствовало вложеніе двухъ лепгъ вдовицныхъ; и припесіе Моисею для скиній кожи, дерева и волосы, не послужили пренятствіемъ для предлагавшихъ въ даръ золото, и серебро, и драгоценныя камни. Посему и мы съ любовію примемъ, если

принесенное нами будетъ принято, хотя въ
 качествѣ волосовъ, но только въ вашей баг-
 ряницѣ, перетканной золотомъ, возложено бу-
 детъ на слово верхаей одежды, которому имя:
слово, явленіе и истина. какъ говоритъ Моисей
 (Лев. 8, 8.), уготовляя священнику новыя обла-
 ченія, по повелѣнію Самаго Бога, Которому
 подобаетъ слава и держава съ Единороднымъ
 Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ,
 аминь. †

2. ОБЪ УСТРОЕНІИ ЧЕЛОВѢКА.

БРАТУ, РАБУ БОЖІЮ, ПЕТРУ ГРИГОРІИ, ЕПИСКОПЪ
ЕПЕСКІИ.

Еслибы отличающихся добродѣтелию должно было вознаграждать цѣннымъ имуществомъ ; то цѣлый міръ, какъ говоритъ Соломонъ, оказался бы малымъ для того, чтобы стать равноцѣннымъ твоей добродѣтели ; потому что благодарность, должная твоей честности, выше цѣны богатства. Но святая пасха требуетъ обычнаго дара любви, который приносимъ высокой души твоей, человѣкъ Божій, хотя и онъ меньше дара, какой слѣдовало бы принести тебѣ по достоинству, но не скуднѣе дара, какой только въ нашихъ силахъ. Даръ сей есть слово, подобное убогой нѣжкоіи ризѣ, бѣднымъ нашимъ умомъ не безъ труда сотканной. Хотя содержаніе слова многимъ, можетъ

быть, покажется смѣлымъ, однакоже не почтутъ его неприличнымъ. Ибо Божіе твореніе достойно уразумѣлъ одинъ, подлинно созданный по Богу, и душу свою по образу Сотворшаго образовавшій, Василій, общій нашъ отецъ и учитель, высокое устройство вселенной обозрѣніемъ своимъ содѣлавшій для многихъ удобопонятнымъ, и съ симъ міромъ, который сотворенъ Богомъ по истинной премудрости, ознакомившій приведенныхъ къ созерцанію его мудростію. Но мы, не въ силахъ будучи и дивиться ему не достоинству, съ тѣмъ вмѣстѣ задумали присовокупить, чего не доставало въ обозрѣніи Великаго, не съ тѣмъ, чтобы своимъ подлогомъ опорочить его трудъ (ибо не позволительно оскорблять оныя великія уста, приписывая имъ наши слова), но чтобы не подать мысли, будтобы слава учителя оскудѣла въ его ученикахъ. Такъ какъ въ шестодневѣ не достаетъ разсужденія о человѣкѣ; то еслибы никто изъ учениковъ его не приложилъ старанія восполнить сей недостатокъ, справедливо послужило бы сіе поводомъ къ укоризнѣ, вопреки великой его славы, будто не хотѣлъ онъ образовать въ слушателяхъ какой либо разумной способности. Теперь же, когда осмѣлились мы, по мѣрѣ силъ, изложить недостающее, если въ трудѣ нашемъ найдется нѣчто какъ бы не недостойное его ученія, то, безъ сомнѣнія, будетъ сіе отнесено къ учи-

тсно. Если же слово наше не достигнетъ вы-
соты его взгляда, то не падеть на него обви-
неніе, и избѣжить укоризны, будго бы не
хотѣлъ ученикамъ сообщить чтолибо дѣльное:
а мы справедливо окажемся повинными предъ
ищущими предлоговъ къ укоризнѣ, какъ въ
тѣснотѣ сердца своего не вмѣстившіе мудро-
сти наставника.

Не малоцѣнна же подлежащая намъ въ обо-
зрѣніи цѣль, не уступаетъ она первенства ни
одному изъ чудесъ міра; а, можетъ быть, и
важнѣе всего нами познаваемаго; потому что
ни одно другое существо не уподобляется
Богу, кромѣ этой твари—человѣка. Посему, что
ни скажемъ, у благопризнательныхъ слушателей
за все готово уже намъ извиненіе, если бу-
детъ слово наше и гораздо ниже достоинства.
Ибо, говоря о человѣкѣ, думаю, не должно
оставлять неизслѣдованнымъ и того, что, какъ
вѣруемъ, было съ нимъ прежде, и того, что,
какъ ожидаемъ, будетъ еще впредь, и того,
что усматриваемъ въ немъ нынѣ. Иначе ста-
раніе наше окажется не соответствующимъ
данному обѣщанію, если, когда предметомъ
обозрѣнія человѣкъ, отложено будетъ въ сто-
рону чтолибо относящееся къ этому предмету.
Да и что въ человѣкѣ представляется проти-
ворѣчающимъ по несходству съ бывшимъ въ
немъ первоначально, тогда какъ теперь по ка-
кой-то необходимой послѣдовательности усма-

✓ тривается естественнымъ, надлежитъ, по указанію Писанія и по соображенію выведенному изъ умозаключенія, согласить такъ, чтобы все изложенное было въ связи и порядкѣ, все показывало, что и кажущееся противорѣчушмъ направлено къ одной и той же цѣли, и Божіе могущество находить надежду безнадежному и исходъ невозможному. Для легкости же признать я лучшимъ предложить тебѣ слово, раздѣливъ на главы, чтобы содержаніе всего сочиненія могъ ты видѣть кратко въ содержаніяхъ каждой отдѣльной части.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

въ которой заключаются нѣкое частное естествоствіе міра, и болѣе привлекательное изображеніе предшествовавшего бытію чловѣка.

Сія книга бытія небесе и земли, говоритъ Писаніе (Быт. 2, 4.), когда совершилось все видимое, и каждое изъ существъ отдѣльно заняло свойственное ему положеніе, когда небесный сводъ кругомъ объятъ собою вселенную, а въ срединѣ ея нашли себѣ мѣсто тѣла тяжелья и стремящіяся внизъ, земля и вода, взаимно другъ другомъ поддерживаемыя. Нѣкою же связію и скрѣпою сотвореннаго въ естество существъ вложены божественное художество и божественная сила, сею двойкою

дѣйствительною правящая вселенною. Ибо покоемъ и движеніемъ сообщили они бытіе несуществующему и продолженіе бытія существующему, около того, что въ неподвижномъ естествѣ тяжелаго и непреложнаго, какъ бы около какой неподвижной оси, приводя въ самое быстрое движеніе полюсъ, круговращающійся подобно колесу, взаимно въ томъ и другомъ соблюдая неразрушимость: потому что круговращаемая сущность скоростью движенія плотность земли сжимаетъ въ нѣчто круговидное, а твердость и упорство непремѣнною неподвижностію непрерывно поддерживаетъ движеніе вращающагося около нея. Дѣйствительно же силъ противоположностей и неподвижнымъ естествомъ, и незнающимъ покоя круговращеніемъ, производится въ томъ и другомъ равный избытокъ: потому что, и земля не прелагается съ собственнаго своего основанія, и небо не умяется и не ослабляется стремительности движенія, И что сіе прежде всего уготовано премудростію Сотворшаго, какъ нѣкое начало всего устройства существъ, на это, какъ думаю, указуя, великій Моисей сказалъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1. 1.), то есть, всѣ явленія въ твари, поражаемыя движеніемъ и покоемъ, и по Божію изволенію приведенныя въ бытіе. Итакъ, послѣку небо и земля совершенно противоположны другъ другу, по противоположности

ихъ дѣйственности: то тварь, занимающая сре-
 дину между противоположными, заимствуясь
 частію отъ прилежащаго, посредствуетъ собою
 между крайностями, такъ что явнымъ дѣлается
 черезъ эту среду взаимное соприкосновеніе
 противоположностей. Хотя легкостію естества
 и способностію къ движенію и воздухъ упо-
 добляется нѣсколько приснодвижности и лег-
 кости огненной сущности; однакоже и не та-
 ковъ, чтобы ему быть чуждымъ сродства съ
 веществами плотными, какъ непребывающій
 всегда неподвижнымъ, и не текущій, нераз-
 сѣвающійся непрестанно; а напротивъ того,
 имѣя общія свойства съ тѣмъ и другимъ, слу-
 житъ какъ бы взаимною какою границею про-
 тивоположности дѣйствованій, въ себѣ самомъ
 смѣшивая вмѣстѣ и раздѣляя то, что по есте-
 ству противоположно. По тому же закону и
 влажная сущность двоякими качествами свя-
 зуется съ каждымъ изъ противоположныхъ
 естествъ: ибо тѣмъ, что тяжела и стремится
 внизъ, въ великомъ сродствѣ съ естествомъ
 земнымъ, а тѣмъ, что обладаетъ какою-то оро-
 шающею и проникающею дѣйственностию, не
 вовсе отчуждена отъ естества подвижнаго, но
 есть какое-то стеченіе и смѣшеніе противо-
 положностей, тяжести предложенной въ движе-
 ніе, и движенія не связаннаго тяжестью, такъ
 что и противоположное естествомъ другъ другу
 на самыхъ крайнихъ предѣлахъ одно съ дру-

гимъ соединено посредствующимъ. Лучше же, говоря точнѣе, самое естество вещей противоположныхъ по свойствамъ не вовсе далеко отъ смѣшенія съ естествомъ другихъ качествъ; почему, думаю, все являющееся въ мірѣ одно къ другому склонно, и тварь, оказывающаяся съ противоположными свойствами, сама съ собою согласна. Поселику движеніе, не какъ одна перемѣна мѣста понимается, усматривается же оно и въ превращеніи и въ измѣненіи; и оиать естество непреложное не допускаетъ движенія въ измѣненіи; то премудрость Божія, замѣнивъ свойства одни другими, приснодвижное содѣлала непреложнымъ, а неподвижное превратнымъ, устроивъ это, вѣроятно, по особой промыслительности, чтобы такія свойства естества, каковы непревратность и непреложность, оказавшись въ одной изъ видимыхъ тварей, не заставили и тварь сію признавать Богомъ. Ибо нельзя предполагать божества въ томъ, что движимо или измѣняемо. Посему-то земля, хотя стоитъ, но нечужда превратностей; а небо напротивъ того, не будучи превратнымъ, не имѣетъ неподвижности; такъ какъ божественная сила, сопрягши съ неподвижнымъ естествомъ превратность, а съ превратнымъ подвижность, обмѣномъ свойствъ оба сіи естества сроднила между собою, мысль же о божественности нѣхъ содѣлала чуждою для нихъ; потому что, какъ сказано, ничто подобное, то

есть, и движимое и измѣняемое не признается за сщество божественное.

Итакъ все уже достигло своего конца. Ибо, какъ говорить Моисей, *совершилася небо и земля* (Быт. 2, 1.), и все, что между ними, и это, отдѣльно взятое, украсилось соотвѣтствующею лѣпотою, небо лучезарностію свѣтилъ, море и воздухъ плавающими и летающими животными, земля разнообразіемъ всякаго рода растений и четвероногихъ; все это произвели изъ себя вдругъ въ одно и тоже время, получивъ на то силы по Божію изволенію: и земля исполнилась красотъ, произрастивъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ и плоды, наполнились луга всѣмъ, что видимъ на лугахъ, всѣ утесы и горныя вершины, всякій склонъ и всякая покатость, все, что во впадинахъ, увѣнчалось зазелѣнѣвшею травою и красивыми деревьями, едва только показавшимися изъ земли, и вдругъ достигшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вѣроятно, все, и разыграли Божіимъ повелѣніемъ созданныя животныя, стадами и по родамъ бродящія по лѣсамъ; пѣніемъ пѣвчихъ птицъ повсюду огласилось все, что было густо покрыто и оѣнено деревьями. Но видъ моря, какъ слѣдовало, былъ нѣсколько пнаковъ, и таковъ, что во множествѣ заливовъ море пребывало въ тишинѣ и покоѣ, и по Божію изволенію затишья и пристани, сами собою углубившись въ берега, пріобучали море къ сущѣ;

и тихія движенія волнъ спорили въ красотѣ съ дугами, между тѣмъ какъ легкіе и безвредныя вѣтерки на одной только поверхности производили пріятную для взоровъ рябь. И все богатство твари готово было и на землѣ и на морѣ, но не было еще, кому пользоваться этимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Почему человекъ послѣдній въ твореніи? 

Такъ великая эта и досточестная тварь—человекъ не обиталъ еще въ мірѣ существъ: потому что не естественно было начальнику явиться прежде подначальныхъ: но послѣ того, какъ уготовано сперва владѣніе, слѣдовало показать и царя. Посему, когда Творецъ вселенной, какъ бы царскій нѣкій чертогъ, устроилъ имѣющему царствовать, и это — были самая земля, острова, море и на подобіе крыши сведенное надъ ними небо: тогда въ царскіе эти чертоги собрано было всякаго рода богатство: богатствомъ же называю всю тварь, всѣ растенія и прозябанія, все, что чувствуетъ, дышетъ, имѣетъ душу. Еслиже къ богатству причислить надобно и вещества, какія только по какой либо доброцѣтности въ глазахъ человѣческихъ признаны драгоценными, напирѣ: золото и серебро и тѣ изъ этихъ камней,

которые любезны подячь; то обиліе всего этого, какъ бы въ царскихъ нѣкинѣхъ сокровищницахъ, сокрывъ въ нѣдрахъ земли, потомъ уже показываетъ въ мірѣ человѣка, будущаго, заключающихся въ немъ чудесъ, частію зрителя, а частію владыку, чтобы при наслажденіи приобрѣлъ онъ познаніе о Подателѣ, а по красотѣ и величію видимаго изслѣдовалъ неизреченное и превышающее разумъ могущество Сотворшаго. Посему-то человѣкъ введенъ послѣднимъ въ твореніе, не потому что, какъ нестоющій, отринуть на самый конецъ, но потому что вмѣстѣ съ началомъ бытія долженъ былъ стать царемъ подчиненныхъ. Какъ добрый гостепріимецъ до приготовления снѣдей не вводитъ гостя къ себѣ въ домъ, но, приготовивъ все благоприлично: убравъ, какими слѣдовало, украшеніямъ домъ, ширшественную горницу, трапезу, припасши уже пригодное для пищи, принимаетъ у себя сониршественника: подобнымъ сему образомъ богатый и щедрый Угоститель естества нашего, всякаго рода красотою убравъ это жилище, уготовивъ этотъ великій и всѣмъ снабженный пиръ, потомъ уже вводитъ человѣка, вмѣшивъ ему въ занятіе не приобрѣтать то, чего еще нѣтъ, но наслаждаться тѣмъ, что уже есть. Поэтому въ основаніе устройства полагаетъ въ немъ сугубое начало, смѣшавъ съ земнымъ божественное, чтобы ради того и другаго имѣть ему

наслажденіе, какое сродно и свойственно тому и другому, наслаждаясь и Богомъ по естеству божественному, и земными благами по однородному съ ними чувству.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О томъ, что человѣческое естество достичетъ всѣмъ видимой івари.

Достойно же нашего обозрѣнія и то, что, когда полагаемо было основаніе столь пространному міру и основнымъ его частямъ, вошедшимъ въ составъ цѣлаго, твореніе совершалось какъ бы спѣшно, приводимое въ бытіе божественнымъ могуществомъ, вдругъ совокупно изрѣкаемымъ повелѣніемъ. Устроено же человѣка предшествуетъ совѣтъ, и Художникомъ по начертанію слова предъизображается будущее созданіе, и каково должно быть оно, и какого первообраза носить на себѣ подобіе: и для чего оно будетъ, и что произведетъ по сотвореніи, и надъ чѣмъ ему господствовать, — все это предусматриваетъ Слово, чтобы человѣкъ пріялъ достоинство, которое выше его бытія пріобрѣлъ власть надъ существами прежде, нежели самъ пришелъ въ бытіе. Ибо сказано: *и рече Богъ: сотвори мѣ человека по образу Нашему и по подобию: и да обладаетъ рыбами морскими, и змѣями*

земными и птицами небесными, и скотами и всю землю (Быт. 1, 26.). Какое чудо! Устраивается солнце, и никакого не предшествовать совѣта, также и небо, хотя нѣтъ ничего ему равнаго въ сотворенномъ, и такое чудо создается единымъ реченіемъ, о томъ же, изъ чего и какъ, и о чемъ либо иномъ сему подобномъ, не сказано ни слова. Такъ и все, взятое порознь, эфиръ, звѣзды, наполняющій средину воздухъ, море, земля, животныя, растенія,—все приводится въ бытіе словомъ. Къ одному только устроенію человѣка Творецъ вселенной приступаетъ, какъ бы съ разсмотрительностію, чтобы и вещество приготовить для его состава, и образъ его уподобить первообразной нѣкой красотѣ, и назначить цѣль, для которой будетъ онъ существовать, и создать естество соотвѣтственное ему, приличное его дѣятельности, пригодное для предположенной цѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что устроеніе человѣка во всемъ даетъ видѣть начальственную его власть.

Какъ въ этой жизни художники даютъ видъ орудію соотвѣтственно его потребности; такъ наилучшій Художникъ создалъ наше естество.

какъ нѣкій сосудъ, пригодный для царственной дѣятельности, и по душевнымъ преимуществамъ, и по самому тѣлесному виду, устроень его такимъ, какимъ нужно быть для царствованія. Ибо душа прямо показываетъ въ себѣ царственность, и возвышенность, и великую далекость отъ грубой низости тѣмъ самымъ, что она, не подчиняясь, свободно, полновластно располагаетъ своими желаніями. А это кому иному свойственно кромѣ царя? И сверхъ того содѣлаться образомъ Естества всеѣмъ владычествующаго — не иное что значить, какъ при самомъ созданіи немедленно стать естествомъ царственнымъ. Ибо какъ по человѣческому обычаю приготавлиющіе изображенія державныхъ и черты лица снимаютъ вѣрно, и облеченіемъ въ порфиру показываютъ царское достоинство, и изображеніе называется обыкновенно царемъ; такъ и человѣческое естество, поелику приуготовлялось для начальствованія надъ другими, по причинѣ подобія Царю вселенной, выставлялось какъ бы нѣкимъ одушевленнымъ изображеніемъ, то общія съ Первообразомъ имѣло и достоинство и имя; но не въ порфиру было облечено, не скинтромъ и діадимомъ показывало свой санъ (сего нѣтъ и у Первообраза), а вмѣсто багряницы облечено добродѣтелию, что царственнѣе всѣхъ одеждъ, вмѣсто скиитра утверждено блаженствомъ безсмертія, вмѣсто царской діадемы украшено вѣн-

цемъ правды, такъ что, въ точности ундоб-
ляясь красотѣ Первообраза, всеѣмъ доказывало
царскій свой санъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, что человекъ есть подобіе Божіей царственной власи.

Божественная же красота не во виѣшнихъ чер-
тахъ, не въ пріятномъ складѣ лица и не какою
либо доброцѣтностію сіяетъ, но усматривается
въ невыразимомъ блаженствѣ добродѣтели.
Поэтому, какъ живописцы представляютъ на
картинѣ человѣческія лица красками, стирая
для сего такихъ цвѣтовъ краски, которыя близко
и соотвѣтственно выражаютъ подобіе, чтобы
красота подлинника въ точности изобразилась
въ спискѣ: такъ представъ себѣ, что и нашъ
Знждитель, какъ бы наложеніемъ нѣкоторыхъ
красокъ, то есть добродѣтелями, разцвѣтилъ
изображеніе до подобія съ собственною Своею
лѣпотою, чтобы въ насъ показать собственное
Свое начальство. Многовидны и различны сѣи
какъ бы краски изображенія, которыми живо-
писуется истинный образъ: это—не румянецъ,
не бѣлизна, не какое либо смѣшеніе спѣхъ цвѣ-
товъ одного съ другимъ, не черныи какой либо
очеркъ, изображающій брови и глаза, не какое
либо сраствореніе красокъ, отгѣняющее углуб-
ленныя черты, и не что либо подобное всему
тому, что искусственно произведено руками

живописцевъ, но вмѣсто всего этого—чистота, безстрастіе, блаженство, отчужденіе отъ всего худаго, и все съ нимъ однородное, чѣмъ изображается въ человѣкѣ подобіе Божеству. Такими цвѣтами Творецъ собственнаго Своего образа живописалъ наше естество. Если же отыщешь и другія черты, которыми обозначается Божественная лѣпота, то найдешь, что и оныхъ подобіе въ нашемъ образѣ сохраняется въ точности.

Божество есть умъ и слово; ибо *въ началѣ было слово* (Іоан. 1, 1.), и Пророки, по словамъ Павла, умъ Христовъ имѣютъ (1 Кор. 2, 16.), глаголющій въ нынѣ (2 Кор. 13, 3.). Недалеко отъ сего и естество человѣческое. Видишь въ себѣ и слово и разумъ, подобіе подлиннаго Ума и Слова. Богъ есть также любовь и источникъ любви; сіе говоритъ великій Іоаннъ: *любовь отъ Бога есть, и Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 7. 8.). Это Зидитель и нашего естества создатель отличительною чертою. Ибо говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35.). Слѣдовательно, гдѣ имѣтъ сѣй любви, тамъ претворены всѣ черты образа. Божество надъ всѣмъ назираетъ, все слышитъ, все испытуетъ, и ты приобретаешь понятіе о существахъ, посредствомъ зрѣнія и слуха, и имѣешь разумъ, способный дѣлать разысканія и изслѣдованія о существахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изсѣдоваше о способѣ ума съ естествомъ, гдѣ мимоходомъ
обличается ученіе Анонсевъ.

Никто да не подумаетъ, будтобы утверждаю, что Божество, подобно человѣческому образу дѣйствія, различными силами постигаетъ существа. Ибо въ простотѣ Божества не возможно представлять себѣ различія и многовидности познавательной дѣятельности. И у насъ нѣтъ какихъ либо многихъ познавательныхъ силъ, хотя и многообразно постигаемъ чувствами то, что живетъ. Одна у насъ сила, это—вложенный въ насъ умъ, обнаруживающійся въ каждомъ изъ чувствилницъ и объемлющій существа. Онъ посредствомъ глазъ видитъ явленіе, посредствомъ слуха уразумѣваетъ сказанное, любитъ пріятное и отвращается того, что не доставляетъ удовольствія; дѣйствуетъ рукою, какъ ему угодно, беретъ или отталкиваетъ ею, какъ признаетъ что для себя полезнымъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ сего орудія. Посему, если у человѣка, хотя и различны орудія, устроенныя природою для чувства, по во всѣхъ дѣйствующій, всѣмъ движущій, и пользующійся каждымъ орудіемъ, сообразно съ предположенною цѣлю, однимъ: и онъ различіемъ въ образѣ дѣйствій не измѣняетъ естества; то возможно

ли полагать въ Богѣ при многообразныхъ силахъ многочастность сущности? Ибо *создавый око, и насаждеи уло*, какъ говоритъ Пророкъ (Ис. 93, 9.), сіи дѣятельности, какъ бы отличительныя нѣкоторыя черты, въ образецъ того, что въ Немъ Самомъ, запечатлѣлъ въ природѣ человѣка. Онъ говоритъ: *сотворилъ человека по образу Нашему* (Быт. 1, 26.).

Но гдѣ же у насъ ересь Аномеевъ? Что скажутъ они на такое изреченіе? Какъ послѣ сказаннаго спасутъ пустоту своего ученія? Скажутъ ли, что возможно одному образу уподобляться различнымъ лицамъ? Если Сынъ не подобенъ Отцу по естеству, то какъ устрояетъ одинъ образъ различныхъ естествъ? Сказавшій: *сотворилъ человека по образу Нашему*, и множественнымъ числомъ обозначившій святую Троицу, не упомянулъ бы объ образѣ въ числѣ единственномъ, если бы Первообразы были не подобны одинъ другому: потому что тѣмъ, которые несходны другъ съ другомъ, не возможно показать себя въ одномъ подобіи. Напротивъ того, если различны были естества, то, безъ сомнѣнія, составили бы и различные образы, создавъ соотвѣтственный каждому естеству образъ. Но поелику, хотя образъ одинъ, Первообразъ же образа не одинъ; кто будетъ столько неразуменъ, чтобы не признать Первообразовъ одного другому подобными, и непременно между собою сходными? Посему то, мо-

жетъ быть, Слово при самомъ устройствѣ человеческой жизни, отсѣкая эту злую мысль, говорить: *сотворилъ человека по образу и по подобию Наше му.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Почему человекъ лишенъ природою оружія и покрововъ?

Но что значить эта прямизна стана? Почему тѣлу не прирождены силы, служащія къ охраненію жизни? Напротивъ того человекъ вводится въ міръ лишеннымъ естественныхъ прикрытій, какимъ-то безоружнымъ и бѣднымъ, имѣющимъ нужду во всемъ потребномъ для жизни, достойнымъ, повидимому, болѣе сожалѣнія, нежели ублаженія. Не имѣетъ ни роговъ для защиты, ни острыхъ когтей, ни копытъ, ни зубовъ, ни какого либо жала, отъ природы слабѣннаго смертоноснымъ ядомъ, чѣмъ обладаютъ многія животныя для защиты отъ оскорбляющихъ, и не покрыто у него тѣло волоса-ною оболочкой: хотя поставленному начальствовать надъ другими надлежало отъ природы быть огражденнымъ собственными своими оружіями, чтобы для собственной своей безопасности не имѣть нужды въ помощи другихъ. А теперь левъ, вепрь, тигръ, барсъ, и другія подобныя животныя, отъ природы имѣютъ достаточную силу для своего спасенія. И волю

рога, и зайцу скорость, и сериѣ легкій скачекъ и зоркость глазъ, иному какому либо животному величина, другимъ хоботь, птицамъ крылья, пчелѣ жало, и всѣмъ непремѣнно дается, какъ обычно, природою что либо для ихъ спасенія. Одинъ только человекъ всѣхъ быстроногихъ медлительнѣе, великорослыхъ ниже, обезопасенныхъ прирожденными оружіями беззащитнѣе.

Какъ же, спросить иный, такому дано въ удѣлъ начальство надъ всѣми? Но не труднымъ почитаю доказать, что видимая недостаточность нашего естества и служить предлогомъ къ обладанію надъ подчиненными. Если бы у человека столько было силы, что скоростію перегонялъ бы онъ коня, не стиралъ ничѣмъ жесткимъ ноги, защищенной какими либо оружіями или копытами, имѣлъ у себя рога, жало, когти; то, во первыхъ, при такихъ прирожденных тѣлу его отличіяхъ былъ бы онъ какимъ-то звѣрскимъ и неприступнымъ; а потомъ пренебрегалъ бы начальствомъ надъ другими, нимало не нуждаясь въ содѣйствіи подчиненныхъ. Теперь же для того именно жизненные потребности раздѣлены на каждого изъ подчиненныхъ намъ, чтобы начальство надъ ними сдѣлать для насъ необходимымъ. Медлительность и неудободвижность тѣла ввели въ потребность и обуздали коня; нагота шлоти сдѣлала необходимою попечительность объ овцахъ,

которая съ нихъ ежегодно данію волны восполняетъ недостатокъ нашего естества. Нужда, изъ другихъ странъ привозить къ намъ припасы для жизни, для такихъ услугъ запрягла вьючныхъ животныхъ. Невозможность, подобно прочимъ животнымъ, питаться травою содѣлала подручнымъ намъ въ жизни вола, который трудами своими облегчаетъ намъ жизнь. Поеліку же для борьбы съ какимъ либо изъ другихъ животныхъ, наносящихъ намъ вредъ зубами, потребно было имѣть зубы и грызться; то песъ въ нашу потребность вмѣстѣ со скоростію представилъ собственный свой родъ, ставъ для челоѣка какъ бы одушевленнымъ мечемъ. А что крѣпче ограды роговъ, пронзительнѣе остроты когтей, то придумано людьми, — это желѣзо, которое не всегда при насъ, какъ рога и когти у звѣрей, но, при времени помощи намъ въ борьбѣ, остается потомъ само по себѣ.

И вмѣсто крокодиловой чешуи можно и челоѣку сдѣлать изъ нея оружіе, на время прикрывшись этою кожею. Если же нѣтъ ея, то искусствомъ обращается въ нее и желѣзо, которое, оказавъ временную услугу на войнѣ, свободнымъ отъ бремени оставляетъ воина въ мирное время. Услуживаютъ намъ въ жизни и крылья птицъ такъ, что по примышленію своему не уступаемъ въ скорости пернатымъ. Однѣ изъ нихъ дѣлаются ручными, и помогаютъ ловцамъ; другія же ими умышленно при-

влекаются на наши потребности. А искусство, по примыслению своему сдѣлавъ стрѣлы наши крылатыми, для нашихъ потребностей посредствомъ лука доставляетъ намъ скорость пернатыхъ. И то, что ступни наши во время шествія терпятъ боль и стираются, сдѣлало необходимымъ употреблять въ пособіе, что подручно намъ. Ибо изъ этого можемъ приготовить покойную для ногъ обувь.

ГЛАВА ОСМАЯ.

Почему у человѣка прямой станъ, и о томъ, что руки даны для слова, а вмѣстѣ и ученіе любознѣнія о различіи душъ.

У человѣка станъ прямой, лице обращено къ небу, и смотритъ онъ горѣ; а симъ означается его право начальствовать и царское достоинство. Ибо то самое, что изъ живыхъ существъ таковъ одинъ только человѣкъ, у всѣхъ же прочихъ тѣла поникли долу, ясно доказываетъ различіе въ достоинствахъ преклонившихся предъ владычествомъ и возвысившейся надъ ними власти. У всѣхъ прочихъ передніе члены суть ноги, потому что нагбенное имѣетъ нужду въ опорѣ. А въ устройствѣ человѣка члены сіи стали руками. Ибо въ потребность прямому стану достаточно было одного основанія, такъ какъ и двумя ногами безопасно подпирается онъ во время стоянія.

Сверхъ того содѣйствіе рукъ помогаютъ и потребности слова. И кто услугу рукъ назоветъ особенностію словеснаго естества, тотъ не совсѣмъ погрѣшитъ. Обращаясь умомъ, не только къ этой общей и съ перваго взгляда представляющей мысли, что при даровитости рукъ означаемъ мы слово писменами (ибо не чуждо въ насъ словеснаго дара и это,—говорить посредствомъ писменъ, и нѣкоторымъ образомъ бесѣдовать рукою, сохраняя звуки въ буквенныхъ очертаніяхъ); но имѣя въ виду и другое, утверждаю, что руки содѣйствуютъ произнесенію слова.

Лучше же сказать, прежде нежели начнемъ изслѣдованіе о семъ, обратимъ вниманіе на сказанное выше: ибо едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябаніе растений изъ земли, а за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устроеніи ихъ—человѣкъ. Ибо дознаемъ изъ сего, не только, можетъ быть, представляющееся съ перваго взгляда, а именно, что Творцу оказались полезными для животныхъ трава, а для человѣка — скоты, почему созданы прежде животныхъ травоядныхъ—ихъ пища, а прежде человѣка — годное къ тому, чтобы служить человѣческой жизни. Но мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и таинственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и

вѣдѣніе, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо слово учить насъ симъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная, приѣмля годное къ приращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается въ растеніяхъ; потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишениую чувства. Но кромѣ сего есть другой видъ жизни, которому принадлежит и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству: такова жизнь въ естествѣ бесловесныхъ: они, не питаются только и растутъ, но имѣють чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ.

Пусть же у насъ принято будетъ въ словѣ такое дѣленіе: изъ существъ иное есть нѣчто умопредставляемое, а иное тѣлесное, но дѣленіе умопредставляемаго на собственныя ему части отложено въ сторону: потому что не о немъ у насъ рѣчь. А изъ тѣлеснаго иное во все лишено жизни, иное же причастно жизненной дѣятельности. Опять изъ тѣлъ живыхъ, иное живетъ имѣя чувства, а иное лишено чувства. Потомъ чувствительное раздѣляется

опять на словесное и бессловесное. Посему законодатель говорить, что послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябаніи растеній, потомъ вводитъ въ бытіе тварей управляемыхъ чувствомъ. И поеліку по сей послѣдовательности изъ пріярившихъ жизнь тѣлесную иные могутъ быть чувствующими себя и безъ разумнаго естества, а естество словесное не иначе можетъ быть въ тѣлѣ, какъ въ раствореніи съ чувственнымъ; то по сей причинѣ послѣднимъ послѣ растеній и животныхъ устроены челоуѣкъ, такъ что природа какимъ-то путемъ послѣдовательно восходила къ совершенству. Ибо всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — челоуѣкѣ. По естественному виду души онъ питается, съ растительною же силою соединена чувствительная, по природѣ своей занимающая средину между умопредставляемою и вещественною сущностію, въ такой мѣрѣ грубѣйшая первой, въ какой она чище послѣдней. Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоноснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоеніе и сраствореніе умопредставляемой сущности, чтобы челоуѣкъ составленъ былъ изъ силъ трехъ естествъ.

Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Ефесеямъ, желая

имъ да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господя (1 Сол. 5, 23.), и питательную часть называя тѣломъ, чувствующее означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: духъ. А также и Господь научаетъ въ Евангеліи книжника предпочитать всякой заповѣди любовь къ Богу, свидѣтельствуемую отъ всего сердца, отъ всей души, и всѣмъ помышленіемъ (Лук. 10, 27.). Ибо и здѣсь, мнѣ кажется, слово Писанія объясняетъ ту же разность, сердцемъ называя состояніе тѣлесное, душею естество среднее, а помышленіемъ высшую умопредставляемую и творческую силу. Отсюда Апостолъ знаетъ три различныя произволенія, и именуетъ плотскимъ то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; душевнымъ, которое въ срединѣ между добродѣтелию и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не вполне причастно добродѣтели, и духовнымъ, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу. Почему Коринѣянамъ, порицая ихъ преданность забавамъ и страстямъ, говоритъ: *плотстѣи есте* (1 Кор. 3, 3.), и не можете вмѣстить въ себѣ совершеннѣйшихъ ученій. Въ другомъ же мѣстѣ, дѣлая нѣкое сличеніе произволенія средняго съ совершеннымъ, говоритъ: *душевнѣе же чловѣкъ не пріемлетъ яже Духа: юродство бо ему есть. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется* (1 Кор.

2, 14. 15.). Посему какъ душевныйъ выше плотскаго, такъ въ томъ же отношеніи духовный превышаетъ душевнаго.

Итакъ если Писаніе говорить, что человѣкъ созданъ былъ послѣднимъ послѣ всего одушевленнаго, не иное что означается симъ, какъ то, что Законодатель любомудрствуетъ о душѣ нашей по необходимой нѣкоей послѣдовательности въ порядкѣ, въ окончательномъ усматривая совершенное. Ибо въ словесномъ заключается и прочее, а въ чувственномъ есть, безъ сомнѣнія, и естественное, послѣднее же усматривается только вещественнымъ. Посему природа естественнымъ образомъ, какъ бы по степенямъ, разумѣю отличительныя свойства жизни, дѣлаетъ восхожденіе отъ малаго къ совершенному.

И поелику человѣкъ есть словесное нѣкое живое существо, то нужно было устроить тѣлесное орудіе, соотвѣтственное потребности слова. Какъ видимъ, что музыканты съ родомъ орудійъ соображаютъ и музыку, на лирѣ не свиряютъ, и свирѣли не употребляютъ вмѣсто гуслей: такъ, подобнымъ сему образомъ, и для слова нужно было соотвѣтственное устройство орудій, чтобы, согласно съ потребностію реченій, изглашалось слово, образуемое голосными членами. Для сего-то приданы тѣлу руки. Ибо, если можно насчитать тысячи жизненныхъ потребностей, въ которыхъ эти до-

сужія и на многое достаточныя орудія рукъ полезны для всякаго искусства и всякой дѣятельности, съ успѣхомъ служа въ мирное и военное время; то преимущественно предъ прочими пуждами природа придала ихъ тѣлу ради слова.

Если бы человѣкъ лишень былъ рукъ, то у него, безъ сомнѣнія, по подобію четвероногихъ, соотвѣтственно потребности питаться устроены были бы части лица, и оно было продолговато, и утончалось къ поздырь: у рта выдавались впередъ губы мозолистыя, твердыя и толстыя, способныя щипать траву. Между зубами вложенъ былъ языкъ, отличный отъ теперешняго, мясистый, упругій и жесткій, помогающій зубамъ, или влажный и по краямъ мягкій, какъ у собакъ и прочихъ сыроедныхъ животныхъ, вращающійся въ промежуткахъ остраго ряда зубовъ. Посему, если бы у тѣла не было рукъ, то какъ образовался бы у него членораздѣльный звукъ, когда устройство рта не было бы приспособлено къ потребности произношенія? Безъ сомнѣнія, необходимо было бы человѣку, или блеять, или мычать, или лаять, или ржать, или ревъть подобно воламъ и осламъ, или издавать какое либо звѣрское рыканіе. А теперь, когда тѣлу дана рука, уста свободны для служенія слову. Слѣдовательно руки оказываются принадлежностію словеснаго естества; Творецъ и ихъ примыслилъ для удобства слову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О томъ, что орудное устройство челоѣка приспособлено къ потребности слова.

Поселику Творецъ созданію нашему даровалъ нѣкую Божественную благодать, вложивъ въ образъ подобіе Своихъ благъ; то прочія блага далъ естеству челоѣческому по Своей щедротѣ: объ умѣ же и мудрости должно сказать, что въ собственномъ смыслѣ, не столько ихъ далъ, сколько сообщилъ, обложивъ образъ собственными лѣнотами Своего естества. А какъ умъ есть нѣкое умопредставляемое и безтѣлесное достояніе; то даръ былъ бы несообщимъ и неудѣлимъ, если бы движеніе его не обнаруживалось какимъ либо примышленіемъ. Для сего-то потребовалось это орудное устройство, чтобы умъ, подобно смычку касаясь голосныхъ членовъ, какимъ бы то нибыло изображеніемъ звуковъ, истолковывалъ внутреннее движеніе. И какъ искусный какой музыкантъ, не имѣя по болѣзни собственнаго своего голоса, но желая выказать свое знаніе, пользуется въ пѣніи чужими голосами, свирѣлями или лирою обнаруживая предъ всѣми свое искусство; такъ умъ челоѣческій, изобрѣтатель всякаго рода мыслей, по невозможности выказать стремленій мысли душѣ, понимающей при помощи тѣлесныхъ чувствъ, какъ свѣдущій какой художникъ, касаясь сихъ одуше-

вленныхъ орудій, извлекаемымъ изъ нихъ звукомъ дѣлають явными сокровенныя мысли.

Въ человѣческомъ же орудіи смѣшана какая-то музыка свирѣли и лиры, какъ бы въ одно время издающихъ стройный звукъ. Дыханіе, чрезъ бѣющуюся жилу изъ воздухопріемныхъ сосудовъ вытѣсняемое вверхъ, когда усиліе говорящаго издать голосъ приводитъ въ напряженіе членъ, сотрясаемый прираженіями извнутри, которыя кругомъ объемлють этотъ свирѣли подобный проходъ;—издають звукъ, уподобляющійся нѣсколько звуку свирѣли, несвободно кружась по перепончатымъ возвышеніямъ въ горлѣ. А небо во рту идущій съ низу звукъ принимаетъ полостію, которая подъ нимъ, и въ двойныхъ свирѣляхъ, простирающихся до ноздрей, какъ бы чешуйчатыми какими возвышеніями, хрящами въ верхней части носа раздробляя звукъ, дѣлають его сильнѣйшимъ. Щеки же, языкъ, снарядъ около гортани, по которому спускается подбородокъ, имѣющій впадину и оканчивающійся остріемъ, все это въ различныхъ видахъ и многими способами представляетъ движеніе смычка по струнамъ, при времени, съ большою скоростію соотвѣтственно потребности, настраивающее тоны, а разжатіе и сжатіе губъ производять тоже, что воздухъ въ свирѣли у задерживающихъ его пальцами, т. е. ту же стройность пѣнія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О томъ, что умъ дѣйствуетъ посредствомъ чувствъ.

Послику умъ, посредствомъ сего оруднаго снаряда, слагаетъ въ насъ слово; то стали мы словесными. Но не имѣли бы какъ думаю, дара слова, еслибы на устахъ лежала вся тяжесть и трудность служенія потребности тѣла принятіемъ пищи. Тенерь же таковое служеніе приняли на себя руки, а уста оставили свободными для служенія слову.

Дѣйствованіе же симъ орудіемъ двойко: одно въ произведеніи звука, другое въ воспріятіи представленій получаемыхъ совнѣ. И одно дѣйствованіе не смѣшивается съ другимъ, а остается при томъ, къ чему назначено природою, не безпокая сосѣда; слухъ не говоритъ, и голосъ не слышитъ. Ибо голосъ всегда непременно что-либо издаетъ, а слухъ, постоянно пріемля въ себя, *не насыщается*, какъ говоритъ негдѣ Соломонъ (Притч. 27, 20.), что, по моему мнѣнію, наипаче заслуживаетъ въ насъ удивленіе. Какова же обширность этого внутренняго вмѣстилища, въ которое стекается все, вливающееся посредствомъ слуха? Кто составители памятныхъ записей о всѣхъ входящихъ въ него рѣчахъ? Какія помѣщенія для влагаемыхъ слухомъ понятій; и почему при

множествѣ и разнообразіи силъ понятій, одно къ другому прилагаемыхъ, не бываетъ смѣшенія и ошибокъ во взаимномъ положеніи всего сложеннаго? А равно этому же подвигнется иный и въ дѣятельности зрѣнія. Ибо посредствомъ зрѣнія умъ, подобнымъ сему образомъ, овладѣваетъ тѣмъ, что внѣ тѣла, къ себѣ привлекаетъ облики видимыхъ вещей, написуя въ себѣ начертанія всего подлежащаго зрѣнію. И какъ, если обширный какой городъ разными входами будетъ принимать въ себя пришлыхъ, и не всѣ они станутъ входить въ одно мѣсто въ городѣ, но одни пойдутъ на рынки, другіе въ дома, иные въ церкви, или расположатся, кто на улицѣ, кто въ переулкѣ, кто въ зрѣлищномъ домѣ, каждый по собственному своему усмотрѣнію: такъ подобнымъ сему вижу населенный внутри насъ и градъ ума, который посредствомъ чувствъ наполняютъ разные входы, и умъ, рассматривая и разбирая каждого входящаго, размѣщаетъ по соответственнымъ мѣстамъ вѣдѣнія.

И (во взятомъ въ примѣръ городѣ) нерѣдко бываетъ, что иные, будучи соплеменниками и родственниками, не одними воротами вступаютъ въ городъ, но, по случаю одни войдя тѣмъ, другіе другимъ входомъ, тѣмъ не менѣе, какъ скоро придутъ внутрь стѣнной ограды, снова между собою сходятся, имѣя взаимныя связи; а можно найдти, что бываетъ наоборотъ:

ничѣмъ не соединенные и незнакомые другъ съ другомъ пользуются часто однимъ входомъ въ городъ, но общеніе во входѣ не связываетъ ихъ между собою: потому что, вошедши въ городъ, могутъ отдѣлиться къ соплеменникамъ. Подобное иѣчто усматриваю и въ обширной области ума. Нерѣдко изъ разныхъ чувствилищъ собирается въ насъ одно познаніе, такъ какъ одинъ и тотже предметъ многократно дѣлится по чувствамъ: а бываетъ также и противное, однимъ какимъ либо чувствомъ, познаемъ многое и разнообразное, ни съ чѣмъ по природѣ между собою не сходствующее. Напримѣръ (ибо всего лучше уясняется понятіе примѣрами): пусть предлагается сдѣлать разысканіе о свойствѣ соковъ, — что сладко для чувства, и отвратительно для вкушающихъ. По опыту найдены и горечь желчи и сладость качества въ медѣ. При разности сихъ вещей одно доставляетъ познаніе одинъ и тотъ же предметъ, многократно вселяемый въ мысль: или вкусомъ, или обоняніемъ, или слухомъ, нерѣдко же осязаніемъ и зрѣніемъ: потому что видитъ ли кто медъ, слышитъ ли имя его, пытается ли на вкусъ, обоняніемъ ли познать запахъ, испытываетъ ли осязаніемъ, каждымъ изъ чувствилищъ приобрѣтаетъ познаніе объ одномъ и томъ же предметѣ. Но разнообразно также и многовидно то, чему научаемся съ помощію одного какого либо чувства: потому

Вотъ
какъ
записано

что слухъ принимаетъ всякіе звуки, и пониманіе, приобрѣтаемое посредствомъ глазъ, безразлично дѣйствуетъ при взглядѣ на различные предметы; потому что одинаково встрѣчается и съ бѣлымъ и съ чернымъ и со всѣми до противоположности различными цвѣтами. А тоже сказать должно и о вкусѣ, тоже и объ обоняннѣ, тоже о пониманнѣ посредствомъ осязанія; каждое чувство свойственнымъ ему пониманнѣмъ даетъ познаніе о предметахъ всякаго рода.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О томъ, что сгество челоѣческое не уразумѣаемо.

Посему чтоже такое по природѣ своей умъ, который удѣляетъ себя чувственнымъ силамъ, и каждую приобрѣтаетъ сообразное ей познаніе о существахъ? Что онъ есть нѣчто иное отъ чувствъ, въ этомъ, думаю, не сомнѣвается никто изъ здравомыслящихъ. Еслибы умъ былъ одно и тоже съ чувствомъ; то, конечно, имѣлъ бы сродство съ одною изъ чувственныхъ дѣятельностей: потому что онъ простъ, и въ простомъ не усматривается разнообразія. Но теперь въ сложности всѣхъ чувствъ иное нѣчто есть осязаніе, и иное обоняннѣ, также и другія чувства между собою разобщены, и не смѣшива-

ются, тогда какъ умъ равно присущъ каждому чувству; посему непремѣнно надлежитъ предположить естество ума чѣмъ-то отличнымъ отъ чувства, чтобы къ умопредставляемому не примѣшалось какого либо разнообразія. *Гото разумъ умъ Господень?* говоритъ Апостолъ (Рим. 11, 34.). А я присовокуплю къ этому: кто уразумѣтъ собственный свой умъ? Пусть скажутъ утверждающіе, что разумѣніемъ своимъ объяли естество Божіе, уразумѣли ли они себя самихъ? Познали ли естество собственного своего ума? Есть ли онъ что либо многочастное и многосложное, и посему умопредставляемое въ сложности? Или умъ есть какой-то способъ срастворять разнородное? Но умъ простъ и не сложенъ; какъ же разсѣвается въ чувственной многочастности? Отчего въ единствѣ разнообразное? Какъ въ разнообразіи единое? —

Но нашелъ я рѣшеніе сихъ недоумѣній, прибѣгнувъ къ Божію слову. Ибо сказано: *сотворилъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Образъ, пока не имѣетъ недостатка ни въ чемъ представляемому въ первообразѣ, въ собственномъ смыслѣ есть образъ: но какъ скоро лишается въ чемъ либо подобія съ Первообразомъ, въ этомъ самомъ ~~не~~ есть уже образъ. Посему, такъ какъ однимъ изъ свойствъ, усматриваемыхъ въ Божіемъ ествѣ, есть непостижимость сущности: то

по всей необходимости и образъ въ этомъ имѣть сходство съ Первообразомъ. Еслибы естество образа оказалось постижимымъ, а первообразъ былъ выше постиженія; то сія противоположность усматриваемыхъ свойствъ обличила бы погрѣнительность образа. Но какъ не подлежитъ познанію естество нашего ума, созданнаго по образу Сотворшаго: то имѣть онъ точное сходство съ превыше-Сущимъ, непознаваемою своею отличая непостижимое свое естество.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Изсѣдованіе о томъ, въ какомъ мѣстѣ должно полагать владычественное души; и ученіе естествословія о слезахъ и смѣхѣ, также естественное пѣкое разсужденіе объ общеніи вещества, естества и ума.

Посему да умолкнетъ всякое водящееся догадками пустословіе заключающихъ мыслительную дѣятельность въ какихъ либо тѣлесныхъ членахъ. Одни изъ нихъ полагаютъ, что владычественное души въ сердцѣ, другіе говорятъ, что умъ пребываетъ въ головномъ мозгу, и таковыя мнѣнія подтверждаютъ нѣкіими слабыми вѣроятностями.

Предполагающій владычество въ сердцѣ въ доказательство своего положенія приводитъ мѣстное положеніе сердца, такъ какъ оно, по-

видимому, занимаетъ средину всего тѣла, чтобы произвольное движеніе изъ средины удобно удѣлялось всему тѣлу, и такимъ образомъ приходило въ дѣятельность. А въ подтвержденіе своего ученія представляетъ скорбное и раздраженное расположеніе человѣка, а именно, что таковыя страстныя движенія, по видимому, этотъ членъ въ тѣлѣ возбуждаютъ къ страстию.

А тѣ, которые головной мозгъ освящаютъ въ храмъ разсудку, говорятъ, что голова устроена природою, какъ нѣкая твердыня всего тѣла: и въ ней, какъ нѣкій царь, обитаетъ умъ, окружаемый чувствилищами, какъ бы нѣкими предстоящими предъ нимъ вѣстниками или щитоносцами. И въ доказательство такового мнѣнія представляютъ они, что у кого повреждена мозговая оболочка, у тѣхъ разсудокъ дѣйствуетъ неправильно, и у кого голова отяжелѣла отъ упоенія, тѣ дѣлаются незнающими приличія.

Каждый же изъ защитниковъ снхъ мнѣній присовокупляетъ и другія болѣе естественныя причины своей догадки о владычественномъ въ душѣ. Ибо одинъ утверждаетъ, что движеніе мысли имѣетъ сродство съ огненной стихіей, потому что и огонь и мысль присно-движны. И поелику, по общему признанію, изъ сердца источается теплота: то, утверждая посему, что движеніе ума срастворяется при-

снодвижностію теплоты, говорить, что сердце, въ которомъ заключается теплота, есть вмѣстилище умнаго естества. А другой разсуждаетъ, что мозговая оболочка (ибо такъ называютъ плеву объемлющую собою головной мозгъ) есть какъ бы основаніе и корень всѣхъ чувствилищъ. И симъ увѣряются въ своемъ положеніи, что умственная дѣятельность имѣетъ сѣдалище не въ иномъ мѣстѣ, а въ той части, съ которою соединенное ухо отражаетъ входящіе въ него звуки; и связанное основаніемъ вмѣстлица глазъ зрѣніе, въ слѣдствіе входящихъ въ зѣницы образовъ, производитъ внутри ихъ отпечатлѣніе, и качества испареній въ сей части различаются при втягиваніи ихъ ноздрями; и чувство вкуса оцѣнивается различеніемъ мозговой оболочки, которая вблизи отъ себя пускаетъ нѣсколько волокнистыхъ чувствительныхъ отпрысковъ по шейнымъ позвонкамъ до сѣтчатого прохода въ находящихся тутъ мускулахъ.

Признаю я справедливымъ, что мыслительная сила души часто приводится въ замѣшательство при усиленіи страданій, и разсудокъ ослабѣваетъ въ естественной ему дѣятельности отъ какого либо тѣлеснаго обстоятельства, а также, что нѣкоторымъ источникомъ огненного начала въ тѣлѣ есть сердце, приводимое въ движеніе съ порывами раздраженія. А сверхъ сего, что въ основаніи чувствилищъ лежитъ мозговая

оболочка, по словамъ естествослововъ, покрывающая собою головный мозгъ, и умащаемая исходящими оттуда испареніями,—слыша отъ занимавшихся анатомическими изслѣдованіями, не отрицаю таковыхъ сказаній. Но не принимаю сего въ доказательство, что безплотное естество объемлется какими либо мѣстными очертаніями. Ибо дознали мы, что разстройство ума бываетъ не отъ одной головной боли, но и при болѣзненномъ состояніи плевъ, связующихъ подреберные члены, страдаетъ также мыслительная сила, какъ утверждаютъ свѣдущіе во врачебной наукѣ, называя болѣзнь сію *φρενitis* (бѣшенство), потому что именованіе сие плевамъ—грудобрюшныя (*φρεν*). И сіе ощущение скорби ошибочно разумѣется происходящимъ въ сердцѣ: потому что при колотьи, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, но неопытности относятъ страданіе къ сердцу. Подобное нѣчто усматриваютъ съ точностію выкавши въ болѣзненные состоянія, а именно: что отъ естественно происходящаго во всемъ тѣлѣ ослабленія волоконъ, при скорбныхъ расположеніяхъ и при завалахъ, все препятствующее свободному дыханію скопляется въ самыхъ внутреннихъ пустотахъ. Почему, при стѣсненіи служащихъ къ переведенію дыханія внутренностей, тѣмъ, что окружаетъ ихъ, втягиваніе въ себя воздуха дѣлается часто насильственнымъ, потому что самая природа

разширяеть стѣсненное, чтобы раздвинуть сжавшееся. Такое же трудное дыханіе признаемъ припадкомъ скорби, называя вздохомъ и стономъ. Но кажущееся стѣсненіе въ сердечной сорочкѣ есть непріятность ощущаемая, не въ сердцѣ, а въ брюшномъ отверстіи, по той же самой, разумѣю, причинѣ, по которой при ослабленіи волоконъ, желчепріемный сосудъ отъ стѣсненія изливаетъ и это колотье и эту ѣдкую мокроту на брюшное отверстіе. Доказательствомъ же сему то, что у огорченныхъ и паружность дѣлается блѣдноватою и желтоватою отъ чрезмѣрнаго скопленія желчи, разливающей свою влагу по кровеноснымъ жиламъ.

Но еще болѣе подтверждаетъ мысль мою то движеніе, которое происходитъ отъ противоположной причины, разумѣю веселіе и смѣхъ. Ибо отъ удовольствія разрѣшаются и разширяются какъ-то тѣлесныя волокны въ улаждаемыхъ какимъ либо пріятнымъ слухомъ. Какъ тамъ отъ скорби замыкаются тонкія и незамѣтныя одушины волоконъ, и, сжимая внутреннее расположеніе внутренностей, къ головѣ и мозговой оболочкѣ возгоняють влажное испареніе, которое, во множествѣ будучи принято пустотами головного мозга, по волокнамъ, находящимся въ его основаніи, гонится къ глазамъ, откуда сжиманіемъ бровей извлекается каплями влага, и эта капля называется слезою. Такъ представь себѣ, что въ противополож-

номъ сему расположеніи болѣе обыкновеннаго расширены волокны, и ими во внутренность втягивается какой-то воздухъ, а оттуда силою природы изгоняется опять проходомъ идущимъ ко рту, при чемъ гонять выѣстъ таковій воздухъ въ внутренности, болѣе же всего печень, какъ говорятъ, съ какимъ-то порывистымъ и кипучимъ движеніемъ. Почему природа, устроая удобство для выхода воздуха, расширяетъ идущій ко рту проходъ, при выдыханіи въ обѣ стороны раздвигая щеки: и что бываетъ при семъ, то называется смѣломъ.

Итакъ не должно заключать изъ сего, что владычественное души въ печени, а также, по причинѣ восплащенія крови въ грудобрюшнѣ во время раздражительныхъ расположеній, полагать, что мѣстопробываніе ума въ сердцѣ. Но хотя и должно сіе зависѣть отъ извѣстныхъ снарядовъ въ тѣлахъ; однакоже надлежитъ при семъ полагать, что умъ, по необъяснимому закону срастворенія, безъ предпочтительности соприкасается къ каждому члену.

Если иные противопоставятъ намъ въ этомъ Писаніе, свидѣтельствующее, что владычественное души въ сердцѣ: то не безъ изгѣдованія примемъ слово. Ибо упомянувшій о сердцѣ упомянулъ и о почкахъ (*νεφρός*), сказавъ: *испытаяй сердца и утробы (νεφρός) Божие* (Пс. 7, 10.): а снмъ показалъ, что, или въ

томъ и другомъ, или ни въ томъ ни въ другомъ, не заключена умственная сила.

Узнавъ, что умственные дѣятельности при извѣстномъ расположеніи тѣла слабѣютъ, или вовсе бездѣйственны, не признаютъ сего достаточнымъ доказательствомъ того, что сила ума ограничивается какимъ либо мѣстомъ, такъ что съ появленіемъ мѣстныхъ опухолей и умъ уже не имѣетъ для себя простора. Ибо тѣлесно такое мѣсто, будто бы, когда сосудъ занятъ чѣмъ нибудь въ него вложеннымъ, ничему другому не найдти уже для себя въ немъ мѣста. Умное естество и въ пустотахъ тѣлесныхъ вселяться не любитъ, и прензобиліемъ плоти не изгоняется. Но поелюку тѣло устроено подобно музыкальному орудію: то какъ нерѣдко случается, что искусные въ музыкѣ не могутъ показать своего искусства, по негодности орудіи, не поддающагося искусству (и свирѣль, поврежденная временемъ, или разбитая отъ паденія, или сдѣлавшаяся негодною отъ ржавчины и плѣсени, не издаетъ звука и не дѣйствуетъ, хотя надуваетъ ее признаваемый искуспѣишимъ игрокомъ на свирѣли): такъ и умъ дѣйствуя на цѣлое орудіе, и сообразно съ умственными дѣятельностями прикасаясь, по обычаю, къ каждому члену, въ тѣхъ изъ нихъ, которые въ естественномъ положеніи, производятъ, что ему свойственно, а въ тѣхъ которые отказываются принимать художниче-

ское его движеніе, остается безуспѣшнымъ и бездѣйственнымъ. Умъ обыкновенно состоитъ въ какомъ-то свойствѣ съ тѣмъ, что въ естественномъ положеніи, и чуждъ тому, что выведено изъ сего положенія.

И мнѣ болѣе естественнымъ кажется съ одной стороны сіе умозрѣніе, съ помощію котораго можно дознать одно изъ лучшихъ ученій. Послѣку прекраснѣйшее и превосходнѣйшее изъ всѣхъ благо есть само Божество, къ которому устремлено все, вождѣлѣвающее прекраснаго: то утверждаемъ посему, что и умъ, какъ созданный по образу Наилучшаго, пока, сколько можно ему, причастенъ подобія первообразу, и самъ пребываетъ въ лѣнотѣ: если же сколько нибудь уклонится отъ сего подобія, лишается красоты, въ которой пребывалъ. А какъ, по сказанному нами, умъ украшается подобіемъ первообразной красотѣ, подобно какому-то зеркалу, которое дѣлается изображающимъ черты видимаго въ немъ: то, сообразно съ симъ, заключаемъ, что и управляемое умомъ естество держится его, и само украшается предстоящею красою, дѣлаясь какъ бы зеркаломъ зеркала: а пмъ охраняется и поддерживается вещественное въ томъ составѣ, естество котораго разсматривается. Посему, пока одно другаго держится, во всемъ соразмѣрно происходитъ общеніе истинной красоты, посредствомъ высшаго украшается непосред-

ственно за тѣмъ слѣдующее. А когда произой-
 деть нѣкое расгорженіе этого добраго сдѣле-
 нія, и пр. на оборотъ, высшее будетъ слѣдо-
 вать низшему, тогда, какъ скоро само веще-
 ство отступитъ отъ природы, обнаруживается
 его безобразіе (потому что вещество само въ
 себѣ безобразно и неустроено), и безобра-
 зіемъ его поргится красота естества, украшае-
 маго умомъ. А такимъ образомъ совершается
 естествомъ передача гнусности вещества са-
 мому уму, такъ что въ чертахъ твари не усма-
 тривается уже Божія образа. Умъ, составляя
 въ себѣ образъ добротъ, подобно кривому
 зеркалу, оставляетъ не изображенными свѣт-
 лья черты добра, отражаетъ же въ себѣ бе-
 зобразіе вещества. И такимъ образомъ совер-
 шается происхождение зла, производимое изъ-
 ятіемъ прекраснаго. Прекрасно же все то, что
 состоитъ въ свойствѣ съ первоначальнымъ бла-
 гомъ: а что внѣ сношенія и сходства съ онымъ,
 то несомѣнно чуждо прекраснаго. Посему,
 если, по разсмотрѣнному нами, истинное благо
 одно; и умъ потому уже, что созданъ по об-
 разу прекраснаго, самъ имѣетъ возможность
 быть прекраснымъ; и естество, поддерживае-
 мое умомъ, есть какъ бы нѣкій образъ образа:
 то доказывается симъ, что вещественное об-
 разуется въ насъ, и приводится къ своему
 концу, когда управляетъ имъ естество: раз-
 рушается же снова и распадается, когда раз-

лучено съ преобладающимъ и поддерживающимъ, и расторгнуто его единеніе съ прекраснымъ. А подобное сему непиначе происходить, какъ при обращеніи естества къ обратному порядку, когда пожеланіе склоняется не къ прекрасному, а къ тому, что само имѣетъ нужду въ украшающемъ.) Ибо, при нищетѣ вещества въ собственномъ своемъ образѣ, уполюбяющагося ему по всей необходимости преобразуется въ нѣчто некрасивое и безобразное.

Но сіе въ пѣкоторой послѣдовательности разыскано нами, какъ входящее въ предметъ обозрѣнія. Ибо вопросъ былъ о томъ, въ одной ли какой части нашего тѣла помѣщается умственная сила, или равно простирается на все части. И какъ ограничивающіе умъ мѣстными частями въ подтвержденіе такого своего предположенія представляютъ, что мысль не благоусиѣнно дѣйствуетъ у имѣющихъ мозговья оболочки въ неестественномъ состояніи: то наше слово доказало, что во всякой части человѣческаго состава, какою обыкновенно каждый дѣйствуетъ, сила души равно пребываетъ бездѣйственной, когда часть сія не въ естественномъ состояніи. А изъ сего ~~ослѣ~~дствительно вытекло предложенное въ словѣ умозрѣніе, изъ котораго дознаемъ, что въ человѣческомъ составѣ умъ управляется Богомъ, а умомъ — наша вещественная жизнь, когда

она въ естественномъ состояніи. Если же уклоняется отъ естества, то дѣлается чуждою и дѣятельности ума.

Но возвратимся опять къ тому, съ чего начали, а именно, что въ тѣхъ, которые не вышли изъ естественнаго состоянія въ слѣдствіе какого либо страданія, умъ дѣйствуетъ своею естественною ему силою, и крѣпокъ въ хорошо-устроенныхъ, а на оборотъ, дѣлается немощнымъ въ тѣхъ, которые не даютъ въ себѣ мѣста его дѣятельности. Можно же и другими доказательствами подтвердить вѣроятность ученія объ этомъ. И если не обременительно для слуха утружденныхъ уже словомъ, сколько можемъ, разсудимъ кратко и объ этомъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Изыскованіе о снѣ, зѣвоѣ и сновидѣніяхъ.

Вещественная и быстро протекающая жизнь тѣлъ, всегда движущаяся впередъ, въ томъ и имѣетъ силу бытія, что никогда не останавливается въ движеніи. Какъ рѣка какая нибудь, текущая по своему направленію, хотя то углубленіе, по которому течетъ, показываетъ полымъ, однакоже въ ней не всегда видна одна и таже вода въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но одна уже протекла, а другая притекаетъ. Такъ и вещественное въ здѣшней жизни, въ слѣд-

ствіе какаго-то движенія и теченія, мѣняется
отъ непрерывнаго преемства противоположно-
стей, такъ что никогда не можетъ стать безъ
измѣненія, но, при возможности придти въ не-
подвижность, продолжаетъ непрестанное дви-
женіе, подобное замѣняя подобнымъ. Если же
когда движимое прекратитъ свое движеніе, то
непремѣнно произойдетъ и прекращеніе суще-
ствованія. Напримѣръ: ꙗко за полнотою послѣдо-
вала пустота, и мѣсто пустоты заняла опять
полнота. Сонъ ослабилъ напряженное въ бодр-
ствованіи: потомъ бодрствованіе привело въ
напряжение, что было ослаблено. И ни которое
изъ сихъ состояній не продолжается вмѣстѣ съ
другимъ и непрестанно, но оба уступаютъ
мѣсто другъ другу при появленіи того и дру-
гаго; и такимъ образомъ естество сими пере-
мѣнами обновляетъ само себя, такъ что не-
престанно пребывая въ томъ или другомъ со-
стояніи переходитъ изъ одного въ другое. Ибо
въ живомъ существѣ всегдашнее напряженіе
дѣятельностей производитъ какою-то разрывъ
и расторженіе напрягаемыхъ членовъ: а не-
престанный покой тѣла приводитъ составъ его
въ какой-то упадокъ и въ расслабленіе. Если
же во-время и умѣренно быть въ томъ и дру-
гомъ состояніи: то сіе даетъ естеству силу къ
поддержанію себя: при постоянномъ переходѣ
изъ противоположности въ противоположность
въ одной изъ нихъ находитъ оно себѣ уюкое-

ніе отъ другой. Такъ переходъ сей, когда тѣло напряжено бодрствованіемъ, ослабляетъ въ немъ напряженіе спомъ, на время прекращая дѣятельность силъ чувственныхъ, подобно тому, какъ и коней послѣ состязанія отрѣзаютъ отъ колесницъ.

Благовременный же отдыхъ для тѣлеснаго состава необходимъ, чтобы нища безиреянтственно разошлась по всему тѣлу извѣстными въ немъ для сего путями, тогда какъ никакое напряженіе не мѣшаетъ сему переходу. Чтѣ бываетъ съ увлажненною землею: когда солнце освѣтитъ ее теплѣйшими лучами, изъ глубины ея извлекаются нѣкіе туманные пары: подобное сему происходитъ и съ нашею землею, когда нища воскинаетъ внутри отъ естественной теплоты. Пары, которые по природѣ стремятся вверхъ, воздухообразны и переходятъ въ то, чтѣ надъ ними, собираются въ головныхъ помѣщеніяхъ, подобно какому-то дыму, нищуему выхода себѣ въ стѣнные лазы. Поэтому, испаряясь отсюда по волокнамъ чувствилщъ, перемѣниваются, и отъ нихъ по необходимости въ бездѣйствіе приходитъ чувство, давая свободный проходъ онымъ парамъ. Зрѣніе преграждается рѣсницами, которыя опускаетъ на глаза какъ бы наложенный какой свинець: такова нѣ тяжесть. Слухъ, одолевъ отъ силъ же самымъ паровъ, какъ будто отъ наложенной какой двери на слуховые чле-

ны, успокоивается отъ естественной дѣятельности. Такое страдательное состояніе есть сонъ, во время котораго чувство въ тѣлѣ бездѣйственно, и всякое естественное движеніе неисполнимо, чтобы передача пищи, проходящей вмѣстѣ съ парами по каждому изъ внутреннихъ путей сообщенія, совершалась удобно.

Посему-то, если чувствительный снарядъ затѣсненъ внутреннимъ испареніемъ, а сну мѣшаетъ какая либо потребность: то волокны, наполнившись парами, сами собою естественно напругаются, и въ слѣдствіе напряженія одесѣвшій отъ паровъ членъ утончается, какъ подобное нѣчто дѣлають выжимающіе изъ одежды воду, для чего сильно нѣхъ свиваются. И поелику части горла округлены и изобилуютъ волокнами: то, когда нужно изгонять изъ нѣхъ сгустившіеся пары (такъ какъ круговидную часть невозможно вытягивать по прямой чертѣ, если не будетъ растянута въ окружности, а по сей причинѣ, по принятіи въ себя человекомъ воздуха во время зѣвоты, когда въ подбородкѣ въ низу горловымъ языкомъ производится впадина, и все, что внутри, растягивается въ видѣ круга), — дымящая оная густота, угрожавшая этимъ членамъ, выдыхается вмѣстѣ съ выдыхаемымъ воздухомъ. Но извѣстно, что подобное сему случается нерѣдко и послѣ сна, когда сколько нибудь паровъ

остается въ мѣстахъ, изъ которыхъ имѣтъ выхода и выдыханія.

Итакъ умъ человѣческій ясно симъ доказывать, что поступаетъ онъ согласно съ естествомъ: если, когда оно здорово и бодрствуетъ, и самъ дѣйствуетъ и бываетъ въ движеніи; а когда погружено въ сонъ, и самъ остается неподвижнымъ, если только и соннаго мечтанія не приметъ кто за движеніе ума, происходящее во время сна. Но мы утверждаемъ, что одну разсудительную и здравую дѣятельность мысли должно приписывать уму, а о мечтательныхъ и сонныхъ грезахъ, какъ о нѣкихъ призракахъ умственной дѣятельности, думаемъ такъ, что случайно составляются тою душою, которая неразумна. Ибо, когда душа отрѣшена сномъ отъ чувствъ, тогда по необходимости приходится ей быть и внѣ умственной дѣятельности: потому что посредствомъ чувствъ, въ человѣкѣ происходитъ сраствореніе ума, и потому, когда чувства не дѣйствуютъ, по необходимости бездѣйствена и мысль.

Доказательствомъ служить то, что мечтающій во снѣ часто представляетъ себѣ неумѣстное и невозможное: чего не было бы, если бы душа и тогда управлялась разсудкомъ и размышленіемъ. Но имѣ кажется, что въ душѣ покоятся превосходнѣйшія ея силы, — разумъ и умственную и чувственную дѣятельности, дѣйствуетъ же во время сна одна только нѣта-

тельная ея часть. Въ ней-то нѣкія подобія бывшаго на яву и отголоски протѣденнаго чувствомъ и мыслію, какіе только ощущаѣны въ ней памятною силою души, вѣдь, какъ ни есть, живописуются, если только въ таковой душевной способности сохранился какой-либо напоминающій отголосокъ. О семъ-то мечтаетъ человѣкъ, не какою либо неразрывною связію доводимый до собесѣдованія съ видимымъ, но обольщаемый смѣшанными и неослѣдовательными обманчивыми представленіями.

Но какъ въ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ, когда каждый членъ производитъ что нибудь особно данной ему отъ природы силѣ, бываетъ нѣкое и покоющагося члена соучастіе съ движимымъ: подобно сему и въ душѣ, если одна часть поконится, а другая въ движеніи, и цѣлое соучаствуетъ съ частию. Ибо невозможно во-все расторгнуться естественному единству, когда какая-либо изъ естественныхъ силъ преобладаетъ отчасти своею дѣятельностію. Но какъ въ бодрствующихъ и старательныхъ преобладаетъ умъ, чувство же прислуживается, а не отстаётъ отъ нихъ и правящая тѣломъ сила: потому что умъ по мѣрѣ потребности снабжаетъ пищу, чувство приѣмлетъ доставленное, а питательная сила тѣла усваиваетъ себѣ поданное: такъ и во снѣ извращается какъ-то въ насъ владычество этихъ силъ, и при преобладаніи силы разумной прекращается дѣятель-

ность другихъ силъ, но не уничтожается совершеніемъ. И какъ тогда питательная сила возбуждена, то и къ пищеваренію, и все естество занимаетъ собою; то, и не вовсе отрѣшается отъ нея сила чувственная (ибо невозможно тому раздѣлиться, что однажды соединилось), и не приходитъ въ силу ея дѣятельность, бездѣйствіемъ чувствилницъ останавливаемая во время сна. А какъ по тому же закону и умъ состоитъ въ связи съ чувственною способностію души, то слѣдуетъ сказать, что, когда въ движеніи сія способность и онъ приходитъ въ движеніе, а когда та въ покоѣ, съ нею вмѣстѣ поконится. Нѣчто подобное сему бываетъ обыкновенно съ огнемъ: когда отовсюду покрытъ онъ соломой, такъ что никакое дупленіе не возбуждаетъ пламени, тогда и лежащаго близко къ нему не подастъ, и не угасаетъ совершенно; но вмѣсто пламени сквозь соломѣ выходитъ въ воздухъ какой-то паръ. А если подуесть на него что нибудь; то дымъ обращается въ пламень. Такимъ же образомъ и умъ, во время сна закрытый бездѣйствіемъ чувствъ, и не въ состояніи чрезъ нилъ явить силу свою, и не угасаетъ совершенно: но движется, какъ нѣчто дымящееся, отчасти дѣйствуя нѣсколько, отчасти не имѣя возможности дѣйствовать. И какъ пный музыкантъ, налагая смычекъ на ослабѣвшія струны лиры, не по размѣру выводитъ пѣснь, потому что не на

тянутая струна не может издать звука; но, хотя рука производит часто искусныя движенія, вода смычкомъ сообразно съ ~~мѣстными~~ положеніемъ тоновъ, однако же звукомъ нѣтъ, а развѣ только при движеніи струнъ отдается какой-то глухой и несладный звонъ: такъ, когда снова ослабленъ орудійный снарядъ чувствилецъ, или вовсе унокоевается художникъ, если орудіе отъ какого-то переполненія или обремененія тернитъ совершенное расслабленіе, или дѣйствуетъ неспильно и слабо, потому что орудіе чувства не принимаетъ въ себя искусства въ точности.

Потому и сбивчивая память и предусмотрительность, дремлющая подъ какими-то палочеными покровами, представляютъ подобія того, что озабочивало на яву, и нерѣдко указуютъ нѣчто изъ сбывающагося. Ибо по тонкости естества душа нѣшетъ нѣчто большее сверхъ тѣлесной дебелости, и можетъ усматривать нѣчто изъ дѣйствительно существующаго. Вирочемъ не можетъ съ какою либо прямою объяснить сказуемое, чтобы наставленіе о предстоящемъ было ясно и открыто; но бываетъ только непрямое и двусмысленное обьявленіе будущаго, что разсуждающіе о подобныхъ вещахъ называютъ загадкою. Такъ виночерпій выжимаетъ гроздь въ чашу Фараонову: такъ алфободаръ представлялъ, что несетъ конницы: чѣмъ каждый занимался на яву, тѣмъ

же занимающимся почиталъ себя и въ сновидѣніи. Подобія обычныхъ имъ занятій, отпечатлѣвшіяся въ предусмотрительной способности души, подали случай по таковому пророчеству ума предугадать о томъ, что сбылось при времени.

Если же Даниилъ и Иосифъ и подобные имъ, безъ всякаго у нихъ смущенія чувствъ, Божественною силою обучаемы были въдѣнію будущаго: то сіе не относится къ настоящему слову. Ибо никто да не вмѣняетъ сего силѣ сновидѣній: такъ какъ иначе въ слѣдствіе сего и на яву бывающія Богоявленія почтеть, конечно, не видѣніемъ, но самослучайно производимымъ обычнымъ дѣломъ естества. Посему, какъ изъ всѣхъ людей, управляющихся собственнымъ умомъ, немного такихъ, которые удостоиваются явнаго собесѣдованія съ Богомъ: такъ, хотя у всѣхъ вообще бываютъ равнаго достоинства естественныя сонныя видѣнія, только нѣкоторые, а не все, дѣлаются въ сновидѣніяхъ причастными божественнаго нѣкоего откровенія. А всѣмъ другимъ, если сообщается въ сновидѣніяхъ нѣкое предвѣдѣніе о чемъ нибудь, то бываетъ сіе сказаннымъ выше способомъ.

Если же египетскій и ассирійскій самовластители Самимъ Богомъ путеводимы были къ въдѣнію будущаго: то въ этомъ особенное было Божіе смотрѣніе. Явною должна была со-

лѣматься сокровенная мудрость святыхъ, чтобы не безъ общей пользы совершить ей теченіе въ жизни. Какъ было бы узнано, что таковъ Даниилъ, если бы обаятели и волхвы не оказались безсильными открыть сонное видѣніе? Какъ спасся бы народъ египетскій, если бы Іосифа, заключеннаго въ темницѣ, не извело на среду истолкованіе сновидѣнія? Посему въ этомъ есть нѣчто иное, и не надлежитъ заключать о семъ по обыкновеннымъ сновидѣніямъ.

Самое обычное видѣніе сновъ есть общее для всѣхъ, и состоитъ въ представленіяхъ разнаго рода и вида. Ибо, или, какъ сказано, въ памяти у души остаются отголоски ежедневныхъ занятій, или нерѣдко состояніе сновъ сообразуется съ извѣстными расположеніями тѣла. Такъ жаждущему кажется, что онъ у источниковъ, и нуждающемуся въ пропитаніи,—что онъ на пиру, и юношѣ, во цвѣтѣ у него по возрасту силъ, мечтается сообразное его страсти.

Но узнавъ я и другую причину бывающаго во снѣ, ухаживая за однимъ изъ близенъ моихъ, подвергшимся умопомѣшательству. Обремененный пищею, принятою въ количествѣ превышавшемъ силы его, кричалъ онъ, укоряя вѣкругъ стоявшихъ за то, что, наполнивъ внутренности пометомъ, наложили на него. И когда тѣло у него готово уже было покрыться пометомъ, жаловался, что у присутствующихъ при-

готовлена вода прыскать ею на лежащаго. И онъ не переставалъ кричать, пока причины таковыхъ укоризнъ не объяснилъ конецъ дѣла. Ибо вдругъ потѣкъ изъ тѣла сильный потъ, и разрѣшившійся желудокъ показалъ бывшую во внутренностяхъ тяжесть. Посему, что при ослабленной трезвости болѣзнію терпѣла природа, соучаствовавшая въ страданіи тѣла, не чувствуя приводящаго ее въ безпокойство, и по болѣзненному разстройству уже не имѣя силъ привести въ ясность причиняющее скорбь, то, какъ и слѣдовало, если бы мыслительная сила души была усилена и не болѣзнію, но естественнымъ сномъ, у находящагося въ такомъ состояніи могло сдѣлаться сновидѣніемъ, въ которомъ водою означалось облитіе потомъ, а тяжестію внутренностей обремененіе пищею.

И многимъ изъ обучавшихся врачебной наукѣ кажется тоже, а именно, что по различію страданій бываютъ у больныхъ и сонныя видѣнія: нѣкоторые у имѣющихъ разстроенный желудокъ, нѣкоторые у людей съ поврежденными мозговыми оболочками: нѣкоторые опять у больныхъ горячкою; не одни и тѣже у страдающихъ отъ желчи и отъ мокротъ; опять нѣкоторые у полнокровныхъ и у изнеможенныхъ. Изъ сего можно видѣть, что питательная и растительная сила души имѣетъ нѣчто всѣянное въ нее отъ умственной силы въ слѣдствіе срастворенія, и это нѣкоторымъ образомъ уподобляется извѣстному

расположенію тѣла, сообразно преобладающей страсти преобразуясь въ сонныхъ мечтахъ. Еще составляются сновидѣнія у многихъ по состоянію нравовъ; нныя мечтанія у чловѣка мужественнаго, и нныя у боязливаго: нныя сновидѣнія у невоздержнаго, и нныя у цѣломудреннаго: объ нномъ грезить чловѣкъ щедрый, и объ нномъ ненасытній. И таковыя мечтанія образуетъ въ душѣ вовсе не мысль, но неразумное расположеніе; о чемъ привыкла душа размышлять на яву, образы того составляетъ оно въ сновидѣніяхъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О томъ, что умъ не въ какой либо части тѣла; и о различіи тѣлесныхъ и душевныхъ движеній.

Но далеко уклонились мы отъ предположеннаго. Слово наше имѣло для себя цѣлю показати, что умъ не привязанъ къ какой либо части тѣла, но равно прикосновенъ ко всему тѣлу, сообразно съ природою производя движеніе въ подлежащемъ его дѣйствію членѣ. Бываетъ же иногда, что умъ слѣдуетъ и естественнымъ стремленіямъ, какъ бы дѣлаясь слугою. Ибо нерѣдко управляетъ имъ ~~естество~~ тѣлесное, влагая въ него и чувство скорбнаго и вожделѣніе увеселяющаго: почему естество сіе доставляетъ и первыя начала, производя,

или пожеланіе пищи, или вообще побужденіе къ какому нибудь удовольствію; а умъ, приѣмля таковыя побужденія, по собственнымъ своимъ примышленіямъ доставляетъ тѣлу средства къ полученію желаемаго. Но не со всѣми бываетъ подобное сему, а только съ имѣющими болѣе грубыя расположенія, — съ людьми, которые, поработивъ разумъ естественнымъ побужденіямъ, при содѣйствіи ума отыскивая уладительное для чувствъ, рабѣнно льстятъ имъ: съ болѣе же совершенными бываетъ не такъ; ими править умъ, избирая полезное разуму, а не страсти; естество же идетъ по слѣдамъ правителя.

А какъ слово наше открыло разности въ жизненной силѣ: силу питательную безъ чувства, силу питательную и растительную, чуждую разумной дѣятельности, силу разумную и совершенную, распоряжающуюся всякою другою силою, такъ что можно существовать и при тѣхъ силахъ, и имѣть превосходство по умственной силѣ: то никто да не предполагаетъ поэтому, что въ человѣческомъ составѣ существуютъ три души, усматриваемыя въ особымъ своихъ очертаніяхъ: почему можно было бы думать, что человѣческое естество есть нѣкое сложеніе многихъ душъ. Напротивъ того истинная и совершенная душа по естеству одна, умная и невещественная, посредствомъ чувствъ соединенная съ естествомъ вещественнымъ. А

все вещественное, подлежа превратности и измѣненію, если содѣлается причастнымъ одушевляющей силы, придетъ въ движеніе возрастаніемъ; если же лишится жизненной дѣятельности, кончитъ движеніе тлѣніемъ. Посему не бываетъ ни чувства безъ вещественной сущности, ни дѣятельности умственной силы безъ чувства.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О томъ, что душою въ собственномъ смыслѣ, и есть, и называется душа разумная; другія же именуются такъ по подобоименности; и о томъ, что сила ума просирается на все тѣло, касаясь его сообразно съ каждымъ членомъ.

Если иная тварь имѣетъ питательную дѣятельность, а другая упражняется силою чувствующею, и первая не имѣетъ чувства, а послѣдняя—естества умнаго, и по этому предполагаетъ кто либо множество душъ: то таковой не объяснить различія душъ отличительными ихъ чертами. Ибо все мыслимое въ существахъ, если представляется въ умѣ совершенно тѣмъ, что оно есть, то въ собственномъ смыслѣ именуется придаваемымъ ему именемъ.

А если что не во всѣхъ чертахъ есть то, чѣмъ наименовано: то напрасно носитъ сіе названіе. Напримѣръ, если кто покажетъ настоящій хлѣбъ, то скажемъ, что таковой въ собственномъ смыслѣ это имя приладетъ предмету: а если кто вмѣсто естественнаго хлѣба покажетъ

сдѣланный искусственно изъ камня, у котораго и видъ такой же, и равная величина, и есть подобіе въ цвѣтѣ, такъ что по многому кажется опъ однимъ и тѣмъ же съ первообразомъ, недостаетъ же ему одного, — возможности служить пищею: то на сіе скажемъ, что камень получилъ названіе хлѣба не въ собственномъ смыслѣ, но не по точному словоупотребленію. На томъ же основаніи и все, о чемъ скажется что либо, не во всѣхъ отношеніяхъ принадлежащее сему, имѣетъ названіе не по точному словоупотребленію. Такъ, поелику и совершенство души въ умной силѣ и дарѣ слова, то все, что не таково, можетъ быть чѣмъ-то подобоименнымъ душѣ, однакоже есть не дѣйствительная душа, а нѣкая жизненная дѣятельность, названіемъ приравниваемая душѣ.

Поэтому естество безсловесныхъ, какъ не далеко отстоящее отъ этой естественной жизни, Узаконившій о всемъ отдалъ также въ употребленіе человѣку, чтобы оно вмѣсто зеліи служило вкушающимъ. Ибо говоритъ: ѣдите всякое мясо, *яко зеліе травное* (Быт. 9, 3.). Такъ не велико кажется преимущество у чувствительной дѣятельности предъ питательною и растительною безъ чувствительной!

Да научить это шотолюбцевъ не обращаться много мыслію къ поразительному для чувствъ, но обращать вниманіе на преимущества душевныхъ, такъ какъ въ нихъ усматривается

истинная душа, а чувство есть въ равной мѣрѣ и у безсловесныхъ.

Но послѣдовательность слова привела насъ къ иному. Ибо обозрѣнію нашему предстояло не то доказывать, что изъ представляемаго мыслию о человѣкѣ важнѣе умственная дѣятельность, нежели вещественное въ составѣ, но что умъ у насъ не заключается въ какихъ-либо частяхъ, а равно и во всѣхъ и по всѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ; ибо сіе въ собственномъ смыслѣ говорится о сосудахъ, или другихъ тѣлахъ, другъ въ друга вкладываемыхъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ соприкосновеніи; оно и не внутри происходитъ, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемля отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая, и не объемля его собою, а такъ, что сего сказать, или представить умомъ, невозможно, кромѣ одного, а именно, что, когда естество, по особой его связности, въ добромъ состояніи, тогда и умъ бываетъ дѣйственъ: если же оно потеритъ какую утрату, по мѣрѣ одной и движеніе мысли бываетъ погрѣшительно.

Мен
(42)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взглядъ на Божественное изреченіе, въ которомъ сказано: *сотвори мѣ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.), — при чемъ подвергается изслѣдованію, что означается словомъ: образъ; уподобляется ли блаженному и безстрастному страстное и притворное, и — какъ въ образѣ мужескій и женскій полъ, когда нѣтъ ихъ въ первообразѣ.

Но возвратимся опять къ Божію слову: *сотвори мѣ человека по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). Какъ низко и недостойно естественнаго величія человѣка представляли о немъ нѣкоторые изъ язычниковъ, величая, какъ они думали, естество человѣческое сравненіемъ его съ этимъ міромъ! Ибо говорили: человѣкъ есть малый міръ, состоящій изъ однихъ и тѣхъ же со всею стихіею. Но, громкимъ снѣмъ именоваемъ воздавая такую похвалу человѣческой природѣ, сами того не замѣтили, что почтили человѣка свойствами комара и мыши; потому что и въ нихъ раствореніе четырехъ стихій, почему какая либо большая или меньшая часть каждой изъ нихъ непремѣнно усматривается въ одушевленномъ, а не изъ нихъ неестественно и составиться чему либо одаренному чувствомъ. Посему что важнаго въ этомъ, — почитать человѣка образомъ и подобіемъ міра: когда и небо переходитъ, и земля измѣняется, и все, что въ нихъ содержится,

преходить прохождениемъ содержащаго? Но въ чемъ же по церковному учению состоитъ человѣческое величїе? Не въ подобїи тварному міру, но въ томъ, чтобы быть по образу естества Сотворшаго. Посему чтоже означается словомъ: образъ?

Можетъ быть, спросишь: какъ уподобляется тѣлу безтѣлесное, вѣчному временное, неизмѣняемому, что круговращательно измѣняется, безстрастному и нетлѣнному страстное и тлѣнное, чуждому всякаго порока, что всегда съ нимъ живетъ и воспитывается? Великое разстояніе между тѣмъ, что умопредставляется по первообразу, и что создается по образу. Образъ, если онъ подобенъ первообразу, въ собственномъ смыслѣ называется образомъ; если же подражаніе далеко отъ предполагаемаго, то все таковое есть нѣчто иное, а не образъ того, чему подражаютъ. Какъ же человекъ,—существо смертное, страстное, скоропреходящее есть образъ естества безпримѣснаго, чистаго, всегда сущаго? Но истинное о семъ ученіе ясно вѣдать возможно одной въ подлинномъ смыслѣ Истинѣ: а мы сколько вмѣщаемъ, нѣкими догадками и предположеніями слѣдя за истиною, о предметѣ изслѣдованія думаемъ такъ.

И Божїе слово изрекшее, что человекъ созданъ по образу Божію, не лжетъ; и жалкая бѣдность естества человѣческаго не уподоб-

ляется блаженству безстрастной жизни. Ибо, если сравнить кто естество наше съ Богомъ, необходимо признать одно изъ двухъ, что, или Божественное естество страстно, или человеческое безстрастно, чтобы понятіе подобія могло быть прилагемо къ обоимъ. Если же и Божественное не страстно, и наше не чуждо страсти: то остается, значить, другое какое либо понятіе, по которому утверждается истинность Божественнаго изреченія, сказующаго, что человекъ созданъ по образу Божию. Слѣдовательно должно намъ возвратиться къ самому Божественному Писанію, — пѣтъ ли въ написанномъ какого руководства къ рѣшенію вопроса? Послѣ сказаннаго: *сотворилъ человека по образу*, Писаніе и о томъ, для чего *сотворилъ*, присовокупляетъ слѣдующее: *и сотвори Богъ человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ* (Быт. 1, 27.). Хотя сказано было выше, что таковое слово произглашено въ изложеніи еретическаго нечестія, и мы научившись, что Единородный Богъ сотворилъ человека по образу Божию, никомъ образомъ не должны различать Божества въ Отцѣ и Сынѣ, когда святое Писаніе Того и Другаго равно именуеть Богомъ, Который и сотворилъ человека, и по образу Котораго созданъ человекъ: но рѣчь о семъ пусть будетъ оставлена, вопросъ же долженъ обратиться къ изслѣдованію предлагающаго: почему и Бо-

жественное естество блаженно, и человѣческое бѣдственно, а въ Писаніи послѣднее именуется подобнымъ первому? Посему съ точностію изслѣдовать должно реченія: ибо найдемъ, что нѣчто иное есть — созданное по образу, и иное — нынѣ оказывающееся бѣдственнымъ.

Сказано: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*: твореніе созданнаго по образу приводится къ окончанію. Потомъ дѣлается повтореніе сказаннаго объ устроеніи, и говорится: *мужа и жену сотвори ихъ*. Для всякаго, думаю, понятно, что сіе разумѣть должно, не относя къ первообразу: ибо *о Христѣ Иисусѣ*, какъ говоритъ Апостолъ, *ижесть мужескій полъ ни женскій* (Гал. 3, 28.). Одна-коже слово сказуетъ, что чловѣкъ раздѣленъ на сіи полы. Посему устроеніе естества нашего есть нѣкое двойное, одно уподобляемое естеству Божественному, и другое раздѣляемое на разные полы. Нѣчто подобное сему даетъ подразумѣвать Писаніе словосочиненіемъ написаннаго, сперва сказавъ: *сотвори Богъ чловѣка, по образу Божію сотвори его*, и потомъ присовокупивъ къ сказанному: *мужа и жену сотвори ихъ*, что чуждо умопредставляемому о Богѣ. Ибо думаю, что Божественнымъ Писаніемъ въ сказанномъ преподается нѣкій великій и возвышенный догматъ, и онъ таковъ: чловѣческое естество есть среднее между двухъ нѣкихъ, одно отъ другаго раздѣленныхъ и

стоящихъ на самыхъ крайностяхъ, между естествомъ Божественнымъ и безтѣлеснымъ, и между жизнью безсловесною и скотскою; потому что въ человѣческомъ составѣ можно усматривать часть того и другаго изъ сказанныхъ естествъ, изъ Божественнаго — словесность и разумность, что не допускаетъ разности въ мужскомъ и женскомъ полѣ, и изъ безсловеснаго — тѣлесное устройство и образъ, раздѣляемое на мужскій и женскій полъ. То и другое изъ сихъ естествъ непремѣнно есть во всякомъ причастномъ человѣческой жизни. Но умное, какъ познаемъ отъ изложившаго въ порядкѣ происхожденіе человѣка, въ немъ первенствуетъ; прирождено же человѣку общеніе и сродство съ безсловеснымъ. Ибо Писаніе сперва говоритъ: *сотвори Богъ человека по образу Божію*, показывая сими словами, какъ говоритъ Апостолъ, что въ такомъ *нѣсть мужескій полъ ни женскій*; потомъ присовокупляетъ отличительныя свойства человѣческаго естества, а именно: *мужа и жену сотвори ихъ*. Посему что же познаемъ изъ сего?

Да не понегодуетъ на меня кто либо, что издадека поведу рѣчь о настоящей мысли. Богъ, по естеству Своему, есть всякое то благо, какое только можно обнять мыслию, или лучше сказать, будучи выше всякаго блага и мыслимаго и постигаемаго, Онъ творитъ человека не по чему либо иному, а только по-

тому, что благъ. Будучи же таковымъ, и поэтому приступивъ къ созданію человѣческаго естества, не въ половину показавъ могущество благости, давъ нѣчто изъ того, что у Него есть, и покусившись въ семь общеніи. Напротивъ того, совершенный видъ благости въ Богъ состоитъ въ томъ, что приводитъ чловѣка изъ небытія въ бытіе, и содѣлываетъ его не скуднымъ въ благахъ. Поелику же подробный списокъ благъ, великъ и обозначить ихъ числомъ неудобно: то Божіе слово, въ краткомъ изреченіи совокупивъ все блага, обозначило ихъ, сказавъ, что чловѣкъ созданъ по образу Божию. Ибо это значить тоже, что и сказать: содѣлавъ естество чловѣческое причастнымъ всякаго блага; потому что, если Божество есть полнота благъ, а чловѣкъ Его образъ, то значить, образъ въ томъ и имѣть подобіе первообразу, что исполненъ всякаго блага. Слѣдовательно въ насъ есть представленіе всего прекраснаго, всякая добродѣтель и мудрость, все, что только есть умопредставляемаго о наилучшемъ. Однимъ изъ числа всего необходимо есть и сіе,—быть свободнымъ, не подчиняться какому либо естественному владычеству, но имѣть самовластную, по своему усмотрѣнію рѣшимость: потому что добродѣтель есть нѣчто не подвластное и добровольное, принужденное же и невольное не можетъ быть добромъ.

Итакъ, поелику образъ во всемъ носить на себѣ черты первообразной красоты; то, еслибы не имѣлъ въ чемъ либо различія, былъ бы уже, конечно, не подобіемъ, но казался бы по всему тѣмъ же самымъ, во всемъ не отличнымъ. Посему какое же различіе усматриваемъ между самымъ Божествомъ и уподобляемымъ Божеству? То, что Божество не создано, а подобіе произведено твореніемъ. А различіе такого свойства сопровождалось опять различіемъ другихъ свойствъ. Ибо всѣмъ непремѣнно признается, что естество несотворенное непремѣнно и всегда таково же; естество же тварное не можетъ пребывать безъ измѣненія; потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть нѣкое движеніе и измѣненіе въ существующее несуществовавшего, прелагаемаго по Божественному изволенію. И какъ черты кесаря на мѣдиЕвангеліе называетъ образомъ,—изъ чего дознаемъ, что, хотя по внѣшнему виду въ изображеніи есть подобіе кесарю, однакоже въ дѣйствительности имѣется разность, такъ и согласно съ настоящимъ словомъ, разумѣя вмѣсто чертъ то изъ усматриваемаго въ Божественномъ и человѣческомъ естествѣ, въ чемъ есть подобіе, на самомъ дѣлѣ находимъ различіе, какое примѣчается въ несотворенномъ и сотворенномъ. Итакъ, поелику несотворенное пребываетъ одинаковымъ и притомъ всегда, а приведенное въ бытіе

твореніємъ начинасть и существованіе измѣненіємъ, и сродственно такому образу бытія; то *Свидый вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.), какъ говоритъ пророчество, соображаясь съ тѣмъ, или лучше сказать, предуразумѣвая силою предвѣдѣнія, къ чему склонно движеніе человѣческаго произвола по самоуправству и самовластію (поеліку зпалъ будущее), изобрѣтаетъ для образа различіе мужескаго и жепскаго пола, когорое не имѣетъ никакаго отношенія къ Божественному первообразу, но, какъ сказано, присвоено естеству безсловесному.

Причину же таковаго примышленія могутъ знать одни *самовидцы* истины и *слухи словесе* (Лук. 1, 2.), а мы, сколько возможно, въ нѣкихъ гаданіяхъ и образахъ представляя себѣ истину, пришедшее на мысль не излагаемъ утвердительно, а въ видѣ упражненія предложимъ благопризвательнымъ слушателямъ. Итакъ что же придумали мы о семъ? Слово Божіе, сказавъ: *сотвори Богъ челоѵька*, неопредѣленностію выраженія указываетъ на все челоѵьчское; ибо твари не придано теперь сіе имя: Адамъ, какъ говоритъ исторія въ послѣдующемъ; напротивъ того имя сотворенному челоѵьку дается, не какъ какому либо одному, но какъ вообще роду. Посему общимъ названіемъ естества приводимся къ такому предположенію, что Божественнымъ предвѣдѣніемъ и

могуществомъ въ первомъ устроеніи объемлет-
ся все человѣчество. Ибо надлежитъ думать,
что для Бога въ сотворенномъ Имъ нѣтъ ни-
чего неопредѣленнаго; а напротивъ того для
каждаго изъ существъ есть нѣкій предѣлъ и мѣ-
ра, опредѣленные премудростію Сотворившаго.
Посему, какъ одинъ человѣкъ по тѣлу огра-
ничивается количествомъ, и количественность
есть мѣра тѣлеснаго у него состава, опредѣ-
ляемая поверхностію его тѣла;—такъ, думаю,
по силѣ предвѣдѣнія, какъ бы въ одномъ тѣлѣ
сообща Божомъ всяческихъ полнота человѣ-
чества, и сему-то учить слово изрекшее: *со-
твори Богъ человека, и по образу Божию со-
твори его.* Ибо не въ части естества образъ; и
не въ комъ либо одномъ изъ усматриваемыхъ
такимъ-же благодать, но на весь родъ равно
простирается таковая сила; а признакомъ сему
то, что всѣмъ равно дарованъ умъ, всѣ имѣютъ
способность размышлять, напередъ обдумывать,
и все прочее, чѣмъ изображается Божествен-
ное естество въ созданномъ по образу Его.
Одинаково имѣютъ сіе, и явленный при пер-
вомъ устроеніи міра человѣкъ, и тотъ, который
будетъ при скончаніи вселенной; они равно
носятъ въ себѣ образъ Божій. Посему цѣлое
наименовано однимъ человѣкомъ; потому что
для Божіи могущества нѣтъ ничего ни про-
шедшаго, ни будущаго, но и ожидаемое на-
равнѣ съ настоящимъ, содержится вседержа-

щею дѣйствительною. Посему все естество, простирающееся отъ первыхъ людей до послѣднихъ, есть единый иѣкій образъ Сущаго. А различіе рода относительно къ мужескому и женскому полу придано твари въ послѣдствіи, по слѣдующей, какъ думаю, причинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Что надлежитъ отвѣчать недоумѣвающимъ о томъ, что если чадородіе послѣ грѣха, то какъ рождались бы души, еслибы первобытные люди пребыли не согрѣшившими? .

Лучше же сказать, прежде изслѣдованія предположеннаго, благоразумнѣе, можетъ быть, поступимъ, принеся рѣшеніе предлагаемаго намъ противниками.. Ибо говорятъ, что прежде грѣха не повѣствуется ни о рожденіи, ни о болѣзни рожденія, ни о желаніи чадородія. Но, когда послѣ грѣха изгнаны люди изъ рая, и жена осуждена въ наказаніе на болѣзни рожденія, тогда Адамъ приступилъ къ супругѣ своей, и позналъ ее брачно, и тогда положено начало чадородію. Посему, если въ раю не было брака, ни болѣзни рожденія, ни самаго рожденія; то въ слѣдствіе сего, говорятъ, необходимо заключить, что не было бы множества душъ человѣческихъ, еслибы даръ безсмертія не обращенъ былъ въ смертность,¹ и бракъ не соблюлъ естества раждающимися вновь, вмѣсто отходящихъ вводя происшед-

шихъ отъ нихъ: такъ что грѣхъ, приведшій въ жизнь человѣческую, нѣкоторымъ образомъ принесъ пользу. Ибо родъ человѣческій ограничивался бы четою первосозданныхъ, еслибы страхъ смерти не побудилъ естества къ произведенію потомства.

Но и въ этомъ опять истинное ученіе если оно доступно кому, можетъ быть явнымъ только для посвященныхъ, подобно Павлу, въ тайны рая: а наше мнѣніе таково: саддукеи оспаривали нѣкогда ученіе о воскресеніи, и въ подтвержденіе своего ученія указывали на жену многобрачную, бывшую за семью братьями, потомъ спрашивали: котораго изъ нихъ женою будетъ она по воскресеніи? Господь на этотъ вопросъ отвѣтствуетъ, не только вразумляя саддукеевъ, но и всѣмъ послѣ нихъ открывая тайну жизни по воскресеніи, и говоритъ: *въ воскресеніи бо ни женятся, ни посягаютъ* (Мѡ. 22, 30.), *ни умрети бо ктому могутъ: равни бо суть Ангеломъ, и сынове суть Божіи, воскресенія сынове суще* (Лук. 20, 36.). Даръ же воскресенія не иное чтó общаетъ намъ, какъ возстановленіе падшихъ въ первобытное состояніе; ибо сія ожидаемая благодать есть къ первоначальной жизни возвращеніе, изгнаннаго изъ рая снова въ него вводящее. Посему, если жизнь востановляемыхъ имѣетъ сродство съ жизнію Ангеловъ: то очевидно, что жизнь до преступленія была нѣкая ангельская. Почему и возвращеніе

къ первобытной нашей жизни уподобляется Ангеламъ. Но какъ сказано, хотя брака у Ангеловъ нѣтъ, однакоже воинство ангельское состоитъ изъ безчисленныхъ темъ. Такъ повѣствовалъ въ видѣніяхъ и Даниилъ. Слѣдовательно, еслибы не произошло съ нами въ слѣдствіе грѣха никакого превращенія и паденія изъ ангельскаго равночестія, то и мы такимъ же образомъ для размноженія не имѣли бы нужды въ бракѣ. Но какой способъ размноженія у естества ангельскаго,—это неизреченно и недомыслимо по гаданіямъ человѣческимъ; впрочемъ несомнѣнно то, что онъ есть. И онъ могъ бы дѣйствовать и у людей *малыи чимъ отъ Ангелъ* умаленныхъ (Пс. 8, 6.), приумножая человѣчeskій родъ до мѣры определенной совѣтомъ Сотворшаго.

Если же кто затрудняется, спрашивая о способѣ происхожденія людей, не нужно ли было для сего человѣку содѣйствіе брака?—то и мы спросимъ его о способѣ бытія Ангеловъ: — почему они составляютъ безчисленныя тмы, будучи и одною сущностію и многочисленными? Ибо даемъ приличный отвѣтъ возражающему: какъ могъ бы человѣкъ быть безъ брака? когда говоримъ: такъ же, какъ Ангелы существуютъ безъ брака. А что человѣкъ до преступленія подобенъ былъ Ангеламъ, доказываетъ сіе возстановленіе его опять въ это же подобиѣ.

Послѣ такого нашего о семъ разсужденія возвратиться должно къ прежнему вопросу: почему по устроеніи образа Богъ примышляетъ для твари различіе въ мужескомъ и женскомъ полѣ? Для сего, какъ утверждаю, полезно предварительно нами изложенное начало. Приводящій все въ бытіе и цѣлаго человѣка, по собственній Своей волѣ, содѣлавшій Божіимъ образомъ, не хотѣлъ бы видѣть, чтобы число душъ достигало своей полноты постепеннымъ приращеніемъ раждаемыхъ, но силою предвѣдѣнія мгновенно представивъ мысленно въ сей полнотѣ всю 'человѣческую природу и почтивъ ее высокимъ и равноангельнымъ жребіемъ, поелику прозрительною силой предусмотрѣлъ, что произволеніе человѣческое не пойдетъ прямымъ путемъ къ прекрасному, и потому отпадетъ отъ равноангельской жизни, то, чтобы не сдѣлалось малымъ число душъ человѣческихъ, утративъ тотъ способъ, какимъ Ангелы возрасли до множества; поэтому самому примышляетъ для естества способъ размноженія, сообразный для поплознувшихъ въ грѣхъ; вмѣсто того, что прилично ангельскому величію, насадивъ въ человѣчествѣ способъ взаимнаго преемства скотскій и безсловесный. Посему-то, кажется мнѣ, и великій Давидъ, сожалея о бѣдности человѣка, такими словами оплакиваетъ человѣческое естество: *человѣкъ въ чести сый не разумъ*, называя честью—рав-

почестіе съ Ангелами: посему продолжаетъ ,
приложися скотомъ неслышаннымъ, и угодился
къмъ (Псал. 48, 21.). Ибо подлинно сталъ ско-
 тенъ пріавшій въ природу свою, по наклон-
 ности къ вещественному, этотъ текуцій сно-
 собъ рожденія.

ГЛАВА ОСМНАДЦАТАЯ.

О томъ, что страсти безсловесныхъ имѣютъ въ насъ причиною
 сродство съ безсловеснымъ естествомъ.

Думаю, что и всякая страсть отъ сего начала,
 какъ изъ нѣкоего источника произикши, на-
 водняетъ человѣческую жизнь. Доказатель-
 ствомъ же сказаннаго служитъ сродство стра-
 стей, равно обнаруживающееся и въ насъ, и
 въ безсловесныхъ; ибо несправедливо припи-
 сывать первыя начала страстнаго расположенія
 естеству человѣческому, созданному по образу
 Божію. Но поетичу привзошла въ этотъ міръ
 и жизнь безсловесныхъ, а человѣкъ, по ска-
 занной выше причинѣ, и изъ естества безсло-
 весныхъ заимствовалъ нѣчто, разумію способъ
 рожденія: то чрезъ сіе заимствовалъ и прочее,
 замѣчаемое въ этомъ естествѣ; ибо не въ раз-
 дражительной силѣ у человѣка подобіе Божіе,
 и не снлаголюбіемъ отличается естество пре-
 имущественное: и боязливость, и дерзость, и
 желаніе большаго, и отвращеніе отъ скудости,
 и все тому подобное, далеки отъ признаковъ

 и 16
 и 31
 и 42

боголюбія. Посему естество человѣческое извлекло это изъ безсловесной въ себѣ части; ибо, чѣмъ безсловесная жизнь ограждена для самосохраненія, то, будучи перенесено въ жизнь человѣческую, стало страстію. Животныя плотоядныя охраняются раздражительностію; животныхъ многородящихъ спасаетъ сластолюбіе; животное малосильное хранитъ робость. удобоуловимое сильнѣйшими—страхъ, преизбыточествуящее плотію—прожорливость. И не удовлетворить въ чемъ либо своему сластолюбію — для безсловесныхъ служить предлогомъ къ скорби. Все сіе и подобное тому, по причинѣ скотскаго рожденія, привзошло въ устройство человѣка.

И да позволено мнѣ будетъ, подражая ваятельному искусству, описать человѣческій образъ словомъ. Какъ между изваяніями можно видѣть двулицыя, какія обдѣлываютъ на удивленіе зрителямъ любители сего художества, на одной головѣ представляя два вида лицъ: такъ и человѣкъ, кажется мнѣ, носить въ себѣ до противоположности двоякій видъ, въ богоподобіи ума изображая подобіе Божественной красотѣ, а въ страстныхъ стремленіяхъ представляя близость свою къ скотообразности.

Но часто и разумъ, по наклонности и расположенію къ безсловесному, затыкая въ себѣ лучшее худшимъ, доходитъ до скотоподобія; ибо, какъ скоро до этого унизятъ кто мыслен-

ную дѣятельность, и принудить разсудокъ стать служителемъ страстей, происходить какое-то превращеніе добрыхъ чертъ въ безсловесный образъ, и все естество измѣняетъ свой видъ, а разсудокъ, подобно земледѣльцу, обрабатываетъ начатки страстей, и постепенно возвращаетъ ихъ въ большемъ и большемъ количествѣ; потому что, употребивъ свое содѣйствіе страсти, произвелъ онъ многочисленное и обильное порожденіе нечестностей. Такъ сластолюбіе имѣло началомъ уподобленіе безсловесному, но въ человѣческихъ проступкахъ возрасло, породивъ такое число разныхъ грѣховъ сластолюбія, какого нельзя найти въ безсловесныхъ. Такъ вождѣніе къ раздражительности сродно съ стремительною безсловесныхъ, возрастаетъ же при содѣйствіи помысловъ; ибо отсюда мстительность, зависть, живость, злоумышленность, лицемѣріе. Все это произращено худымъ дѣланіемъ ума. Ибо, если страсть сія лишится содѣйствія помысловъ, то раздражительность останется чѣмъ-то скоропреходящимъ и безсильнымъ, подобнымъ пузырю, который, едва явится на водѣ, и тотчасъ лопается. Такъ прожорливость свиней ввела любостыжательность, и величавость копей стала началомъ гордыни. И все, произшедшее отъ скотскаго безсловесія, и взятое въ отдѣльности, при худомъ употребленіи ума стало порокомъ; какъ и наоборотъ, / если разсудокъ

воспринять власть надъ таковыми движеніями, то каждое изъ нихъ превратится въ видъ добродѣтели. Такъ раздражительность производитъ мужество, робость—осторожность, страхъ — благопокорность, несправедливость — отвращеніе отъ порока, сила любви—вожделѣніе истинно-прекраснаго, а величавость права возвышается надъ страстями, и образъ мыслей сохраняетъ непороченнымъ злу. Такой видъ возношенія духа похваляетъ и великій Апостолъ, повелѣвая постоянно мудрствовать *горня* (Кол. 3, 2.). Такъ можно найти, что всякое таковое движеніе, возносимое возвышенностію мысли, сообразуется съ красотою того, что по образу Божію. Но поелику есть какая-то тяжелая и въ низъ стремящаяся наклонность грѣха: то чаще бываетъ иное: ибо тяжестію безсловеснаго естества болѣе увлекается въ низъ владычественное дунни, нежели сколько тяжелое и переполненное возносится вверху возвышенностію мысли. Посему нерѣдко окаянство наше дѣлается, что не узнаемъ Божія дара; потому что плотскія страсти налагаются, подобно гнущей личинѣ, на красоту того, что по образу.

Поэтому смотрящіе на подобное сему извѣнительны нѣсколько, когда не легко соглашаются, что есть въ нихъ образъ Божій. Напротивъ того, смотря на преуспѣвшихъ по жизни, можно усматривать въ людяхъ образъ Божій. Ибо, если кто, будучи страстнымъ и плот-

скимъ, заставляетъ не вѣрить, что человѣкъ украшенъ какъ бы Божественной лѣнотою: то, несомнѣнно, высокій по добродѣтели и чистый отъ скверны утвердитъ тебя въ лучшемъ о людяхъ мнѣніи. Напримѣръ (пбо всего лучше объяснить мысль сію примѣрами) пусть скверною лукавства омрачилъ въ себѣ красоту естества кто-либо изъ извѣстныхъ порочною, какой нибудь Исхонія, или, если кто и другой упоминается по причинѣ худыхъ его дѣлъ, за то въ Моисеѣ и подобныхъ ему чистымъ сохранился видъ образа. Посему, въ комъ не померкла красота, тѣмъ ясно подтверждается вѣрность сказаннаго, что человѣкъ сотворенъ какъ Божіе подобіе.

Но иной, можетъ быть, приводится въ стыдъ тѣмъ, что жизнь наша, по подобію безсловесныхъ, поддерживается пищею, и потому признаетъ человѣка недостойнымъ той ^о немъ мысли, что созданъ по образу Божію: пусть же надѣется, что естеству нашему нѣкогда, сообразно ожидаемой жизни, даровано будетъ освобожденіе отъ сего служенія: *нѣсть бо, какъ говоритъ Апостолъ, царство Божіе брашно и питіе* (Рим. 14, 17.). И Господь предрекъ: *не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголю исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мѡ. 4, 4.). Да и воскресеніе указываетъ намъ на жизнь равноангельную. Поелику же у Ангеловъ нѣтъ брашна, то къ удостовѣренію достаточно

сего доказательства, что освободится отъ тако-
ваго служенія человѣкъ, и будетъ жить по
подобію Ангеловъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Отвѣтъ утверждающимъ, что наслажденіе уповаемыми благами
должно состоять опять въ пищѣ и пити, по написанному, что
въ началѣ въ раю этимъ жилъ человѣкъ.

Но, можетъ быть, скажетъ иной, что чело-
вѣкъ придетъ не въ тотъ же опять образъ
жизни, если первоначально нужно было намъ
вкушать пищу, а послѣ настоящей жизни осво-
бодимся отъ сего служенія. А я, слушаая свя-
тое Писаніе, не только тѣлесное разумѣю вку-
шеніе и плотское веселіе, но ~~и другую~~ и другую
нѣкую, имѣющую нѣкоторое сходство съ тѣ-
лесною) пищу, наслажденіе которою прости-
рается на одну душу. *Идите мой хлѣбъ*, пове-
лѣваетъ алчущимъ премудрость (Притч. 9, 4.),
и Господь ублажаетъ алчущихъ таковою снѣдн
(Мѡ. 5, 6.), и говоритъ: *аще кто жаждетъ,*
да придетъ ко Мнѣ и пьетъ (Іоан. 7, 37.). И
великій Исаія способнымъ понять высоту его
повелѣваетъ: *пійте радость* (Иса. 25, 6.). ~~Есть~~
и иная пророческая угроза достойнымъ на-
казанія, что наказаны будутъ голодомъ; и голодъ
этотъ будетъ не отъ какого либо недостатка
въ хлѣбѣ и водѣ, но отъ лишенія слова; ибо

сказано: *не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но
гладъ слышанія слова Господня* (Амосъ 8, 11.)

Посему надлежитъ представлять себѣ нѣкій
плодъ, достойный Божія насажденія въ Едемѣ
(а Едемъ толкуется: услаждение), и не сомнѣ-
ваться, что питался имъ человѣкъ; и для
пребыванія въ раю не воображать себѣ непре-
мѣнно эту преходящую и истекающую пищу.
Сказано: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съядоу
снѣси* (Быт. 2, 16.). Чувствующему здравый
гладъ кто дастъ оное древо, еже въ раю, за-
ключающее въ себѣ всякое благо, которому
имя: *всяко*—все, вкушеніе чего даруется чело-
вѣку Божиимъ словомъ? Поелику съ симъ ро-
довымъ и высшимъ понятіемъ неразрывенъ
всякій видъ благи, то въ чемъ заключается
цѣлое? И кто отворотитъ меня отъ этого смѣ-
шаннаго и обоюднаго вкушенія съ древа? Ибо,
конечно, неявно для болѣе прозорливыхъ, что
сіе *всяко* есть нѣчто такое, чего плодъ—жизнь,
и это смѣшанное опять нѣчто такое, чего конецъ
—смерть. Ибо обильно Предложившій чело-
вѣку наслажденіе всякимъ, безъ сомнѣнія, по нѣко-
ему закону и по промыслительности воспре-
щаетъ чело-вѣку вкушеніе того, что не есть
ни то ни сіе. И мнѣ кажется лучшимъ, учи-
телями въ истолкованіи сего понятія избравъ
великаго Давида и премудраго Соломона; по-
тому что оба они даръ дозволеннаго услажде-
нія признаютъ единымъ, тѣмъ дѣйствительнымъ

.. благомъ, которое подлинно есть всякое благо, и Давидъ сказуя: *насладися Господеву* (Псал. 36, 4.), и Соломонъ самую премудрость, которая есть Господь, именуя *древою живота* (Притч. 3, 18.). Итакъ одно и тоже съ древомъ жизни есть *всякое* древо, вкушеніе отъ котораго дозволяется Словомъ созданному по Богу. Противопологается же сему древу другое древо, вкушеніе отъ котораго есть вѣдѣніе добра и зла, не въ томъ смыслѣ, что оно особо по частямъ приносило въ плодъ каждую изъ означенныхъ противоположностей, но въ томъ, что оно произращало иѣкій слитный и смѣшанный плодъ, срастворенный изъ противоположныхъ качествъ. Вкушеніе сего плода воспрещаетъ Начальникъ жизни, совѣтуєтъ же змѣи, чтобы устроить входъ смерти. И присовѣтовавшій это дѣлается убѣдительнымъ, украсивъ плодъ доброцвѣтностію и сладостію, чтобы и на видъ казался пріятенъ, и возбуждалъ желаніе вкусить его.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Какова жизнь въ раю, и что такое запрещенное древо.

Посему, что это такое, въ чемъ срастворено вѣдѣніе добра и зла вмѣстѣ, и что украшено удовольствіями для чувства? Конечно не далекимъ отъ истины будетъ мое гаданіе, если въ

начало обозрѣнія употреблю уразумѣніе того, что значить вѣдѣніе. Думаю же, что здѣсь Писаніе подъ вѣдѣніемъ разумѣетъ не познаніе, но нахожу, по словоупотребленію Писанія, нѣкую разность въ словахъ: вѣдѣніе и различеніе. Ибо Апостолъ говоритъ, что отличать добро отъ зла съ знаніемъ дѣла принадлежитъ совершеннѣйшей способности и чувствамъ обученнымъ (Евр. 5, 14.). Поэтому даетъ и повелѣніе—*вся* искушать (1 Сол. 5, 21.), и говоритъ, что различать свойственно духовному (1 Кор. 2, 15.). Но вѣдѣніе не вездѣ по смыслу рѣчи означаетъ познаніе и уразумѣніе, а иногда и расположеніе къ пріятному. Такъ: *позна Господь сущія Своя* (2 Тим. 2, 19.). И Моисею говоритъ Богъ: позналъ Я тебя наче всѣхъ (Втор. 34, 11.). Объ осужденныхъ же за порочность говоритъ Всевѣдущій: *яко николиже знахъ васъ* (Мѡ. 7, 23.).

Итакъ древо, которымъ въ плодъ приносится смѣшанное вѣдѣніе, принадлежитъ къ запрещенному. А плодъ оный, имѣвшій защитникомъ своимъ змія, смѣшанъ изъ противоположностей, но той, можетъ быть, причинѣ, что предлагается не зло обыкновенное, какимъ представляется оно само въ себѣ по собственной своей природѣ: потому что не имѣлъ бы и силы порока, неприкрашенный ничѣмъ хорошимъ, привлекающимъ обольщаемого къ пожеланію. А нынѣ смѣшана нѣсколько природа

зла, внутри имѣетъ пагубу, какъ скрытый нѣкій обманъ, а по наружности показываетъ обольстительное нѣкое представленіе добра. Прекрасною серебрюбцамъ кажется доброцѣтность вещества, но *корень всѣмъ злымъ* бываетъ *серебрюбіе* (1 Тим. 6, 10.). Кто поползнулся бы въ зловонную тину непотребства, еслибы удовольствія не почиталъ чѣмъ-то прекраснымъ и желательнымъ для себя, увлекаемый этою приманкой въ страсть? Такъ и прочіе грѣшн, имѣя въ себѣ скрытую гибель, желательными кажутся на первый взглядъ, по какому-то обольщенію для неосмотрительныхъ столько же привлекательными, какъ и дѣло доброе. Поелику многіе признають прекраснымъ то, что веселитъ чувства, и подобоименны, какъ дѣйствительно прекрасное, такъ и кажущееся прекраснымъ: посему самому и бывающее вождѣніе зла какъ и добра въ Писаніи наименовано вѣдѣніемъ добра и зла, и подъ вѣдѣніемъ разумѣется какое-то сорасположеніе и примѣшеніе, то есть, не отрѣшенное зло (такъ какъ цвѣтъ красотою), но и не чистое добро > (потому что сокрывалъ въ себѣ зло), но смѣсь того и другаго — этоѣ плодъ запрещеннаго древа, вкушеніе котораго, по сказанному, ведетъ къ смерти прикасающихся. А сямъ открыто почти выражаетъ сіе ученіе, что подлинно доброе по природѣ своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и

сочетанія съ противоположнымъ, а злое раз-
нообразно и прикровенно, инымъ чѣмъ-то при-
знается, и инымъ оказывается на опытѣ: и
вѣдѣніе его, т. е. познаніе на опытѣ, дѣлается
началомъ и причиною смерти и тлѣнія.

Посему-то змій указываетъ этотъ зловерный
плодъ грѣха, не обнаруживъ явно того зла,
какое заключалъ онъ въ себѣ по природѣ
своей (человѣкъ и не прельстился бы очевид-
нымъ зломъ), но, облиставъ какою-то красо-
тою видимость, и очаровавъ какимъ-то чув-
ственнымъ удовольствіемъ при вкушеніи, до-
стойнымъ вѣроятія показался женѣ, какъ
говоритъ Писаніе. Ибо сказано: *и видѣ жена,
яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима
видѣти, и красно есть, еже разумѣти: и взем-
ше отъ плода его, яде* (Быт. 3, 6.); и она
снѣдь для людей стала матерью смерти.

Посему вотъ чтó значить сей смѣшанный
плодъ, по ясному истолкованію смысла Писа-
нія, по которому оное древо наименовано вѣ-
дѣніемъ добра и зла, потому что подобно зло-
верности яда вложеннаго въ медъ, поколику
улаживаетъ чувство, кажется добромъ, а по-
колику губить прикасающагося, дѣлается са-
мымъ крайнимъ зломъ. Посему, когда зловер-
ный ядъ подѣйствовалъ на жизнь человѣческую,
тогда *человѣкъ*, — это великое и дѣло и имя,
отображеніе Божественнаго естества, какъ го-
воритъ Пророкъ, *суети подобися* (Псал. 143,

4.). Итакъ образъ Божій состоитъ въ томъ, что усматривается въ насъ лучшаго, а все то, что въ жизни нашей скорбнаго и бѣдственнаго, далеко отъ подобія Божеству.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

О томъ, что воскресеніи должно надѣяться, не столько въ слѣдствіе проповѣди Писанія, сколько по самой необходимости вещей (а).

Но порокъ не столько могущественъ, чтобы превозмогать ему добрую силу, и безразсудство естества нашего не выше и не тверже Божественной премудрости. Да и невозможно превратному и измѣняемому быть сильнѣе и по-

(б) Читателю сей главы, по причинѣ нѣкоторыхъ выраженій, которыя съ перваго взгляда могутъ быть поняты не въ надлежащемъ ихъ значеніи, полезно будетъ чтеніе свое предварить слѣдующимъ поясненіемъ излагаемаго въ ней.

Св. Григорій царство добра и область зла уподобляетъ — первое—видимому міру, который *весь наполненъ свѣтомъ*, а послѣднюю—ночной тмѣ, то есть тѣнъ, какую земля, какъ шаръ, въ видѣ конуса отбрасываетъ отъ себя въ сторону, противоположную солнцу. Какъ самая глубокая тма, будучи заключена въ срединѣ сего конуса, къ краямъ онаго болѣе и болѣе срастворяется свѣгомъ, а поверхность его отъ основанія до вершины вся обнита свѣдлымъ потокомъ солнечныхъ лучей: такъ сіе же можно сказать и объ области зла, то есть, что зло преимущественно сосредоточено въ срединѣ сей области, а ближе

стояннѣе того, что всегда тоже и водружено въ добръ. Совѣтъ же Божій всегда и непремѣнно непреложенъ, а нашей природы превратность не тверда даже и во злѣ. И непре-мѣнно всегда движимое, если оно на пути къ добру, по безпредѣльности проходимаго дѣла, никогда не прекратитъ стремленія впередъ, и

къ крайнѣе она не лишена нѣкоторыхъ остатковъ добра, крайнѣе же ея предѣлы отовсюду уже объаты добромъ. И потому, говоритъ св. Григорій, *если предположимъ, что будетъ кто либо съ силахъ перейти разстояніе, на которое простирается тьма; то непременно окажется онъ со свѣтъ, непресыкаемомъ тмою. Такъ, думаю, продолжаетъ онъ, должно разумѣть и о насъ, то есть о насъ, которые, вмѣсто преслѣпія въ добръ, уклоняемся въ область зла, вступаемъ на поприще порока. Но не говоритъ онъ о тѣхъ, которые проходятъ, такъ сказать, первую половину сего поприща, не упоминаетъ и о тѣхъ, которые погрузившись въ глубину грѣховной тмы, низошли на самое дно бездны зла, не разсуждаетъ о возможности различныхъ путей по сей области зла, ведетъ же рѣчь о тѣхъ только, которые, какима бы то ни было способомъ, уже миновали сію пагубную среду области зла, и стали ближе къ другому ея предѣлу, что и выражаетъ ясно, говоря: въ нихъ *всегдашняя подвижность нашей природы, припамятованіемъ прежнихъ несчастій уцѣломудриваемая не отдаваться снова въ плѣтъ подобныя отвѣстія, такъ какъ за предѣломъ зла слѣдуетъ преемство добра, снова наконецъ возвращается на добрый путь. Почему и всѣ мы имѣемъ твердую надежду, что каждому изъ насъ, какъ скоро, спасшись изъ глубины грѣха, достигнетъ онъ края грѣховной тмы, снова будетъ возможно начать теченіе на поприщѣ добра, и жить во свѣтъ.**

не найдетъ никакого конца некому, достигнувъ котораго могло бы со временемъ остановиться въ движеніи: а если уклонилось оно въ противоположное: то, когда совершитъ путь порока, и достигнетъ самой крайней мѣры зла, тогда приснодвижность стремленія, по природѣ своей не находя никакого покоя, какъ скоро пройдетъ поприще порока, по необходимости обращаетъ движеніе къ добру. Пбо, такъ какъ порокъ не простирается въ безпредѣльность, но ограниченъ необходимыми предѣлами: то по сему самому за предѣломъ зла слѣдуетъ преемство добра; а такимъ образомъ, по сказанному, всегдашняя подвижность нашей природы опять наконецъ возвращается на добрый путь, принимаеваемъ прежнихъ несчастій уцѣломудриваемая не отдаваться снова въ плѣнъ подобнымъ бѣдствіямъ. Поэтому намъ снова будетъ возможно теченіе на поприщѣ добра, потому что порокъ по природѣ своей ограниченъ необходимыми предѣлами. Свѣдущіе въ небесныхъ явленіяхъ говорятъ, что весь міръ исполненъ свѣтомъ, а тма бываетъ въ мѣстѣ, отъиенномъ преградою земнаго тѣла, да и мѣсто сіе по шаровидности земнаго тѣла, ограничивается коническою поверхностію, какую описываетъ солнечный лучъ; солнце же, во много кратъ превосходящее величиною землю, отъсюду кругомъ объема ее лучами, при вершинѣ конуса сопрягаетъ схо-

дящіеся лучи свѣта; и потому, если предпо-
ложимъ, что будетъ кто-либо въ силахъ пе-
рейти разстояніе, на которое простирается
тѣнь, то непременно окажется онъ во свѣтѣ,
непресѣкаемомъ тмою. Такъ, думаю, должно
разумѣть и о насъ, что, дошедши до предѣла
порока, когда будемъ на краю грѣховной тмы,
снова начнемъ жить во свѣтѣ, потому что
Естество добротъ до нескотности во много
кратъ преизбыточествуетъ предъ мѣрою по-
>рока. Посему снова рай, снова оное древо,
которое есть древо жизни; снова даръ образа
и достоинство начальства, впрочемъ не надъ
тѣмъ, кажется мнѣ, что людямъ нынѣ по жи-
тейской потребности подчинено Богомъ; но
предстоитъ намъ упованіе на нѣкое цар-
ства, о которомъ слово остается для насъ
неизглаголаннымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Отвѣтъ возражающимъ: если воскресеніе есть нѣчто прекрасное
и доброе, то почему его донныѣ не было, но должно надѣяться
послѣ нѣсколькихъ оборотовъ времени.

Но будемъ держаться послѣдовательности въ
изслѣдованіяхъ. Иной, можетъ быть, окриливъ
мысль сладостію надежды, почтетъ бременемъ
и потерей для себя, если не скоро насладится
тѣхъ благъ, которыя выше и чувства и вѣдѣ-

нія человѣческаго, и неспособнымъ представляеть это протяженіе времени, огдѣляющее его отъ желаемаго. Но пусть не тревожитъ себя, подобно какому нибудь ребенку, котораго огорчаетъ малое замедленіе въ доставленіи ему удовольствія. Поеліку все устроится разумомъ и премудростію: то по всей необходимости должно признать и все, что ни бываетъ, не чуждымъ сего разума и присущей въ немъ премудрости. Посему скажешь: какой же это законъ, по которому не вдругъ совершается переходъ отъ жизни скорбной въ вожделѣнное состояніе, по опредѣленное нѣкое время, продолжавшаяся тяжкая и тѣлесная эта жизнь ждеть конца, — исполненія всего, чтобы тогда уже, какъ бы отъ нѣкоей узды освободившись, человѣческая жизнь, опять независимая и свободная, возвратилась къ житію блаженному и безстрастному?

Но приближается ли слово наше къ истинѣ искомаго, видить это ясно сама истина: а что пришло на мысль намъ, таково: именно же то первое слово, къ которому возвращаюсь снова. Богъ говоритъ: *сотворилъ человеки по образу Нашему и по подобію; и сотвори Богъ человеки; по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 26. 27.). Посему образъ Божій, усматриваемый во всемъ естествѣ человѣческомъ, уже былъ, но не произошелъ еще Адамъ; потому что Адамомъ, по словопроизводству, означаетъ земная тварь,

какъ говорятъ свѣдушіе въ еврейскомъ языкѣ, почему и Апостолъ, преимущественно обученный отечественному языку Израильтянъ, называетъ человѣка *отъ земли перстнымъ* (1 Кор. 15, 47.), какъ бы переводя на греческій языкъ названіе: Адамъ. Итакъ по образу сотворенъ человѣкъ, — это всецѣлое естество, эта Богоподобная тварь; и по образу сотворена всемогущею Премудростію, не часть цѣлаго, но вся въ совокупности полнота естества. Зналъ Объемлющій горегію всея предѣлы, какъ говоритъ Писаніе, выражающееся: *въ руцѣ Его вси концы земли* (Псал. 94, 4.); зналъ Вѣдущій все и прежде бытія вещей, сообщавъ вѣдѣніемъ, въ какомъ числѣ будетъ родъ человѣчскій, происшедшій отъ каждаго. Но поелику проразумѣлъ въ насъ наклонность къ худшему и то, что, добровольно утративъ равночестіе съ Ангелами, человѣкъ приблизится къ общенію съ низшимъ: то примѣшалъ по сему нѣчто къ собственному Своему образу отъ безсловесной твари. Ибо въ Божественномъ и блаженномъ естествѣ нѣтъ различія мужскаго и женскаго пола. Но перенеся на человѣка отличительное свойство безсловеснаго устроенія, не соответственно высотѣ твари, даруетъ нашему роду способъ размноженія. Не тогда, какъ сотворилъ человѣка по образу, сообщилъ ему и силу ~~раститься и множити~~, но когда уже произвелъ различіе, мужескій и женскій

полъ, тогда говорить: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28.). Ибо подобное сему свойственно естеству не божественному, но безсловесному, какъ даетъ разумѣть исторія, повѣствуя, что прежде сказано это Богомъ о безсловесныхъ. Почему, если бы прежде, нежели придано естеству раздѣленіе на мужескій и женскій полъ, Богъ симъ словомъ далъ человѣку способность *раститися*: то не имѣли бы мы нужды въ такомъ способѣ рожденія, какимъ раждаются безсловесныя. Посему, проразумѣвъ Своимъ предвѣдѣніемъ, что полнота человѣческаго рода войдетъ въ жизнь рожденіемъ, какое свойственнѣе животнымъ, въ извѣстномъ порядкѣ и въ связности правящій всѣмъ Богъ, поелику вообще для человѣчества таковъ способъ рожденія необходимъ, содѣлывала склонность нашей природы къ униженному, каковую прежде ея появленія предвѣдалъ Тотъ, Кто будущее видитъ наравнѣ съ настоящимъ, посему самому предусмотрѣлъ и соразмѣрное устроенію человѣковъ время, чтобы появленію опредѣленнаго числа душъ соотвѣтствовало и продолженіе времени, и тогда остановилось текущее движеніе времени, когда прекратится въ немъ распространеніе человѣческаго рода. А когда кончится сей способъ рожденія людей, съ окончаніемъ его кончится и время, и такимъ образомъ совершится обновленіе вселенной, и

за измѣненіемъ цѣлаго послѣдуетъ и переходъ
 человѣчества отъ тѣннаго и земнаго къ без-
 страстному и вѣчному. Сіе, кажется мнѣ, ра-
 зумѣвъ и божественный Апостолъ въ посланіи
 къ Коринѣянамъ предрекаетъ внезапную оста-
 новку времени и поступленіе движимаго въ
 обратный путь, когда говоритъ: *се тайну вамъ*
глаголю, вси бо не уснемъ: вси же измѣнимся:
вскорѣ во мновеніи ока, въ послѣдней трубѣ
 (1 Кор. 15. 51. 52.). Ибо, какъ думаю, когда
 полнота человѣческаго естества въ предувѣ-
 данной мѣрѣ достигнетъ конца, потому что не
 потребуется уже никакого приращенія къ чи-
 слу душъ: тогда, какъ словами: *вскорѣ во мно-*
веніи ока наименовавъ оный неизмѣряемый и
 неизмѣняющій протяженія предѣлъ времени, учитъ
 Апостолъ, въ мгновеніе времени совершится
 измѣненіе существъ. Почему кто достигъ этой
 самой послѣдней и крайней точки времени,
 тому, такъ какъ ничего не остается за симъ
 краемъ, невозможно получить это временное
 посредствомъ смерти измѣненіе, развѣ когда
 прозвучитъ труба воскресенія, пробуждающая
 умершихъ, и оставшихся въ жизни, подобно
 измѣняемымъ чрезъ воскресеніе, мгновенно
 предлагающая въ истѣніе, такъ что тягота
 плоти не повлечетъ уже ее долу, и бремя не
 удержитъ подъ землею, но поидетъ она по
 воздуху выпры: ибо Апостолъ говоритъ: *во-*
схищени будемъ на облацехъ въ срѣтеніе Гос-

*подне на въздухъ, и тако всегда съ Господомъ
будемъ* (1 Сол. 4, 17.).

Посему да ожидаютъ времени, которое необходимо продолжится соразмѣрно приращенію
человѣческаго рода. Ибо Авраамъ и другіе
патріархи имѣли желаніе видѣть блага, и не
преставали искать небеснаго отечества, какъ
говоритъ Апостолъ (Евр. 11, 16.); однакоже
пребываютъ еще только въ надеждѣ благодати,
по слову Павлову, *Богу лучше что о насъ
предзрѣши, да не безъ насъ*, какъ говоритъ
Павелъ, *совершенство приимутъ* (40.). Посему,
если терпятъ сіе замедленіе оныя, издамече
только вѣрою и надеждою, какъ свидѣтель-
ствуетъ Апостолъ, *видѣвшіе и цѣловашіе блага*
(13.), несомнѣнность наслажденія уповаемымъ
поставляя въ томъ, чтобы обѣтованное при-
знавать вѣрнымъ:—что надлежитъ дѣлать мно-
гимъ изъ насъ, у которыхъ, судя по жизни,
нѣтъ, можетъ быть, и надежды на лучшее?
Изнемогала отъ вожделѣнія душа у Пророка,
и въ пѣснопѣніи исповѣдуетъ онъ сію до стра-
сти пламенѣющую любовь, говоря, что *же-*
лаетъ и скончается душа его пребывать во
дворцѣхъ Господнихъ (Пс. 83, 3.), хотя бы дол-
жно было *прильпнати* (11.) тамъ въ числѣ
послѣднихъ: потому что выше и предпочти-
тельнѣе быть тамъ послѣднимъ, нежели пер-
венствовать въ *селеніихъ грѣшничихъ* этой жизни.
Однакоже переносилъ онъ замедленіе, и убла-

жая пребываніе тамошнее, кратковременное участіе въ тѣхъ благахъ предпочитая тысячамъ лѣтъ, *лучше бо, говорить, день единъ во дворяхъ Твоихъ намъ тысячи* (11.), не огорчался необходимымъ смотрѣніемъ о существующемъ, и признавалъ достаточнымъ для ублаженія имѣть людямъ блага въ упованіи. Почему въ концѣ Псалма говорятъ: *Господи Божие силъ блаженъ человекъ уповаѣй на Тя* (13.). Поэтому надлежитъ и намъ не скорбѣть о кратковременномъ замедленіи уповаемаго, но прилагать стараніе о томъ, чтобы не содѣлаться недостойными уповаемыхъ благъ. Если кто предскажетъ какому-либо опытному человѣку, что во время лѣта будетъ собраніе плодовъ, наполнятся хранилища, и трапеза будетъ полна снѣдей во время сего обилія: то суетенъ онъ будетъ, если поспѣшитъ желать наступленія этого времени, когда должно еще сѣять и попечительностію заготавливать себѣ плоды. Время, хочеть ли, не хочеть ли кто, непремѣнно наступитъ въ опредѣленный срокъ; но не одинаково увидятъ его, кто заготовилъ себѣ изобиліе плодовъ, и кто остался на этотъ часъ съ пустыми руками и безъ всякаго запаса. Такъ, думаю, поеліку изъ Божественной проповѣди для всякаго явно, что настанетъ время измѣненія; то должно не о времени любопытствовать (ибо *нѣсть ваше*, сказалъ Христосъ, *разумѣти времена и лѣта* (Дѣян. 17.)), и не изыскивать

ѣакихъ либо умозаключеній, которыми нѣтъ
ослабить въ душѣ надежду воскресенія: но,
подрѣняясь вѣрою въ ожидаемое, добрымъ жи-
тіемъ заковать будущую благодать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

О томъ, что, кто признаетъ начало устройства міра, тотъ не-
обходимо согласится и о концѣ.

Если же кто, взирая на настоящее теченіе
міра, совершающееся въ нѣкоей связности, въ
каковой усматривается временное продолженіе,
скажетъ, что невозможно произойти предвоз-
вѣщенной остановкѣ движимаго: то таковой,
очевидно, не вѣритъ, что и въ началѣ небо и
земля сотворены Богомъ. Ибо кто придаетъ
движенію начало, тотъ непременно не усумнится
и о концѣ; а кто не принимаетъ конца, тотъ
не принимаетъ начала. Но какъ *совершится*
всѣмъ глаголюмъ Божіимъ, по слову Апостола,
разумѣваемъ, вѣруя *отъ неявляемыхъ видимыхъ*
быти (Евр. 11, 3.): такъ тою же вѣрою руко-
водиться будемъ, и слыша глаголь Божій,
предвозвѣщающій необходимую остановку су-
ществъ. А какъ она будетъ, сіе должно быть
изъято изъ предмстовъ нашего любопытства.
Ибо и тамъ, отложивъ въ сторону изслѣдова-
ніе непостижимаго, вѣрою приняли мы *совер-*
шится видимому *отъ неявляемыхъ*; хотя ра-

зумъ внушалъ намъ недоумѣвать во многомъ, представляя немаловажные поводы къ сомнѣнію въ томъ, чему повѣрили. Ибо и тамъ любителямъ споровъ можно благовидными доводами поколебать вѣру такъ, чтобы не признавалось истиннымъ ученіе о сотвореніи вещества, какое преподаетъ намъ святое Писаніе, утверждая, что всѣ существа имѣютъ бытіе отъ Бога.

А защитники противнаго ученія усиливается доказать, что вещество совѣчно Богу, пользуясь слѣдующими доводами въ подтвержденіе своего ученія. (Если Богъ по естеству простъ, не вещественъ, не качественъ, не количественъ, не сложенъ и чуждъ очертанія по наружному виду; всякое же вещество ограничивается въ пространственномъ протяженіи, не избѣгаетъ постиженія посредствомъ чувствъ, будучи познаваемо по цвѣту, по наружному виду, по величинѣ, по количеству, по упорству, по прочимъ усматриваемымъ въ немъ свойствамъ, изъ которыхъ ни одного не возможно представлять себѣ въ естествѣ Божественномъ: то какая возможность изъ невещественнаго произойти веществу, изъ неимѣющаго протяженности естеству протяженному? Ибо если вѣрить, что произошло сіе отъ Бога, то очевидно, что сущее въ Богѣ ~~не~~ неизреченному закону пришло такимъ образомъ въ бытіе. А если въ Немъ было ~~нечто~~ вещественное, то

какъ же не вещественъ Тотъ, Кто имѣлъ въ Себѣ вещество? Тоже сказать должно и о всемъ иномъ, чѣмъ отличается вещественное естество. Ежели въ Богѣ есть количество, то какъ же не количественъ Богъ? Ежели въ Немъ есть нѣчто сложное, то какъ же Самъ Онъ простъ, не дѣлимъ на части и не сложенъ? Посему разумъ понуждаетъ, или по необходимости признать, что Богъ вещественъ, потому что отъ Него произошло вещество, или, если кто не согласится на это, необходимо предположить, что для устройства вселенной вещество произошло къ Нему отъиѣ. Посему, если оно было виѣ Бога; то, конечно, кромѣ Бога было нѣчто и иное, относительно къ вѣчности умопредставляемое вмѣстѣ съ Сущимъ не рожденно. Почему постигаются разумомъ одно съ другимъ вмѣстѣ два безначальныхъ и нерожденныхъ существа, изъ которыхъ одно художественно дѣйствуетъ, а другое пріемлетъ на себя искусное это дѣйствование. (Если же кто по сей необходимости предположить, что Создателю всяческихъ предстояло вѣчное вещество, то какую защиту своимъ ученіямъ найдеть этотъ Манихей, который естеству благому противопоставляетъ по нерожденности вещественное начало?

Но мы, слыша, что говоритъ Писаніе, увѣровами, что все отъ Бога; о томъ же, какъ было оно въ Богѣ, какъ о превышающемъ

нашъ разумъ, не смѣемъ любопытствовать, вѣруя, что все возможно Божію могуществу; возможно и несуществующее привести въ бытіе, и сущему по произволенію придать качества. Въ слѣдствіе же сего, какъ признаемъ силу Божіей воли достаточною для созданія существъ изъ несуществовавшаго; такъ, преобразование созданнаго возводя къ той же силѣ, вѣримъ не чему либо невѣроятному. Но какъ, можетъ быть, есть возможность какими либо доводами убѣдить спорящихъ о веществѣ; то не минуемъ и сего, чтобы не показалось, будтобы умалчиваемъ по недостатку слова.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Возраженіе утверждающимъ, что вещество совѣчно Богу.

Не вѣдъ того, до чего послѣдовательно доходитъ разумъ, кажется и это предположеніе о веществѣ, утверждающее, что происходитъ оно отъ умопредставляемаго и невещественнаго. Ибо найдемъ, что всякое вещество состоитъ изъ какихъ либо качествъ, и если бы лишено было оныхъ, никакъ не могло бы постигаемо быть разумомъ. Но какаго вида качества отдѣляется въ понятіи разума отъ подлежащаго. Понятіе же есть нечто умопредставляемое, а не тѣлесное ~~воззрѣніе~~, Напри-

мѣръ, если подлежитъ воззрѣнію какое либо животное, или дерево, или что либо другое изъ имѣющаго вещественный составъ; то многое въ предметѣ семъ представляемъ мыслию отдѣльно, и понятіе отдѣльнаго не смѣшивается съ подлежащимъ воззрѣнію. Ибо иное понятіе о цвѣтѣ, иное о тяжести, иное опять о количествѣ, и иное о какомъ либо осязательномъ свойствѣ, потому что мягкость, длина и прочія упомянутыя качества, ни одно съ другимъ, ни съ самымъ тѣломъ не смѣшиваются по понятію. Но каждому изъ свойствъ, каково оно само въ себѣ, примышляется особое положительное опредѣленіе, немѣющее ничего общаго съ какимъ либо инымъ качествомъ изъ усматриваемыхъ въ подлежащемъ. Посему, если умопредставляемъ цвѣтъ, умопредставляемъ также упорность, количественность и прочія подобныя сему свойства, если съ отыятіемъ cadaго изъ сихъ у подлежащаго уничтожается всякое понятіе о тѣлѣ: то слѣдуетъ предположить, что въ отсутствіи чего находимъ причину уничтоженія тѣла, совокупное стеченіе того производитъ вещественное естество.) Какъ не тѣло то, въ чемъ нѣтъ цвѣта, наружнаго вида, упорства, протяженія, тяжести и прочихъ свойствъ, да и каждое изъ сихъ свойствъ также не тѣло, а напротивъ того взятое отдѣльно есть нѣчто отличное отъ тѣла: такъ и наоборотъ, гдѣ стеклись вмѣстѣ сказанныя

свойства, тамъ производится тѣлесное существо. Но если представленіе сихъ свойствъ принадлежитъ уму, а умопредставляемо также и Божество по естеству, то нѣтъ никакой несообразности въ томъ, что безтѣлеснымъ естествомъ произведены сіи умопредставляемыя начала бытію тѣлъ, потому что умопредставляемое естество производитъ умопредставляемыя силы, а взаимное соединеніе сихъ послѣднихъ приводитъ въ бытіе естество вещественное. Но сего пусть мимоходомъ только коснется наше изслѣдованіе. А намъ опять должно обратить слово къ вѣрѣ, которою пріежемъ, что вселенная сотворена изъ ничего, и, наученные Писаніемъ, не сомнѣваемся, что снова будетъ преобразована въ иное нѣкое состояніе.)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Какъ можно иного изъ внѣшнихъ, привести къ тому, чтобы, по ученію Писанія, повѣрить воскресенію.

Но иной, можетъ быть, смотря на разрушившіяся тѣла, и по мѣрѣ собственныхъ своихъ силъ судя о Божествѣ, скажетъ, что слово о воскресеніи есть нѣчто невозможное, и станетъ при семъ утверждать, что какъ движущемуся теперь придти въ покой, такъ не движущемуся теперь придти въ движеніе, нѣтъ и возможности. Но таковій пусть приметъ для

себя первымъ и самымъ важнымъ доказательствомъ истины воскресенія достовѣрность повѣди о немъ. А достовѣрность сказуемаго въ Писаніи дѣлаетъ несомнѣнною событіе прочихъ предреченій. Поелику божественное Писаніе предлагаетъ много всякаго рода сказаній, то, разсмотрѣвъ, точно ли живо, или истинно, прочее въ немъ сказанное, можно поэтому составить понятіе и о догматѣ воскресенія. Ибо, если слова Писанія въ другомъ чемъ изобличаются живыми и погрѣшающими противъ истины, то, конечно, и это слово не неживо. Если же все прочее свидѣтелемъ истины имѣетъ опытъ, то послѣдовательно будетъ, основываясь на семъ, и предреченіе о воскресеніи почитать истиннымъ. Поэтому приведемъ себѣ на память одно или два предвѣщанія, и съ предсказаннымъ соличимъ событіе, чтобы узнать изъ сего, близко ли къ истинѣ сіе ученіе.

Кто не знаетъ, какъ въ древности процвѣталъ народъ израильскій, противостоявшій всѣмъ царствамъ во вселенной? Какіе во градѣ Іерусалимѣ были царскіе дома? Какія стѣны, башни? Какое величественное зданіе—храмъ? Все сіе признавали достойнымъ удивленія и ученики Господни, и съ изумленіемъ взирая на видимое, какъ даетъ видѣть евангельское сказаніе, желаютъ обратить вниманіе Господа, говоря Ему: *каковы дѣла, и какова зданія* (Марк. 13, 2.)? Господь же дивящимся настоящему

показываетъ будущее запустѣніе мѣста, и уничтоженіе этой красоты, говоря, что вскорѣ не останется ничего видимаго ими. Да и во время страданія жены слѣдовали за Господомъ, оплакивая несправедливый надъ Нимъ приговоръ, потому что не примѣчали еще будущаго домостроительства. А Господь совѣтуетъ имъ молчать о томъ, что дѣлается съ Нимъ; потому что не слезъ сіе достойно; отложить же сѣтованіе и плачь до времени, дѣйствительно требующаго слезъ, когда городъ будетъ обложенъ осаждающими, и страданія дойдутъ до такой крайности, что блаженнѣйшимъ будетъ почитаемъ неродившійся. А вмѣстѣ съ симъ предвозвѣстилъ и это ужасное дѣло — поядать дѣтей, сказавъ, что въ тѣ дни будутъ ублажать утробу, которая не раждала (Лук. 23, 29.). И гдѣ же теперь царскіе тѣ дома? Гдѣ храмъ? Гдѣ стѣны? Гдѣ сторожевыя башни? Гдѣ царство израильское? Одинъ здѣсь, другой тамъ, едва не по цѣлой вселенной разсѣяны Израильтяне. А съ разореніемъ всего этого разрушены и царскіе дома.

И мнѣ кажется, что Господь предвозвѣстилъ сіе и подобное сему не ради самыхъ произшествій (принесло ли бы слушателямъ столько пользы предреченіе о томъ, что непременно сбудется? они дознали бы сіе на опытъ, и не будучи предувѣдомлены о будущемъ), но чтобы слышавшіе въ слѣдствіе сего приобрѣли

вѣру и сказанному о важнѣйшемъ. Ибо свидѣтельство самыхъ дѣлъ объ одномъ, служить доказательствомъ истины и другаго. Еслибы, когда какой либо земледѣлецъ толкуеть о силѣ сѣмянъ, случилось неопытному въ земледѣліи не повѣрить, то первому для доказательства истины достаточно было бы, показавъ силу одного какого либо изъ лежащихъ въ мѣрѣ сѣмянъ, поручиться и за прочія: ибо, увидѣвшій, что одно зерно пшеницы, или ячменя, или чего другаго, наполняющаго выставленную мѣру, будучи брошено въ землю, произрастило колосъ, по этому одному зерну перестанеть не вѣрить и о прочихъ. Такъ для засвидѣтельствованія тайны воскресенія, кажется миѣ, достаточно того, что признана всѣми истина прочаго, что сказано въ Писаніи; лучше же сказать, опытное познаніе самаго воскресенія, которое приобрѣли мы, не столько изъ словъ, сколько изъ самыхъ дѣлъ.

Послику чудо воскресенія велико и превышаетъ вѣру, то Господь, начавъ съ низшихъ степеней чудотворенія, какъ бы приобучаетъ насъ къ вѣрѣ постепенно большими чудесами. Какъ мать какая, воспитывающая младенца, сообразно съ его возрастомъ, пока уста его мягки и нѣжны, изъ сосцовъ пьетъ молокомъ: а когда появятся зубы, и младенецъ подрастетъ, даетъ ему хлѣбъ, но не грубый и худо испеченный, чтобы жесткая пища не повре-

дила нѣжныхъ и непривычныхъ десенъ, но разжевывая своими зубами, приводитъ въ состояніе соразмѣрное и соотвѣтственное силѣ вкушающаго. Потомъ, по мѣрѣ приращенія укрѣпляющихся силъ, привыкшему къ нѣжной пицѣ младенцу даетъ постепенно болѣе и болѣе твердую пищу. Такъ и Господь человѣческое малодушіе, какъ несовершеннаго какого младенца питая и папосвая чудесами, сперва показуесть подобіе силы воскресенія надъ отчаянною болѣзнію. И хотя велико было чудо само въ себѣ, однакоже не таково, чтобы не повѣрилъ кто повѣствованію о немъ. Ибо *запретивъ* огню, сильно распалывшему тещу Симонову, произвелъ такой переворотъ въ болѣзни, что въ силахъ стала прислуживать присутствующимъ та, о которой ожидали уже, что умретъ (Лук. 4, 39.). Потомъ Господь присовокупилъ нѣчто небольшое къ этой силѣ, и сыну царедворца, лежавшему въ признанной всѣми опасности (ибо по сказанію исторіи *имѣяше умерети*, когда вопіялъ отецъ: *сиди, прежде даже не умретъ отроча* (Іоан. 4, 48. 49.)): даетъ опять возстаніе, когда были увѣрены, что онъ умретъ, совершивъ это чудо съ большимъ могуществомъ, потому что и не приближался даже къ больному, но издали самою повелѣніемъ послалъ ему жизнь. И еще постепенно восходитъ къ болѣе высокимъ чудесамъ. На пути къ дочери архисинагога, намѣренно заме-

длилъ шествиѣмъ, чтобы обнаружилось неизвѣстное народу исцѣленіе отъ кровотеченія, и между тѣмъ въ это время овладѣла больною смерть. Посему, когда душа уже разлучилась съ тѣломъ, и смятенные съ плачевнымъ воплемъ жаловались на постигшую утрату, Господь повелительнымъ словомъ, какъ отъ сна, возставляетъ дѣвицу опять къ жизни, съ какою-то постепенностію и послѣдовательностію возводя человѣческую немощь къ важнѣйшему.

Потомъ и сіе превышаетъ новымъ чудомъ, и высшею силою пролагаетъ людямъ путь къ вѣрѣ въ воскресеніе. Писаніе повѣствуетъ о нѣкомъ въ Іудеѣ городѣ Наннѣ. Въ немъ у нѣкой вдовы былъ единородный сынъ, не въ такихъ уже лѣтахъ, чтобы почитать его отрокомъ, но изъ дѣтскаго возраста переходившій въ мужескій. Юношею именуеть его Писаніе. Исторія въ немногомъ повѣствуетъ многое: и повѣствованіе волиѣ есть плачь. Сказано, что мать умершаго *бы вдова* (Лук. 7, 12.). Виднѣ ли тяжесть несчастія, и какъ трогательно въ немногомъ изображено словомъ страданіе? Ибо что значитъ сказанное? То, что не было у ней надежды имѣть дѣтей, которая могла бы уречевать бѣдственную утрату: потому что женщина *бы вдова*. Не на кого было и взглянуть еѣ вмѣсто сего умершаго: потому что былъ онъ у нея единородный: а сколько въ этомъ горестнаго, не трудно понять всякому,

кто не чуждъ естества. Его одного познала въ болѣзняхъ рожденія, его одного вскармила сосцами. Онъ одинъ дѣлалъ для ней веселою трапезу. Онъ одинъ служилъ поводомъ къ радости въ домѣ: играя, учась, занимаясь дѣломъ, веселясь въ прогулкахъ, въ упражненіяхъ, въ собраніяхъ молодыхъ людей: всеѣмъ, что въ глазахъ матеря и сладостно и драгоценно, былъ онъ одинъ. И эта отрасль рода, вѣтвь преемства, опора старости, приближалась уже къ порѣ вступленія въ бракъ. Да и самое упоминаніе о возрастѣ показываетъ другую причину плача. Писаніе, назвавъ юношею, выразило, что это былъ цвѣтъ увядшей красоты, что едва только пробивался у него пушечъ, но не было густой бороды, и ланиты сіяли еще красотою. Посему, сколько было естественно страдать о немъ матери? Но слово Божіе не прешло молчаніемъ и того, что, какъ бы огнемъ сожигались внутренности у матери, и какъ она, объемля лежащаго мертвеца, горькій продолжала надъ нимъ плачь, какъ не снѣшила погребеніемъ умершаго, но подавляемая страданіемъ, какъ можно долѣе, старалась продолжить надъ нимъ сѣтованіе. Ибо сказано: *видѣвъ ю Іисусъ милосердова. И приступъ коснуся во одръ, носщій же стаха: и рече мертвецу: юноше, тебѣ глаголю, востани: и даде его матери его живымъ* (Лук. 7, 13. 17.). Такъ, когда не мало продолженіе времени юноша былъ мертвымъ, и

едва только не преданъ погребенію, Господомъ совершается надъ нимъ гораздо большее чудо, хотя повелѣніе было такое же.

Но еще на высшую степень восходитъ чудотвореніе, такъ что явленное приближается паче къ невѣроятному чуду—воскресенію. Заболѣлъ нѣкто изъ знаемыхъ Господомъ, и любимыхъ Имъ; имя больному было Лазарь. И Господь замедляетъ посѣщеніемъ друга, находясь вдали отъ больного, чтобы въ отсутствіе Жизни нашла возможность и силу съ помощію болѣзни сдѣлать дѣло свое смерти. Въ Галилеи Господь объявляетъ ученикамъ о состояніи Лазаря, и о Своемъ отправленіи къ нему, чтобы воздвигнуть лежащаго. Но они боялись жестокости Іудеевъ, затрудняясь и опасаясь идти опять въ Іудею въ среду убійць. Поэтому не спѣша и откладывая, хотя медленно, но возвращаются изъ Галилеи; потому что превозмогала власть, и ученики ведены были Господомъ, увидѣть въ Вифаніи какбы предначатки общаго воскресенія. Четыре уждняпрошло послѣ предсмертнаго страданія. Совершенно было надъ умершимъ все предписанное закономъ. Тѣло сокрыто въ могилѣ, и какъ обыкновенно, стало пухнуть, предавшись тлѣнію, растекаясь въ земный гной, трупъ по необходимости распадался на части. Недоступное было дѣло—съ насиліемъ природѣ, что обратилось въ зловоніе, то возвратить опять къ жизни. И тогда-то въ самомъ ясномъ чудѣ

представляется доказательство сего невѣроятнаго дѣла—общаго воскресенія. Ибо не отъ трудной болѣзни возстается кто-либо, и не при послѣднемъ находящійся дыханіи возводится къ жизни, не дѣвица только что умершая оживотворяется, не юноша, сопровождаемый въ могилу, снова отрѣшается отъ одра; но мужъ преклонныхъ лѣтъ, мертвый, уже смердящій, отекающій, предавшійся тлѣнію, такъ что и ближнимъ его казалось нестерпимымъ, чтобы приближался къ гробу Господь, по причинѣ гнусности распадающагося на части тѣла, оживотворенный единымъ воззваніемъ удостовѣряетъ въ проповѣди о воскресеніи, то есть, о томъ ожидаемомъ и для всѣхъ вообще, что опытомъ дознали мы отчасти. Ибо какъ во время общаго обновленія, говоритъ Апостолъ, *Самъ Господь въ повелѣніи, во гласъ Архангеловъ, и въ трубѣ снидетъ* (1 Сол. 4, 16.) возстановитъ мертвыхъ въ нетлѣніе: такъ и теперь преданный гробу, по гласу повелѣнія, какъ бы нѣкій сонъ, отрясши смерть и сложивъ съ себя произведенное мертвенностію тлѣніе, цѣлымъ и неповрежденнымъ исходитъ изъ гроба: и сему исхожденію не воспренятствовали руки и ноги обвязанныя укроемъ.

Ужели и этого мало для вѣры въ воскресеніе мертвыхъ? Или будешь требовать чего-либо инаго, чтобы утвердиться тебѣ въ рѣшительномъ мнѣніи объ этомъ? Но, кажется тебѣ, не

напрасно сказано о бывшемъ въ Капернаумѣ, когда и Господь, какъ бы отъ лица людей, говорить Самому Себѣ слѣдующее: *осяко рече-те Ми притчу сію, врачу исцѣлися самъ* (Лук. 4, 23.). Ибо ученіе о воскресеніи, препода-анное людямъ въ чудѣ надъ тѣлами другихъ, должно было подтвердить на воспринятомъ отъ насъ Человѣкѣ. Видѣлъ уже ты сильную проповѣдь въ другихъ. Видѣлъ готовыхъ умереть, отроковицу едва только лишившуюся жизни, юношу выносимаго въ могилу, мертвеца сотлѣвшаго, и всѣхъ равно единымъ повелѣніемъ возвращенныхъ къ жизни. Или спросишь о подвергшихся смерти отъ ранъ и пролитія крови, не уничтожаетъ ли благодати на нихъ оказавшійся какой либо недостатокъ животворящей силы? Воззри на Того, Чьи руки пригвождены гвоздями. Воззри на Того, Чье ребро пронзено копіемъ. Наложь персты свои на оставшіеся слѣды гвоздей. Вложи руку свою въ язву, нанесенную копіемъ. Безъ сомнѣнія опредѣлишь, на сколько слѣдовало остроію углубиться въ тѣло, по широтѣ язвы заключая о томъ, далеко ли прошло оно внутрь. Ибо язва, дающая свободный ходъ человѣческой рукѣ, показываетъ, какъ глубоко внутрь проникло желѣзо. Посему, если восталъ Онъ, то прилично будетъ провозгласить апостольское слово: *како малолютъ нѣцыи, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть* (1 Кор. 15, 2.)?

Итакъ, поелику всякое пророчество Господа оказывается истиннымъ по свидѣтельству событій: а въ разсужденіи сего, не только научены мы словомъ, но и отъ самихъ возвращенныхъ къ жизни воскресеніемъ на самомъ дѣлѣ получили доказательство обѣтованія; то какіи остается предлогъ невѣрующимъ? Оставивъ тѣхъ, которые *философіею и тщетною лестію* (Кол. 2, 8.) отражаютъ отъ себя безъискусственную вѣру, будемъ держаться простаго исповѣданія, дознавъ о способѣ благодати изъ немногихъ словъ Пророка, когда говоритъ: *отъидеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: последи Духа Твоего, и созидуются, и обновии лице земли* (Пс. 103, 29. 30.). И тогда, сказуетъ Пророкъ, *возвеселится Господь о дѣлахъ Своихъ* (31), потому что *исчезнутъ грѣшницы отъ земли* (35). Ибо какъ могъ бы кто либо именоваться грѣшникомъ, еслибы небыло грѣха?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

О томъ, что воскресеніе не есть что либо невѣроятное.

Но есть и такіе, которые, по безспію Человѣческаго разсудка, судя о Божественной силѣ по нашимъ мѣрамъ, утверждаютъ, что невѣстимое для насъ невозможно и для Бога. Ибо они указываютъ на уничтоженіе древнихъ

мертвецовъ, на остатки обращенныхъ въ пепель огнемъ: а сверхъ сего представляютъ еще въ словѣ плотоядныхъ животныхъ, рыбу, которая, принявъ въ собственное свое тѣло плоть потерпѣвшаго кораблекрушеніе, сама также сдѣлалась нищею людей, и посредствомъ нищеваренія перешла въ составъ ѣвшаго. И многое подобное сему, и само въ себѣ мало-важное, и недостойное великой Божіей силы и власти, описываютъ въ опроверженіе ученія, какъ будто невозможно Богу тѣми же опять путями чрезъ разложеніе возстановить чело-вѣку принадлежащее ему. Но мы въ краткихъ словахъ положимъ конецъ длиннымъ изворотамъ красноглазливой ихъ суетности, признавая, что совершается разложеніе тѣла на то, изъ чего оно состояло, и не только земля по Божію слову разлагается въ землю,—но и воздухъ, и влажность переходятъ въ сродное имъ, и совершается переходеніе въ сродное всего, что въ насъ, хотябы тѣло человеческое было пожрано плотоядными птицами, или свирѣ-ными звѣрями, и смѣшалось съ ихъ плотию, хотябы прошло подъ зубами рыбъ, хотя бы огнемъ превращено было въ пары и въ пепель. Куда бы кто въ предположеніи своемъ не перенесъ чело-вѣка словомъ, безъ сомнѣнія онъ все еще въ мірѣ. А что міръ содержится въ рукѣ Божіей, сему учить богодухновенное слово. Поэтому, если ты не знаешь и того,

что у тебя въ горсти, то ужели думаешь, что Божіе вѣдѣніе немощіе твоей силы, и не въ состояніи съ точностію отыскать того, что со-держится въ Божіей длани?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

О томъ, что, и по разложеніи человѣческаго гѣла на состав-ляя части вселенной, можно каждому изъ общаго снова найти въ цѣлости свое собственное.

Но, можетъ быть, смотря на составныя ча-сти вселенной, подумаешь: поелику воздухъ, который въ насъ, похищенъ сродной ему сти-діей, а также и теплота, и влажность, и зем-ленистое смѣшались съ однороднымъ, то отъ общаго частному трудно возвратиться въ свое мѣсто. Почему же не заключать по человѣче-скимъ примѣрамъ, что по крайней мѣрѣ это не превышаетъ предѣловъ Рождественнаго могу-щества? Безъ сомнѣнія, видѣлъ ты гдѣ нибудь около жилищъ человѣческихъ общее стадо ка-кихъ бы то ни было животныхъ, составленное изъ общаго достоянія. Но когда снова оно дѣлится владѣльцами, тогда или привычка жи-вотнаго къ дому, или положенные на немъ знаки, каждому доставляютъ свое. Подобное нѣчто представляя въ умѣ и о себѣ, не погрѣ-шишь въ приличномъ истинѣ. Поелику душа естественною какою-то дружбою и любовью

была расположена къ сожителю—тѣлу, то хранится тайно въ душѣ какая-то дружеская связь и знакомство въ слѣдствіе срастворенія съ свойственнымъ, какъ бы отъ какихъ-то наложенныхъ природою знаковъ, по которымъ остается въ ней неслитная общительность, отличающая свою собственность. Посему, когда душа снова повлечетъ къ себѣ сродное и собственно ей принадлежащее, тогда какое, скажи мнѣ, затрудненіе воспретить Божественной силѣ произвести соединеніе сроднаго, по нѣкому неизъяснимому влеченію природы поспѣшающаго къ своей собственности? А что въ душѣ и по отрѣшеніи отъ тѣла остаются нѣкоторые знаки нашего соединенія, сіе показываетъ разговоръ во адѣ, изъ котораго видно, что, хотя тѣла преданы были гробу, однакоже въ душахъ оставался нѣкоторый тѣлесный признакъ, и по оному, какъ Лазарь былъ узнанъ, такъ и богатый не оказался неизвѣстнымъ.

Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ вѣрить, что произойдетъ снова отрѣшеніе воскресшихъ тѣлъ отъ общаго къ своему собственному, и особенно (если кто тщательно изслѣдуетъ естество наше) потому, что составляющее насъ не всецѣло есть нѣчто текущее и превращающееся: да и совершенно было бы непонятно, если бы по природѣ не было въ насъ ничего постоянного. Напро-

ИЗМЕНЕНІЯ

тивъ того по точнѣйшему изслѣдованію изъ того, что въ насъ, одно есть что-то постоянное, а другое подлежить измѣненію. Тѣло измѣняется возрастаніемъ и умаленіемъ, какъ бы подобно какимъ одеждамъ, передѣваемое съ каждымъ возрастомъ. Остается же при всякой перемѣнѣ непреложнымъ въ самомъ себѣ отличный видъ, неутрачивающій однажды навсегда положенныхъ на немъ природою знаковъ, но при всѣхъ перемѣнахъ въ тѣлѣ оказывающій въ себѣ собственные свои признаки. Исключить же должно изъ сего закона измѣненіе, производимое страстію, простирающееся на отличный видъ; потому что, подобно какой-то чуждой личинѣ, закрываетъ сей видъ болѣзненное безобразіе, по снятіи котораго разумомъ, какъ у Неемана Сиріяннина, или у описываемыхъ въ евангеліи прокаженныхъ, сокрытый подъ страстію видъ снова, по причинѣ выздоровленія, является съ собственными своими признаками. Посему въ томъ, что въ душѣ богоподобно, нѣтъ измѣняемо текущаго и прелагаемаго, но естественно сему-то, что въ составѣ нашемъ постоянно и всегда одинаково. И поеліку извѣстныя видоизмѣненія въ сраствореніи образуютъ разности въ отличительномъ видѣ, а сраствореніе не иное что есть, какъ смѣшеніе стихій,—стихіями же называемъ основныя начала въ устроении вселенной, изъ которыхъ составлено и что-о-

вѣческое тѣло: то, такъ какъ отличительный видѣ, подобно оттиску печати, остается въ душѣ, она необходимо знаетъ изобразившее печатію эти черты, да и во время обновленія опять пріемлетъ на себя это, какъ сообразное съ чертами отличительнаго вида: сообразно же, конечно, все то, что первоначально было отпечатлѣно въ отличительномъ видѣ. Посему нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ частному изъ общаго снова возвратиться въ свое мѣсто. Сказываютъ же, что ртуть, пролитая изъ сосуда на какомъ либо покатомъ и наполненномъ пылью мѣстѣ, раздѣлившись на мелкіе шарики, разсыпается по землѣ, не сѣмываясь ни съ чѣмъ ей встрѣтившимся; если же кто по многимъ мѣстамъ разсѣянную ртуть соберетъ опять въ одно мѣсто, то она сама собою сливается съ однороднымъ, ничего посторонняго не заключая въ свою сѣсь. Подобное нѣчто, думаю, надлежитъ представлять себѣ и о человѣческомъ составѣ, что, если только послѣдуетъ Божіе повелѣніе, соответственнымъ частямъ самымъ собою присоединиться къ тѣмъ, которыя имъ свои, то обновляющему естество не будетъ въ этомъ никакого затрудненія. И въ произрастающемъ изъ земли видимъ, что, возмемъ ли пшеницу, или зерно изъ смоквы, или другое какое изъ лѣбныхъ или овощныхъ сѣмянъ, природѣ нѣтъ никакого труда превратить ихъ въ соломѣ, и

въ остны, и въ колось. Ибо безъ припущенія, сама собою, соотвѣтственная пища переходитъ изъ общаго въ особое свойство каждаго изъ сѣмянъ. Посему, если изъ общей, всѣмъ произрастеніямъ подлежащей влаги, каждое изъ питающихся ею растеній извлекаетъ способствующее къ его возрастанію: то есть ли что необычайнаго въ ученіи о воскресеніи, по которому каждымъ изъ воскрешаемыхъ, подобно тому, что бываетъ съ сѣменами, привлекается свойственное ему?

Поэтому изъ всего можно дознавать, что проповѣдь о воскресеніи не содержитъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ опыта: хотя умолчали мы о томъ, что всего извѣстнѣе въ насъ, разумѣю самое первое начало нашего составленія. Ибо кто не знаетъ этого чуднаго дѣйствія природы? что принимаетъ въ себя матерняя утроба, и что производитъ изъ сего? Не видишь ли, что всѣваемое въ утробу, какъ начало тѣлеснаго состава, нѣкоторымъ образомъ просто и состоитъ изъ подобныхъ частей? Какое же слово изобразить разнообразіе уготовляемаго состава? Кто, не научаемый подобному общему природоу, призналъ бы возможнымъ совершающееся, а именно, что это малое и само по себѣ незначительное служитъ началомъ стольго великаго дѣла? Называю же великимъ, не

только взирая на образованіе тѣла, но и на то, что болѣе достойно удивленія, разумѣю самую дунгу, и все въ ней усматриваемое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСМАЯ.

Противъ утверждающихъ, что души существовали прежде тѣла, или наоборотъ, что тѣла созданы прежде душъ, и вмѣстѣ нѣкое опроверженіе баснословнаго ученія о преселеніи душъ.

Не вѣдѣ, можетъ быть, предѣловъ предлагающаго намъ труда, изслѣдованіе того, что въ церквахъ составляетъ предметъ недоумѣнія о душѣ и тѣлѣ. Однимъ изъ жившихъ прежде насъ, а именно занимавшимся ученіемъ о началахъ, разсудилось утверждать, что души, подобно какому-то обществу, по особымъ постановленіямъ существуютъ сами по себѣ; и тамъ есть для нихъ образцы порока и добродѣтели; и душа, пребывающая въ добрѣ, остается не испытавшею соединенія съ тѣломъ: но, если она уклонится отъ общенія съ добромъ, и возымѣетъ поползновеніе къ здѣшней жизни, въ такомъ случаѣ бываетъ соединена съ тѣломъ. Другіе же, держась описаннаго Моисеемъ порядка въ устроеніи человѣка, говорятъ, что душа по времени вторая послѣ тѣла. Поелику Богъ, сперва *взявъ персть отъ земли* (Быт. 2, 7.), создалъ человѣка: а потомъ уже одушевилъ его вдуновеніемъ; то на семъ основаніи доказываютъ, что плоть пред-

почтительнѣе души, вошедшей въ предвари-
тельно созданную плоть. Душа, говорятъ они,
сотворена для тѣла, чтобы не быть ему тварію
бездыханною и недвижимою. А все, дѣлаемое
для чего нибудь, конечно малоцѣннѣе того,
для чего дѣлается, какъ и Евангеліе ска-
зуетъ, что *душа болѣе есть пища, и тѣло одежды*
(Матѣ. 6, 25.), потому что для души и тѣла—
одежда и пища; а не для пищи душа, и не для
одежды устроены тѣла, напротивъ того, когда
существовали уже тѣла, по необходимости
изобрѣтены и одежды.

Итакъ, поелику въ обоихъ предположеніяхъ
достойно порицанія разсужденіе и басносло-
вящихъ, что души жили прежде въ особомъ
нѣкоемъ состояніи, и полагающихъ, что онѣ
созданы послѣ тѣлъ: то необходимо, ничего
изъ сказаннаго въ сихъ ученіяхъ не оставлять
безъ изслѣдованія. Но со всею точностію за-
няться разсужденіями тѣхъ и другихъ, и обна-
ружить всѣ несообразности, заключающіяся
въ сихъ предположеніяхъ, потребовало бы
продолжительнаго и времени и слова. Посему,
вкратцѣ разсмотрѣвъ, по возможности, каждое
изъ означенныхъ мнѣній, снова обратимся къ
предположенному.

Защитники перваго ученія, которые утвер-
ждаютъ, что души, до жизни во плоти, имѣютъ
другій образъ жизни, по моему мнѣнію, до-
жаты еще языческихъ баснословныхъ ученій

о преселеніи души изъ одного тѣла въ другое. Ибо, если кто въ точности изслѣдуетъ, то по всей необходимости найдетъ, что ученіе ихъ клонится къ тому, что, какъ говорятъ, сказывалъ о себѣ одинъ изъ ихъ мудрецовъ, а именно: «былъ я мужемъ, потомъ облекся въ тѣло жены, металъ съ птицами, былъ растеніемъ, жилъ съ животными водяными.» И, по моему сужденію, не далеко отступилъ отъ истины утверждающій о себѣ подобное. Ибо подобное ученіе, что одна душа входила въ столько тѣлъ, подлинно достойно, или крика какихъ либо лягушекъ и галокъ, или безсловесія рыбъ, или безчувственности растеній. Причиною же такой пелѣности та мысль, что души преушествуютъ. Ибо начало подобнаго ученія, открывая разсужденію путь къ ближайшему и непосредственно за тѣмъ представляющемуся, послѣдовательно доводитъ до такихъ бредней. Если душа какимъ либо порокомъ отвлечется отъ высшаго образа жизни, однажды вкусивъ (какъ говорятъ) тѣлесной жизни, дѣлается человѣкомъ; жизнь же во плоти, въ сравненіи съ вѣчною и безтѣлесною, безъ сомнѣнія признается болѣе страшною; то души въ такой жизни, въ которой больше поводовъ ко грѣху, совершенно необходимо сдѣлаться болѣе порочною, и болѣе расположенною къ страстямъ, нежели сколько была прежде. Страстность же человѣческой души есть унодобле-

ніе безсловесному. Душа, усвоившая себѣ это, переходитъ въ естество скотское, и однажды вступивъ на путь порока, даже и въ состояніи безсловесія никогда не прекращаетъ дальнѣйшаго поступленія во зло. Ибо установка во злѣ есть уже начало стремленія къ добродѣтели; а у безсловесныхъ добродѣтели нѣтъ. Посему душа необходимо всегда будетъ измѣняться въ худшее, непрестанно переходя въ состояніе болѣе и болѣе безчестное, и изыскивая всегда положеніе худшее того, въ какомъ она находится. Но какъ ниже разумнаго чувственное, такъ ниспаденіе изъ чувственнаго дѣлается безчувственностію. До сего доходя ихъ разсужденіе, хотя вращается внѣ истины, однакоже и нелѣпость изъ нелѣпости выводитъ съ нѣкоторою послѣдовательностію. Но выводимое изъ сего баснословное ученіе слагается уже у нихъ изъ понятій безсвязныхъ. Ибо строгая послѣдовательность указываетъ на растлѣніе души. Душа, однажды поползнувшаяся въ жизни вышей, не возможетъ остановиться ни на какой мѣрѣ порока, но по склонности къ страстямъ, изъ словеснаго состоянія перейдетъ въ безсловесное; а изъ сего дойдетъ до безчувственности растлѣній; къ безчувственному же нѣкоторымъ образомъ близко неодушевленное; а за этимъ слѣдуетъ немнѣющее бытія. И такимъ образомъ по строгой послѣдовательности душа сдѣлается у нихъ вовсе

несуществующею. Поэтому опять по необходимости невозможно уже для нея будетъ возвращеніе къ лучшему. Между тѣмъ они изъ растѣнія возводятъ душу въ человѣка: а симъ показываютъ, что жизнь растѣній предпочтительнѣе жизни безтѣлесной. Ибо доказано, что поступленіе души въ худшее, какъ и естественно, низведетъ ее ниже. Безчувственнаго же естества ниже неодушевленное, въ которое послѣдовательно низводитъ душу начало ихъ ученія. А какъ неугодно имъ это: пусть, или навсегда заключать душу въ безчувственности, или, если хотятъ возвести отсюда ее въ человѣческую жизнь, докажутъ (какъ сказано), что древесная жизнь предпочтительнѣе прежняго состоянія, потому что въ немъ совершилось ниспаденіе въ порокъ, а въ первой совершается возвращеніе къ добродѣтели. Посему, какимъ-то немѣющимъ ни начала, ни конца оказывается ученіе, по которому души прежде жизни во плоти живутъ сами по себѣ, и за пороки соединяются съ тѣлами.

Нелѣпость же ученія утверждающихъ, что душа позднѣе тѣла, объяснена въ послѣдствіи. Посему ученіе тѣхъ и другихъ равно не можетъ бытъ принято. Наше же ученіе, какъ думаю, должно идти къ истинѣ среднимъ путемъ между сими предположеніями, и оно состоитъ въ слѣдующемъ: не должно ни предполагать, будтобы души, какъ обольщаютъ себя языч-

ники, вращавшіяся со всею вселенною, обременившись какимъ-то порокомъ, по невозможности идти наравнѣ съ скоростію движущагося полюса, ниспали на землю: ни утверждать также, будтобы человѣкъ созданъ сперва подобнымъ изваянію изъ брѣня, и для сего-то изваянія сотворена душа. Ибо въ такомъ случаѣ умная природа окажется стоящею менѣе, нежели брѣнная тварь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Доказательство, что одна и таже причина осуществленія души и тѣла.

Поскольку человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, есть единое; то предполагаемъ одно общее начало его состава, такъ что онъ ни старше ни моложе самого себя, и не прежде въ немъ тѣлесное, а потомъ другое. Напротивъ того утверждаемъ, что предвѣдущимъ Божиимъ могуществомъ, согласно съ изложеннымъ нѣсколько выше ученіемъ, приведена въ бытіе вся полнота человѣческаго естества, какъ свидѣтельствуешь о семъ пророчество, которое говоритъ, что Богъ *свѣдуетъ* *вся прежде бытія ихъ* (Дан. 13, 42.). Въ сотвореніи же каждой части не предпосылается одного другому, и души тѣлу, наоборотъ,

чтобы человекъ, раздѣляемый разностию во времени, не былъ поставляемъ въ разладъ съ самимъ собою. Поелику, по ученію апостольскому, естество наше представляется двоякимъ, инымъ въ человекѣ влѣдѣмомъ, и инымъ въ потаенномъ (1 Петр. 3, 4.); то, если одно существовало, а другое произошло послѣ, сила Создателя окажется какою-то несовершенною, недостаточною, чтобы произвести все вдругъ, но раздробляющею дѣло, и трудящею особо надъ каждою половиною. Но какъ о пшеничномъ зернѣ, или о другомъ какомъ сѣмени, говоримъ, что оно въ возможности заключаетъ все относящееся къ колосу, зелень, стебель, колѣна на стеблѣ, плодъ, ости и утверждаемъ, что изъ всего этого, по закону природы, въ естествѣ сѣмени ничто не предсуществуетъ, или не происходитъ прежде, но по естественному порядку обнаруживается сокрытая въ сѣмени сила, и не вмѣшивается въ дѣло чуждая природа: по такому же закону и о человѣческомъ осѣмененіи предполагаемъ, что съ первымъ началомъ состава всѣвается естественная сила, которая развивается и обнаруживается съ нѣкоторою естественною послѣдовательностію, поступая къ совершенію цѣлаго, ничего не заимствуя отвнѣ въ средство къ сему совершенію, но сама себя послѣдовательно возводя къ совершенству; такъ что несправедливо было бы утверждать, будто про-

изощла душа прежде тѣла, или тѣло безъ души:
 но одно обоняъ начало, по высшему закону
 положенное первымъ Божиимъ изволеніемъ, а
 по другому закону состоящее въ способѣхъ
 рожденія. Какъ въ томъ, что посявается для
 зачатія тѣла, прежде его образованія невоз-
 можно видѣть членораздѣльности: такъ въ этомъ
 же самомъ невозможно представлять себѣ ду-
 шевныхъ свойствъ, пока не придутъ въ дѣя-
 тельность. И какъ никто не усумнится, что это
 всѣянное образуетъ изъ себя различные члены
 и внутренности, не иною какою либо привше-
 дею силой, но силою сокрытою въ сѣмени и
 естественно приведенною въ дѣятельность:
 такъ, согласно съ симъ, тоже можно подразу-
 мѣвать и о душѣ, что, хотя никакими дѣятель-
 ностями не открываетъ себя въ видимомъ, но
 тѣмъ не менѣе есть уже во всѣянномъ; потому
 что и отличительный видъ челоука, который
 изъ сего составитъ, заключается въ этомъ по
 возможности, но сокрытъ по невозможности
 сдѣлаться явнымъ прежде неизбежной послѣ-
 довательности: а также и душа есть въ сѣмени,
 но непримѣтна, явить же себя свойственною
 ей естественною силою, сообразуясь съ тѣле-
 снымъ возрастомъ. Поелику сила къ зачатію
 отдѣляется, не отъ мертваго, но отъ одушев-
 леннаго и живаго тѣла; то признаемъ поему
 основательною ту мысль, что исходящее отъ
 живаго въ начало жизни не есть что либо мер-

твое и неодушевленное. Ибо неодушевленное во плоти безъ сомнѣнія мертво. Мертвенность же происходитъ отъ утраты души. Никто же не скажетъ при этомъ, что лишеніе возможно прежде обладанія, но сіе говоритъ утверждающій, что неодушевленное, то есть, мертвенность, старше души.

Но если кто потребуетъ и яснѣйшаго доказательства на то, что жива эта часть, которая служить началомъ зараждающагося живаго существа: то можно уразумѣвать сіе по другимъ признакамъ, которыми одушевленное отличается отъ мертваго. Ибо доказательствомъ жизни въ человѣкѣ поставляемъ нѣкоторую теплоту, дѣятельность и подвижность: а охлажденіе и недвижность въ тѣлахъ есть ничто иное, какъ мертвенность. Итакъ, поелику въ томъ, о чемъ у насъ рѣчь, усматриваются и теплота и дѣятельность; то принимаемъ сіе за доказательство, что оно не неодушевлено. И какъ съ тѣлесной стороны не называемъ сего ни плотію, ни костями, ни волосами, ни чѣмъ либо усматриваемымъ въ человѣческомъ составѣ; а говоримъ, что, хотя по возможности есть оно каждымъ изъ сихъ, но не оказывается еще по видимости: такъ и со стороны души говоримъ, что не имѣютъ въ этомъ мѣста разумная, вождѣвательная и раздражительная сила, и все прочее усматриваемое въ душѣ, но согласно съ устроеніемъ и усовер-

шеніемъ тѣла, возрастаютъ въ человѣкѣ и душевныя дѣятельности. Ибо, какъ человѣкъ совершеннаго возраста въ дѣлахъ немаловажныхъ проявляетъ въ себѣ душевную дѣятельность; такъ въ началѣ своего образованія показываетъ въ себѣ сообразное и соразмѣрное съ настоящею потребностію содѣйствіе души въ томъ, что изъ всѣяннаго вещества устрояетъ она себѣ сродное жилище. Ибо признаемъ невозможнымъ, чтобы душа принаровляла къ себѣ чужія жилища, какъ и сдѣланная на воску печать не можетъ быть примѣняема къ инымъ оттискамъ. Какъ тѣло изъ самаго малаго приходитъ въ совершенный возрастъ: такъ и душевная дѣятельность, возрастая въ человѣкѣ соответственно тѣлу, развивается и увеличивается. При первоначальномъ устроеніи тѣла, подобно нѣкому корню сокрытому въ землѣ, предшествуетъ въ душѣ одна растительная и питательная сила: потому что малость приѣмлющаго тѣла не можетъ вмѣстить большаго. Потомъ, когда это растѣніе выдетъ на свѣтъ, и ростокъ свой покажетъ солнцу, расцвѣтаетъ даръ чувствительности. Когда же созрѣетъ и достигнетъ уже соразмѣрной высоты, тогда, подобно нѣкому плоду, начинаетъ просвѣчивать разумная сила, впрочемъ не вся вдругъ обнаруживаясь, но быстро возрастая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія, и столько принося всегда плода, сколько вмѣщаютъ силы человека.

Если же доискиваешься душевныхъ дѣятельностей въ образованіи тѣла, то *воини себѣ*, говоритъ Моисей (Втор. 4, 9.), и какъ въ книгѣ, читай исторію дѣйствій души. Ибо сама природа яснѣ всякаго слова расскажетъ тебѣ различныя занятія души въ тѣлѣ, при устройствѣ и цѣлаго и частей. Но излишнимъ почтиаю описывать словомъ то, что касается насъ самихъ, какъ бы разсуждая о какихъ нибудь постороннихъ чудесахъ. Ибо кто, взирая на самаго себя, найдетъ нужду въ чужомъ словѣ, чтобы изучить собственное свое естество? Кто уразумѣлъ способы жизни, и дозналъ, сколько тѣло способно ко всякой жизненной дѣятельности; тому можно познать, чѣмъ были заняты естественныя силы души при первоначальномъ образованіи человѣка. Почему и изъ сего дѣлается явнымъ для не вовсе невнимательныхъ, что не мертвымъ и не неодушевленнымъ бываетъ то, что, для произведенія животнаго существа будучи извлечено изъ живаго тѣла, влагается въ художническую храмину природы. И сердцевину плодовъ и отростки корней сажаетъ въ землю неомертвѣвшіе и неутратившіе вложенной въ нихъ природою жизненной силы, но сохранившіе въ себѣ, хотя сокрытое, но непремѣнно живое свойство первообраза. Таковую же силу и окружающая ихъ земля влагаетъ не отвнѣ, отдѣливъ ее отъ себѣ самой: ибо въ такомъ случаѣ и мертвыя части

деревь давали бы отъ себя отырыски: а напротивъ того проявляетъ только сокрытую въ насажденномъ силу, питая собственною своею влагою и образованіемъ корня, коры, сердцевины, отырысковъ, вѣтвей, доводя растѣніе до совершенства. А сего не могло бы произойти, если бы не вложена была какая либо естественная сила, которая, привлекая въ себя изъ окружающаго сродную и сообразную пищу, дѣлалась кустомъ, или деревомъ, или колосомъ, или какимъ либо овощнымъ произрастѣніемъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Бракое, врачебное больше, обзорное устройство нашего тѣла.

Но хотя точному устройству нашего тѣла учить каждый самъ себя, имѣя учителемъ собственное свое естество въ томъ, что онъ видитъ, живетъ и чувствуетъ: однакоже можно дознать въ точности все и тому, кто возьметъ книги, въ которыхъ изложена исторія всего этого, трудолюбиво составленная мудрыми въ подобномъ сему.—Одни изъ нихъ чрезъ разсѣченіе тѣлъ изучали, какое положеніе имѣтъ въ насъ каждый членъ: а другіе примѣчали и объясняли, на что именно сотворена всякая часть тѣла, такъ что трудолюбивыми почерпается отсюда достаточное вѣдѣніе человѣче-

скаго устроения. Но если кто потребуетъ учительницею во всемъ этомъ имѣть Церковь, чтобы ни для чего не было нужды въ постороннемъ голосѣ (ибо, какъ говорить Господь, — вотъ законъ для духовныхъ овецъ, — не слушать имъ *чуждаго гласа* (Іоан. 10, 5.)): то кратко изложимъ ученіе и объ этомъ.

Въ естествѣ тѣла примѣтили мы три цѣли, для которыхъ устроены въ насъ каждый членъ въ отдельности. Одно устроено, чтобы жить, другое, чтобы жить хорошо, и иное приспособлено къ потомственному преемству. Посему все таковое, безъ чего не можетъ состояться въ насъ человѣческая жизнь, примѣтили мы въ трехъ частяхъ: въ головѣ, сердцѣ, и печени. А что служить нѣкоторымъ добавленіемъ къ нимъ благамъ, по щедрости естества, и чѣмъ даруется человѣку возможность жить хорошо, то составляютъ орудія чувствъ. Таковыя орудія не существенны для жизни, потому что нерѣдко, и при недостаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, человѣкъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ жизнь; но безъ дѣятельности нѣхъ человѣку невозможно наслаждаться пріятностями жизни. Третья же цѣль относится къ послѣдующему и къ преемству.

Но кромѣ силъ членовъ и другіе нѣкоторые служатъ къ пребыванію всѣхъ вообще членовъ, и составляютъ собою соотвѣтственное каждому члену дополненіе; таковы: желудокъ

и легкое; и легкое дыханіемъ воспламеняетъ огонь въ сердцѣ, а желудокъ вмѣщаетъ во внутренностяхъ пищу. Посему, при такомъ раздѣленіи нашего устройства, можно въ точности уразумѣть, что жизненная сила неоднородно и не однимъ какимъ либо членомъ приводится въ насъ въ дѣйствіе: но что естество, удѣливъ многимъ частямъ средства къ устройству нашего состава, необходимымъ дѣлаетъ, чтобы каждый членъ вносилъ свою дань въ пользу цѣлаго. Почему члены, которые естествомъ много устроены для безопасности и красоты жизни, и многочисленны и между собою имѣютъ великую разность. Но, думаю, что надлежитъ намъ прежде кратко, только подробнѣе, раскрыть первыя начала того, что служитъ къ образованію жизни. Посему объ общемъ веществѣ всего тѣла, положенномъ въ основаніе каждаго изъ его членовъ, да будетъ теперь умолчано: потому что сіе общее естествословіе нимаю не послужить къ нашей цѣли—къ частному обозрѣнію. Какъ всѣмъ признано, что есть въ насъ часть всего, усматриваемаго въ мірѣ въ видѣ стихій, то есть, тепла и холода, а также и другой умопредставляемой пары, влажности и сухости; то должно намъ рассмотреть каждую стихію порознь.

Итакъ видимъ три управляющія жизненные силы, изъ которыхъ одна согрѣваетъ все теплотой: другая согрѣтое напояваетъ влагою,

чтобы равносиліемъ качества противоположностей живое существо соблюдалось въ среднѣ, и влажность не была попяляема избыткомъ теплоты, и теплота не угашалась преобладаніемъ охлаждающаго. Третья же сила содержитъ собою въ нѣкоей близости и стройности разъединенные суставы, сопрягая ихъ своими связками, и всѣмъ сообщая самодвижную и произвольную силу, при недостаткѣ которой членъ этотъ дѣлается отдѣльнымъ и омертвѣвшимъ, лишившись произвольнаго дыханія. Прежде же сего болѣе достойна примѣчанія художественность естества нашего въ самомъ созданіи тѣла.

Послику жесткое и упорное не принимаетъ въ себя дѣятельности чувствъ, какъ можно видѣть въ костяхъ у насъ, и въ земныхъ растѣніяхъ, въ которыхъ примѣчаемъ нѣкоторый видъ жизни въ томъ, что растутъ и питаются, чувства же напротивъ того не приняю въ себя упорство ихъ: то для чувственныхъ дѣятельностей должно было изготовить, какбы воскъ подобный, нѣкій снарядъ, который могъ бы отпечатлѣвать на себѣ ощутительные оттиски, и не сшивалъ ихъ по избытку влажности (потому что на влажномъ не удерживается отпечатлѣнное), и не противился отпечатлѣнію по чрезмѣрной отвердѣлости (потому что неуступчивое не оставляетъ на себѣ знаковъ отпечатлѣннаго) но занималъ средину

между мягкостію и твердостію, чтобы живое существо не лишено было прекраснѣйшаго изъ естественныхъ дѣйствій, разумѣю, движеніе чувствительное. Поселику же мягкое и уступчивое, не имѣя никакой дѣятельности, свойственной вещамъ твердымъ, былобы, безъ сомнѣнія, недвижимо, нечленообразно, подобно морскому киселю; то естество примѣшало посему къ тѣлу твердость костей, и соединило ихъ между собою неотъемлемою соразмѣрностію. сблизивъ и скрѣпивъ связями изъ жилъ, потомъ обложило ихъ плотію, доступною чувствамъ, менѣе же чувствительною, и тверже сложенною на поверхности. На сѣ-то твердыя по природѣ кости, какъ на нѣкоторые подпирающіе зданіе столбы, возложило всю тяжесть тѣла: и не одну нераздѣльную кость вложило въ цѣлой составъ. Человѣкъ оставался бы недвижимымъ и бездѣйственнымъ, еслибы имѣлъ такое устройство, подобно какому-то дереву, держась на одномъ мѣстѣ, потому что не могъ бы производить движенія впередъ перестановкою ногъ, ни пользоваться въ жизни услужливостію рукъ. Теперь же этимъ примышленіемъ искусно устроила природа, что орудіе сѣ и подвижно и дѣятельно, съ произвольнымъ дыханіемъ, проходящимъ по жиламъ, вложивъ въ тѣло и стремленіе къ движеніямъ и силу для нихъ. Отсюда разнообразная, многосторонняя, ко всякому примышленію пригод-

ная услужливость рукъ. Отсюда поворотливость шеи, наклоненія и всякія движенія головы, дѣятельность челюсти, разведеніе и соединенное съ тѣмъ выѣстъ наклоненіе бровей; и движенія прочихъ членовъ произволятся, какбы въ машинѣ какой, сжатіемъ и растяженіемъ извѣстныхъ жилъ. Проходящая же по онимъ сила имѣетъ какое-то самодвижное стремленіе, въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуя произвольнымъ дыханіемъ по особому смотрѣнію естества. А корнемъ и началомъ всѣхъ движеній въ жилахъ оказывается облекающая собою головной мозгъ волокнистая плева.

Поэтому думаемъ, не должно много любопытствовать о жизненныхъ членахъ, что они такое, когда дознали, что движущая сила въ мозгу. А что мозгъ головной весьма много способствуетъ жизни, ясно открывается это изъ противоположныхъ случаевъ. Ибо если потерпитъ кто какое либо уязвленіе или разрывъ мозговой плевы, за снѣ немедленно послѣдуетъ смерть: потому что естество и на мгновеніе не въ силахъ устоять противъ этого уязвленія, подобно тому, какъ, если станешь выламывать основаніе, то цѣлое зданіе съ этою частію придетъ въ потрясеніе. А что при своемъ поврежденіи сопровождается явною гибелью цѣлаго живаго существа, въ томъ (нельзя не признаться) главнымъ образомъ заключается причина жизни.

К. М. П.
А. М.

Послику же у прекратившихъ жизнь съ угашеніемъ вложенной въ естество теплоты омертвѣвшее охлаждѣваетъ: то посему и въ теплотѣ усматриваемъ причину жизни. Ибо за утратою чего слѣдуетъ омертвѣніе, о томъ, по всей необходимости, должно признать, что присутствіемъ этого держится жизнь въ живомъ существѣ. А какъ бы нѣкоторый источникъ и начало таковой силы примѣчаемъ въ сердцѣ, изъ котораго, подобныя свирѣлямъ, одна изъ другой многовѣтвисто исходящія трубки по всему тѣлу разливаютъ, какъ бы огненное, теплое дыханіе.

И какъ непремѣнно должно, чтобы естество доставляло теплотѣ нѣкую пищу, потому что огонь не можетъ поддерживаться самъ собою, не будучи питаемъ чѣмъ либо для сего пригоднымъ: то посему печенью, какъ бы источникомъ какимъ, доставляемые потоки крови вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ идутъ повсюду въ тѣлѣ такъ неразрывно, что, по взаимномъ отлученіи съ другимъ разобщеніи, происшедшее страданіе погубило бы самое естество. Да вразумить сіе не наблюдающихъ равенства, научая самымъ естествомъ, что любостязаніе есть тлѣтворная нѣкая болѣзнь. Но послѣку оно Божество ни въ чемъ не имѣетъ нужды, человеческое же убожество къ поддержанію своему нуждается во внѣшнемъ: то тремъ онымъ силамъ, которыми, какъ сказали мы,

устраивается все тѣло, природа доставляетъ отъ-
вѣтъ притекающее вещество, вводя разными
путями соответственное каждой силѣ. Ибо
источнику крови, то есть, печени, природа
предоставила снабженіе посредствомъ пищи.
Что постоянно доставляется пищею, то дѣ-
лаетъ, что изъ печени изливаются потоки
крови, подобно тому, какъ снѣгъ на горахъ
своею влажностію увеличиваетъ
подгорные источники, чрезъ всю высоту горы
влагу свою снѣгая до нижнихъ жилъ.

Воздухъ же въ предсердечіи входитъ туда
чрезъ находящуюся близъ него часть внутрен-
ности, которая называется легкимъ, и есть
пріемникъ воздуха, и посредствомъ лежащей
въ немъ бѣоущейся жилы, простирающейся до
рта, вдыханіями втягиваетъ въ себя вѣшній
воздухъ. Имъ по срединѣ раздѣленное сердце,
въ подражаніе дѣятельности приснодвижнаго
огня, само непрерывно движимое, и подобно
тому, что производятъ въ кузницахъ мѣли, и
втягиваетъ въ себя воздухъ изъ прилежащаго
легкаго, и наполняя произшедшія отъ расхи-
ренія пустоты, и раздувая, что есть огненнаго
въ немъ самомъ, выдыхаетъ въ прилежащія
бѣоущіяся жилы. И не прекращаетъ сего дѣй-
ствія, какъ втягивая вѣшній воздухъ въ соб-
ственные свои пустоты расширеніемъ оныхъ,
такъ выдѣляя отъ себя въ бѣоущіяся жилы сжа-

тіємъ. Сіе-то, кажется миѣ, и дѣлается въ насъ причиною этого самодвижнаго дыханія. Ибо часто умъ занятъ чѣмъ либо другимъ, или совершенно покоится, отрѣшившись отъ тѣла во снѣ, но вдыханіе воздуха не прекращается, безъ всякаго содѣйствія въ томъ нашего произволенія. Ибо, думаю, поелику сердце будучи соединено съ легкимъ и связано съ нимъ заднею своею частію, своими разширеніями и сжатіями приводитъ съ собою въ движеніе внутренности; то втягиваніе воздуха и дыханіе производится легкимъ. Ибо легкое, будучи чѣмъ-то рѣдкимъ, — исполненнымъ скважинъ сосудомъ, и всѣ пустоты въ себѣ имѣя отверстыми при основаніи біющейся жилы, когда сдвинуто и сжато, остававшійся во впадинахъ воздухъ по необходимости съ силою извергается, а когда расширено и отверсто, втягиваетъ внѣшній воздухъ въ промежутокъ сдвинутой пустоты отъ притягиванія. И вотъ причина сего произвольнаго дыханія, — невозможность, чтобы огнистое въ насъ сдѣлалось неподвижнымъ. А поелику теплотѣ свойственна дѣятельность въ движеніи, начало же теплоты примѣтили мы въ сердцѣ: то непрестанное движеніе въ этомъ членѣ производитъ непрерывное побужденіе къ выходу и вдыханіе воздуха легкимъ. Почему, когда огненное напряжено сверхъ-естественно, дыханіе нашихъ горячешнымъ жаромъ дѣлается учащеннымъ,

какъ будто бы сердце снѣшить сокрытый въ немъ пламень угасить новымъ воздухомъ.

Но послѣку естество наше есть что-то скудное; и для собственнаго своего поддержанія имѣя во всемъ нужду, бѣдно до того, что нѣтъ у него, не только собственнаго своего воздуха, но и дыханія возбуждающаго теплоту: то для сохраненія живаго существа непрестанно привносится что либо огнѣ.—Да и пища, поддерживающая тѣлесный составъ, у него пріобрѣтенная: почему яствами и питіями наполнять нуждающееся тѣло, вложивъ въ него когда оно въ недостаткѣ, иѣкую притягивающую, а когда въ избыткѣ, отталкивающую силу, и при этомъ сердечный огонь оказываться естеству не малое содѣйствіе. Послѣку изъ жизненныхъ членовъ, по сказанной выше причинѣ, самый главный есть сердце, теплымъ дыханіемъ оживотворяющее каждый изъ прочихъ членовъ: то Зидитель нашъ содѣлалъ, что все оно дѣйственно по производительности силы, такъ что ни одна часть его не остается безъ дѣйствія и безъ пользы въ домостроительствѣ цѣлаго. Поэтому сердце, опускаясь отъ легкаго, и непрестаннымъ движеніемъ притянувъ къ себѣ внутренности, расширяетъ проходы для втягиванія виѣшняго воздуха, а поднимаясь опять вверхъ, способствуетъ выдыханію того воздуха, который внутри. Передними же своими частями состоя въ связи

съ влагалищемъ верхняго желудка, согрѣваетъ его, и приводитъ въ движеніе для собственныхъ его дѣятельностей, возбуждая не къ втягиванію воздуха, но къ принятію сообразной пищи; потому что близки между собою входы для дыханія и для пищи; идя вдоль одинъ противъ другаго, вверху въ равной мѣрѣ сближены, такъ что отверстіями сходятся другъ съ другомъ, и въ однихъ устахъ оканчиваются оба сіи прохода, изъ которыхъ однимъ входитъ въ насъ пища, другимъ дыханіе. Но въ глубинѣ не вездѣ сохраняется взаимная связь этой пары проходовъ: потому что сердце, помѣщаясь въ среднѣ между основаніями того и другаго, даетъ силы одному для дыханія, а другому для питанія. Огню обычно искать вещества для горѣнія. Это же по необходимости происходитъ и съ пищенпріемникомъ. Ибо въ какой мѣрѣ разгорячается со-сѣдственною теплою, въ такой же сильнѣе привлекаетъ питающее тепло; а таковое побужденіе называемъ позывомъ на пищу.

Если тѣлесный сосудъ, въ который слагается пища, приметъ въ себя достаточное количество вещества; то и въ семъ случаѣ дѣятельность огня не успокоивается, но какъ въ пла-вильнѣ производитъ какой-то сплавокъ вещества, и разложивъ и перемѣшавъ, что было твердо, какъ бы изъ тигля какого переливаетъ въ слѣдующіе далѣе проходы. Потомъ, отдѣ-

ливъ болѣе грубое отъ чистаго, какъ бы водо-
проводами какими препровождаетъ истончен-
ное во врата печени. А густый отсѣдъ пищи
отбрасываетъ въ болѣе широкіе желудочные
проходы, и нѣсколько времени круговращая
по онимъ разными оборотами, задерживаетъ
пищу во внутренностяхъ, чтобы легко извер-
гаемая по прямому проходу не возбуждала тот-
часъ позова на пищу въ живомъ существѣ, и
человѣкъ по естеству безсловесныхъ не при-
нужденъ былъ никогда не оставлять такой ра-
боты. Поелику же и печени наиболѣе потребно
содѣйствіе теплоты для обращенія соковъ въ
кровь, а отъ сердца по положенію отстоятъ
она далеко (ибо, думаю, будучи нѣкимъ на-
чаломъ и корнемъ жизненной силы, не можетъ
она утѣсняться другимъ началомъ); то, чтобы
отдаленность теплотворной сущности не по-
вредила сколько нибудь всему домостроитель-
ству, волокнистый проходъ (у свѣдущихъ въ
этомъ называется онъ бнощесюя жилюю), при-
нявъ въ себя разгоряченное дыханіе, изъ
сердца переноситъ въ печень, гдѣ, закрывъ
нѣсколько отверстія его входомъ влагъ, и
теплотою приведа жидкость въ кипѣніе, отла-
гаетъ во влажномъ нѣчто изъ огненнаго срод-
ства, и огненнымъ цвѣтомъ окрасивъ кровь.
Потомъ, два нѣкіе водопровода, изъ которыхъ
каждый, подобно трубѣ, содержитъ въ себѣ,
одинъ дыханіе, а другой кровь, чтобы то и

другое удобно пролагало себѣ путь, начавшись въ печени, жидкое, сопровождаемое и облегчаемое движеніемъ теплоты, многократно разсѣвають по всему тѣлу, во всякой его части дѣлясь на тысячи началъ и вѣтвей сихъ проводовъ.

Два же начала жизненныхъ силъ слившись между собою, сообщая повсюду тѣлу, одно теплоту, другое влажность, какъ бы необходимую нѣкую дань изъ своей собственности приносять правительственной силѣ жизненнаго домостроительства. А это есть сила, открывающаяся въ мозговой оболочкѣ и въ головномъ мозгу; отъ нея всякое движеніе составовъ, всякое сжатіе мышцъ, всякое произвольное дыханіе, передаваемое каждой части порознь; и сіе показываетъ земное наше изваяніе, подобно какой-то машинѣ, приводимое въ дѣйствіе и движеніе. Что есть самаго чистаго въ тепломъ и самаго тонкаго во влажномъ, то, будучи соединено тою и другою силою въ нѣкую смѣсь и сраствореніе, питаетъ и поддерживаетъ испареніями головной мозгъ. А что выходитъ изъ мозга, будучи имъ до высшей степени чистоты угончено, то укрѣпляетъ объемлющую головной мозгъ плеву, которая на подобіе свирѣли, простираясь сверху внизъ, по ряду позвонковъ проводя и себя и лежащій въ ней мозжечекъ, оканчивается въ основаніи спиннаго позвонка. Головной мозгъ всѣмъ свя-

зямъ костей и сочлененій, и началамъ мышцъ, подобно какому-то всаднику, даетъ отъ себя побужденіе и силу въ каждомъ движеніи и при каждой остановкѣ. Посему-то, кажется мнѣ, и удостоенъ онъ болѣе надежнаго охраненія, обнесенный вокругъ и въ головѣ двоякою оградой костей, и въ позвонкахъ выдающимися шипами и разнообразными снаружн переплетеніями, что охраняетъ его отъ всякой возможности что либо потерять, потому что окруженъ надежною стражей.

Подобнымъ образомъ можетъ иной заключить и о сердцѣ, что оно, подобно какому либо дому, приведенному въ безопасность твердынями, также отовсюду защищено, укрѣпленное костяными огражденіями. Ибо сзади проходитъ снѣженный позвонокъ, съ обѣихъ сторонъ обезопасенный лопатками; въ каждомъ боку опоясывающее положеніе реберъ дѣлаетъ средству нисколько неподверженною страданіямъ отъ вѣтъ. А спереди выдаются грудь и нара ключицъ, чтобы сердце отовсюду было безопасно и охранено отъ вѣшнихъ прираженій. Подобное нѣчто можно видѣть въ земледѣліи, когда дождь изъ облаковъ, или орошеніе изъ водопроводовъ, увлажняетъ землю. Представимъ себѣ въ умѣ садъ: въ немъ воспитываются тысячи разныхъ деревъ и всякаго рода произрастенія, у которыхъ въ каждомъ усматри-

ваются весьма различными и наружный видъ, и качество, и свойство цвѣта. И когда столько растѣній на одномъ мѣстѣ питаются тоюже влагою, хотя сила напоющая каждое изъ нихъ по естеству есть какая нибудь одна, однакоже свойство питаемыхъ растѣній предлагаетъ влагу въ разныя свойства. Одна и таже влага въ польни г сирень: въ цукутѣ дѣлается ядовитымъ сокомъ, а въ чемъ другомъ, въ шафранѣ, въ бальзамѣ, въ макѣ принимаетъ другія свойства, въ одномъ разгорячается, въ другомъ мѣдѣтъ, и въ иномъ оказываетъ въ себѣ среднее качество: въ лаврѣ, въ нардѣ и въ подобныхъ растѣніяхъ благоуханно: въ смоковницѣ и въ грушѣ сладко: виноградною лозою обращается въ гроздь и въ вино. И кислоты яблока, и румянецъ розы, и бѣлизна лилій, и голубоватость фіалки, и пурпуровый цвѣтъ гіацинта, и все, что можно видѣть на землѣ, прозябая изъ одной и тойже влажности, различается такимъ множествомъ разностей въ наружности, видѣ и качествахъ. Подобное нѣчто и на одушевленной нашей нивѣ чудотворитъ природа, или, лучше сказать, Владыка природы. Кости, хрящи, кровеносныя бѣгущія жилы, волокны, связки, плоти, кожа, туки, волосы, железы, ногти, глаза, ноздри, уши, все сему подобное и сверхъ того тысячи другихъ суставовъ, отличающихся другъ отъ друга разными свойствами, питаются однимъ

родомъ пищи, соотвѣтственно своему естеству, такъ что пища, приблизившись къ каждому изъ членовъ, въ то и измѣняется, къ чему близка, дѣлаясь свойственною и сродною съ качествомъ сего члена. Если будетъ въ глазѣ, то срастворится съ этимъ зрительнымъ членомъ, и какъ свойственно разностямъ глазныхъ покрововъ, удѣлится каждому. Если приливаетъ къ слуховымъ суставамъ, смѣшивается съ естествомъ уха; вошедши въ губу, дѣлается губой; въ костяхъ отвердѣваетъ, въ мозжечкѣ размягчается, приходитъ въ напряженіе въ жилахъ, и растягивается съ поверхностями, переходитъ въ ногти, утончается въ соотвѣтственныхъ испареніяхъ до того, что производить изъ себя волосы. Если проходитъ путями извилистыми, то порождаетъ волосы вьющіеся и курчавые; а если прохожденіе волосородныхъ испареній совершается путями прямыми, то и волосы производитъ долгіе и прямые.

Но слово наше далеко уклонилось отъ предложеннаго, углубляясь въ дѣла естества, и предприѣмая описать, какъ и изъ чего составилось въ насъ все служащее, какъ къ тому, чтобы жить, такъ и къ тому, чтобы жить хорошо, и къ тому, что еще кромѣ сего примѣчено было нами по первому раздѣленію. Ибо предположено было нами доказать, что осѣмняющая причина нашего состава есть и не

душа безтѣлесная, и не тѣло неодушевленное, но что первоначально изъ одушевленныхъ и живыхъ тѣлъ раждается живое одушевленное существо. Человѣческое же естество, воспріявъ его, подобно нѣкоей кормилицѣ, само питаетъ его собственными своими силами; оно же питается въ обѣихъ своихъ частяхъ, и въ каждой части, соотвѣтственно оной, явно возрастаетъ. Ибо при семъ художественномъ и многоискусномъ образованіи естества тотчасъ обнаруживается сопряженная съ нимъ сила души, хотя въ началѣ оказывающаяся слабою, но въ послѣдствіи просіявающая вмѣстѣ съ усовершеніемъ орудія подобно тому, какъ можно сіе видѣть у ваятелей. Художнику нужно представить изъ камня видъ какогонибудь животнаго. Предположивъ себѣ это, сперва очищаетъ онъ камень отъ приросшаго къ нему вещества, потомъ, обскъши излишнія его части, подражаніемъ предположенному приближается къ нему нѣсколько въ грубомъ видѣ, такъ что и неискусный изъ видимаго угадываетъ цѣль искусства. Снова принимаясь обдѣлывать, еще болѣе приближается къ желаемому подобію. Потомъ, выработавъ изъ вещества совершенный и точный видъ, доводитъ искусство до конца. И этотъ, незадолго до того неимѣвшій никакого образа, камень дѣлается у художника, или львомъ, или человѣкомъ, или чѣмъ бы то ни было, не потому что вещество

измѣнено снмъ видомъ, но потому что сей видъ искусственно приданъ веществу. Иѣчто подобное приписывая душѣ, не погрѣшимъ противъ истины. Ибо утверждаемъ, что естество, художнически все обрабатывающее изъ однороднаго вещества, пріявъ въ себя часть, взятую отъ человѣка, создаетъ изваянія. Но какъ за постепеннымъ обрабатываніемъ камня послѣдовалъ видъ, сначала слабый, а по окончаніи дѣла совершеннѣйшій: такъ и въ изваяніи орудія видъ души, соотвѣтственной предположенному, проявляется въ несовершенномъ несовершенный, и въ совершенномъ совершенный.

Но онъ былъ бы совершенъ и въ самомъ началѣ, если бы естество не было повреждено грѣхомъ. Потому-то общеніе съ рожденіемъ страстнымъ и скотскимъ сдѣлало, что не вдругъ въ твари просіяваетъ Божій образъ, но какимъ-то путемъ и послѣдовательно по вещественнымъ и животнымъ болѣе свойствамъ души ведетъ человѣка къ совершенству. Подобное ученіе излагаетъ и великій Апостолъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, говоря: *егда блг-младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ слышяхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. 13, 11.): не потому что въ мужа входитъ другая душа, кромѣ умопредставляемой въ отрокѣ, и отвергается младенческое разумѣніе, а появляется мужское,

но потому, что таже душа, въ младенцѣ несовершенная, въ мужѣ оказывается совершенною.

Какъ о томъ, что рождается и растеть, говоримъ, что оно живеть, такъ и о всякомъ существѣ, которое причастно жизни и естественнаго движенія, никто не скажетъ, что оно неодушевлено, хотя и невозможно утверждать, что подобная жизнь причастна совершенной души. Ибо являющаяся въ растѣніяхъ душевная нѣкая дѣятельность не достигаетъ до движеній чувства. Опять и въ безсловесныхъ, съ приращеніемъ оказывающая себя душевная нѣкая сила также не достигаетъ совершенства, потому что не выѣщаетъ въ себѣ дара слова и разумнія. Посему говоримъ, что душа человѣческая есть душа истинная и совершенная, дающая познавать себя всякою дѣятельностію. Если же что иное причастно жизни, то называемъ сіе одушевленнымъ по привычкѣ выражаться неточно, не потому что въ этомъ есть совершенная душа, но потому что примѣтны въ этомъ нѣкоторыя части душевной дѣятельности, которыя, какъ дознаемъ по Моисееву таинственному сказанію о бытіи человека, появились и въ немъ отъ того, что освоился съ страстнымъ. Посему-то и Павелъ желающимъ слушать, совѣтуя достигать совершенства, предлагаетъ и способъ, какъ улучшить желаемое, говоря, что должно совлечься вет-

хито человека, и облечься въ новаго, обновляемаго по образу Создавшаго (Кол. 2, 22.). Но да возвратимся и все къ той боговидной благодати, съ которой въ началѣ сотворилъ Богъ человека, сказавъ: сотвори мнѣ человека по образу Нашему и по подобію. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

3. О ЖИЗНИ МОИСЕЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ,

ИЛИ

О СОВЕРШЕНСТВѢ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Что испытываютъ на себѣ охотники смотрѣть на конскія ристалища: о комъ изъ состязующихся въ скорости бѣга заботятся они, хотябы у того небыло ни малаго недостатка въ усердіи ускорить бѣгъ, изъ заботливости однакоже объ его побѣдѣ подаютъ ему голосъ съ верху, слѣдя за нимъ глазами по всему поприщу, и увеличиваютъ (по ихъ мнѣнію) стремительность ѣздока, крича въ тоже время на коней, протягивая къ нимъ руки и махая ими: а все это дѣлають не потому, что симъ дѣйствительно способствуютъ побѣдѣ, но чтобы изъ благо-расположенія къ состязующимся въ жару усердія и голосомъ и тѣлодвиженіями выразить свою заботливость: подобное нѣчто, кажется, дѣлаю и я съ тобою, дражайшій для меня изъ

друзей и братьевъ, потому что, когда ты прекрасно подвизаешься въ божественномъ теченіи на поприщѣ добродѣтели, частыми и легкими скачками стремишься достигнуть *почести великаго званія* (Филип. 3, 14.), и голосъ подаю тебѣ, и побуждаю тебя посиѣшать, и прошу заботливо усилить скорость. Дѣлаю же, не какимъ либо неразумнымъ усердіемъ дрижимый къ этому, но, какъ возлюбленному чаду, желая доставить тебѣ удовольствіе.

Послѣку ниско, недавно тобою присланное, сообщило мнѣ это прошеніе, чтобы дали мы тебѣ какое либо правило для созерценной жизни; то признавъ я приличнымъ удовлетворить сему. Хотя иное въ сказанномъ не будетъ, можетъ быть, и сколько нибудь для тебя полезнымъ: однакоже не останется, конечно, безнолезымъ то самое, что послужу для тебя примѣромъ благопокорности. Если мы, поставленные замѣнять собою отцевъ для столькыхъ дунъ, признаемъ приличнымъ для этихъ сѣдинъ принять приказъ цѣломудревающей юности; то тѣмъ нче естественно въ тебѣ преимуществовать преснѣяцію въ благопокорности, когда юность твоя подъ руководствомъ нашихъ обучается добровольному послушанію.

И о семъ довольно. Время уже приступить къ предположенному, призвавъ Бога бытъ нставникомъ въ словѣ.

Прзснъ ты меня, любезная глава, описать

тебѣ, какая жизнь совершенна, — просить, имѣя въ виду, конечно, дознать, какимъ образомъ, если въ словѣ найдено будетъ искомое, указанныя черты совершенства прилагать къ собственной своей жизни. А я равно не сплю въ томъ и другомъ, и утверждаю, что, какъ объять умомъ совершенство, такъ и показать въ жизни, что могъ бы постигнуть умъ, — выше моихъ силъ. А, можетъ быть, не я одинъ, но и многіе изъ великихъ и преимуществующихъ въ добродѣтели сознаются, что подобное дѣло и для нихъ недоступно. Но чтобы не подать мысли, будтобы, говоря словами Псаломѣвца, *тало* убоился я *страхи*, *идяже не бы страхъ* (Пс. 13, 5.): яенѣ представлю тебѣ свою мысль.

Совершенство во всемъ другомъ, что измѣряется чувствомъ, ограничивается какими либо известными предѣлами, напримѣръ относительно къ количеству. будетъ ли это чѣмъ непрерывнымъ и раздѣльнымъ. Пбо всякая мѣра количества объемлетъ своимъ какими либо предѣлами, и кто видитъ закоть, или число-десять, тотъ знаетъ, чѣмъ начинается, и чѣмъ кончается, то, въ чемъ должно заключаться совершенство. О добродѣтели же знаемъ мы отъ Апостола, что у нея одинъ предѣлъ совершенства — не имѣть самаго предѣла. Пбо сѣмъ, сильный и высокій разумомъ, божественный Апостолъ, въ теченіи своемъ

поприщемъ добродѣтели, никогда не останавливался, *простираясь въ преднія* (Филип. 3. 13.), потому что не безопасна ему была остановка въ семъ теченіи. Почему же? Потому что всякое добро по природѣ своей не имѣетъ предѣла; ограничивается же приближеніемъ къ противоположному; напримѣръ: жизнь — къ смерти, свѣтъ — ко тмѣ. И вообще всякое добро оканчивается всѣмъ тѣмъ, что представляемъ себѣ противоположнымъ добру. Какъ конецъ жизни есть начало смерти: такъ и остановка въ теченіи поприщемъ добродѣтели дѣлается началомъ теченія по пути порока. Посему не лжетъ наше слово, утверждая, что въ добродѣтели достиженіе совершенства невозможно.

По крайней мѣрѣ имъ доказано, что заключающееся въ предѣлахъ еще не добродѣтель. Посему же сказалъ я, что и ведущимъ добродѣтельную жизнь невозможно достигнуть совершенства: то слово о семъ объяснено будетъ такъ. Первоначально и въ собственномъ смыслѣ добро, что естествомъ своимъ имѣетъ благость: это Само Божество, которое, чѣмъ умопредставляется по естеству, то дѣйствительно и есть, тѣмъ и именуется. Посему, такъ какъ доказано, что нѣтъ иного предѣла добродѣтели, кромѣ порока: а Божество не допускаетъ противоположнаго: то, слѣдуетъ, что естество Божіе неограниченно и безпре-

дѣльно. Но идущій путемъ истинной добродѣтели не иного чего причастенъ, какъ Самаго Бога: потому что Онъ есть всесовершенная добродѣтель. Итакъ, поелику знающимъ то, что по естеству прекрасно, непремѣнно вожделѣнно причастіе сего: а оно не имѣетъ предѣла: то по необходимости вожделѣніе причащающагося, простираясь въ безпредѣльность, не имѣетъ остановки. Поэтому всеконечно нѣтъ средствъ достигъ совершеннаго: потому что совершенство, по сказанному, не объемлется предѣлами, у добродѣтели же одинъ предѣлъ — безпредѣльность. Какъ же кому дойти до некомаго предѣла, не находя самаго предѣла?

Впрочемъ, потому что, какъ доказало слово, некоее вовсе не достижимо, не должно нерадѣть о заповѣди Господней, которая говоритъ: *буди́те совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.). Въ томъ, что прекрасно по естеству, хотя и не возможно улучшить все, для имѣющихъ умъ великая выгода не остаться не улучившимъ и части. Посему должно прилагать все тщаніе о томъ, чтобы не вовсе лишиться возможнаго совершенства, но столько пріобрѣсть онаго, сколько усиѣемъ узнать некоее. Ибо, можетъ быть, имѣть у себя прекрасное для того, чтобы всегда желать, пріобрѣсти его еще больше, — есть уже совершенство человѣческой природы.

Прекраснымъ мнѣ кажется дѣломъ, совѣтникомъ въ этомъ употребить Писаніе. Ибо ибѣдѣ въ пророчествѣ Исаи говоритъ Божій гласъ: *воззри на Авраама отца вѣдѣго, и на Сарру породившую сы* (Ис. 51, 2.). Конечно же повелѣніе такое дастъ слово блуждающимъ вѣдѣ пути добродѣтели, чтобы, какъ на морѣ унесенные съ прямого пути, ведущаго къ пристани, исправляютъ ошибочное свое направленіе по усмотрѣнному знаку, увидѣвъ поднимавшійся съ высокаго мѣста вверхъ пламеникъ, или открывшуюся вершину какой либо горной высоты: подобно сему примѣромъ Сарры и Авраама направили снова путь свой въ пристань Божіей волнъ тѣ, которые блуждаютъ по житейскому морю съ утратившимъ кормило умомъ. Посему человѣческое естество дѣлится на мужескій полъ и женскій, и обоимъ равно предоставлено во власть избраніе пути къ добродѣтели и къ пороку: то каждому отдѣлу Божіимъ словомъ указанъ поэтому соотвѣтственный образецъ добродѣтели, чтобы тѣ и другіе, взирая на сродное имъ: мужи на Авраама, а другая часть на Сарру, оба пола по свойственнымъ имъ образцамъ направлялись къ жизни добродѣтельной. Посему, можетъ быть, достаточно для насъ будетъ памяти одного какого либо мужа, благонескусаго по жизни, чтобы послужить пламеникомъ и показать, какъ можно въ отверстую пристань

добродѣтели ввести душу, не давъ ей испытать неизгодъ среди обуреваній житейскихъ и потерѣтъ крушеніе въ вучинѣ порока отъ непрерывнаго тревоженія страстей. Для того-то, вѣроятно, и представляется исторію во всей точности образъ жизни высокнхъ мужей чтобы подражаніемъ нхъ преслѣніямъ послѣдующая наша жизнь была направлена къ добру.

Итакъ чтоже, спросить ный, если я не Халдей, какъ упоминается объ Авраамѣ, и не воспитанникъ дочери царя египетскаго, какъ говорится въ Писаніи о Моисѣ, и вообще въ подобномъ сему по жизни не имѣю ничего сходнаго съ кѣмъ либо изъ древнихъ: то какъ же поставлю себя въ одинъ рядъ съ однимъ изъ нхъ, не имѣя и возможности въ своихъ занятіяхъ подражать человѣку, столько отъ меня отдаленному? На сіе скажемъ вопрошающему: быть Халдеемъ не признаемъ порокомъ, или добродѣтельно: не жизнью въ Египтѣ, не пребываніемъ въ Вавилонѣ человѣкъ дѣлается далекимъ отъ жизни добродѣтельной. А также не во *Иудеи* только бываетъ *видомъ Богъ* достойнымъ, и не *Сіонъ* одинъ, какъ можно подумать съ перваго взгляда, есть *Божіе жилище* (Псал. 75, 1. 2.). Напротивъ того намъ потребны нѣкое болѣе тонкое разумѣніе и болѣе острый взоръ, чтобы усмотрѣть изъ исторіи, отъ какихъ Халдеевъ или Египтянъ держа

себя вдали, и отъ какого Вавилонскаго освободившись плѣна, взойдемъ на высоту блаженной жизни.

Посему образцемъ жизни для насъ пусть будетъ въ семь словъ представленъ Моисей, котораго жизнь изобразивъ сперва кратко, какъ дознали ее изъ Божественнаго Писанія, потомъ поищемъ приличнаго исторіи смысла къ извлеченію правилъ добродѣтели, чтобы по нимъ познать совершенную жизнь, какая доступна людямъ.

Итакъ повѣствуется, что Моисей родился, когда законъ мучителя запрещалъ оставаться въ живыхъ раждающимся мужескаго пола младенцамъ; но онъ пріятностію своего лица предупредилъ всякое требовавшееся временемъ пожертвованіе, и родителей, еще въ пеленахъ увидѣвшихъ его *мла* (Исх. 2, 2.), побудилъ къ тому, что не поспѣшили такого младенца предать смерти, и даже, когда превозмогла угроза мучителя, не просто ввергли въ воды Нила, но положивъ въ нѣкій ковчегъ, по приказу помазанный клеемъ и смолою, потомъ уже предали потоку (сіе рассказано тщательно написавшими о немъ исторію). Поелику же ковчегомъ правила Божія нѣкая сила, то онъ устремленъ къ возвышающемуся на сторонѣ берегу, и въ этомъ мѣстѣ безпрепятственно прибитъ къ нему стремленіемъ волнъ. А какъ на луга того берега, куда былъ принесенъ

ковчегъ, пришла царская дочь; то Моисей, издавъ младенческій вопль въ ковчегъ, дѣлается находкою царевны. Когда посмотрѣла на него царевна, и увидѣла красоту младенца, немедленно привлекъ онъ благорасположеніе царевны, и взять ея вмѣсто сына. Но оказавъ естественное отвращеніе къ иноплеменному сосцу, по примышленію одной изъ близкихъ по роду, былъ вскормленъ матернею грудью. А вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, питался царскою пищею, и обученъ былъ виѣшнимъ наукамъ, что почиталось славнымъ у виѣшнихъ, не рѣшился же пользоваться тѣмъ долге, и признавать матерью эту вымышленную, у которой былъ онъ вмѣсто сына, но пожелалъ возвратиться опять къ родной своей матери и жить среди соплеменниковъ.

У одного Еврея завязалась борьба съ Египтяниномъ, Моисей стоитъ за своего, и умерщвляетъ иноплеменника. Потомъ, схватываются другъ съ другомъ два какіе-то Еврея, Моисей пытается усмирить въ нихъ этотъ враждебный духъ; подаетъ совѣтъ вести себя, какъ братьямъ, и посредникомъ въ ссорахъ дѣлать не раздражительность, а природу. Но отвергнутый тѣмъ, у кого въ виду была только обида, Моисей безчестіе сіе обратилъ въ поводъ къ большому любомудрію; и удалившись отъ пребыванія въ многочисленномъ обществѣ, избралъ послѣ этого уединенную жизнь, вступивъ въ связи съ од-

нимъ изъ иноплеменниковъ—мужемъ прозирающимъ въ лучшее, осмотнительнымъ въ сужденіи о людскихъ нравахъ и жизни, и который изъ одного поступка, разумѣю дѣлю съ пастухами, усмотрѣлъ добродѣтель юнаго, а именно, что сталъ за правду, имѣя въ виду не свою пользу, но признавая самую правду по собственной ея природѣ достойною уваженія, наказалъ неправду пастуховъ, ничѣмъ не провинившихся предъ нимъ. И сей-то иноплеменникъ, подивившись Моисею, и добродѣтель его при видимой бѣдности признавъ болѣе уважительною, нежели многоцѣнное богатство, отдаетъ ему въ супружество дочь, и предоставляетъ его произволу вести, какую угодно, жизнь. И ему, уединенно въ пустынь занятому попеченіемъ объ овцахъ, явилась эта на горахъ уединенная, свободная отъ всякаго торжищнаго шума, жизнь.

Довольно проведено времени въ такомъ родѣ жизни, говорить исторія, и было Моисею страшное богоявленіе: въ самый полдень облисталъ его взоры другой свѣтъ наче свѣта солнечнаго. Изумленный необычайностію зрѣлища, Моисей обращаетъ взоръ къ горѣ, и видитъ кустъ, въ которомъ горѣлъ пламень огненный, а вѣтви куста, какъ подъ росой, зеленѣли во пламени; и Моисей самъ себя изрекаетъ сіи слова: *лимо шебъ увизжду видѣніе великое сіе* (Исх. 3, 3.). Сказавъ же сіе, не одними уже

очами воспріемлетъ чудный свѣтъ; но, что всего необычайнѣе, и слухъ его озаряется лучами сего свѣта. Удѣлившаяся обонмъ чѣвствамъ благодать свѣта, взоры озаряетъ блистаніями лучей, а слухъ просвѣщаетъ чистыми догматами. Обремененному мертвыми кожами своей обуви Моисею гласъ онаго свѣта воспрещаетъ подходить къ горѣ, позволяетъ же *иззубъ сапоги отъ ногъ*, потомъ уже касаться оной земли, осіяваемой Божественнымъ свѣтомъ (Исх. 3, 5.).

При этомъ (ибо не надобно, думаю, слишкомъ много останавливаться словомъ на простой исторіи сего мужа, какъ бы достигалось уже тѣмъ предположенное), — Моисей, укрѣпленный видѣннымъ богоявленіемъ, получаетъ повелѣніе избавить соплеменниковъ отъ египетскаго рабства. И чтобы болѣе ему дознать сообщаемую свыше силу, по Божію повелѣнію, дѣлаетъ опытъ надъ тѣмъ, что у него въ рукахъ. Опытъ же былъ слѣдующій: жезлъ, падши изъ руки, одушевляется, дѣлается живымъ существомъ (и это живое существо былъ змій), но, взятый въ руку опять, становится тѣмъ, чѣмъ былъ до превращенія въ звѣря. И поверхность руки, сперва вложенной въ нѣдро, превращается въ нѣчто подобное бѣлизною снѣгу, а когда снова вложена была въ нѣдро, возвращаетъ себѣ естественный свой видъ.

Идетъ Моисей въ Египеть, ведетъ съ собою супругу иноплеменницу и рожденных ею дѣтей,—и когда, какъ повѣствуется, *срѣте* его нѣкій *Анелъ* (Исх. 4, 24.), приводящій въ страхъ угрозою смерти, жена умоливаетъ его сыновнею *кровію обрѣзанія*; тогда происходитъ встрѣча съ Аарономъ, который Богомъ также побужденъ былъ идти *во срѣтеніе* (27). Потомъ оба они живущій въ Египтѣ народъ созываютъ въ общее собраніе, и тѣмъ, которые злострадали, утружденные работами, возвѣщаютъ освобожденіе отъ рабства, и самому мучителю изрекается о семъ слово. При семъ негодованіе мучителя, и на приставниковъ, надзирающихъ за работами, и на самихъ Израильтянъ, дѣлается большимъ прежняго; урокъ плинодѣланія увеличенъ, насыается еще болѣе затрудняющій приказъ не надъ брениемъ только не видѣть себѣ покой, но изнурять себя собираніемъ плевъ и *тростія* (Исх. 5, 12.). Фараонъ (такъ было имя мучителю египетскому) тѣмъ знаменіямъ, какія Моисей совершалъ Божіею силою, предприимлетъ ухищренно противопоставить чародѣянія волхвовъ: и когда Моисей въ глазахъ Египтянъ снова превратилъ жезлъ свой въ звѣря, чародѣйство думало совершить равное чудо и надъ жезломъ волхвовъ. Сіе ухищреніе обличено тѣмъ, что совершилось; змій, изъ превращеннаго Моисеева жезла, пожралъ посохи у волхвовъ, то есть, ихъ

змѣвъ; и тѣмъ показалъ, что жезлы волхвовъ не имѣли никакой, ни оборонительной, ни даже жизненной силы, кромѣ одного вида. какой ухищренное чародѣйство показывало глазамъ легко обольщаемыхъ.

Тогда Моисей, видя, что единомысленно съ предводителемъ злобы все ему подвластное, наносить общій ударъ всему египетскому народу, никого не изъема изъ числа испытывающихъ бѣдствіе. А съ нимъ къ таковому нападенію на Египтянъ, какъ подвластное какое воинство, подвиглись самыя стихіи существъ, видимыя во вселенной: и земля, и огонь, и воздухъ, и вода, по произволенію людей измѣняя свои дѣйственыя силы. Ибо одною и тою же силою, въ одно и тоже время, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ наказываемо было безчиніе, а нестрадающимъ оставалось свободное отъ грѣха. Тогда все водное естество въ Египтѣ, по повелѣнію Моисея, обратилось въ кровь, такъ что и рыбы отъ сего преложенія воды въ плотскую дебелость подверглись порчѣ; для однихъ только почерпающихъ Евреевъ кровь была водою; почему и чародѣйству открылась возможность водѣ, находямой ими у Евреевъ, ухищренно придавать кровавый видъ. А также, когда пресмыкающіяся жабы наполнили Египетъ (народненіе ихъ объясняемое не по какой либо естественной послѣдовательности не простерлось бы до толи-

каго множества, напротивъ того самое поведѣніе составиться жабамъ обновляло сію появившуюся тогда породу живыхъ тварей); все египетское терпѣло вредъ, утѣсняемое въ жилищахъ этими пресмыкающимися, а жизнь Евреевъ была свободна отъ сей.непріятности. Такъ и воздухъ, ночь и день, ничѣмъ не различался для Египтянъ, пребывающихъ въ одинаковомъ мракѣ; а у Евреевъ въ этомъ не было никакой перемѣны противъ обыкновеннаго. Такимъ же образомъ и все иное: градъ, огонь, струны, скнипы, песьи мухи, туча саранчи, — на Египтянъ каждое сіе бѣдствіе дѣйствовало по обыкновенію; а Евреи по слухамъ и рассказамъ знали о страданіи обитающихъ съ ними, сами не испытывая никакого прираженія къ себѣ подобныхъ золъ. Потому гибель первородныхъ производитъ еще болѣе точное различіе между Евреемъ и Египтяниномъ, — Египтяне обливаются слезами при утратѣ имъ любезнѣйшихъ, а Евреи пребываютъ въ совершенномъ безмолвіи и въ безопасности:—имъ обезопасено спасеніе изліаніемъ крови во всякомъ входѣ, когда *на обою подвою* и на сопряженномъ съ ними *пратъ* сдѣланы были знаменія кровію (Исх. 12, 7.).

При семъ, когда Египтяне поражены были несчастіемъ, постигшимъ первородныхъ, и каждый свое, и всѣ общее оплакивали горе, Моисей распоряжается истребленіемъ Израильтянъ,

предуготовивъ ихъ къ тому повелѣніемъ, успѣсти съ собою подъ видомъ займа испрошенное богатство Египтянъ. Совершенъ трехдневный путь внѣ Египта, говорить еще исторія, и тяжело стало царю египетскому, что Израиль уже не въ рабствѣ: и вооруживъ всѣхъ подданныхъ, съ конною силою гонится онъ за народомъ Божиимъ. Израильтяне, увидѣвъ снаряженныхъ коней и множество оружія, какъ неискусные въ войнѣ и не приготовленные къ такимъ чуднымъ для нихъ дѣламъ, немедленно поражаются страхомъ, и возстаютъ на Моисея. Тогда-то, чтó всего удивительнѣе, какъ скажетъ исторія о Моисеѣ, дѣлясь на двое въ своей дѣятельности, онъ голосомъ и словомъ ободряетъ Израильтянъ, и повелѣваетъ пребывать имъ въ доброй надеждѣ, а внутренно умомъ приносить Богу моленіе за приведенныхъ въ ужасъ. И путеводится свыше даннымъ совѣтомъ, какъ избѣжать опасности: Самъ Богъ (какъ говоритъ исторія) внимаеть его безмолвному воплю (Исх. 14, 15.).

По Божіей силѣ народомъ предводительствовало облако, не по общему закону естества образовавшееся (ибо не изъ паровъ какихъ или куреній былъ составъ его въ воздухѣ, сгущаемомъ парами по причинѣ туманнаго ихъ сложенія, сгнѣтаемаго или сжимаемаго въ себя самаго вѣтрами); напротивъ того это облако, по свидѣтельству Писанія, какъ нѣчто высшее человѣческаго

понятія и его превосходящее, такое было чудо. что освѣщаемое палящими лучами солнца служило народу стѣною, отѣняя чтó было надъ нимъ и тонкою росой увлаживая знойный воздухъ, а ночью обращалось въ огонь, съ вечера до утра собственнымъ своимъ свѣтомъ озаряя Израильтянъ. На сіе-то облако взиралъ и самъ Моисей, и народъ научалъ слѣдовать за его появленіемъ.

Когда пришли къ Чермному морю, куда привело предводившее въ шествіи облако: народъ окруженъ былъ сзади цѣлымъ войскомъ египетскимъ; Израильтянамъ не оставалось никакого средства, и некуда было бѣжать отъ бѣды, потому что захваченнымъ въ срединѣ угрожали и враги и вода; тогда-то, подвигнутый Божіею силою, Моисей совершилъ то, чтó всего невѣроятнѣе. Приблизясь берегомъ къ водѣ, поражаетъ онъ море жезломъ, и оно дѣлится отъ удара. И какъ обыкновенно бываетъ со стекломъ, если въ какой части сдѣлается сверху трещина, то по прямой чертѣ идетъ она и до другаго края: такъ и по всему морю, какъ скоро съ одного края раздѣлилось оно подъ жезломъ, и до противоположнаго берега продолжалось расторженіе волнъ. Моисей по мѣрѣ того, какъ дѣлилось море, сходя въ глубину со всѣмъ народомъ ниже водъ, съ немокреннымъ, какъ бы отъ солнечныхъ лучей осушаемымъ, тѣломъ, пѣшій по сухому дну моря

проходить бездну, не боится этого внезапнаго оствѣненія изъ волнъ, когда здѣсь и тамъ съ обѣихъ сторонъ морская вода отвердѣваетъ на подобіе стѣны. Когда же и Фараонъ съ Египтянами вторгся въ море, по этому ново-проложенному въ водахъ пути; опять сливается вода съ водою, и по взаимномъ соединеніи раздѣленныхъ частей моря въ прежній видъ. воды принимаютъ одну непрерывную поверхность. Израильтяне отдохнули уже на краю берега отъ длиннаго и усильнаго шествія по морю, когда воспѣли побѣдную пѣснь Богу, воздвигшему тогда для нихъ безкровный побѣдный памятникъ, по истребленіи подъ водою всего египетскаго воинства и даже съ конями, съ оружіемъ и съ колесницами.

Потомъ Моисей простирается впередъ, и совершивъ трех-дневный безводный путь, приходитъ въ затрудненіе, не имѣя, чѣмъ утолить жажду ополченія. Было какое-то озеро, при которомъ расположились они станомъ, но вода въ немъ морская, лучше же сказать, и морскую превосходила она горечью. Итакъ, когда стоя при водѣ сгарили жаждою воды, Моисей, по данному свыше совѣту, близъ этого мѣста нашедши нѣкое дерево, ввергаетъ его въ воду. И вода немедленно дѣлается годною къ питью; дерево своею силою претворяетъ свойство воды изъ горечи въ сладость. Поелику же облако пошло впередъ; то пошли

и они путеводимые его движеніемъ, какъ и всегда дѣлали это, прекращая шествіе, гдѣ остановившееся облако давало знакъ къ отдохновенію, и опять отправляясь въ путь, когда облако предвѣщало ихъ въ шествіи. Слѣдуя сему путеводителю, достигаютъ мѣста изобильнаго годною для питья водою, въ избыткѣ омываемаго двѣнадцатью источниками. Было тутъ семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ, которыхъ и при маломъ числѣ достаточно было, чтобы чрезвычайною ихъ красотою и величиною произвести великое удивленіе въ зрителяхъ. И отсюда также путеводное облако, воздвигнувъ ополченіе, ведетъ его въ другое мѣсто. А это была какая-то пустыня на сухомъ, ничѣмъ не покрытомъ пескѣ, въ странѣ не орошаемой никакою водною влагой: и тамъ опять, когда народъ стала томить жажда, нѣкій камень, ударенный Моисеевымъ жезломъ въ его вершину, издаетъ сладкую и годную для питья воду въ обиліи, превышающемъ потребность многочисленнаго народа.

Вотъ оскудѣвъ запасъ снѣдей, какой заготовили Израильяне на путь, выходя изъ Египта, народъ сталъ мучиться голодомъ; тогда происходитъ чудо всѣхъ чудесъ невѣроятнѣйшее: не изъ земли, по общему закону, является имъ пища, но исходитъ свыше съ неба на подобіе росы. Къ утру разливалась у нихъ роса, и эта роса для собирающихъ дѣ-

лалась пищею; потому что разлитое не водяная была капля, какъ обыкновенно въ росѣ; но вмѣсто капель падали какіе-то, какъ бы ледяные, округленные куски, по виду походящіе на коріандровы (а) сѣмена (по выговору поселянъ: *коліандровы*), во вкусъ ихъ уподоблялся сладости меда. Въ этомъ чудѣ усматривалось вмѣстѣ и другое, — всѣ выходящіе для сбора, въ разныхъ, какъ вѣроятно, возрастахъ и при разныхъ силахъ, приносили одинъ другаго не меньше по разности силъ, напротивъ того собираемое соразмѣрялось съ потребностію каждаго, такъ что и сильнѣйшій не имѣлъ у себя избытка, и у менѣе сильнаго не оказывалось недостатка. Опять и при этомъ исторія говоритъ еще о другомъ чудѣ, — и именно: каждый, принеся на день, ничего не откладывалъ до слѣдующаго дня; у спрятаващаго же, по какой-то бережливости, часть пищи отъ настоящаго дня къ слѣдующему, отложенное дѣлалось негоднымъ въ пищу, претворяясь въ червей. Но есть и другое нѣчто необычайное въ исторіи объ этой пищѣ. Поелику одинъ изъ дней седмицы, по какому-то таинственному закону, почтенъ былъ бездѣйствіемъ, то въ день предшествующій оному, и пищи выпадало съ прежними днями въ равной мѣрѣ, и усердіе собирающихъ бывало

(а) *Коріандръ* иначе называется: *кишинецъ*.

одинаковое, но собраннаго оказывалось вдвое противъ обычной мѣры, такъ что не было предлога, по необходимости въ пищу, нарушать законъ о бездѣйствіи. И въ этомъ еще болѣе выказывалась Божія сила тѣмъ, что излишекъ, въ другіе дни дѣлавшійся негоднымъ къ употребленію, въ одинъ пятокъ, день предъ субботою (такъ было имя дню бездѣйствія), будучи сбереженъ, оставался не повредившимся такъ, что оставшееся оказывалось свѣжимъ, какъ бы выпадшее въ тотже день.

Потомъ у Израильтянъ начинается война съ нѣкимъ иноплеменнымъ народомъ (Писаніе возставшихъ тогда на нихъ именуеть Амаликитянами). И въ сіе-то время народъ израильскій въ первый разъ вооружается, чтобы стать въ боевой порядокъ, впрочемъ не всѣ, составивъ одно воинство, но избранные по доблести, подвиглись въ битву, да и изъ нихъ самые отборные вступили въ сраженіе, на которомъ Моисей показалъ опять новый способъ военачальства; потому что войско противъ Амаликитянъ вывелъ тогда Іисусъ, бывшій послѣ Моисея вождемъ народа, а Моисей внѣ поля сраженія на одномъ видномъ издали холмѣ возводитъ взоръ къ небу, по обѣ же его стороны стоятъ два близкихъ ему человека. Тогда-то, какъ узнаемъ изъ исторіи, совершилось такое чудо: *егда воздеизаше Моисей руку къ небу*, подвластные ему усиливались противъ

враговъ, *егда же опускаше*, войско его уступало стремительности иноплеменниковъ (Исх. 17, 11.). Замѣтивъ это, предстоящіе Моисею, подошедши къ нему съ обѣихъ сторонъ, поддерживали руки его, по какой-то сокровенной причинѣ дѣлавшіяся тяжелыми и неудободвижными. Поселику же не было у нихъ столько силъ, чтобы поддерживать Моисея въ прямомъ положеніи; то сѣдалище его подперли камнемъ, и такимъ образомъ сдѣлали, что у Моисея, при ихъ помощи, руки воздвигнуты были къ небу; и иноплеменники рѣшительно побѣждены Израильтянами.

Но какъ на томъ же мѣстѣ оставалось облако, предводительствовавшее народомъ въ путешествіи; то по всей необходимости народу надлежало не трогаться съ мѣста, потому что некому было предводительствовать при переходѣ въ другое мѣсто. Такъ безъ всякихъ усилій были у нихъ удобства къ жизни: свыше воздухъ дождилъ имъ готовый хлѣбъ, а въ низу камень доставлялъ питіе, и облако избавляло отъ неприятности воздушныхъ перемѣнъ, днемъ служило огражденіемъ отъ зноя, а ночью разсѣвало мракъ, осіявая какими-то огневидными лучами; безпечально было для нихъ это пребываніе въ пустынѣ при подошвѣ горы, гдѣ раскинутъ былъ станъ. Здѣсь-то Моисей наставлялъ Израильтянъ какому-то неизреченному таинству; сама же сила Божія превосхо-

дающими слово чудесами тайноводствовала и весь народъ и самого вожда. А тайноводство сіе совершилось симъ образомъ.

Напередъ сказано народу быть далекимъ отъ всякихъ другихъ оскверненій, какія примѣчаются по тѣлу и по душѣ, и очистить себя нѣкими кропленіями, даже опредѣленное нѣкое число дней воздерживаться отъ самого брака, чтобы сподобляющійся таинству, омывшись отъ всего страстнаго и тѣлеснаго, приступилъ къ горѣ чистымъ отъ страсти. Имя горѣ сей было Синай. И восхожденіе на нее въ это время дозволено было однимъ существамъ словеснымъ, и изъ нихъ одному мужескому полу, и притомъ очистившимся отъ всякой скверны. Употреблены же всякая осторожность и предусмотрительность, чтобы ни одно безсловесное не всходило на гору. А еслибы случилось какъ это, было повелѣно народу побивать камнями все, что ни появилосьбы на горѣ изъ естества безсловеснаго. Потомъ разлитый въ воздухъ свѣтъ вмѣсто чистой прозрачности началъ очерняться мглою, такъ что гора, вокругъ объята мракомъ, стала невидима. Появлявшійся изъ мрака огонь дѣлалъ видѣніе для зрителей страшнымъ, объемъ горы представлялся со всѣхъ сторонъ поглощеннымъ, и все видное, въ слѣдъ за промелькнувшимъ огнемъ, покрывалось дымомъ. Моисей же ведетъ народъ къ восхожденію, и самъ,

несмѣло взирая на видимое, но изумѣвая душею отъ боязни, содрогаясь тѣломъ отъ страха: такъ что не скрываетъ предъ Израильтянами душевнаго страданія, но признается предъ ними, сколько пораженъ видимымъ, и трепещетъ тѣломъ. Ибо видимое было таково, что не посредствомъ только глазъ приводило душу въ ужасъ, но и посредствомъ слуха сообщало ей страшное. все долѣе сокрушалъ поразительный свѣше гласъ, котораго и первое прираженіе было тягостно и невыносимо всякому слуху: онъ уподоблялся звуку трубъ, но грозною и поразительною звучностію превосходилъ всякій подобный образецъ; съ продолженіемъ же времени гласъ дѣлался еще страшнѣе, потому что звукъ его непрестанно усиливался, и становился еще болѣе поразительнымъ. Да и гласъ сей былъ членораздѣльный, Божіею силою, безъ способствующихъ выговору орудій, самый воздухъ членораздѣльно образовалъ въ себѣ слово. И слово сіе не просто было членораздѣльное; но узаконяло Божественныя повелѣнія. И продолжающійся гласъ /возрастая усиливался, труба звучала громче себя самой, предшествующіе звуки превосходя всегда послѣдующими.

Весь народъ не имѣлъ столько силъ чтобы выносить видимое и слышимое; и потому общее всѣми приносится прошеніе Моисею, чтобы онъ сталъ посредникомъ закона, и народъ

не отказывается, какъ Божию велѣнію, вѣрить всему, что ни возвѣститъ Моисей по наученію свыше. Посему снова всѣ сходятъ къ подошвѣ горы, оставленъ одинъ Моисей, показавшій въ себѣ противное, или то, чѣмъ былъ онъ дѣйствительно. Ибо когда всѣ, сообщая участвуя въ дѣлѣ, предаются паче страху, Моисей, оставшись одинъ, поступаетъ смѣлѣе окружавшихъ его. Почему и изъ этого дѣлается явнымъ, что не собственною его немощію былъ тотъ страхъ, который объялъ его въ началѣ, но потерпѣлъ онъ это по сочувствію съ пораженными страхомъ. Посему когда, какъ нѣкое время, сложивъ съ себя боязнь народа, пришелъ онъ въ себя; тогда осмѣливается вступить и въ самый мракъ, и пребываетъ внутри незримаго, ставъ уже невидимымъ для взирающихъ на него (ибо, проникнувъ въ неисповѣдимость Божественнаго тайноводства, тамъ, и самъ уже незримый, сопребываетъ съ Незримымъ). А тѣмъ, что сдѣлано имъ, науча-

етъ онъ, какъ думаю, что намѣревающемуся быть въ единеніи съ Богомъ, должно выйти изъ всего видимаго, напрягая разумѣніе свое къ Незримому и Непостижимому, какъбы къ какой вершинѣ горы, увѣровать, что Божество — тамъ, куда не восходитъ понятіе. Въ семъ-то состояніи Моисей приемлетъ заповѣди Божіи. И онѣ были—ученіе добродѣтели, сущность котораго—благочестіе, усвоеніе самыхъ

приличныхъ представленийъ объ Естествѣ Божіемъ, о томъ, сколько Оно превышаетъ всякаго доступнаго разуму понятія и образа, не уподобляясь ничему познаваемому. Ибо Писаніе въ представленіяхъ о Богѣ повелѣваетъ не имѣть въ виду ничего умопостигаемаго, и Естества всего превышающаго не уподоблять чему либо познаваемому разумомъ, но вѣровать, что Оно есть, — а что Оно такое, или сколь велико, или откуда, или какимъ образомъ, оставлять безъ изысканія, какъ непостижимое.

Но Писаніе, преподавая ученіе о общихъ и частныхъ законахъ, присовокупляетъ и то, сколько есть нравственныхъ преспѣяній. Вообще законъ запрещаетъ всякую неправду, обязывая имѣть любовь къ соплеменнику, а по утвержденіи сего, непременно требуетъ по порядку за тѣмъ слѣдующаго: не дѣлать никакого зла ближнему. Въ законахъ же подробныхъ предписывается почтеніе родителямъ и излагается перечень запрещаемыхъ погрѣшностей. И какъ бы по предпочищеніи ума сими законами, возводится Моисей къ совершеннѣйшему тайноводству въ мгновенномъ ему Божіею силою предуказаніи нѣкоей скиніи.

А скинія была храмъ, имѣющій красоту въ неизъяснимомъ нѣкоемъ разнообразіи. Тутъ были предверія, столпы, завѣсы, трапеза, свѣтильникъ, алтарь кадилный, жертвенникъ, очистилище, внутренность святилища сокро-

венная и недоступная. Красоту и расположе-
 ніе всего этого, чтобы чудо сіе не утратилось
 изъ памяти, и могло быть показано дольнимъ,
 повелѣвается Моисею не одному только писа-
 нію предать сіе, но вещественнымъ устрое-
 ніемъ сдѣлать подобіе невещественнаго онаго
 созданія, взявъ для сего наиболѣе блистатель-
 ныя и видныя вещества изъ находимыхъ на
 землѣ. Изъ нихъ всего болѣе было золота,
 которымъ вокругъ облиты были столпы. Съ
 золотомъ вмѣстѣ употреблено и серебро, укра-
 шавшее собою верхи и основанія столповъ,
 чтобы, какъ думаю, болѣе блистало золото
 среди отличающагося цвѣтомъ на обоихъ кон-
 цахъ. А индѣ почтено полезнымъ и вещество
 мѣди: оно служило надглавіемъ и основаніемъ
 серебряныхъ столповъ. Завѣса же и покровы,
 чѣмъ были обтянуты бока храма и верхъ надъ
 столпами,—все приготовлено было прилично
 ткацкимъ искусствомъ изъ вещества пригод-
 наго для каждаго дѣла. У однѣхъ изъ тканей
 цвѣтъ былъ синета, багряница, огнезрачность
 червеной красоты, бѣлизна виссона, — этотъ
 самородный и безыскусственный видъ. На са-
 мое тканье взяты для инаго ленъ, а для инаго
 волосы; по мѣстамъ же для красоты строенія
 употреблены красныя кожи. И это Моисей,
 по сошествіи съ горы, устроилъ при содѣй-
 ствіи другихъ, по представленному ему образ-
 цу зданія.

Тогда же, пребывая въ ономъ нерукотворенномъ храмѣ, получаетъ Моисей законъ объ іереѣ, вступающемъ во святилище, какимъ убранствомъ надлежитъ ему отличаться; и Писаніе излагаетъ въ подробности законы о внутреннемъ и наружномъ облаченіи. Началомъ облаченія въ одежды служить не сокрытое что либо, но видимое, ризы верхнія, испещренные разными цвѣтами, именно тѣми же, съ какими устроена была завѣса, но преимуществующія предъ завѣсою золотою прядію. Сія верхнія ризы по обѣимъ сторонамъ соединялись застежками, а это были изумруды, обдѣланные кругомъ въ золото. Естественною краскою этихъ камней служилъ блескъ, издававшій отъ себя какіе-то зеленоватые лучи, а искусственною была чудная рѣзьба. И красу эту составляла не художественная насѣчка чертъ для изображенія какихъ либо идоловъ; но имена патріарховъ, начертанныя на двухъ камняхъ, по шести на каждомъ. Къ нимъ привѣшены были спереди щитки и витыя верви, сплетенныя между собою одна поперегъ другой съ правильной разстановкой, на подобіе сѣтки, опускались съ верху отъ застежки по обѣ стороны щитковъ, чтобы, какъ думаю, болѣе замѣтною казалась красота плѣтенья, просвѣчиваемаго тѣмъ, что подъ нимъ. На груди іерея выдавалось то золотое украшеніе, въ которомъ вдѣлано было нѣсколько, по числу

патріарховъ, разныхъ родовъ камней, расположенныхъ въ четыре ряда, и въ каждомъ ряду по три; камни сіи сдѣланными на нихъ начертаніями показывали соименныхъ колѣнамъ патріарховъ. Подъ верхними ризами была риза внутренняя (Исх. 28, 31.), отъ выи доходившая до края ногъ, благолѣпно украшенная привѣсками бахрамы. А внизу подолъ красиво былъ убранъ, не только испещренною тканію, но и золотыми привѣсками; и это были золотые звонки и пуговицы, рядами расположенныя на подолѣ. Была также головная повязка вся изъ синеты, а спереди на челѣ дщица изъ чистаго золота съ начертанными на ней какими-то таинственными писменами. Были и поясъ, стягивающій просторное облаченіе, и убранство сокровенныхъ одеждъ, наконецъ все, что подъ видомъ облаченія, загадочно научало священнической добродѣтели.

Когда же Монсей, объятый онымъ невидимымъ мракомъ, по неизреченному Божію наставленію, изучилъ таковыя вещи съ приращеніемъ таинственныхъ познаній, сталъ выше себя самого; тогда, опять изшедши изъ мрака, сходить къ соплеменникамъ сообщить имъ о чудесахъ, открытыхъ ему при богоявленіи, предложить законы, соорудить народу храмъ и установить священство по образу, показанному ему на горѣ. Несъ онъ въ рукѣ и священныя скрижали, которыя были Божіимъ об-

рѣшеніемъ и даромъ, ни въ какомъ предварительномъ содѣйствіи не имѣвъ нужды къ своему происхожденію; напротивъ того каждая изъ скрижалей, и вещество ея, и начертаніе на ней, равно были дѣломъ Божиимъ. Впрочемъ народъ не допустилъ до себя дара, прежде, нежели предсталъ законодатель, необузданно предавшійся идолослуженію. Немало прошло времени, пока Моисей въ собесѣдованіи съ Богомъ занять былъ Божественнымъ онымъ тайноводствомъ; въ продолженіе сорока дней и столькихъ же ночей, подъ покровомъ мрака причащался онъ присносущной оной жизни, былъ даже внѣ естества, потому что въ это время не имѣлъ нужды въ пищѣ для тѣла. Тогда-то народъ, подобно ребенку, оставшемуся не подъ надзоромъ пѣстуна, несмысленными стремленіями вовлекается въ безчиніе, и возставъ на Аарона, приводитъ священника въ необходимость, предводить ими въ идолослуженіи. Идолъ сдѣланъ изъ золотого вещества (и идоломъ былъ телець); народъ восхищался своимъ нечестіемъ, но Моисей, подходившій къ нимъ, сокрушаетъ скрижали, которыя несъ отъ Бога, чтобы Израильтяне, лишившись богопріемнаго дара, понесли достойное за свой проступокъ наказаніе. Потомъ, руками левитовъ очистивъ скверну кровію соплеменниковъ, а гнѣвомъ своимъ на согрѣшившихъ умиловивъ Божество, уничтоживъ

же идола, наконецъ по сорокодневномъ пребываніи на горѣ, снова приносятъ скрижали, на которыхъ Писаніе произведено Божіей силой, тогда какъ вещество ихъ обдѣлано Моисеевою рукою. Приноситъ ихъ снова, въ продолженіе такого числа дней превзошедши самое естество, и соблюдши иный нѣкій образъ жизни, а не тотъ, какой узаконенъ для насъ, не принимавъ внутрь тѣла своего ничего такого, что оскудѣніе естества нашего подкрѣпляетъ пищею.

И послѣ сего сооружаетъ скинію, даетъ законныя предписанія, устанавливаетъ священство, по преподанному ему Богомъ. И когда, по Божію указанію, уготовилъ вещественнымъ построеніемъ все это: скинію, преддверія, и что внутри скиніи, алтарь кадильный, жертвенникъ, свѣтильникъ, завѣсы, очистилище во святилищи, священническія украшенія, муро, различныя жертвоприношенія, очистительныя, благодарственныя, спасительныя въ бѣдахъ, умиловительныя въ прегрѣшеніяхъ,—когда все это Моисей должнымъ образомъ привелъ въ порядокъ; тогда въ близкихъ къ нему возбуждаетъ зависть, — этотъ недугъ, сродный природѣ человѣческой; такъ что и Ааронъ, почтенный саномъ священства, и сестра его Маріамъ, какою то свойственною женщинамъ ревностію подвигнутая къ той чести, какой удостоенъ отъ Бога Моисей, высказываютъ

нѣчто такое, чѣмъ раздражено Божество, и потому наказало прегрѣшенія. Здѣсь Моисей еще болѣе достоинъ удивленія за свое незлобіе, потому что Богъ наказуетъ неразумную женскую зависть, а онъ, успѣвъ въ томъ, что естество превозмогло въ немъ и самый гнѣвъ, умилоствуетъ къ сестрѣ Бога.

И народъ предался опять безчинію, къ преступленію же привела неумѣренность въ наслажденіяхъ чрева: Израильтянамъ стало недостаточно въ здоровіи и безпечально поддерживать жизнь подаваемою свыше пищею, пожеланіе плотей, приверженность къ мясоядію дѣлали, что египетское рабство казалось для нихъ предпочтительнѣйшимъ настоящимъ благъ. Моисей доноситъ Богу о возобладавшей ими страсти. И Богъ тѣмъ самымъ, что даетъ получить желаемое, научаетъ, что не должно желать сего, именно же насыщаетъ множество какихъ-то птицъ, летающихъ почти по землѣ, которыя тучею и стадами устремляются на ополченіе; удобство ловить доводитъ пожеланіе мяса до пресыщенія, а неумѣренное употребленіе снѣди превращаетъ у нихъ вдругъ тѣлесныя срастворенія въ тлетворные соки, и насыщеніе оканчивается болѣзнію и смертію. Такого примѣра и имъ самимъ и видящимъ ихъ достаточно стало, чтобы уцѣломудрить народъ.

Потомъ посылаются Моисеемъ соглядатаи

въ ту страну, въ которой, по Божію обѣтованію, надѣялись обитать Израильтяне. По велику же не всѣ они возвѣстили правду, но нѣкоторые сдѣлали ложныя и нерадостныя показанія; то народъ опять поступилъ съ Моисеемъ гнѣвно. Но Богъ отчаявшихся въ Божіемъ содѣйствіи осуждаетъ не увидѣть обѣтованной имъ земли. Между тѣмъ у идущихъ далѣе по пустынѣ снова не доставало воды, и вмѣстѣ утратилось памятованіе о Божіемъ могуществѣ, и послѣ бывшаго прежде чуда съ камнемъ не вѣрили теперь, что не будутъ нуждаться ни въ чемъ потребномъ; отринувъ же благія надежды, дали мѣсто укоризнамъ, ропща на Самаго Бога и на Моисея; такъ что и Моисей, по видимому, преклонился предъ невѣріемъ народа, впрочемъ опять сотворилъ предъ ними чудо, несѣкомый оный камень претворивъ въ естество водъ. Когда же рабское это наслажденіе снѣдами опять возбудило въ нихъ вождельніе чревоугодія, и не будучи лишены ничего необходимаго для жизни, возмечтали о египетскомъ пресыщеніи; тогда, подобно безчиннымъ юношамъ, вразумляются сильнѣйшими ударами бичей: появившіеся у нихъ въ стану зміи угрызеніемъ своимъ сообщаютъ смертоносный ядъ. Одинъ за другимъ падаютъ угрызенные животными; и законодатель, возбужденный Божіимъ совѣтомъ, сливъ мѣдное подобіе змія, дѣлаетъ его на нѣкоей

высотѣ видимымъ для всего стана, и такимъ образомъ останавливаетъ въ народѣ гибель отъ змievъ. Кто взиралъ на сіе мѣдное изображеніе, тому нимало не страшно было угрызеніе подлинно дѣйствительнаго змія; потому что зрѣніе по какому-то необъяснимому противодѣйствию ослабляло ядъ.

Опять происходитъ въ народѣ возстаніе на Моисея за предводительство, и нѣкоторые усиливаются себѣ присвоить священство. Но Моисей дѣлается молитвенникомъ предъ Богомъ за погрѣшившихъ; впрочемъ правда суда Божія превозмогаетъ Моисееву сострадательность къ соплеменникамъ. Земля, разверзши зѣвъ, по волѣ Божіей, снова сходится сама съ собою, пріявъ во внутренность всѣхъ, со всѣмъ ихъ родомъ, превознесшихся предъ начальствомъ Моисеевымъ. И неистово помогавшіеся священства, числомъ около двухъ сотъ пятидесяти, будучи пожжены огнемъ, страданіемъ своимъ уцѣломудриваютъ соплеменниковъ. Но для большаго удостовѣренія людей въ томъ, что благодать священства отъ Бога дается удостоившимся оной, Моисей беретъ жезлы отъ каждаго колѣна у начальствующихъ оними; и по означеніи писменами на каждомъ жезлѣ, кѣмъ онъ данъ (въ числѣ ихъ былъ и жезлъ священника Аарона), полагаетъ ихъ во храмъ. потомъ объявляетъ народу приговоръ Божій о священствѣ: ибо изъ всѣхъ жезловъ

одинъ жезлъ Аароновъ прозябъ, и отъ сего дерева произрость и созрѣлъ плодъ (а плодомъ былъ орѣхъ). Величайшимъ чудомъ даже для невѣрующихъ показалось, что дерево безъ коры, остроганное, не имѣющее корня, вдругъ утучняется, производитъ тоже, что и укорененное въ землѣ, потому что и землю, и кору, и влагу, и корень, и вѣтви замѣняетъ дереву Божія сила.

При этомъ, проводя воинство землями ино-
 племенныхъ народовъ, Моисей налагаетъ на
 себя клятву, что не дозволить своему народу
 проходить нивами и виноградниками, но бу-
 деть соблюдать *царскій путь* (Числ. 21, 22.),
 не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво. Но
 какъ непріатели и этимъ не были умирены; то
 преодолевъ сопротивника въ битвѣ, полномо-
 стно совершаетъ переходъ. Потомъ нѣкто Ва-
 лакъ, владѣющій многочисленнѣйшимъ племе-
 немъ (имя же племени было—Мадіанитяне),
 уstraшенный поражениемъ предъ симъ погиб-
 шихъ, и не дожидаясь того, чтобы и самому
 пострадать тоже отъ Израильтянъ, употребляетъ
 въ дѣло, не помощь оружія и тѣлесной силы,
 но бесполезное чародѣйство, въ лицѣ нѣкогого
 Валаама, который почитался свѣдущимъ въ
 этомъ, и о которомъ пользовавшіеся имъ были
 увѣрены, что имѣетъ нѣкую силу въ подоб-
 ныхъ дѣлахъ. Зналъ онъ птицегадательное
 искусство, страшенъ былъ и тѣмъ, что, по

какому-то содѣйствію демоновъ, причинялъ людямъ нѣкою ухищренною силою неисцѣльныя бѣдствія. Онъ-то, слѣдуя за тѣми, которые вели его къ царю этого народа, научается голосомъ ослицы, что путь его не будетъ удаченъ. Потомъ изъ нѣкаого явленія дознавъ, что ему дѣлать, находитъ, что злоторное волшебство безсильно причинить какой-либо вредъ людямъ, которымъ спомоществуетъ Богъ. вмѣсто же демонской силы, исполнившись божественнаго вдохновенія, провѣщавааетъ такіе глаголы, которые прямо служатъ пророчествомъ о томъ, что въ послѣдствіи имѣло произойти къ лучшему. Тѣмъ самымъ, что воспретило искусству дѣйствовать во зло, приведенный въ ощущение Божіей силы, отложивъ свое прорицательное искусство, пророчествуетъ онъ по Божіей волѣ. Послѣ сего сокрушенъ народъ иноплеменническій; потому что въ войнѣ сильнѣе его сталъ народъ Божій, который потомъ побѣжденъ страстію распутства къ плѣнницамъ. Когда Финеесъ застигнутыхъ въ срамномъ дѣлѣ пронзилъ однимъ ударомъ, прекратился Божій гнѣвъ на предававшихся съ неистовствомъ симъ непозволеннымъ связямъ.

Тогда законодатель взошедши на высокую нѣкую гору, и издали увидѣвъ страну, которая, по Божію обѣтованію отцамъ, уготована была Израильтянамъ, преселяется изъ жизни человѣческой, не оставивъ ни знака на землѣ, ни

памяти во гробахъ о своемъ преселеніи, тогда какъ время не повредило красоты его, не помрачило свѣта очей его, не ослабило сіявшей на лицѣ его благодати; но всегда былъ онъ одинаковъ, и вмѣстѣ съ измѣняемостію естества сохранялъ непреложность красоты.

Итакъ вотъ что изъ исторіи мужа дознали мы съ перваго взгляда, и пересказали тебѣ кратко, хотя въ иномъ встрѣчался поводъ по необходимости распространить слово. Но время вспомнятую нами жизнь примѣнить къ предположенной нами цѣли слова, чтобы изъ сказаннаго прежде сдѣлано было какое либо привношеніе въ описаніе добродѣтельной жизни. Поэтому возвратимся къ началу повѣствованія о Моисеѣ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЖИЗНЬ МОИСЕЕВУ.

Когда законъ мучителя повелѣвалъ истреблять мужескій полъ; тогда рождается Моисей. Посему какъ можемъ по произволенію подражать сему случайными обстоятельствами сопровождаемому рожденію Моисея? Конечно, скажетъ иной, не отъ насъ зависитъ, чтобы человѣкъ своимъ рожденіемъ подражалъ славному сему рожденію. Но нисколько не трудно начаться подражанію и тѣмъ, что, по видимому, весьма затруднительно. Ибо кто не знаетъ, что все подлежащее измѣненію, никогда не остается однимъ и тѣмъ

же, но непрестанно изъ одного обращается въ другое, всѣдствіе измѣненія дѣлаясь всегда лучшимъ или худшимъ. Разумѣй же сіе примѣнительно. Вещественное и страстное расположеніе, къ которому особенно поползновенна природа человѣческая, это женственное въ жизни, когда рождается, угодно бываетъ мучителю; а твердость и неослабность добродѣтели, это мужское порожденіе, враждебно мучителю и подозрительно тѣмъ, что можетъ востать противъ его власти. Посему, что какъ ни есть измѣняется, тому, конечно, должно непрестанно рождаться; потому что въ природѣ удобопревратной не увидишь ничего пребывающаго всегда одинаковымъ; а такъ родиться зависитъ не отъ посторонняго побужденія, подобно тому, какъ рождаютъ что либо тѣлесное; напротивъ того по собственному произволенію совершается подобное рожденіе, и мы бываемъ нѣкоторымъ образомъ отцами себя самихъ, рождая себя такими, какими сами желаемъ, и по собственному своему произволенію уроками добродѣтели, или порока, образуя себя въ какой желательно намъ полъ, мужескій или женскій. Конечно, и намъ можно, противъ воли и къ огорченію мучителя, произойти на свѣтъ лучшимъ рожденіемъ, и, хотя бы сіе было вопреки мудрованію мучителя, явиться и вступить въ жизнь на удовольствіе родителямъ прекраснаго сего плода (а это суть помыслы

содѣлывающіеся отцами добродѣтели). Посему слово сіе учить, какъ, замѣтывая поводъ изъ исторіи, можно со всею ясностію раскрыть загадочный сей смыслъ, положить начало добродѣтельной жизни, родиться къ скорби врага, то есть непріятнымъ для него образомъ рожденія, въ которомъ болѣзни рожденія терпѣть произволеніе. Ибо не иначе можетъ кто либо причинить скорбь сопротивнику, какъ показавъ въ себѣ такіе признаки, которые бы служили свидѣтельствомъ побѣды надъ нимъ.

Отъ одного и того же произволенія зависить, безъ сомнѣнія, родить сіе мужское и доблестное порожденіе, вскормить оное приличными снѣдками, позаботиться, чтобы безвредно спаслось оно изъ воды; ибо приносящіе свои порожденія въ даръ мучителю, обнаживъ и безъ призора предають чадъ рѣчному потоку; разумью же потокъ жизни, волнуемый непрерывными страстями, отъ чего впадшее въ этотъ потокъ погрязаетъ и лишается дыханія подъ водами. Но цѣломудренныя и попечительныя помыслы—отцы мужскаго рожденія, когда необходимость жизни принуждаетъ ихъ добрый плодъ свой предать житейскимъ волнамъ, предаваемое потоку обезопасиваютъ ковчегомъ, чтобы не погрязло въ глубинѣ. Ковчегомъ же, составленнымъ изъ разныхъ дщицъ, пусть будетъ обученіе, твердо связанное изъ различныхъ уроковъ, и поддер-

живаемаго имъ носящее надъ житейскими волнами, при которомъ и носимый стремленіемъ волнъ не слишкомъ далеко увлечется волненіемъ водъ; но оставаясь при твердомъ брегѣ, т. е., внѣ житейскаго волненія, самымъ стремительнымъ теченіемъ водъ, неизвѣстно какъ, будетъ отталкиваемъ къ сушѣ. И сіе познаемъ на опытѣ; потому что не погрузившихся еще въ человѣческія оболщенія самыхъ житейскихъ дѣлъ непостоянное туда и сюда уклоняющееся движеніе отталкиваетъ отъ себя, какъ нѣкое безполезное бремя, признавая ихъ людьми безпокойными по своей добродѣтели. Но кто сталъ внѣ таковыхъ волненій, да подражаетъ Моисею, не пада слезъ, хотя и приведенъ въ бонасность въ ковчегъ; потому что слезы — тщательный стражъ для спасающихся добродѣтелию.

Если же безчадная и безплодная царская дочь (подъ именемъ которой, думаю, разумѣется собственно внѣшнее любомудріе), присвоивъ себѣ новорожденнаго, готовится назваться его матерью: то слово сіе позволяетъ до тѣхъ поръ не отвергать свойства съ сею лжеименною матерью, пока новорожденный видитъ въ себѣ несовершенство возраста. А кто приходитъ уже въ возрастъ, какъ познаемъ въ примѣрѣ Моисея, тотъ почтетъ для себя стыдомъ именоваться сыномъ безчадной по естеству. Ибо внѣшнее обученіе дѣйствительно безчодно:

всегда страждетъ болѣзнями рожденія, но никогда не раждаетъ ничего живаго. И любоумудріе сіе, послѣ долговременныхъ болѣзней рожденія, какой показало плодъ, достойный столь многихъ и великихъ трудовъ? Не всѣ ли въ видѣ вѣтренныхъ пузырей и недоношенными извергаются прежде, нежели придутъ во свѣтъ боговѣдѣнія? А вѣроятно могли бы они содѣлаться имѣющими человѣческій образъ, если бы не были вовсе сокрыты въ нѣдрахъ безчадной мудрости. Посему кто у египетской царевны прожилъ столько времени, сколько нужно, чтобы не казаться непричастнымъ уважаемаго Египтянами, тотъ да возвратится къ матери по естеству, отъ которой да не удаляется и во время своего воспитанія у царевны, питаясь матернимъ млекою, какъ сказуетъ исторія. И это, кажется мнѣ, учить тому, чтобы, если во время обученія упражняемся въ наукахъ внѣшнихъ, не лишали и мы себя млека воспитывающей насъ — Церкви, т. е., тѣхъ узаконеній и обычаевъ Церкви, которыми питается и укрѣпляется душа, и изъ которыхъ она заимствуетъ для себя средства къ возрастанію.

Истинно же то слово, что среди двухъ враговъ будетъ тотъ, кто внимаетъ ученіямъ внѣшнимъ, а не отеческимъ; потому что еврейскому понятію противится иноплеменникъ въ богопочтеніи, усиливаясь показать, что онъ крѣпче Израильянина; да и кажется таковымъ

для многихъ легкомысленныхъ, которые, оставивъ отеческую вѣру и содѣлавшись преступниками отческаго ученія, вступили въ борьбу за одно со врагомъ. Но кто, подобно Моисею, великъ и благороденъ душою, тотъ противоборствующаго слову благочестія умерщвляетъ своимъ ударомъ.

А иной и иначе найдетъ въ насъ подобную борьбу. Ибо человѣкъ, какъ бы нѣкою наградою за подвигъ, поставленъ на срединѣ между держащимися противныхъ сторонъ,—и къ кому присоединяется, того и дѣлаетъ побѣдителемъ противника. Напримѣръ—идолослуженіе и богочестіе, невоздержность и цѣломудріе, справедливость и неправда, кичливость и скромность ума и все представляемое противоположнымъ, явная есть борьба какого-то Египтянина съ Евреемъ. Посему Моисей примѣромъ своимъ наставляетъ насъ быть въ единеніи съ добродѣтелію, какъ съ единоплеменникомъ, убивать же востающаго съ противной стороны на добродѣтель. Ибо дѣйствительно преодолѣніе благочестія дѣлается смертію и истребленіемъ идолопоклонства; такъ и справедливостію умерщвляется неправда, и скромностію убивается кичливость.

Но бываетъ также въ насъ и востаніе другъ на друга единоплеменниковъ. Ибо не имѣли бы мѣста вѣроученія лукавыхъ ересей, еслибы одни помыслы противъ другихъ болѣе истинныхъ

не выступали въ сопротивныхъ рядахъ. Если же будемъ немощны для того, чтобы самимъ собою отдать преимущество справедливости, потому что худшее пересиливаетъ своими умышленіями, и отвергаетъ владычество истины: то намъ должно, какъ можно скорѣе, бѣжать отсюда къ важнѣйшему и болѣе возвышенному ученію таинствъ, подобно указуемому ссю исторією образцу. И хотябы потребовалось снова вступить въ единеніе съ иноплемennымъ, то есть, нужда заставила быть въ единеніи съ внѣшнимъ любомудріемъ; рѣшимся и на это, отгнавъ лукавыхъ пастырей отъ несправеднаго употребленія кладязей, т. е., учителей худому обличивъ въ лукавомъ употребленіи обученія, уединимся потомъ въ самихъ себя, не входя въ связи и сближенія съ какими либо любителями споровъ, но будемъ жить вмѣстѣ съ тѣми, которые единомысленны и единомудренны съ пасомыми у насъ, между тѣмъ какъ всѣ движенія души нашей, подобно овцамъ, управляются волею руководственного разума. И такимъ образомъ намъ, неуклонно пребывающимъ въ семъ мирномъ и безмятежномъ житіи, возсіяетъ тогда истина, лучами своими озаряющая душевнос зрѣніе. Истина же, являющаяся тогда Моисею въ неизреченномъ ономъ свѣтоводствѣ, есть Богъ.

Если же и терновымъ нѣкімъ кустомъ воспламеняется тотъ свѣтъ, которымъ просвѣ-

щается душа Пророка,—то не бесполезно будет и сіе сдѣлать намъ предметомъ изслѣдованія. Ибо если истина есть Богъ, а также истина есть свѣтъ, — и оба сіи высокія и божественныя именованія евангельское слово присвоаетъ явившемуся намъ во плоти Богу (Іоанн. 14, 6.): то слѣдуетъ, что таковое добродѣтельное житіе возводитъ насъ къ вѣдѣнію онаго свѣта, который исходитъ даже до естества человѣческаго, возсіывая не отъ какого либо звѣзднаго свѣтила, почему не можно было бы признать его сіяніемъ дошняго вещества, но отъ земнаго куста, и превосходя свѣтлостію лучей небесныя свѣтила. А симъ научаемся и таинству явленному въ дѣвѣ, отъ которой въ рожденіи возсіавшій Человѣческой жизни свѣтъ Божества сохранилъ воспламененную купину несгораемою, такъ что и по рожденіи не увялъ стебель дѣвства. Онымъ свѣтомъ научаемся и тому, что намъ дѣлать, чтобы стать въ лучахъ истины, а именно, что не возможно связанными ногами взойти на ту высоту, гдѣ усматривается свѣтъ истины, если не будетъ разрѣшена на душевныхъ стопахъ эта мертвенная и земная кожаная оболочка, возложенная на естество въ началѣ, когда обнажило насъ преслушаніе Божіей волн. И такимъ образомъ, какъ скоро совершится сіе съ нами, послѣдуетъ за тѣмъ вѣдѣніе истины, которое служить очищеніемъ отъ предположенія

о несуществующемъ, то есть, по моему понятію, опредѣленіемъ истины не составлять себѣ ложнаго понятія о сущемъ. (Ибо ложь есть какое-то раждающееся въ умѣ представленіе о несущемъ, будто бы существуетъ то, чего нѣтъ; а истина есть несомнѣнное понятіе о сущемъ.) И такимъ образомъ даже тотъ, кто въ продолженіе долгаго времени среди безмолвія любомудрствовалъ о предметахъ возвышенныхъ, едва составитъ понятіе о томъ, что такое въ дѣйствительности сущее, по естеству своему имѣющее бытіе, и что такое не сущее, по видимости только имѣющее бытіе, тогда какъ естество само по себѣ не осуществимо. И сіе-то, кажется мнѣ, позналъ тогда великій Моисей, наученный бого-явленіемъ, а именно, что изъ всего объемлемого чувствомъ и созерцаемаго умомъ, ничто не есть сущее въ подлинномъ смыслѣ, кромѣ превышей всего сущности, которая всему причина, и отъ которой все зависитъ. Ибо если мысль и другое что усматриваетъ въ числѣ существъ, то ни въ одномъ изъ сихъ существъ не видитъ умъ такого, которое бы не имѣло нужды въ другомъ, и которому было бы возможно придти въ бытіе безъ причастія истинно сущаго.

Всегда одно и тоже не увеличиваемое и не умаляемое, ко всякой перемѣнѣ, въ лучшее ли—то или худшее, равно неподвижное, потому

что худшее ему чуждо, а лучшаго нѣтъ; во всемъ другомъ неимѣющее нужды, единое всѣмъ вожелѣваемое, единое, чего все причастно, единое причастиемъ причащающихся не уменьшаемое, — вотъ дѣйствительно въ подлинномъ смыслѣ сущее, и понятіе о семъ сущемъ есть вѣдѣніе истины. Посему, какъ тогда достигній сего Моисей, такъ нынѣ всякій, кто, подобно ему, отрѣшаетъ себя отъ земной оболочки, видитъ свѣтъ купины (т. е. обращаетъ взоръ въ возсіявшему для насъ отъ плоти — сего терноваго куста лучу, который, какъ говоритъ Евангеліе, есть *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 9.) и *истина* (14, 6)), дѣлается таковымъ, что можетъ послужить ко спасенію другихъ, истребить превосмогающее на зло мучительство и привести въ свободу все подпавшее жестокому рабству, между тѣмъ какъ измѣненная десница и жезлъ обращенный въ змія творять чудеса, чѣмъ, какъ думаю, загадочно изображается тайна во плоти Господней явившагося человѣкамъ Божества, которымъ совершается низложеніе мучителя и освобожденіе имъ обладаемыхъ. Къ этой же мысли приводитъ меня евангельское и пророческое свѣдѣтельство; ибо Пророкъ говоритъ: *сія измѣнная десница Вышняго* (Пс. 76, 11.); потому что, хотя Божественное естество уопредставляется неизмѣняемымъ, однакоже, по снисхожденію къ немощи естества человѣческаго, измѣнилось въ

нашъ образъ и видъ. Ибо и тамъ рука законодателя, вложенная въ нѣдро, измѣнила цвѣтъ въ противоестественный, и опять, бывъ въ нѣдрѣ, возвратила себѣ собственную природную красоту. И едиnorodный Богъ, сый въ нѣдрахъ Отчихъ, Онъ есть десница Вышняго; когда явился намъ изъ нѣдръ,—измѣнился въ подобное намъ; когда же, понесши на Себѣ наши немощи, бывшую у насъ и подобно намъ измѣнившую цвѣтъ руку возвратилъ въ собственное нѣдро свое (нѣдро же Десницы—Отецъ): тогда безстрастнаго естества не измѣнилъ въ страданіи, но измѣняемое и страстное общеніемъ съ неизмѣняемымъ преложилъ въ безстрастіе.

Да и превращеніе жезла въ змія да не смущаетъ христіанъ тѣмъ, что понятіе о таинствѣ приспособляемъ къ животному противнаго вида; ибо Сама Истина не отвергаетъ сего изображенія, когда говорить въ Евангеліи: *яко же Моисей вознесе змію въ пустыни: тако подобаетъ возвестися Сыну Человеческому* (Іоан. 3, 14.). Слово сіе ясно: ибо если отецъ грѣха въ Божественномъ Писаніи наименованъ зміемъ, и рожденное зміемъ, безъ сомнѣнія, есть змій; то слѣдуетъ, что грѣхъ соимененъ съ породившимъ его. Апостольское же слово свидѣтельствуетъ, что Господь ради насъ содѣлался грѣхомъ (2 Кор. 5, 21.), воспріявъ на Себя грѣховное наше естество.

Слѣдовательно гаданіе сіе справедливо прилагается ко Господу. Ибо, если грѣхъ есть змій, и Господь содѣлался грѣхомъ; тотъ, кто есть грѣхъ, содѣлывается для насъ и зміемъ, чтобы поглощать и истреблять египетскихъ змievъ, оживотворяемыхъ волхвами, а по совершеніи сего снова обращаться въ жезлъ, которымъ уцѣломудриваются согрѣшающіе, и упокоеваются восходящіе крутымъ и несудобнопроходимымъ путемъ добродѣтели, въ добромъ упованіи опираясь на жезлъ вѣры: потому что *есть въра уповаемыхъ изъспычаніе* (Евр. 11, 1.). Посему, кто уразумѣлъ сіе, тотъ прямо дѣлается Богомъ воспротивившихся истинѣ, и приводимыхъ въ изумленіе этою вещественною и неосуществимою прелестію; которыми, какъ нѣчто суетное, пренебрегается то, чтобы послушать Сущаго; ибо говоритъ Фараонъ: *кто есть, его же послушаю гласа? Не вѣмъ Господа* (Исх. 5, 2.). Одно же только, именно вещественное и плотское, признаютъ достойнымъ уваженія преданные скотской чувственности. Посему, если кто укрѣпленъ будетъ озареніемъ свѣта и пріобрѣтетъ столько силы и власти надъ сопротивниками; то, какъ нѣкій борецъ, достаточно обучившійся у наставника подвижническому мужеству, смѣло и съ увѣренностію уготовляется къ борьбѣ со врагами, имѣя въ рукѣ оный жезлъ, то есть, слово вѣры, которымъ будетъ поборать египетскихъ змievъ.

Послѣдуетъ же за нимъ и супруга—инопле-
 менница; потому что и изъ внѣшняго обуче-
 нія допускается нѣчто въ сожитіе съ нами къ
 плодоношенію добродѣтели. И нравственное
 естественное любомудріе, и высокому по жизни
 можетъ иногда служить сожительницею, подру-
 гой и сообщницею, если только ея порожде-
 нія нисколько не принесутъ иноплемennой сквер-
 ны. Ибо пока не обрѣзана и не отъята сія
 скверна, чтобы истреблено было все какъ
 вредное и нечистое, угрожаетъ страхомъ
 смерти срѣтающій Ангелъ, но его умиловле-
 няетъ сожительница отъятіемъ отличительнаго
 свойства, по которому познается иноплемен-
 ное, доказывая, что порожденіе ея чисто. Ду-
 маю же, что выразумившему сіе историческое
 повѣствованіе изъ сказаннаго дѣлается явною
 послѣдовательность преспѣяній въ добродѣ-
 тели, какую показываетъ слово, непрерывно
 слѣдующее за связію историческихъ гаданій.
 Ибо въ урокахъ любомудраго порожденія есть
 нѣчто плотское и закрытое, но что остается
 по отъятіи покрыва, то не лишено израиль-
 скаго благородства. Напримѣръ: и внѣшнее
 любомудріе говорить, что душа безсмертна—
 вотъ порожденіе благочестивое. Но утвер-
 ждая, что будто бы душа изъ одного тѣла
 переходитъ въ другое, и словесное естество
 мѣняетъ на безсловесное,—это есть уже плот-
 ское и иноплеменное необрѣзаніе. А подобно

сему и многое другое. Любомудріе говоритъ, что Богъ есть, но признаетъ Его вещественнымъ; исповѣдуетъ, что Онъ Создатель, но для созданія имѣетъ 'нужду въ веществѣ; соглашается, что Онъ всемогущъ и благъ, но во многомъ уступаетъ необходимости судьбы; и что если пересказать въ подробности, какъ добрыя ученія внѣшняго любомудрія оскверняются нелѣпыми прибавленіями? По отъятіи только сихъ послѣднихъ Ангелъ Божій содѣлывается къ намъ милостивъ, радуясь истинному порожденію таковыхъ ученій.

Но возвратиться должно къ послѣдовательности слова, чтобы и намъ, когда будемъ близки къ египетскимъ подвигамъ, встрѣтилось со временемъ братское спомоществованіе. Ибо знаемъ, что у Моисея, въ началѣ добродѣтельной его жизни, происходитъ бранная и воинственная* встрѣча: Египтянинъ притѣсняетъ Еврея, и также Еврей возстаетъ на единоплеменника. Если же онъ своими добродѣтелями при долговременной попечительности, въ слѣдствіе бывшаго въ высшей степени озаренія, достигнувъ большаго изъ душевныхъ преспѣяній, имѣетъ дружественную и мирную встрѣчу, по Божію внушенію, во срѣтеніе ему исходитъ братъ; то (если сіе историческое событіе примѣнить къ иносказательному воззрѣнію) и мы найдемъ это не бесполезнымъ для своей цѣли. Ибо дѣйствительно преуспѣвающимъ въ

добродѣтели оказывается отъ Бога данное естеству нашему вспоможеніе, которое по первоначальному бытію предваряетъ, но является и познается тогда уже, какъ при внимательности и попечительности достаточно освоившись съ высшимъ житіемъ, приуготовимся къ труднѣйшимъ подвигамъ. Но, чтобы не разрѣшать намъ гаданія гаданіемъ же, мысль свою объ этомъ изложимъ открытѣе.

Есть нѣкое ученіе, заимствующее достовѣрность изъ отеческаго преданія, и оно говоритъ: когда естество наше пало въ грѣхъ, Богъ паденія нашего не оставилъ Своимъ промысломъ, но въ помощь жизни cadaго представляетъ нѣкоего Ангела изъ пріившихъ безплотное естество; но и съ противной стороны растлитель естества ухищряется на тоже посредствомъ нѣкоего лукаваго и злоторнаго демона, который бы вредилъ человѣческой жизни. Человѣкъ же, находясь среди сихъ двухъ сопровождающихъ его, такъ какъ цѣль cadaго изъ нихъ противна другому, самъ собою дѣлаетъ одного сильнѣйшимъ другаго. Добрый Ангелъ предуказываетъ помысламъ блага добродѣтели, какія преусиѣвающими открываются въ упованіи. А другой показываетъ вещественныя удовольствія, отъ которыхъ нѣтъ никакой надежды на блага, только настоящее, вкушаемое, видимое порабощаетъ чувства малосмысленныхъ.) Посему, если кто чуждается

того, что манить къ худому, устремивъ помыслы къ лучшему, и порокъ какъ бы поставилъ позади себя, а душу свою, какъ нѣкое зеркало, обратилъ лицомъ къ упованію благъ, чтобы въ чистотѣ собственной его души напечатлѣлись всѣ изображенія и представленія указуемой ему Богомъ добродѣтели: то срѣтаетъ его тогда, и оказываетъ ему вспоможеніе, братъ; ибо по дару слова и по разумности души человѣческой Ангелъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается человѣку братомъ, (какъ сказано), являясь ему и при немъ находясь тогда, когда приближаемся къ Фараону/

Но въ той мысли, что таковой взглядъ ума можно во всей связи приспособить къ цѣлому изложенію исторіи, если что либо въ написанномъ окажется не подходящимъ подъ сіе разумѣніе, ради того самого никто да не отвергаетъ всего, а напротивъ того пусть всегда помнитъ цѣль нашего слова, которую имѣя въ виду, излагаемъ сіе, напередъ сказавъ въ самомъ началѣ, что житія мужей благоискусныхъ предлагаются потомству въ образецъ добродѣтели. / Для соревнующихъ же дѣламъ ихъ невозможно идти по тѣмъ же самымъ слѣдамъ: найдется ли наримѣръ еще народъ, по переселеніи размножающійся во Египтѣ? Также найдется ли порабощающій его мучитель, непріязненно расположенный къ мужескому полу и заботящійся о размноженіи пола болѣе

нѣжнаго и немощнаго? Найдется ли гдѣ и все прочее, что содержитъ въ себѣ сія исторія? И такъ, поелику оказывается невозможнымъ чудесамъ сихъ блаженныхъ подражать въ тѣхъ же самыхъ событіяхъ; то заимствуемое изъ дѣйствительнаго послѣдованія событій пусть будетъ прилагаемо къ какому либо нравственному ученію, и ревнителямъ добродѣтели да послужитъ это нѣкоторымъ пособіемъ для таковой жизни. Если же какое либо изъ историческихъ событій самая необходимость вещей принуждаетъ оставаться внѣ связи принятаго разумѣнія: то, отложивъ оное въ сторону, какъ не полезное и неслужащее къ нашей цѣли, должны мы не прерывать ученія о добродѣтели. А говорю это, имѣя въ виду мнѣніе объ Ааронѣ, и предупреждая то возраженіе, какое можно сдѣлать на основаніи послѣдующихъ событій.

Иный скажетъ: у Ангела, какъ существа разумнаго и безплотнаго, есть средство съ душою, и несомнѣнно то, что онъ старѣе насъ по устроенію, оказываетъ помощь вступающимъ въ борьбу съ сопротивными; но нѣтъ основанія въ образѣ ангела представлять себѣ Аарона, который содѣйствовалъ Израильтянамъ въ идолопоклонствѣ. Въ отвѣтъ таковому, отступивъ отъ связи рѣчи, скажемъ тоже, что сказано прежде: если что не служитъ къ цѣли, то ради сего да не опровергается въ словѣ

согласіе въ прочемъ; и братъ и Ангелъ есть нѣчто одноименное, по своему значенію равно прилагаемое къ тому и другому изъ существъ противоположныхъ; ибо въ Писаніи именуется не только Ангелъ Божій, но и ангелъ сатанинъ; и не только добраго, но и злаго называемъ братомъ; Писаніе такъ говоритъ о добрыхъ: *братія въ нуждѣхъ полезни да будутъ* (Прит. 17, 17.), и о противоположныхъ имъ: *всякъ братъ запинаніемъ запнетъ* (Іерем. 9, 4.). Упомянувъ же о семъ не въ связи рѣчи кратко, и точнѣйшее обозрѣніе отлагая до мѣста, собственно сему принадлежащаго, коснемся теперь того, что подлежитъ намъ.

Итакъ, кто самъ себя укрѣпилъ явившимся ему свѣтомъ, и пріобрѣлъ себѣ такого брата, — поборника и помощника, тотъ смѣло ведетъ съ народомъ слово объ истинѣ, напоминаетъ объ отеческомъ благородствѣ и подаетъ мысль, какъ освободиться отъ брени и тяжкаго плинодѣланія. Посему чему же научаетъ насъ этимъ исторія? — Тому, чтобы не отваживался говорить народу, кто таковою же жизнію не уготовалъ слова для собесѣдованія со многими. Ибо видишь: Моисей, будучи еще юнымъ, пока до такой мѣры не возросъ въ добродѣтели, не признанъ способнымъ къ тому, чтобы стать совѣтникомъ мира и для двоихъ враждующихъ между собою, а теперь ведетъ рѣчь со многими вдругъ тысячами. И едва не громомъ

гласно вопіеть тебѣ сія исторія: не отваживайся, какъ учитель, подавать совѣты слушателямъ, если великою и продолжительною попечительностію не укрѣпилъ для этого силъ своихъ.

Но слова оказались дѣйствительными, свобода возвѣщена, слушатели одобрены и возбуждаютъ оной; этимъ раздражается врагъ и послушныхъ слову подвергаетъ большому страданію. Тоже самое бываетъ и нынѣ. Ибо многіе изъ пріившихъ ученіе, освобождающее отъ мучителя, и послѣдовавшихъ проповѣди, и донынѣ отъ сопротивныхъ терпятъ прираженія искушеній. И какъ многіе изъ нихъ, окрѣпнувъ отъ прираженія къ нимъ горестей, дѣлаются благоискусными и болѣе твердыми: такъ иные изъ немощныхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, упадаютъ духомъ, открыто говоря, что гораздо лучше было бы для нихъ оставаться неслыхавшими проповѣди о свободѣ, нежели, по этой причинѣ, испытывать такія бѣдствія. Сіе самое произошло и тогда; Израильтяне по малодушію обвиняли возвѣстившихъ имъ освобожденіе отъ рабства. Но тѣмъ паче да не ослабѣваетъ слово, привлекающее къ прекрасному, хотя иной, какъ младенецъ и несовершенный умомъ, по непривычкѣ къ искушеніямъ, дѣтски боится ихъ. Ибо вредоносный и тлетворный демонъ о томъ и старается, чтобы подчинившійся ему чело-

вѣкъ, не на небо взиралъ, но поникалъ очами къ землѣ, и дѣлалъ въ себѣ изъ брениа плинѣи.) Что служащее къ вещественному наслажденію непременно берется изъ земли или воды, для всякаго это явно. Что со тѣснѣніемъ добывается для чрева и снѣдей, что признается богатствомъ, — это смѣшеніе земли и воды, и дѣлается и именуется брениемъ. Жадные до сихъ бренихъ удовольствій, наполняя себя ими, никогда не сохраняютъ полного той пустоты, которая ихъ пріемлетъ въ себя. Напротивъ того непрестанно наполняемое дѣлается пустымъ для притекающаго вновь. Такъ и плинѣодѣлатель, имѣя въ виду плинѣу за плинѣой, безъ труда можетъ уразумѣть эту загадку; удовлетворивъ своему пожеланію въ чемъ либо одномъ изъ того, о чемъ человекъ старался, если пожеланіе склонится къ чему либо другому, оказывается также и въ этомъ неудовлетвореннымъ. А если и въ томъ удовлетворится, для другаго опять ощущаетъ въ себѣ пустоту и просторъ. И это не перестаетъ непрерывно въ насъ совершаться, пока не кончитъ кто этой вещественной жизни.

Что же такое стебліе и плева изъ стеблій, которую повинующійся мучительнымъ приказаніямъ принужденъ примѣшивать къ плинѣѣ? И Божественнымъ Евангеліемъ и высокимъ гласомъ Апостола истолковано сіе намъ, а именно, что и плева (Матѣ. 3, 12. 1 Кор. 3,

12.) равно служить пищею огню. — Посему, когда кто изъ преданныхъ добродѣтели пожелаетъ поработенныхъ прелестію отвлечь въ жизнь любомудренную и свободную, тогда ухитряющійся противъ душъ нашихъ, по слову Апостола, на различныя козни (Еф. 6, 11.), закону Божественному противопоставить умѣетъ обольстительныя лжеумствованія. Говорю же сіе, обращая рѣчь къ египетскимъ зміямъ, то есть, къ различнымъ кознямъ прелести, обращаемымъ въ ничто Моисеевымъ жезломъ, котораго, сколько было нужно, въ довольной мѣрѣ касалось уже наше обозрѣніе.

Посему тотъ, кто приобрѣлъ этотъ непреборимый жезлъ добродѣтели, — жезлъ уничтожающій жезлы ухищренныя, нѣкимъ путемъ и послѣдовательно восходитъ къ большимъ чудесамъ. Чудотвореніе же не съ цѣлю изумить слышащихъ совершается, но имѣетъ въ виду пользу спасаемыхъ; потому что чудесами добродѣтели истребляется враждебное для нихъ, и умножается имъ соплеменное. Постараемся же дознать прежде всего самое общее изъ чудесъ частныхъ, цѣль, къ какой они возводятъ; тогда только возможно для насъ будетъ составить приличное понятіе и о каждомъ чудѣ въ отдѣльности. Ибо ученіе истины неодинаково дѣйствуетъ, смотря по расположеніямъ пріемлющихъ слово. Хотя слово всѣмъ равно показываетъ худое или доброе, одна-

коже, кто съ убѣжденіемъ приѣмлетъ показанное, у того умъ во свѣтѣ; а кто упорствуетъ и не соглашается обратить душевный взоръ къ лучу истины, для того пребываетъ мракъ невѣдѣнія. Если познатіе наше о чемъ либо подобномъ неложно въ своей цѣлости, то не инаково оно, конечно, и въ подробностяхъ, какъ показало въ словѣ частное изслѣдованіе. Посему неудивительно, что Еврей, живя среди иноплеменниковъ Египтянъ, остается не претерпѣвающимъ египетскихъ бѣдствій. Ибо можно видѣть, что и нынѣ совершается тоже. Въ многочисленныхъ городахъ, когда жители держатся противоположныхъ мнѣній, для однихъ сладокъ и чистъ потокъ вѣры, которымъ орошаетъ ихъ Божественное ученіе, а для держащихся египетскаго образа мыслей вода сія дѣлается поврежденною кровію. Лжемудрованіе прелести покусается нерѣдко и еврейское питіе скверною жию обратитъ въ кровь, т. е., и наше ученіе даже намъ показать не таковымъ, каково оно въ дѣйствительности. Но не сдѣлаетъ питія сего совершенно негоднымъ къ употребленію, хотя безъ труда придаетъ ему кровавый видъ для обмана; потому Еврей пьетъ истинную воду, не обращая вниманія на обманчивый видъ, хотябы противники и старались увѣрить, что это—кровь.

Такъ и этотъ гнусный и крикливый родъ жабъ, эти животныя пресмыкающіяся и ска-

чушія, непріятныя не только по виду, но и по зловонію кожи, вползають и въ дома, и на ложи, и въ хранилища къ Египтянамъ, но не касаются жизни Евреевъ. Ибо тлетворныя порожденія грѣха дѣйствительно составляютъ родъ жабъ, зараждающихся, какъ въ грязи, въ нечистомъ сердцѣ человѣческомъ. Сіи-то жабы живутъ въ домахъ у уподобляющихся Египтянамъ избраніемъ рода жизни, являются у нихъ на трапезахъ, не удаляются съ ложей, проникають въ хранилища жизненныхъ припасовъ. Ибо, какъ скоро увидишь нечистую и невоздержную жизнь, подлинно изъ брѣнія и грязи раждающуюся, и при уподобленіи безсловеснымъ въ образѣ своего поведенія не держащуюся въ точности ни того ни другаго естества, увидишь, что, кто по природѣ чловѣкъ, тотъ по страсти дѣлается скотомъ, и тѣмъ показываетъ въ себѣ этотъ земнородный и обоюдный образъ жизни; то найдешь при этомъ признаки подобной болѣзни, не на ложахъ только, но и на трансѣ, и въ хранилищахъ, и по всему дому. Таковъ во всемъ выражаетъ свое распутство, такъ что по заботамъ, какія въ домѣ, всякому легко узнать жизнь и невоздержнаго и благонравнаго чловѣка. Когда въ домѣ развратнаго на штукатуркѣ стѣны какими либо искусственными изображеніями указывается служащее къ воспламененію страстнаго сластолюбія и напоми-

нающее собою свойство болѣзни; потому что при видѣ безчестныхъ зрѣлищъ вливается въ душу страсть; тогда у цѣломудреннаго приняты во всемъ осторожность и предусмотрительность, чтобы сохранивъ око чистымъ отъ страстныхъ зрѣлищъ. А также и трапеза чиста у цѣломудреннаго, но полною жабъ и многихъ мясовъ оказывается она у пресмыкающагося въ грязной жизни. Заглянешь ли въ его кладовыя, то есть, въ сокровенности и тайны его жизни, тѣмъ паче въ нихъ у неспособныхъ найдешь кучу жабъ.

Если же исторія скажетъ, что у Египтянъ произвелъ это жезлъ добродѣтели, то да не смущаетъ насъ сказанное. Ибо исторія говорить также, что и мучитель ожесточенъ Богомъ. За что былъ бы осужденъ, кто по необходимости получилъ бы свыше жестокое и упорное расположеніе сердца? Подобное сему говоритъ нѣгдѣ и божественный Апостолъ: *якоже не искушиша ильти Бога въ разумъ, сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (Рим. 1, 28.), разумѣя сіе о мужеложникахъ и опозорившихъ себя безчестными и неслезанно распутными нравами. Но хотя такъ выражено сказанное въ божественномъ Писаніи; однакоже не Богъ дѣлаетъ предающимся страсти безчестія того, кто стремится къ этому. И Фараонъ не по Божію изволенію ожесточается, и не добродѣтелию производится эта кипящая

жабами жизнь. Ибо если бы угодно сіе было Божіей волѣ, то, безъ сомнѣнія, такое изволеніе простиралосьбы равно на всѣхъ, такъ что относительно къ жизни не усматривалосьбы различія между какою либо добродѣтелію и порокомъ. Если же каждый по своему пользуется жизнію, — одни преуспѣваютъ въ добродѣтели, а другіе впадаютъ въ порокъ; то никто не имѣетъ основанія высшимъ какимъ либо необходимостямъ, установленнымъ Божіею волею, вмѣнять сіи разности въ жизни, которыя содержитъ во власти своей произволъ cadaго. Посему, кто предается страсти безчестія, о томъ ясно можно дознать у Апостола. Кто *не испыталъ имѣти Бога въ разумѣ*, того не Богъ, наказуя за то, что не познано имъ бытіе Божіе, предаетъ страсти, но то самое, что не познаетъ онъ Бога, служитъ причиною, по которой вовлекается онъ въ жизнь страстную и безчестную. Какъ, если бы кто сказалъ, что такого-то ввергло въ ровъ солнце, на которое онъ не взглянулъ, то не заключимъ, что свѣтило, предавшись гнѣву, столкнуло въ ровъ не хотѣвшаго увидѣть его, но каждый, разсуждая основательно, пойметъ сказанное такъ, что не смотрящему на солнце и не пользующемуся свѣтомъ его сіе самое служитъ причиною паденія въ ровъ: такъ законно будетъ понимать и апостольское слово, что неразумѣющіе Бога предаются въ страсти

безчестія. И египетскій мучитель ожесточается Богомъ: — не въ томъ смыслѣ, что Божиимъ изволеніемъ въ Фараонову душу вложено упорство, но въ томъ, что Фараоновъ произволь, по наклонности къ пороку, не принялъ слова смягчающаго упорство. Такъ и жезлъ добродѣтели, явленный Египтянамъ, Еврея дѣлаетъ чистымъ отъ кипящей жабами жизни, а жизнь египетскую показываетъ страждущею отъ таковой болѣзни.

Но вотъ и другой случай: Моисей простираетъ на жабъ руки, и онѣ исчезаютъ. Это же, какъ можно узнать, совершается и нынѣ. Ибо ^{*} уразумѣвшіе сіе простертіе рукъ законодатель-
 левыхъ (уразумѣешь же непремѣнно, что говоритъ тебѣ сія загадка, а именно чрезъ законодателя Моисея даетъ познать истиннаго Законодавца, а чрезъ простертіе рукъ—Простершаго руки на крестѣ), хотя незадолго до сего жили нечистыми и полными жа^убъ помыслами, какъ скоро обратятъ взоры къ Простершему за насъ руки,—освободятся отъ лукаваго ихъ сожительства, по умерщвленіи и истребленіи страсти. А дѣйствительно освобо-
 дившимся отъ таковой болѣзни, по умерщвленіи пресмыкающихся движеній, воспоминаніе о прежней жизни дѣлается какимъ-то неумѣстнымъ и зловоннымъ, непріятнымъ душѣ, по причинѣ стыда, какъ говоритъ Апостоль тѣмъ, которые, отложившись отъ порочной жизни,

приступили къ добродѣтели : *кѣй убо тогда иишьте плодѣ , о нижше нынѣ стыдитесь* (Рим. 6, 21.)?

Въ этомъ же смыслѣ разумѣй и то, что отъ жезла воздухъ въ глазахъ Египтянъ очерняется, а для Евреевъ озаряется солнцемъ, чѣмъ и подтверждается особенно основаніе высказанной нами мысли, что не понудительная нѣкая свыше сила заставляетъ одного быть во мракѣ, а другого во свѣтѣ. Напротивъ того мы люди у себя дома, въ своемъ естествѣ и произволѣ, имѣемъ причины и свѣта и тмы, дѣлаясь тѣмъ, чѣмъ сами пожелаемъ. Ибо, по сказанію исторіи, не по причинѣ какой либо стѣны или горы, преграждающей зрѣніе и останавливающей лучи, когда Евреи наслаждались свѣтомъ, Египтяне оставались нечувствительными къ сему дару. Такъ во власть каждому равно предоставлена жизнь во свѣтѣ; но одни ходятъ во тмѣ, лукавыми предначинаніями вводимые въ грѣховный мракъ; другіе осіяваются свѣтомъ добродѣтели. Если же, послѣ трехдневнаго злостраданія во тмѣ, и Египтяне дѣлаются причастниками свѣта; то, можетъ быть, возбужденіемъ симъ кто либо изъ жившихъ прежде по-египетски, чрезъ познаніе Распятаго и при помощи покаянія возведетъ мысль къ переходенію отъ порока къ добродѣтели. Ибо она, по сказанію исторіи, *осызаемая тма* (Исх. 10, 21.), и по самому имени, и по зна-

ченію онаго, имѣть великое сродство со тмою невѣдѣнія и грѣха. Но та и другая тма разрѣшается, какъ скоро Моисей (что разумѣлось и въ сказанномъ прежде) простираетъ руки надъ пребывающими во тмѣ.

А равно согласно съ симъ разумѣть можно и тотъ пещинный прахъ, который производитъ болѣзненные струны на Египтянахъ (Исх. 9, 8. 9.), и загадочно подъ именемъ пещи означаетъ наказаніе геенскимъ огнемъ, угрожающее и уготовляемое только тѣмъ, которые живутъ подобно Египтянамъ, т. е. какъ говорили мы неоднократно, живутъ худо, и не покланяются простертію рукъ Христовыхъ. Есть ли же кто истинный Израѣльтянинъ и сынъ Авраамовъ, Аврааму уподобляется жизни, такъ что своимъ произволеніемъ доказываетъ тѣсное родство съ избранными; то онъ спасается отъ онаго пещнаго мученія. Но и то, что по данному нами истолкованію, простертіемъ рукъ Моисеевыхъ означается и для живущихъ подобно Египтянамъ, можетъ нѣкогда послужить уврачеваніемъ отъ мученія и избавленіемъ отъ наказаній.

А о мелкихъ оныхъ скнипахъ, которые не примѣтнымъ угрызеніемъ причиняютъ боль Египтянамъ, о песіихъ мухахъ, при угрызеніи болѣзненно внивающихъ въ тѣла, объ истребленіи плодовъ земледѣлія плугами, о пламеникахъ, падающихъ свѣше вмѣстѣ съ камен-

нымъ градомъ,—да потрудится иный и самъ, въ связи съ изслѣдованнымъ прежде, идя тѣмъ-же путемъ, составить о каждой казни приличное понятіе; такъ какъ все это, по сказанному выше, производитъ египетскій произволъ, налагаетъ же на Египтянъ нелицепріятное Божіе правосудіе. Но слѣдуя сему, и мы будемъ разумѣть такъ, что горестное посылается отъ Бога достойнымъ того, каждый же самъ для себя бываетъ виновникомъ сихъ бичей, собственнымъ своимъ произволомъ уготовляя себѣ ожидающія его скорби, какъ говоритъ Апостолъ, обращая рѣчь къ одному изъ таковыхъ: *по жестокости твоей и не покаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2. 5. 6.). Какъ отъ безпорядочнаго рода жизни во внутренностяхъ составляется тлетворный желчный какой-то сокъ, и врачу, съ помощію искусства извлечшему его рвотою, не поставляется въ вину, будтобы самъ онъ произвелъ въ тѣлѣ этотъ болѣзненный сокъ, тогда какъ онъ произведенъ безпорядочнымъ употребленіемъ пищи, а врачебная наука извела его наружу: такъ, хотя говорится, что имѣющимъ такое произволеніе отъ Бога бываетъ скорбное воздаяніе; но сообразнѣе съ разумомъ понимать сіе такъ, что таковыя страданія занимаютъ свое начало и причину въ насъ са-

михъ. Ибо для жившаго безгрѣшно нѣтъ ни тмы, ни червя, ни гѣенны, ни огня, ни чего либо инаго страшнаго по именованію и на самомъ дѣлѣ, какъ и исторія говоритъ, что для Евреевъ не существовали египетскія казни. Посему, если въ одномъ и томъ же, что одному служить во зло, а другому нѣтъ, разность произволенія то и другое показываетъ въ противоположности; то ясно, что какое зло не можетъ состояться безъ нашего произвола.

Но приступимъ къ продолженію слова, предыдущими изслѣдованіями, достаточно научившись, что и Моисей оный и всякій, подобно ему возвысившійся добродѣтелю, какъ скоро долговременнымъ попеченіемъ о правой высокой жизни и озареніемъ свѣше укрѣпилъ душу, — почитаетъ для себя утратою для ~~единородныхъ~~ ^{единоплеменныхъ} ему не быть руководителемъ къ свободной жизни. И пришедши къ нимъ, представленіемъ тяжкихъ страданій влагаетъ въ нихъ сильнѣйшее пожеланіе свободы; готовясь избавить соплеменниковъ отъ бѣдствій, предастъ смерти всякаго египетскаго первенца. А это дѣлаетъ, узаконяя намъ уничтожать первое зарожденіе зла; ибо иначе не возможно избѣгнуть египетской жизни. И мнѣ кажется, прекрасно сдѣлаемъ, если не оставимъ сію мысль безъ обозрѣнія. Ибо если кто обратитъ вниманіе только на исторію, то какъ сохра-

нится богомѣнное понятіе о происшедшемъ по ея сказанію? Несправедливо поступаетъ Египтянинъ, и за него терпитъ наказаніе недавно родившійся младенецъ, которому, по несовершенству возраста, неизвѣстно и различіе между добромъ и зломъ, котораго жизнь не причастна порочной страсти; потому что младенчество его не даетъ въ себѣ и мѣста страсти; не знаетъ онъ разности между правой и лѣвой рукой, къ одной кормилицѣ обращаетъ взоры; одно у него тѣлесное ощущеніе скорбнаго—слеза; а если получить то, чего желаетъ природа, выражаетъ удовольствіе улыбкою. И онъ-то удовлетворяетъ правосудію за отеческій грѣхъ. Гдѣ же правда? Гдѣ благочестіе? Гдѣ святость? Гдѣ Іезекіиль, который вызываетъ: *душа согрѣшающая, та умретъ: не возметъ неправды отца своего рожденный и.м* (Іезек. 18, 20.)? Почему исторія узаконяетъ противное слову Писанія? Посему согласіе съ разумомъ будетъ, держась смысла возводящаго выше (б), если и совершилось что прообразовательно, вѣрить, что Законодатель въ описаніи совершившагося излагаетъ правило. Излагаемое же здѣсь правило таково: при помощи добродѣтели борющемуся съ какимъ либо порокомъ должно уничтожать въ

(б) Точнѣе: взирая на аналогію смысла.

себѣ первыя начала злыхъ дѣлъ; ибо съ истребленіемъ начала уничтожается вмѣстѣ и слѣдующее за нимъ, какъ Господь учитъ въ Евангеліи, едва не ясными словами говоря объ умерщвленіи первенцевъ египетскихъ золъ, когда повелѣваетъ умертвившимъ въ себѣ похоть и гнѣвъ не бояться уже ни скверны — прелюбодѣянія, ни ужасовъ убійства; потому что и то и другое не бываетъ само собою, если не породить гнѣвъ — убійства, и похоть — прелюбодѣянія. Посему, такъ какъ чреватый грѣхомъ прежде прелюбодѣянія раждаетъ похоть, и прежде убійства — гнѣвъ: то убивающій первенца безъ сомнѣнія, убиваетъ и послѣдующее за первенцемъ поколѣніе, какъ и поразившій голову змѣи умерщвляетъ цѣлый ея составъ, какой влачить она за собою сзади.

Но сего не можетъ быть, если во входахъ нашихъ не излита оная кровь, которая обращаетъ въ бѣгство всегубителя. И если надлежитъ точнѣе выразумѣть въ сказанномъ заключенный въ семъ смыслъ; то исторія къ уразумѣнію сего приводитъ тѣмъ и другимъ, какъ тѣмъ, что умерщвляются первенцы, такъ и тѣмъ, что входъ огражденъ кровію; ибо тамъ уничтожается первое устремленіе зла, а здѣсь истиннымъ Агнцемъ отвращается первый къ намъ входъ порока. Не тогда примышляемъ изгонять всегубителя, когда онъ уже вошелъ, но, чтобы не проникло къ намъ и самое на-

чало, поставляемъ по закону стражу. А стра-
 жею и огражденіемъ служить, — кровію Агнца
 положенное знаменіе на *правъ* и на *подвояхъ*
 входа (Исх. 12, 7.). И симъ писаніе загадочно
 преподаетъ о душѣ нашей тоже естествосло-
 віе, какое измыслила и внѣшняя ученость,
 раздѣляющая душу на силу разумную, вожде-
 лѣвательную и раздражительную. Говорятъ же,
 что подчинено имъ и вождѣлѣніе, съ обѣихъ
 сторонъ поддерживающее познавательную силу
 души, что разсудокъ, будучи сопряженъ съ
 обѣими силами, правитъ ими, и отъ нихъ за-
 имствуетъ силу, раздражительностію укрѣпляетъ
 въ мужествѣ, а вождѣлѣніемъ возвышается
 до причастія добра. Посему, пока душа огра-
 ждена такимъ соотношеніемъ своихъ силъ,
 какъ бы клиньями какими, твердо сплоченная
 своими понятіями о добродѣтели, пользуется
 она всякимъ взаимнымъ ихъ содѣйствіемъ къ
 произведенію прекраснаго, между тѣмъ какъ
 разсудокъ самъ собою доставляетъ безопас-
 ность низшимъ силамъ, а частію и отъ нихъ
 заимствуется равнымъ даромъ. Если же это со-
 отношеніе силъ будетъ извращено, и высшее
сдѣлается нисшимъ, такъ что разсудокъ, нис-
 павъ до попираемаго, вождѣлѣвательное и раз-
 дражительное расположеніе поставитъ вверху
 себя; то всегубитель проникаетъ тогда во вну-
 тренность, и вшествію его не препятствуетъ ни-
 какое противодѣйствіе крови, то есть, пребы-

вающимъ въ такомъ расположеніи не спобораеть вѣра во Христа; ибо повелѣно помазать кровью сперва верхній брусъ въ двери, а потомъ уже касаться обоихъ подвоевъ. Но какъ же помазать кому сперва верхъ, когда не отыскивается верха? , и . . .

Если же не оба сіи дѣйствія, и избіеніе первенцевъ, и изліяніе крови, совершаются у Израильтянъ; то нимало не дивись сему, и не отвергай поэтому предложеннаго умозрѣнія объ истребленіи зла, какъ оказывающагося не соотвѣтственнымъ истинѣ. Ибо теперь подъ разностію именъ: Израильтянинъ и Египтянинъ разумѣли мы разность добродѣтели съ порокомъ. Итакъ, если по высшему смыслу предполагается подъ именемъ Израильтянина разумѣть добродѣтельнаго; то основательно будетъ кому либо требовать, чтобы избиваемы были не начатки порожденій добродѣтели, но то, что полезнѣе уничтожать, нежели воспитывать. Посему справедливо научены мы Богомъ, что должно убивать начатки египетскаго поколѣнія, чтобъ оскудѣвало зло, умаляемое истребленіемъ начатковъ. Сіе разумѣніе согласно и съ исторіею. Ибо чрезъ пролітіе крови совершается охраненіе израильскихъ порожденій, чтобы доброе пришло въ совершенство; а что, ^{1) по} достигнувъ совершенства, умножаетъ египетскій народъ, то, прежде усовершенія во злѣ, уничтожилось. Сему же

вающимъ предлагаемому нами высшему понятію содѣйствуетъ то, что въ слѣдъ за симъ входитъ въ обозрѣніе сей исторіи. Ибо назначается пищею для насъ содѣлаться тому тѣлу, изъ котораго излита кровь, и показуемая на дверяхъ удаляетъ отъ насъ губителя Египтянъ.

И наружность вкушающихъ пищу сію представляется внимательною, озабоченною, не какъ у веселящихся на пирахъ, у которыхъ руки свободны, облаченіе одеждъ легкое, на ногахъ нѣтъ путнической обуви; а здѣсь все сему противно, ноги сжаты обувью, поясъ прижимаетъ облекающій хитонъ его къ чресламъ, въ рукѣ жезлъ грозный для псовъ. Въ семъ-то видѣ предлагается имъ снѣдъ безъ всякой поварской приправы, какъ случилось съ поспѣшностію изготовленная на огнѣ, и вкушающіе снѣдаютъ ее со всею скоростію, снѣша одинъ передъ другимъ, пока не употребится вся плоть агнца; поглащая, что есть на костяхъ, не касаются они того, что внутри костей, потому что запрещено сокрушать кости сего агнца; а что остается отъ сей снѣди, то истребляется огнемъ. Изъ всего этого ясно, что здѣсь буква указываетъ на высшій нѣкій смыслъ; и этотъ законъ объясняетъ намъ не образъ вкушенія (для подобныхъ вещей достаточный законодатель — природа, вложившая въ насъ пожеланіе пищи), напротивъ того означаетъ симъ нѣчто другое. Ибо что будетъ для добро-

дѣтели, или для порока, отъ того, что пища принята такъ, или иначе? распущенъ, или стянуть у ядущаго поясъ? ноги босыя, или надѣта обувь? въ рукѣ у него жезлъ, или отложить въ сторону? Но явно, что собою загадочно показываетъ этотъ путническій по наружности нарядъ. Ибо прямо повелѣваетъ познать здѣшнюю жизнь,—то, что, какъ путники, проходимъ мы настоящую жизнь, вмѣстѣ съ рожденіемъ по самой необходимости побуждаемые къ исшествію, къ которому надлежитъ имѣть въ готовности и руки и ноги, и всѣмъ прочимъ обезопасить себя на путь.

Чтобы тернія этой жизни (а тернія сіи — грѣхи) не уязвили босыхъ и ничѣмъ не охраненныхъ ногъ, надѣнемъ на ноги жесткость сапоговъ; а это—воздержная и строгая жизнь, которая сама собою сокрушаетъ и стираетъ острія терній, препятствуетъ грѣху, изъ малаго и незамѣтнаго взявшись начала, проникать до внутренности. Хитонъ, спущенный до ногъ и покрывающій ихъ собою, послужитъ препятствіемъ протекающему путь сей со тщаніемъ; а подъ хитономъ, по связи понятій, да разумѣется у насъ обильное наслажденіе тѣмъ, что наиболѣе цѣнится въ сей жизни, сокращаемое нѣсколько цѣломудреннымъ помысломъ—этимъ поясомъ путника. Что поясъ есть цѣломудріе, свидѣлствуется это тѣмъ способомъ, по какому приводится въ дѣйствіе жизнь. И жезлъ,

защищающій отъ звѣрей, имѣеть значеніе надежды, которою и подкрѣпляемъ душу въ изнеможеніи, и отражаемъ отъ себя оскорбительное. Подъ снѣдію же, предлагаемою намъ прямо съ огня (Исх. 12, 8.), разумѣю ту горячую и пламенѣющую вѣру, которую приедемъ безъ замедленія, и которой вкусивъ, сколько съ перваго раза принято ядущимъ, все сокровенное въ сихъ твердыхъ и неразлагаемыхъ понятіяхъ и глаголахъ оставляемъ безъ пытливости и развѣдыванія, предавая таковую пищу огню.

Въ уясненіе сихъ гаданій скажемъ то, что тѣ божественныя заповѣди, которыхъ смыслъ съ перваго взгляда удобопонятенъ, надлежитъ исполнять не лѣнливо и не принужденно, но подобно алчущимъ, съ желаніемъ насытиться предлагаемымъ, чтобы пища сія послужила для насъ напутіемъ къ здоровію. А какія понятія сокровенны (на примѣръ: что такое сущность Божія? что было до сотворенія? что внѣ видимого? какая была нужда въ сотворенномъ? — и все подобное, изслѣдованіемъ чего занимается одно любопытство), о семъ не разыскивать должно, но познаніе сего предоставитъ единому Святому Духу, испытующему, какъ говоритъ Апостолъ, *лубины Божія* (1 Кор. 2, 10.). Ибо, что въ Писаніи вмѣсто Духа многократно упоминается и именуется огонь, извѣстно это каждому, кто изучалъ Писаніе. Къ та-

ковой же мысли приводитъ насъ и наставленіе премудрости: *крѣпильшихъ себе не испытуи* (Спр. 3, 21.), т. е. не сокрушай костей слова, потому что нѣтъ тебѣ потребности въ сокровенномъ.

Такъ Моисей силою изводитъ народъ изъ Египта: и всякій идущій по слѣдамъ Моисея тѣмъ же образомъ освободитъ отъ египетскаго мучительства всѣхъ, къмъ только руководитъ его слово. Но слѣдующимъ за симъ вождемъ къ добродѣтели, думаю, не должно быть скудными въ египетскомъ богатствѣ и нестяжателями иноплеменныхъ драгоценностей; но, взявъ у противниковъ всю собственность, надлежитъ имѣть это у себя, какъ заемъ; что сдѣлать народу и повелѣвается тогда Моисеемъ. Не одобрить законодателя рѣшенія, кто по первому взгляду пойметъ сіе такъ, что будто бы Моисей велитъ давшихъ въ заемъ лишитъ собственности, и дѣлается наставникомъ несправедливости. Но никто и не скажетъ, что законодатель дѣйствительно отдалъ такое приказаніе, имѣя въ виду послѣдующіе законы, рѣшительно воспрещающіе всякую обиду ближнему, хотя инымъ и кажется сираведливымъ дѣломъ, что Израильтяне симъ примышленіемъ взяли съ Египтянъ заслуженную плату: ибо вина не меньше, если такой приказъ не чистъ отъ лжи и обмана. Кто взялъ что нибудь взаемъ, и не отдаетъ опять за-

имодавцу, если это чужое, поступает несправедливо, какъ отнявшій собственность. Если же завладѣтъ и своимъ, но обманувъ займодавца надеждою получить назадъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ названъ обманщикомъ. Посему того смысла, какой представляется съ перваго взгляду, приличнѣе понятіе высшее, повелѣвающее добродѣтельно ведущимъ свободную жизнь заготовлять богатство внѣшняго образованія, которымъ украшаются иноплеменники по вѣрѣ. Ибо нравственную и естественную философію, геометрію и астрономію, и словесныя произведенія, и все, что уважается пребывающими внѣ Церкви, наставникъ добродѣтели повелѣваетъ, взявъ въ видѣ займа у богатыхъ подобнымъ сему въ Египтѣ, хранить у себя, чтобы употребить въ дѣло при времени, когда должно будетъ божественный храмъ таинства украсить словеснымъ богатствомъ. Такъ собирающіе себѣ таковое богатство, каждый отъ себя приносятъ оное Моисею, трудящемуся надъ скиніею свидѣнія, удѣляя на устроеніе святыни. Это, какъ можно видѣть, дѣлается и нынѣ. Многіе внѣшнюю ученость, какъ нѣкій даръ, приносятъ Церкви Божіей. Таковъ и были великій Василій, прекрасно во время юности купившій египетское богатство, принесшій его въ даръ Богу, и таковымъ богатствомъ украсившій истинную скинію Церкви.

Но возвратиться должно къ тому, съ чего мы начали. Тѣхъ, которые обратили уже взоръ къ добродѣтели, и въ жизни послѣдуютъ законодателью, когда оставлятъ они ^{пределы} ~~(пределы египетскаго владычества,)~~ сопровождаютъ какія-то прираженія искушеній, причиняющимъ затрудненія, страхованія и крайнія опасности, которыми приводимый въ боязнь умъ не утвердившихся еще въ вѣрѣ впадаетъ въ совершенное отчаяніе сподобиться благъ. Но если будетъ Моисей, или кто изъ подобныхъ ему вождей народа; то онъ противопоставитъ страху совѣтъ, уstraшенный умъ ободряя упованіемъ на божественную помощь, чего, впрочемъ, не было бы, если бы сердце предстоящаго не возглаголало къ Богу. Ибо многіе изъ поставленныхъ на таковое предстояние заботятся только о внѣшнемъ, чтобы оно было въ хорошемъ положеніи, а о сокровенномъ, что видимо одному Богу, мало у нихъ попеченія. Не такъ было у Моисея; въ чемъ онъ повелѣваетъ Израильтянамъ благодушествовать, не произнося, по видимому, никакого гласа къ Богу, о томъ вопіетъ, какъ свидѣтельствуешь о семъ Самъ Богъ, научая, думаю, словомъ симъ и насъ, что благозвученъ и доходитъ до Божія слуха оный именно гласъ,—не вопль, съ напряженіемъ издаваемый, но помышленіе, возсылаемое отъ чистой совѣсти.

А кто таковъ, тому для помощи въ закон-

ныхъ борьбахъ малымъ уже оказывается братъ, — тотъ именно братъ, по Божіей волѣ срътившій Моисея идущаго къ Египтянамъ, котораго слово сіе представило въ чинѣ Ангела. Напротивъ того бываетъ тогда явленіе превысшаго Естества, открывающее Себя въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ вмѣстить естество приѣмлющее. Что такъ было тогда, слышимъ это изъ исторій, и что такъ бываетъ всегда, познаемъ умнымъ воззрѣніемъ. Ибо, когда побѣжитъ кто отъ царя египетскаго, и виѣ уже его предѣловъ убоится прираженія искушеній; тогда вождь указываетъ ему неожиданное спасеніе свыше. Когда окружающій преслѣдуемаго силою своею врагъ по необходимости дѣлаетъ для него проходимымъ море, къ которому ведетъ ^{Лавъ 6: 21, 22} вождь — облако (вотъ имя вождю, какое бывшими прежде насъ прекрасно принято въ значеніе благодати Святаго Духа); тогда симъ-то вождемъ совершается путеводительство достойныхъ къ добру. Кто ему послѣдуетъ, тотъ переходитъ чрезъ воду въ слѣдъ за шествующимъ по морю вождемъ, которымъ даруется безопасность въ свободѣ, по уничтоженіи въ водѣ преслѣдовавшаго въ рабствѣ

Ибо кто не знаетъ, что египетское воинство — наши многообразныя душевныя страсти, которыми порабощается человѣкъ? Это — кони, это колесницы и всадники на нихъ, стрѣлки, пращники, тяжело вооруженные, и

прочее множество вражеской дружины. Ибо скажетъ ли кто, что раздражительные помыслы или стремленія къ удовольствію, къ печали, къ любостыжательности, отличаются чѣмъ либо отъ упомянутаго воинства? Злословіе — вотъ камень, прямо пущенный изъ пращи; порывъ раздражительности—вотъ копье, потрясающее остріемъ; а страсть къ удовольствіямъ будемъ представлять себѣ конями, съ неудержимымъ какимъ-то порывомъ влекущими за собою колесницу и трехъ всадниковъ въ ней, которыхъ именуетъ исторія *тристатани*.

Подъ сими тремя несущимися на колесницѣ, научившись предварительно таинственному значенію подвоевъ и прага, уразумѣешь, конечно, тречастное раздѣленіе души, возводя понятие къ разумному, вождемѣвательному и раздражительному въ душѣ. Итакъ все это и все единоплеменное съ симъ вмѣстѣ съ вождемъ лукаваго нашествія впадаетъ за Израильяниномъ въ воду. Съ сего времени ^{св. Кр.} естество воды, подъ водительствомъ вѣры въ жезлъ и освѣщающаго облака, дѣлается животворнымъ для прибѣгающихъ къ водѣ, и мертвящимъ для гонителей.

Сверхъ сего исторія научаетъ симъ, какими надлежитъ быть проходящимъ чрезъ воду, именно, по исшествіи изъ воды ничего не привлекающимъ за собою изъ сопротивнаго воинства. Ибо если выйдетъ съ кѣмъ врагъ,

то и послѣ воды остается онъ въ рабствѣ, извлеки живымъ мучителя, котораго не потопилъ въ глубинѣ. А этимъ (чтобы уяснить кому для себя сіе гаданіе, раскрывъ его вполне) означается, что всѣ преходящіе чрезъ таинственную воду въ крещеніи должны умертвить въ водѣ все полчище грѣха; какъ-то: любостыжательность, безчинное пожеланіе, хищнической замысль, страсть кичливости и гордыни, вспыльчивость, гнѣвъ, мстительность, зависть, ненависть; такъ какъ страстямъ нѣкоторымъ образомъ обычно слѣдовать за естествомъ человѣческимъ, должны они умертвить въ водѣ все сіе и подобное сему, а равно и самыя порочныя движенія мысли и ихъ послѣдствія, какъ въ таинствѣ пасхи, ибо это—имя той жертвы, кровь которой для воспользовавшагося ею дѣлается возбраненіемъ смерти. Посему, какъ тамъ законъ повелѣваетъ ѣсть хлѣбъ прѣсный—пасху (а опрѣснокъ готовится безъ примѣси старой закваски), и симъ даетъ разумѣть, что пресѣкшему непрерывное послѣдованіе вѣдѣніи претѣненіемъ на лучшее должно уже къ послѣдующей жизни не примѣшивать никакого остатка грѣха, но положить послѣ сего особое начало жизни; такъ и здѣсь требуется, чтобы въ спасительномъ крещеніи, какъ бы въ нѣкоей глубинѣ, потопивъ всякое египетское лице, то есть, всякій видъ грѣха, исходили мы одни, не вовлекая въ

жизнь ничего иноплеменного. Ибо сіе-то самое узнаемъ изъ исторіи, которая говоритъ, что въ одной и той же водѣ жизнь и смерть различаются враждебное и дружественное, враждебное предается тлѣнію, а дружественное оживотворяется. Такъ многіе изъ принявшихъ таинственное крещеніе, по незнанію законныхъ предписаній, предшествовавшую въ жизни закваску порока примѣшиваютъ къ жизни по крещеніи, и послѣ того, какъ прешли воду, своими начинаніями вмѣстѣ съ собою изводятъ живымъ и египетское воинство. Ибо иный прежде дара крещенія обогатился хищничествомъ и неправдою, или клятвопреступленіемъ пріобрѣлъ что либо во владѣніе, или прелюбодѣйно жилъ съ женою, или отваживался въ жизни на иное что либо непозволительное, и думаетъ, что и послѣ купели, продолжая наслажденіе добытымъ прежде, свободенъ отъ грѣховнаго рабства, какъ не усматривающій, что покоренъ лукавымъ властителямъ. Ибо свирѣпый и неистовый властелинъ — страсть непотребства, удовольствіями, какъ бичами какими, терзающая раболѣпный помыслъ. Другой подобный властелинъ — любостыжательность, не дающая никакого покоя своему служителю, который, чѣмъ больше работаетъ, услуживая велѣніямъ владыки и пріобрѣтая по его пожеланіямъ, тѣмъ къ большому всегда понуждается труду. И все иное, что дѣлается

ради грѣха, принадлежить къ числу мучителей и властителей; и если кто служить имъ, то, хотябы прешель онъ чрезъ воду, по моему мнѣнію, еще не коснулся воды таинственной, которой свойственно истреблять лукавыхъ мучителей.

Но обратимся опять къ тому, что слѣдуетъ въ словѣ. Кто прешель разумѣемое нами море, и видитъ въ немъ мертвымъ этого умопредставляемаго Египтянина, тотъ не только обращаетъ взоры къ Моисею, этому жезлоносцу добродѣтели, но преимущественно вѣруетъ Богу, какъ говоритъ слово повѣствованія, покорствууетъ же и *уоднику* Ею Моисею (Исх. 14, 31.). Это, какъ видимъ, бываетъ и нынѣ съ истинно прешедшими воду: они, предавъ себя самихъ Богу, повинуются и покарются, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 13, 17.), служащимъ Божеству въ священствѣ.

За симъ слѣдуетъ трехдневный отъ моря путь; и на ономъ, когда на нѣкоемъ мѣстѣ расположились станомъ, найденная вода сперва оказалась негодною къ питію по причинѣ горечи; но вложенное древо сдѣлало ее пріятнымъ для жаждущихъ питіемъ. Сказаніе сіе сообразно съ ходомъ дѣлъ. Оставившему египетскія удовольствія, которымъ служилъ онъ до перелома чрезъ море, удаленная отъ удовольствій жизнь кажется сперва трудною и непріятною, но, если вложено будетъ въ воду древо, то

есть, если кто приметъ таинство воскресенія, которому начало положено древомъ (слыша же о деревѣ, конечно, будешь разумѣть крестъ); то всякой сладости, удовольствіемъ исполняющей чувство, дѣлается тогда слаще и удобопіемѣ добродѣтельная жизнь, услаждаемая надеждою будущаго.

Мѣсто остановки въ дальнѣйшемъ путешествіи, украшенное финиковыми деревьями и источниками, упокоеваетъ утомленныхъ путниковъ. Двѣнадцать тамъ источниковъ водныхъ, текущихъ чистой и сладкой струей; и семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ величественныхъ, сѣннолиственныхъ, съ годами достигшихъ высокаго роста. Чтоже находимъ въ этомъ по послѣдовательному порядку исторіи? То, что таинство древа, которымъ вода добродѣтели дѣлается удобопіемою для жаждущихъ, приводитъ насъ къ двѣнадцати источникамъ и семидесяти финиковымъ деревьямъ, то есть, къ евангельскому ученію, въ которомъ двѣнадцатью источниками служатъ Апостолы. Такое число на сію потребность избралъ Господь и содѣлалъ, что чрезъ нихъ истекаетъ слово, какъ и одинъ изъ Пророковъ предвозвѣстилъ объ источающейся отъ Апостоловъ благодати, когда говоритъ: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (Пс. 67, 27.). А семидесятью финиковыми деревьями пусть будутъ, кромѣ двѣнадцати учениковъ,

для цѣлой вселенной поставленные Апостолы, которыхъ столько же было числомъ, сколько, по сказанію исторіи, и финиковыхъ деревьевъ.

Но въ путешествіи семъ надлежитъ, думаю, поспѣшить словомъ; потому что изъ немногаго, нами примѣнительно представленнаго для трудолюбивыхъ, легко составить свой взглядъ и на прочіе станы. А станы сіи суть тѣ добродѣтели, въ которыхъ слѣдующій за столпомъ облачнымъ народъ, идя впередъ, какъ бы располагается станомъ и упокоевается. Посему, миновавъ въ словѣ средніе станы, напомнимъ о чудотвореніи при камнѣ, котораго упорное и твердое естество содѣлалось пиіемъ для жаждущихъ, по разрѣшеніи упорства въ мягкость воды. Но нѣтъ никакого труда послѣдовательность исторіи приспособить къ высшему взгляду. Кто Египтянина оставилъ мертвымъ въ водѣ, самъ^{се} услажденъ древомъ, напоенъ апостольскими источниками, и упоковался подъ тѣнію финиковыхъ деревьевъ, тотъ дѣлается уже способнымъ принять Самаго Бога. Ибо камень, какъ говоритъ Апостолъ, есть Христосъ (1 Кор. 10. 4.), для невѣрныхъ сухой и упорный, а какъ скоро приложить кто жезлъ вѣры, дѣлающійся удобопіемымъ для жаждущихъ и текущимъ внутрь пріемлющихъ Его: Я и Отецъ Мой, говоритъ Онъ, *придемъ и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. 14. 23.).

Но достойно также не быть оставленнымъ безъ особаго вниманія и то, что по переходѣ

чрезъ море послѣ того, какъ услаждена вода путникамъ добродѣтели, послѣ пріятнаго пребыванія при источникахъ и финиковыхъ деревьяхъ, и послѣ питія изъ камня, тогда только дѣлается совершенное истощаніе египетскихъ путевыхъ запасовъ. И такимъ образомъ, когда не осталось у нихъ никакой иноплеменной пищи, взятой изъ Египта, свыше истекаетъ пища, какая-то вмѣстѣ разнообразная и однообразная; ибо по видимости была она однообразна, но въ качествѣ имѣла разнообразіе, для каждого дѣлаясь сообразною роду его пожеланія. Чему же симъ научаемся? Тому, сколькими очистительными средствами надлежитъ очищать себя человѣку отъ египетской и иноплеменной жизни, чтобы влагалище души своей содѣлать пустымъ отъ всякой грѣховной пищи, какую уготовляютъ Египтяне, и потомъ уже чистою душею принимать въ себя свыше сходящую пищу, которую не сѣяніе при помощи земледѣлія произрастило намъ, но которая есть готовый несѣянный и не ораный хлѣбъ, сходящій свыше, обрѣтаемый же на землѣ.

По загадочному смыслу исторіи, безъ сомнѣнія, уразумѣешь сіе истинное *брашно* (Іоан. 6, 55.). а именно, что *хлѣбъ сходяй съ небесе* (33) не есть что либо не тѣлесное.¹ Ибо нетѣлесное какъ будетъ пищею тѣлу? А нетѣлесное, безъ сомнѣнія, не есть тѣло. Тѣло же

хлѣба сего не воздѣлывало ни ораніе, ни сѣяніе; но земля, оставаясь такою, какова она есть, оказывается исполненною сей Божественной пищи, которой причащаются алчущіе, симъ чудотвореніемъ предварительно научаемые таинству Дѣвы. Посему невоздѣланный сей хлѣбъ есть и Слово, при разнообразіи качества измѣняющее силу свою соотвѣтственно способности ядущихъ; ибо не только можетъ быть хлѣбомъ, но содѣлывается и млеко, и мясомъ, и овощемъ и всѣмъ, что есть только пригоднаго и нравящагося изъ предложеннаго въ пищу, какъ учить предложившій намъ, ученикамъ своимъ таковую трапезу, божественный Апостолъ Павелъ, который слово свое обращаетъ для болѣе совершенныхъ въ твердую и плотную пищу, и для изнемогающихъ въ зеліе, для младенчествующихъ же въ млеко (1 Кор. 3, 2.).

А тѣ чудеса, какія повѣтствуетъ о сей пищѣ исторія, служатъ уроками для жизни добродѣтельной. Ибо говоритъ она, что всѣмъ предлагалась равная доля пищи, не по различію силы собирающихъ, не избыточествовала сверхъ потребности, и не имѣла недостатка (Исх. 16, 18.). А это, по моему разсужденію, есть совѣтъ, вообще предлагаемый всѣмъ, добывающимъ вещественныя средства къ поддержанію жизни, — не переступать предѣловъ потребности, но хорошо знать, что въ дѣлѣ

пропитанія для всего одна мѣра — дневное продовольствіе. Если приготовлено во много кратъ больше потребности, чреву не свойственно преступить собственную свою мѣру, и оно не расширяется по мѣрѣ избытка припасовъ; но, какъ говоритъ исторія, *непреизбыточествова уже много пріятѣ*; потому что негдѣ было положить излишнее, *и уже мало, неменьѣ пріятѣ* (Исх. 16, 18.); потому что потребность удовлетворялась соразмѣрно съ найденнымъ. А тѣмъ, что у скрывающихъ излишнее, избытокъ превращается въ червей, слово сіе нѣкоторымъ образомъ громко вопіетъ *любостязательнымъ*, что все, удерживаемое сверхъ потребности, по этому любостязательному вождѣлѣнію на слѣдующій день, то есть, въ ожидаемой жизни, для сокрывавшаго это дѣлается червемъ. Но кто слышитъ о червѣ семъ, тотъ, конечно, пойметъ сіе о червѣ не умирающемъ, которому даетъ жизнь любостязательность.

А то, что отложенное только на субботу оставалось цѣлымъ, не подвергаясь никакой порчѣ, заключаетъ въ себѣ такой нѣкій совѣтъ: тогда полезно для тебя любостязательное произволеніе, когда собираемое не терпитъ порчи; тогда полезно для насъ дѣлаемое, когда, прешедши пятокъ сея жизни, по смерти будемъ въ бездѣйствіи: ибо день предшествующій субботѣ есть и именуется *приготовле-*

ніе (пяткомъ) къ субботѣ; а это есть настоящая жизнь, въ которую заготовляемъ себѣ нужное для жизни грядущей. Въ ней не совершается ни одного изъ дѣлъ, дозволенныхъ намъ нынѣ, ни земледѣлія, ни торговли, ни военной службы, ни чего либо инаго, озабочивающаго насъ здѣсь, даже и вовсе ничего; но живя въ совершенномъ покоѣ отъ таковыхъ дѣлъ, будемъ собирать тамъ плоды сѣмянъ, посѣянныхъ нами нынѣ въ настоящей жизни, — и плоды нетлѣнные, если сѣмена настоящей жизни добрыя, — тлѣнные же и гибнущіе, если таковыми произрастятъ ихъ намъ дѣланіе сей жизни. Ибо сказано: *спяй въ духа, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный; а спяй въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. 6, 8.). Но одно уготовленіе къ лучшему, въ собственномъ смыслѣ, именуется пяткомъ; почему постановляется онъ закономъ; и отложенное при ономъ есть нетлѣніе. Но разумѣемое въ противномъ смыслѣ должно быть наименовано не пяткомъ, а превращеніемъ пятка. Потому-то одинъ только пятокъ, служащій къ преслѣванію, узаконяетъ людямъ исторія, о противоположномъ же смысленнымъ даетъ разумѣть самымъ умолчаніемъ.

Но какъ при воинскихъ наборахъ предводитель воинства сперва обращаетъ вниманіе на заготовленіе съѣстныхъ припасовъ, и потомъ уже даетъ знакъ выходить на войну: такимъ же образомъ и войны добродѣтели, принявъ за-

пасъ таинственной снѣди, потомъ уже начинають брань съ иноплеменниками. предводителемъ въ битвѣ имѣя преемника Моисеева Исуса. Примѣчаешь ли, какъ послѣдовательно идетъ слово? Пока человѣкъ, угнетенный лукавымъ мучительствомъ, еще немощенъ, не мститъ врагу самъ собою; потому, что не въ силахъ; но другой сражается за немощныхъ, и наноситъ врагу ударъ за ударомъ. Когда же освободится отъ рабства преобладающимъ, усладится древомъ, упокоится отъ трудовъ въ пристанищѣ подъ финиковыми деревьями, познаетъ таинство камня и пріобщится небесной пищи; тогда уже, не чужею рукою мститъ неприятелю, но, какъ бы вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, и достигнувъ цвѣтущей юности, самъ собою вступаетъ въ борьбу съ противникомъ, имѣя военачальникомъ, не Моисея,—служителя Божія, но Самаго Бога, у Котораго Моисей былъ служителемъ. Ибо законъ, данный въ началѣ въ образъ и сѣнь грядущаго, не остается ратоборствующимъ въ дѣйствительныхъ борьбахъ,—военачальствуетъ же исполнитель закона и преемникъ Моисеевъ, предвозвѣщаемый соименностію тогдашняго военачальника.

А народъ, если видитъ руки законодателя воздѣтыми, беретъ въ битвѣ верхъ надъ врагомъ: если же видитъ опущенными, уступаетъ врагу. И воздѣяніе Моисеевыхъ рукъ озна-

часть взглядъ на законъ съ понятіями самыми высокими, а преклоненіе къ землѣ — низкое, по землѣ пресмыкающееся, истолкованіе и наблюденіе закона по его буквѣ. Отягчавшія руки Моисеевы поддерживаетъ священникъ, употребляя содѣйственникомъ близкаго ему по роду. И это не внѣ связи съ разсмотрѣннымъ; потому что истинное священство, по причинѣ соединеннаго съ нимъ Божія слова, тяготою іудейскаго смысла до земли униженную дѣйственность закона снова возводитъ на высоту, и упдающій законъ подпираетъ камнемъ, чтобы онъ, возставъ, подъ образомъ воздѣянія рукъ, показывалъ взирающимъ свою цѣль. Ибо дѣйствительно способными сіе видѣть въ законѣ наипаче усматривается таинство креста. Посему говоритъ гдѣ-то Евангеліе, что *отъ закона* іота и черта не переходятъ (Матѣ. 5, 18.), означая въ сказанномъ двѣ черты, одну поперегъ и другую сверху въ низъ, которыми пишется образъ креста, что было видимо тогда и въ Моисеѣ, который разумѣется здѣсь вмѣсто закона, и для взирающихъ на него служить причиною торжества и побѣды.

Послѣдовательнымъ опять нѣкимъ восхожденіемъ слово руководствуетъ мысль нашу на высоты добродѣтели. Ибо кто подкрѣпился въ силахъ пищею, показалъ эту силу въ борьбѣ съ противниками и оказался побѣдителемъ надъ противоборствующими, тотъ возводится тогда

къ таинственному оному боговѣдѣнію. А симъ научаетъ насъ слово, въ чемъ и сколько надлежитъ преуспѣть по жизни, чтобы осмѣлиться потомъ приступить мыслію къ горѣ боговѣдѣнія, услышать гласъ трубъ, войти во мракъ, гдѣ Самъ Богъ, и начертать на скрижаляхъ Божественныя писмена,—и если онѣ сокрушатся по чьему либо прегрѣшенію, снова представить Богу руками истесанныя скрижали, и чтобы на нихъ Божественнымъ перстомъ начертались писмена, не приведенныя въ исполненіе на первыхъ.

Но лучше будетъ послѣдовательно по порядку самой исторіи приспособить смыслъ ея къ высшему разумѣнію. Когда, кто, взирая на Моисея и на облако (которые оба путеводятъ идущихъ стезею добродѣтели, и Моисей при этомъ замѣняетъ законныя прѣписанія, а облако—предводителя въ законѣ), умомъ достигшимъ чистоты, въ прехожденіи чрезъ воду, убивъ и отдѣливъ отъ себя иноплеменника; вкусить Мерры, то есть, жизни, удаленной отъ удовольствій, которая на первый разъ кажется вкушающимъ горькою и противною, а въ пріяхшихъ древо производитъ сладостное ощущеніе; и потомъ насладившись красотами евангельскихъ финиковыхъ деревь и источниковъ, исполнившись живою водою, которая есть камень, принявъ въ себя небесный хлѣбъ, и показавъ свое мужество надъ иноплеменни-

ками, при чемъ причиною побѣды служить воздѣяніе рукъ законодателя, предугазующее собою таинство креста: тогда возводится онъ къ созерцанію превѣснаго Естества. Путемъ же къ таковому вѣдѣнію бываетъ для него чистота, не только тѣла, очищаемаго какими либо окропленіями, но и одеждъ, измovenныхъ водою отъ всякой нечистоты. А сіе значитъ, что намѣревающемуся приступить къ созерцанію всего сущаго, должно очистить себя во всемъ, быть чистымъ и несквернымъ по душѣ и по тѣлу, омывшимъ съ себя нечистоту соотвѣтственно душѣ и тѣлу,—чтобы могли мы оказаться чистыми предъ Тѣмъ, Кто видитъ сокровенное, и чтобы благоприличіе въ видимомъ сообразно было внутреннему расположенію души. Посему-то предъ восхожденіемъ на гору, по Божію повелѣнію, измываются *риз*ы (Исх. 19, 10.), и ризами гадательно означаетъ благоприличная наружность жизни. Ибо никто не скажетъ, что эта чувственная нечистота ризъ для восходящихъ къ Богу бываетъ препятствіемъ къ сему восхожденію; напротивъ того думаю, что ризами прекрасно именуется вся наружность житейскихъ занятій. Исправивъ это, и какъ можно дальше, отогнавъ отъ горы стадо безсловесныхъ, приступаетъ потомъ чловѣкъ къ восхожденію до высокихъ понятій. А что ни одному безсловесному не дозволяется являться

у горы, это, по моему предположенію, значить, что въ созерцаніи умопредставляемаго превышаетъ знаніе, доставляемое чувствомъ. Ибо природѣ безсловесныхъ свойственно распорядиться по одному чувству безъ участія ума; ими руководить зрѣніе: нерѣдко и слухъ приводитъ въ стремленіе къ чему нибудь, и все иное, отъ чего чувство приходитъ въ дѣятельность, имѣетъ великую силу въ безсловесныхъ. Созерцаніе же Бога совершается не по видимому, и не по слышимому, и никакимъ изъ обыкновенныхъ понятій не объемлется; ибо сего, *око не видѣ*, и *ухо не слыша*, и это не есть что либо изъ входящаго обыкновенно *на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9.). Напротивъ того, намѣревающемуся приступить къ уразумѣнію высокаго, надлежитъ предпочесть нравъ свой отъ всякаго чувственного и безсловеснаго движенія, омывъ умъ отъ всякаго мнѣнія, составляемаго по какому либо предположенію, и отлучивъ себя отъ привычнаго собесѣдованія съ своею сожительницею, то есть, съ чувственностію (она есть какъ бы супруга и сожительница нашей природы); и когда станетъ кто чистъ отъ всего этого, тогда уже осмѣливаться ему приступить къ горѣ.

Подлинно крутая и неприступная гора — богословіе, и къ подгорію его едва подходитъ большая часть людей; развѣ кто Моисей, и

при восхожденіи будетъ вмѣщать въ слухъ звуки трубъ, которые, по точному слову исторіи, по мѣрѣ восхожденія дѣлаются еще болѣе крѣпкими (Исх. 19, 19.). А проповѣдь о Божіемъ естествѣ дѣйствительно есть труба, поражающая слухъ; велико открываемое съ перваго раза, но больше и важнѣе достигающее до слуха напоследокъ. Законъ и Пророки вострубили о Божественной тайнѣ домостроительства о человѣкѣ: но первые гласы слабы были для того, чтобы достигнуть до непокорнаго слуха; и потому отяжелѣвшій слухъ Іудеевъ не принялъ гласа трубъ. Но съ продолженіемъ времени трубы, какъ говоритъ Писаніе, содѣлались болѣе крѣпкими; потому что послѣдніе звуки, изданные евангельскою проповѣдію, достигли слуха. Такъ Духъ въ послѣдствіи громче звучалъ въ своихъ орудіяхъ, и звукъ дѣлался болѣе напряженнымъ. Орудія же, издававшія одинъ духовный звукъ, были Пророки и Апостолы, отъ которыхъ, какъ говоритъ псалмопѣніе: *во всю землю изыде въцаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18. 5.).

Если же множество не вмѣщаетъ сходящаго свыше гласа, но предоставляетъ самому Моисею узнать тайны и преподать народу ученіе какое дознае тѣонъ по наставленію свыше: то это введено и въ церкви. Не всѣ сами собою доходятъ до уразумѣнія тайнъ, но, избравъ изъ себя способнаго вмѣстить божественное,

съ благопризнательностію преклоняють предъ нимъ слухъ, почитая вѣрнымъ все, что слышать отъ сего посвященнаго въ божественныя тайны. Ибо не всѣ, какъ сказано, Апостолы, не всѣ Пророки (1 Кор. 12, 29.). Но не во многихъ церквахъ соблюдается сіе нынѣ. Ибо многіе, имѣющіе еще нужду въ очищеніи отъ сдѣланнаго въ прежней жизни, какіе-то не омытые, оскверненные житейскими привязанностями, прикрываясь своимъ неразумнымъ чувствомъ, осмѣливаются на божественное восхожденіе, гдѣ приводятся въ колебаніе собственными своими помыслами; потому что еретическія мнѣнія дѣлаются какими-то камнями, совершенно погребаящими подъ собою самаго изобрѣтателя худыхъ ученій.

Что же означается тѣмъ, что Моисей пребываетъ во мракѣ, и въ немъ только видитъ Бога? Ибо повѣствуемое нынѣ кажется нѣсколько противоположнымъ первому богоявленію. Тогда Божество видимо было во свѣтѣ, а теперь—во мракѣ. И этого не почитаемъ выходящимъ изъ ряда представляющагося вышшему нашему взгляду. Учитъ же симъ слово, что вѣдѣніе благочестія въ первый разъ бываетъ свѣтомъ для тѣхъ, въ комъ появляется. Почему представляемое въ умѣ противоположно благочестію есть тма, а отвращеніе отъ тмы дѣлается причастіемъ свѣта. Умъ же, простираясь далѣе, съ большею и совершеннѣйшею

всегда внимательностію углубляясь въ уразумѣніе истинно постижимаго, чѣмъ паче приближается къ созерцанію, тѣмъ болѣе усматриваетъ несозерцаемость Божественнаго естества. Ибо оставивъ все видимое, не только, что воспріемлетъ чувство, но и что видитъ, кажется, разумъ, непрестанно идетъ къ болѣе внутреннему, пока пытливостію разума не проникнетъ въ незримое и непостижимое, и тамъ не увидитъ Бога. Ибо въ этомъ истинное познаніе искомаго; въ томъ и познаніе наше, что не знаемъ, потому что искомое выше всякаго познанія, какъ бы нѣкимъ мракомъ, объято отвсюду непосижимостію. Посему, и возвышенный Іоаннъ, бывшій въ семъ свѣтозарномъ мракѣ, говоритъ: *Бога никтоже видѣ надѣ же* (Іоан. 1, 18.), рѣшительно утверждая сими словами, что не людямъ только, но и всякому разумному естеству, недоступно вѣдѣніе Божіей сущности. Посему Моисей, когда сталъ выше вѣдѣніемъ, тогда исповѣдуетъ, что видитъ Бога во мракѣ, то есть, тогда познаетъ, что Божество въ самомъ естествѣ Своемъ то самое и есть, что выше всякаго вѣдѣнія и постиженія. Ибо сказано: *вииде Моисей во мракѣ, идѣ же бляше Богъ* (Исх. 20, 21.). Кто же Богъ? Тотъ, Кто *положи тму закровъ Свой* (Пс. 17, 12.), какъ говоритъ Давидъ. Въ этомъ мракѣ и посвященный въ тайны.

Но бывшій тамъ, чему предварительно на-

ставленъ былъ мракомъ, тому снова обучается мракомъ же, чтобы, какъ думаю, для насъ стало тверже это ученіе, засвидѣтельствованное Божиимъ гласомъ. Ибо слово Божіе, во-первыхъ запрещаетъ людямъ уподоблять Божество чему либо познаваемому (Исх. 20, 4.); такъ какъ всякое понятіе, согласно съ какимъ либо удобопостижимымъ представленіемъ составляемое по нѣкому естественному уразумѣнію и предположенію, созидаетъ Божій кумиръ, а не возвѣщаетъ о Самомъ Богѣ. Но добродѣтель по благочестію дѣлится на два вида, относясь частію къ Божеству, а частію къ преспѣванію нравовъ; потому что и чистота нрава есть часть благочестія. Посему, дознавъ во-первыхъ, что надлежало познать о Богѣ (а познаніемъ было не знать о Богѣ ничего, познаваемого человѣческимъ разумѣніемъ), потомъ научается Моисей и второму виду добродѣтели, дознавъ, какими упражненіями достигаемъ преспѣванія въ добродѣтельной жизни.

Послѣ сего Моисей вводится въ нерукотворенную скинію. Кто же послѣдуетъ за нимъ, когда входитъ онъ въ таковыя тайны и столько возвышается умомъ? Тотъ, кто, какъ бы ступая съ вершины на вершину, восхожденіемъ на высоты непрестанно становится выше и выше себя самага. Такъ Моисей, сперва оставляетъ подгоріе, отдѣлившись отъ всѣхъ оказав-

шихся немощными къ восхожденію. Потомъ приѣмлетъ слухомъ гласы трубъ, возносясь на высоту восхожденія. При семъ проникаетъ въ невидимое святилище боговѣдѣнія, и даже въ немъ не останавливается: но переходитъ въ нерукотворенную скинію: ибо въ этомъ встрѣчаетъ дѣйствительно предѣлъ и самъ возвысившійся таковыми восхожденіями. Мнѣ кажется, что и въ другомъ смыслѣ небесная труба дѣлается учителемъ для восходящаго къ нерукотворенному входу. Ибо устройство небесныхъ чудесъ, вызывающее о являемой въ существахъ премудрости и проповѣдующее въ видимомъ великую славу Божию, по сказанному: *небеса поспѣдуютъ славу Божию* (Пс. 18, 2.), по ясности и доброзвучности наставленія само дѣлается велегласною трубою, какъ говоритъ одинъ изъ Пророковъ: вострубилъ Богъ свѣше. А кто очистилъ себя и изострилъ слухъ сердца, тотъ, принявъ сей звукъ, разумѣю производимый обзорѣніемъ существъ, путеводится имъ къ вѣдѣнію Божіей силы, такъ что проникаетъ разумомъ туда, гдѣ Самъ Богъ. Сіе-то въ Писаніи именуется мракомъ, который по толкованію, какъ сказали мы, означаетъ невѣдомое и незримое. Въ немъ-то бывъ Моисей, видитъ нерукотворенную оную скинію, которую показываетъ дольнымъ въ вещественномъ подобіи.

Посему, какая же это нерукотворенная ски-

нія, показуемая Моисею на горѣ? Та, на которую повелѣвается ему взирать, какъ на первообразъ, чтобы рукотвореннымъ устройствомъ ея показать нерукотворенное чудо. Ибо сказано: *виждь, да сотвориши все по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 24, 40.). Эти золотые столпы, утвержденные на серебряныхъ основаніяхъ и съ серебряными также надглавіями; эти еще другіе приличные столпы, у которыхъ надглавія и основанія изъ вещества мѣди и въ серединѣ между концами серебро; нутръ же у всѣхъ столповъ—дерево, не принимающее въ себя гнилости; отъ наружности кругомъ разливается блистаніе таковыхъ веществъ; нѣкій также кивотъ сіяетъ чистымъ золотомъ; и то, на чемъ держится золотой этотъ окладъ — тоже дерево, непринимающее въ себя гнилости. При семъ нѣкій свѣтильникъ, одинъ въ стволу при основаніи, а къ верху дѣлящійся на семь вѣтвей, съ равнымъ числомъ круговъ на вѣтвяхъ. Вещество свѣтильника — золото, въ составѣ его никакой пустоты, ни даже деревянной внутри опоры. Сверхъ сего алтарь, очистилище и, такъ называемые, херувимы, которыхъ крылами осѣняютъ ковчегъ—все это было золото, не на внѣшней только поверхности имѣло доброцвѣтность, но все было цѣльное, одно и тоже вещество простиралось внутрь до самой глубины. Сверхъ того были испещ-

ренныя завѣсы ткатскаго искусства. въ которыхъ разные цвѣты для красоты ткани взаимно были переплетены между собою; сими завѣсами отдѣлялось въ скиніи, и что было видимо и доступно нѣкоторымъ изъ священнодѣйствующихъ, и что для всѣхъ непроницаемо и недоступно; и прежде упомянутой части имя было: *святое*; а сокровенной: *святое святыхъ*. Кромѣ того купели, кадилаики, облаченіе внѣшними опонами, опоны власныя и кожи, окрашенныя въ красный цвѣтъ, — это и все прочее, что Моисей приготовляетъ по Божію слову, какой умъ уразумѣетъ во всей точности? чему нерукотворенному служить сіе подобіемъ? Какую пользу взирающимъ приносить это вещественное подобіе видѣннаго Моисеемъ на горѣ ?

Но хорошо, кажется мнѣ, поступимъ, точное разсужденіе о семъ предоставивъ тѣмъ, которые имѣютъ силу духомъ испытывать глубины Божіи, если только найдется кто либо таковой, что можетъ, какъ сказалъ Апостоль, *духомъ глаголатъ тайны* (1 Кор. 14, 2.). А что о предложенномъ мнѣніи сказано нами по догадкѣ и предположительно, то предоставимъ на судъ читателямъ признать достойнымъ того, чтобы это, или отвергнуть, или принять, какъ принявшій на себя судъ рѣшить своимъ умомъ. Посему, послѣдую Павлу, отчасти раскрывающему въ этомъ тайну, и взявъ для себя въ

сказанномъ хотя малый предлогъ , утверждаемъ, что Мойсей въ образѣ наученъ былъ тайнѣ скинии, объемлющей собою вселенную. Скинія же сія да будетъ Христость, Божія сила и Божія Премудрость; она нерукотворенна по собственному своему естеству, допускаетъ же устроеніе , когда должно стало скинии сей быть водруженною въ насъ; такъ что нѣкоторымъ образомъ она есть и несозданная и созданная; какъ предсуществующая, она не сотворена, а какъ пріившая сей вещественный составъ, стала сотворенною. Сказуемое нами, вѣроятно, не неясно для пріившихъ въ точности таинство нашей вѣры. Ибо единое изъ всего, и чтó было прежде вѣковъ, и чтó произошло напоследокъ вѣковъ, чтó не имѣло нужды во временномъ происхожденіи (какъ имѣть нужду во временномъ рожденіи тому, чтó прежде временъ и вѣковъ?), и ради насъ, по безразсудству растлившихъ бытіе свое , допустило то, чтó пришло въ бытіе, подобно намъ, чтобы ставшее внѣ сущаго снова возвести въ сущее. А это есть едиnorodный Богъ, въ Себѣ все объемлющій, но и въ насъ водружившій Свою скинію.

Еслиже скинією именуется столь великое благо, то нimalo не смущайся, христоробецъ, что заключающаяся въ реченіи выразительность умаляетъ величіе естества Божія ; ибо и никакое другое изъ именъ недостойно есте-

ства, означаемого имъ, но всѣ одинаково ниже
 точнаго значенія, какъ признаваемыя малыми,
 такъ и тѣ, въ которыхъ предположительно
 усматривается нѣкое величіе понятій. Но какъ
 изъ всѣхъ прочихъ именъ каждое въ извѣст-
 номъ значеніи благочестиво употребляется въ
 показаніе Божіей силы;—таковы, напримѣръ,
 имена: врачъ, пастырь, покровитель, хлѣбъ,
 ангелъ, виноградная лоза, путь, дверь, оби-
 тель, вода, камень, источникъ и все иное,
 что говорится о Богѣ: такъ въ нѣкоемъ бого-
 лѣпномъ значеніи именуется Онъ и симъ сло-
 вомъ: скинія. Ибо всеобъемлющая существа
сила, въ которой обитаетъ вся полнота Божес-
 тва, этотъ общій покровъ вселенной, Тотъ,
 Кто все въ Себѣ содержитъ, въ собственномъ
 смыслѣ именуется скиніею.

Необходимо же, чтобы видѣніе было соот-
 вѣтственно имени, и каждая часть видимаго
 руководила къ какому либо взгляду, открыва-
 ющему боголѣпное представленіе. Итакъ, по-
 елику великій Апостолъ говоритъ, что завѣсою
 въ дольней скиніи есть плоть (Евр. 10, 20.),
 говоритъ же, думаю, потому, что составъ ея
 изъ различныхъ четырехъ стихій, и вѣроятно
 самому Апостолу, когда было ему видѣніе ски-
 нии, и восхищенъ онъ былъ въ пренебесныя свя-
 тилища, открыты были духомъ тайны рая: то
 хорошо будетъ обратить вниманіе на сіе ча-
 стное истолкованіе, принаровить къ части и

цѣлый нашъ взглядъ на скинію. Извлечемъ же изъ собственныхъ словъ Апостола объясненіе загадочныхъ представленій о скиніи. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ объ Единородномъ, Котораго разумѣмъ подъ скиніею: *яко Тѣла создана быша всяческая, яже видима, яже невидима, аще престолы, аще власти, аще начала, аще господствія, аще силы* (Колос. 1, 16.). Посему добровидные и златокованные столпы, носила, кольца и эти херувимы, прикрывающіе крылами кивотъ, и все прочее, что заключаетъ въ себѣ описаніе сооруженія скиніи, (если кто, взирая на это, будетъ имѣть высшій взглядъ) суть премѣрныя силы, созерцаемыя въ скиніи, по Божественному изволенію поддерживающія собою вселенную. Тамъ истинныя наши носила, — *посылаемы въ служеніе за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14.), — какъ бы кольцами какими прикрѣпленныя къ спасаемымъ нашимъ душамъ, лежащихъ на землѣ поднимающія на себѣ въ высоту добродѣтели. О Херувимахъ же Писаніе сказавъ, что они крылами покрываютъ таинства, положенныя въ кивотѣ завѣта, подтверждаетъ симъ представленный нами взглядъ на скинію: ибо знаемъ, что сіе имя употребляется о тѣхъ силахъ, окрестъ Божія естества созерцаемыхъ, которыя видѣли умомъ Исаія и Іезекіиль. Да и кивотъ завѣта, покрываемый крылами, да не представляется чѣмъ-то страннымъ для слу-

ха; ибо и у Исаиі дознаемъ подобное сему, загадочно сказанное Пророкомъ о крылахъ. Здѣсь упоминается кивоть, а тамъ лице, но подъ тѣмъ и другимъ одно существо разумѣется, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, и дается намъ понять, что взглядъ на неизреченное недоступенъ. И если слышишь о свѣтильникахъ, раздѣльно держащихся на одномъ свѣщникѣ, чтобы возсіявающій всюду свѣтъ былъ богатъ и обилень; то не погрѣшишь разсуждая, что сей скинии приличны многообразныя облистанія Духа, какъ говоритъ Исаія, различая семь свѣтлостей Духа (Ис. 11, 2.). А очистилище, думаю, не требуетъ и истолкованія, такъ какъ сокровенное его значеніе раскрыто Апостоломъ, который говоритъ: *Елиже предположи Богъ очищеніе* (Рим. 3. 25.) душъ нашихъ. Слыша объ алтарѣ и алтарѣ кадильномъ, представляю мысленно непрестанно совершаемое въ сей скинии поклоненіе пренебесныхъ силъ; ибо сказано, что языкъ, не только земныхъ и преисподнихъ, но и небесныхъ возсылаетъ хвалу Началу всѣхъ: а это есть пріятная Богу жертва, *плодъ устенъ*, какъ говоритъ Апостолъ (Евр. 13, 15.), и благоуханіе молитвъ. Если же въ числѣ прообразованій усматриваемъ окрашенную кожу и волосяныя ткани: то симъ не нарушается неразрывная цѣльность взгляда. Пророческое око, пришедши въ видѣніе Божественнаго, усматриваетъ тамъ предопредѣ-

ленное спасительное страданіе, которое означается тѣмъ и другимъ изъ сказаннаго. Какъ красный цвѣтъ толкуется: кровь; такъ волосы: умерщвленіе; потому что волосъ на тѣлѣ лишенъ ощущенія, почему и служить знакомъ въ собственномъ смыслѣ мертвости.

Итакъ, сіе-то усматриваетъ въ этомъ Пророкъ, когда возводитъ взоръ къ горней скиніи. Если же кто обратитъ взглядъ на дольную скинію; то, поелику у Павла нерѣдко Церковь именуется Христомъ, хорошо сдѣлаетъ, признавъ, что служители Божественнаго таинства, которыхъ Писаніе называетъ столпами Церкви, а также Апостолы, учителя и Пророки, именуются одними и тѣми же именами. Ибо не Петръ только, Іоаннъ и Іаковъ суть столпы Церкви; и не одинъ Іоаннъ Креститель *бѣ свѣтильникъ юря* (Іоан. 5, 35.): но и всѣ послужившіе утвержденіемъ Церкви, и по дѣламъ своимъ содѣлавшіеся свѣтилами, называются и столпами, и свѣтильниками. *Вы есте свѣтъ міра*, говоритъ Господь Апостоламъ (Матѣ. 5, 14.). А Божественный Апостолъ и другимъ еще повелѣваетъ быть столпами, говоря: *тверди бывайте не поступни* (1 Кор. 15, 58.), и Тимофея устроилъ онъ въ прекрасный столпъ, содѣлавъ его, какъ самъ выражается, столпомъ и утвержденіемъ истинной Церкви (1 Тим. 3, 15.). Въ сей скиніи всегда видимы и жертвы хваленія и ѳиміамъ молитвы, приносимыя и утромъ и

вечеромъ. Даетъ же сіе разумѣть великій Давидъ, исправляя въ воню благоуханія предъ Богомъ еиміамъ молитвы, и съ воздѣянiемъ рукъ священнодѣйствуя жертву (Пс. 140, 2.). А кто слышитъ о купеляхъ, тотъ, безъ сомнѣнiя, представитъ въ умѣ таинственной водою омывающихъ скверну грѣховъ: купелію былъ Іоаннъ, во Іорданѣ омывая крещеніемъ покаянiя; купелію былъ Петръ, однажды вдругъ три тысячи приведшій къ водѣ; купелію былъ Филиппъ для евнуха Кандакии. Купелями бываютъ и сообщающіе благодать всѣмъ причащающимся сего дара. Не погрѣшитъ противъ надлежащаго разумѣнiя, кто предположитъ, что *опоны* (Исх. 26, 1.), во взаимномъ между собою соединенiи объемлющія вокругъ скинію, означаютъ исполненное любви и мира единомысліе вѣрующихъ. Ибо такъ истолковалъ Давидъ, который говоритъ: *полагаяй предплы твоя миръ* (Пс. 147, 3.). А *кожа червленая* (14.) и *опоны власяныя* (7.), служащія къ украшенію скиніи, получаютъ сообразное себѣ значеніе, то есть, умерщвленіе грѣховной плоти, загадочно изображенное червеною кожей, и суровый образъ жизни по воздержанію, чѣмъ особенно украшается скинія Церкви, потому что кожи, не имѣющія въ себѣ данной природою жизненной силы, отъ червеной краски дѣлаются благоцвѣтными. А сіе научаетъ насъ тому, что цвѣтущая Духомъ благодать не въ

комъ другомъ бываетъ, а только въ умѣ жившихъ себя грѣху. Если же червленымъ цѣлѣтомъ означаетъ въ словѣ цѣлому чуждая стыдливость, то охотно соглашаюсь на сіе сужденіе. Но сплетеніе волосъ, производя грубую и жесткую для осязанія ткань, даетъ подразумевать суровое воздержаніе, изнуряющее силы неразлучныхъ съ нами страстей: все же подобное сему доказываетъ собою дѣвственная жизнь, изнуряющая плоть живущихъ такъ. Если же внутренность скинии, называемая: святое святыхъ, для многихъ недоступна: то и сего не почитаемъ противорѣчащимъ послѣдовательности нашихъ разумѣній. Ибо истина сущихъ дѣйствительно есть нѣчто святое, даже святое святыхъ, и для многихъ неприкосновенное и непрístupное. Поселику она пребываетъ въ сокровенной и неизглаголанной глубинѣ таинственной скинии, то познанію опервышающихъ понятіе сущихъ надлежитъ быть не пытливымъ. Должно вѣровать, что искомое есть, однакоже не подлежитъ взорамъ всѣхъ, а пребываетъ неизглаголаннымъ въ сокровенныхъ глубинахъ мысли.

Сему и подобному научившись изъ видѣнія того, что въ скинии, достигшее до чистоты и возведенное на высоту таковыми зрѣлищами душевное оное Моисеево око снова восходитъ на самый верхъ чинныхъ представленій, изучая облаченіе священства. Сюда принадлежитъ риза

внѣшняя (Исх. 28, 31.), риза верхняя, и
этотъ сіяющій блескомъ различныхъ камней
наперсникъ (67), и повязка на головѣ, и надъ
нею *дирица* (Исх. 29, 6.), надраги (Лев. 6, 10.),
пуговицы, *звонцы* (28, 33.). Потомъ по-
верхъ всего слово ^{вримъ} и явленіе, и въ обоихъ
усматриваемая ^{вримъ} истина, также съ обѣихъ сто-
ронъ примкнутые къ нимъ нарамники съ на-
чертанными на нихъ именами патриарховъ.
Множество сихъ облаченій, да и самыя име-
нованія ихъ таковы, что не возможно точное
въ подробности ихъ обозрѣніе. Ибо что за
наименованія тѣлесныхъ одеждъ: — явленіе,
слово, истина? Конечно симъ явно показы-
вается, что исторією описывается не это, не
чувственное облаченіе, а душевное убранство,
истканное добродѣтельными предначинаніями.

Цвѣтъ подира—синета (28, 32.); нѣкоторые
же изъ объяснявшихъ слово сіе прежде насъ
говорятъ, что симъ цвѣтомъ означается воз-
духъ. Но дѣйствительно ли таковъ цвѣтъ
имѣеть какое либо сродство съ цвѣтомъ воз-
духа, сего не намѣренъ я утверждать въ точ-
ности: но и не отвергаю утверждаемаго; по-
тому что понятіе сіе согласно съ надлежащимъ
взглядомъ на добродѣтель, а именно, требуетъ,
чтобы намѣревающийся быть священнослужи-
телемъ предъ Богомъ, тѣло свое представить
въ священнодѣйствіе, и содѣлаться не мерт-
веннымъ закланіемъ въ жертвѣ живой и въ

служеніи словесномъ, не повреждалъ души какимъ либо грубымъ и многоплотнымъ облаченіемъ жизни, но чистотою оной, подобно какой либо паутинной нити, утончалъ всѣ житейскія назначенія, приближался къ тому, чтобы стать парящимъ горѣ, легкимъ, воздушнымъ, ~~и~~ ^и сокрушить въ себѣ это тѣлесное сщество. Въ такомъ случаѣ, когда услышимъ послѣднюю трубу, по гласу Повелѣвающаго, оказавшись необремененными и легкими, превыспренно, вмѣстѣ съ Господомъ, понесемся по воздуху, никакимъ бременемъ не увлекаемые на землю. Посему кто, по совѣту Псалмопѣвца, *истаялъ яко паутину* душу свою (Пс. 38, 12.), тотъ облекся въ воздушный оный хитонъ, нисходящій отъ главы до края ногъ.

Законъ требуетъ, чтобы добродѣтель не была въ чемъ либо скудна. Посему золотые звонцы, ^{*}привѣшенные къ пуговицамъ, означаютъ сіяніе добрыхъ дѣлъ. Ибо два рода дѣятельности, которыми собирается богатство добродѣтели: вѣра въ Бога и совѣстливость въ продолженіе жизни; вотъ тѣ пуговицы и звонцы, которые великій Павелъ придаетъ одеждѣ Тимофеевой, говоря, что должно ему имѣть *вѣру и благу совѣсть* (1 Тим. 1, 19.). Итакъ часто и велегласно да звучитъ вѣра въ проповѣди о святой Троицѣ; а жизнь да уподобляется свойству гранатоваго плода: ибо наружная сторона сего плода негодна въ пи-

щу, будучи покрыта твердою и жесткою скорлупой, но внутренность пріятна для зрѣнія по разнообразію и строгому порядку въ устройствѣ плода, а еще пріятнѣе для вкуса, услаждая чувство. И любомудренная и суровая жизнь, будучи непривлекательна и непріятна для чувства, исполнена благихъ надеждъ, услажденная собственнымъ своимъ плодомъ. Ибо, когда Дѣлатель нашъ разкроетъ въ свое время гранатный плодъ жизни, и покажетъ красоту заключеннаго въ немъ, тогда вкушающимъ сладостно будетъ причащеніе собственныхъ своихъ плодовъ. И Божественный Апостолъ говоритъ нѣгдѣ: *всякое наказаніе въ настоящее время*, то есть, что первоначально встрѣчается прикасающемуся къ гранатовому плоду, *не мнится радость быти, но печаль. Послѣди же плодъ миренъ воздаетъ* (Евр. 12, 11.): это сладость охотно вкушаемой внутренности.

Повелѣваетъ же Писаніе, чтобы хитонъ сей былъ и съ ометами: ометы же сін суть шаровидные привѣски, привѣшиваемые не ради нужды, но для украшенія. А изъ сего дознаемъ, что не заповѣдію только должна измѣряться добродѣтель, но нужно, чтобы и нами было нѣчто избобрѣтаемо изъ примышляемаго отвиѣ, и къ одеждѣ придавалось нѣкое прибавленіе украшенія, какъ и поступалъ Павелъ, отъ себя соплетавшій прекрасные ометы къ заповѣдямъ. Хотя законъ повелѣваетъ служа-

щимъ олтарю съ олтаремъ дѣлиться (1 Кор. 9, 13.), не запрещаетъ сестру жену водити (5.), и проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити (14.); Павелъ проповѣдуетъ Евангеліе даромъ, терпя и жажду, и голодъ, и наготу. Вотъ тѣ прекрасные ометы, которые прибавленіемъ своимъ къ заповѣдямъ украшаютъ хитонъ.

Потомъ сверхъ подира налагаются двѣ ризы, спускающіяся съ ramenъ до персей и по хребту, соединяемыя между собою на обоихъ ramenъхъ двумя застѣжками. А застѣжками служатъ камни, изъ которыхъ каждый имѣетъ начертанными на себѣ шесть именъ патріарховъ. Ткань сихъ ризъ нестрая. Синета соплетена съ багрянцею, и червленый цвѣтъ примѣшанъ къ виссону; а между всѣмъ этимъ разсыпана золотая нить, такъ что отъ этой разновидности въ цвѣтѣ одна нѣкая срастворенная красота блистаетъ на ткани. А что дознаемъ изъ сего, состоитъ въ слѣдующемъ: верхнее облаченіе есть все, что собственно составляетъ украшеніе сердца, слагается изъ многихъ различныхъ добродѣтелей. Синета соплетается съ багрянцею, потому что съ чистотою жизни сопрягается царство. Червленица соплетается съ виссономъ, потому что свѣтлая и чистая жизнь обыкновенно соединена какъ-то бываетъ съ румянцемъ стыдливости; просіявающее же между этими цвѣтами золото загадочно даетъ уразумѣть сокровище, предоставленное таковой жиз-

ни. Патріархи начертанные на нарамникахъ немало привносятъ къ таковому нашему убранству: потому что [прежними примѣрами добрыхъ мужей паче украшается человѣческая жизнь.]

Къ украшенію же верхнихъ ризъ прилагается еще другое сверху украшеніе: это — *щитцы отъ злата* (Исх. 28. 13.), висящіе на томъ и другомъ нарамникѣ, поддерживающіе собою нѣчто изъ золота въ видѣ четырехъугольника, издающее блескъ отъ двѣнадцати камней, которые расположены рядами; рядовъ было четыре, и каждый заключалъ въ себѣ по три камня. Въ камняхъ нельзя было находить сходства у одного съ другимъ, но каждый украшался особеннымъ своимъ блескомъ. Таковъ наружный видъ украшенія. А подразумеваемое значеніе щитцевъ, висящихъ съ раменъ—обоедесноручность дѣйствующаго оружіемъ противъ сопротивника, чтобы, такъ какъ, по сказанному нѣсколько выше, [добродѣтель преуспѣваетъ вѣрою и благою въ сей жизни совѣстію,]—ясно было, что подъ прикрытіемъ щитцевъ безопасенъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, оставаясь неуязвимымъ отъ подобныхъ стрѣлъ при помощи *оружій правды десныхъ и щудихъ* (2 Кор. 6, 7.). Четыреугольное же украшеніе, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемое щитцами, гдѣ на камняхъ написаны были соименные колѣнамъ патріархи, служить покры-

валомъ сердца, и симъ словоѣ научаетъ насъ, что двумя сими щитцами отразившій стрѣлы лукаваго украсить собственную свою душу всѣми добродѣтелями патріарховъ, когда каждый изъ нихъ своимъ блистаніемъ возсіяетъ на ризѣ добродѣтели. А видъ четырехугольника да будетъ для тебя указаніемъ необходимости твердо пребывать въ добрѣ, потому что такое очертаніе, при прямыхъ сторонахъ равно опираясь на углы, съ трудомъ прелгается въ другой видъ. Привязи, которыми украшенія сіи прикрѣплялись къ плечамъ, по моему мнѣнію, служатъ повелѣніемъ заботиться о высокой жизни, почитать себя обязанными къ любознательности созерцательному, присоединять и дѣятельное, такъ чтобы сердце служило знаменованіемъ созерцанія, а рамена—дѣлъ. Голова же, украшенная увясломъ, означаетъ вѣнецъ уготованный жившимъ хорошо, и его украшаетъ напечатлѣнный на золотой дщицѣ таинственными начертаніями.

На облеченнаго въ такое украшеніе не возлагается обувь, чтобы не былъ онъ обремененъ въ шествіи, и не затруднялся въ движеніи возложеніемъ на себя мертвыхъ кожъ, потому разумѣнію, какое внушено было при воззрѣніи на гору. Посему, какъ могла обувь содѣлаться украшеніемъ ногъ, будучи при первомъ тайнодѣйствіи отринута, какъ препятствіе къ восхожденію.

Возшедшій же на такую высоту, обозрѣнными у насъ по порядку восхожденіямъ, не-сетъ въ рукахъ богосозданныя скрижали, которыя содержатъ на себѣ Божественный законъ, но сами сокрушаются, сокрушаемая ожесточеннымъ упорствомъ согрѣшившихъ. Грѣхъ же состоялъ въ сдѣланіи идола, въ образѣ тельца, сего изваяннаго идолопоклонникамъ кумира. Моисей, обративъ его въ порошокъ, всего растворилъ въ водѣ, и сдѣлалъ питіемъ для согрѣшившихъ, чтобы всѣми мѣрами привести въ уничтоженіе то вещество, которое послужило людскому нечестію. Симъ наипаче тогда и о томъ, что совершается нынѣ, въ наши времена, пророчески возвѣщала исторія. Ибо вся идольская прелесть уничтожена совершенно, будучи истреблена устами благочестивыхъ, которые добрымъ исповѣданіемъ совершили въ себѣ уничтоженіе нечестиваго вещества; и установленныя древле идолослужителями таинства содѣлались истинно мимотекущею и неосуществимою водою,—истребляемою тѣми самыми устами, которые нѣкогда предавались идолобѣсію. Ибо, когда видишь, что подверженные прежде такой суетѣ нынѣ истребляютъ и уничтожаютъ идоловъ, на которыхъ была у нихъ надежда; не покажется ли и тебѣ, что исторія ясно взываетъ: всякій идолъ будетъ нѣкогда поглощенъ устами преложившихся отъ прелести къ благочестію?

Моисей вооружаетъ левитовъ на соплеменниковъ, и они, прошедши станъ отъ края до края, безъ разбора избиваютъ встрѣчающихся, острою меча предоставивъ рѣшеніе участи умерщвляемыхъ; всякаго, кто ни попадался, равно предавали они смерти, не различая убиваемыхъ людей, не обращая вниманія, врагъ ли кто, или другъ, сторонній или домашній, родственникъ или чужой: но было одно какое-то направленіе руки, одинаково и равно устремленное на всякаго встрѣчнаго. Сказаніе же о семъ можетъ служить для насъ слѣдующимъ полезнымъ урокомъ: поелику на худое дѣло умудрились всѣ цѣлымъ народомъ, и все ополченіе участвовало въ грѣхѣ, какъ одинъ человекъ; то и бичъ поражаетъ ихъ безъ различія. Какъ наносящій удары застигнутому въ какомъ либо грѣхѣ налагаетъ бичъ на какую бы то ни было часть тѣла, зная, что боль, ощущаемая въ одномъ членѣ, сообщается и всему тѣлу: такъ, поелику въ этомъ тѣлѣ, рѣшившемся на грѣхъ, всякой членъ наказываемъ былъ одинаково, то бичъ, обращаемый на части, уцѣломудривалъ цѣлое. Посему, если иногда равный грѣхъ усматривается во многихъ, гнѣвъ же Божій дѣйствуетъ не на всѣхъ, но только на нѣкоторыхъ; то надлежитъ разумѣть сіе такъ, что Богъ по человеколюбію исправляетъ сдѣланное, и хотя не всѣ несутъ на себѣ удары, однакоже всѣ уцѣломудри-

ваются, и отвращаются отъ грѣха ударами частными. Но это еще только историческій смыслъ написаннаго, примѣнительный же смыслъ можетъ оказать намъ пользу такимъ образомъ: законодатель въ общей проповѣди говоритъ всѣмъ: *аще кто есть Господень, да идетъ ко мнѣ* (Исх. 32, 26.), то есть, таковъ гласъ закона, повелѣвающій всѣмъ: кто хочетъ быть другомъ Божиимъ, да будетъ другомъ мнѣ—закону; потому что другъ закону, конечно, и другъ Божій. И собравшимся къ нему по такой проповѣди даетъ повелѣніе дѣйствовать мечемъ противъ брата, и друга, и ближняго. Взирая же на послѣдовательность сего обозрѣнія, разумѣемъ сіе такъ: всякій, помышляющій о Богѣ и законѣ, очищается убіеніемъ въ себѣ того, что усвоилъ онъ на зло себѣ. Ибо не всякій братъ, другъ и ближній въ Писаніи понимается хорошо: но иной бываетъ и братъ и чужій, и другъ и врагъ, и ближній и со-противникъ. Разумѣемъ же подъ сими именами всегдашніе наши помыслы, которыхъ жизнь содѣлываетъ нашу смерть, а смерть — нашу жизнь. Таковое понятіе согласно съ сказаннымъ уже въ изслѣдованіи объ Ааронѣ, когда, по причинѣ содѣйствія его Моисею, представили его споборникомъ, хранителемъ ангеломъ, творящимъ знаменія въ устрашеніе Египтянъ, справедливо имѣющимъ право, какъ на имя старшаго, потому что естество ангель-

ское и безплотное создано прежде естества нашего, такъ и на имя брата по сродству умопредставляемаго ангельскаго естества съ нашимъ умопредставляемымъ естествомъ.

Поелику же имѣть мѣсто возраженіе: какъ можно полагать, чтобы служило къ лучшему содѣйствію Аарона, который сталъ для Израильтянъ служителемъ при сотвореніи идола, то слово наше, и выше еще упоминая о семъ, объяснило нѣсколько подобоименность братства, а именно, что не одно и тоже означается всегда однимъ и тѣмъ же реченіемъ, когда одно имя берется въ противоположныхъ понятіяхъ. Инаковъ братъ, который истребляетъ египетскаго мучителя, и инаковъ также, который дѣлаетъ Израильтянамъ идола, хотя имя у обоихъ и одно. На таковыхъ-то братьевъ Моисей обнажаетъ мечъ. Ибо, о чемъ даетъ повелѣніе другимъ, тоже равнымъ образомъ узаконяетъ и себѣ. А убіеніе такого брата есть уничтоженіе грѣха. Ибо [всякій, кто уничтожилъ зло, утвердившееся въ комъ либо по совѣту сопротивника, и въ себѣ убилъ это зло, жившее нѣкогда грѣхомъ.] Такое о семъ мнѣніе да одерживаетъ паче верхъ въ насъ, если и другое нѣчто возьмемъ изъ исторіи для сего обозрѣнія. Ибо говорится, что, по повелѣнію этого Аарона, должно было Израильтянамъ обобратъ у себя *усерязи* (Исл. 32, 2.), и что обобраніе ихъ послужило веществомъ для идо-

ла. Посему что же скажемъ? То, что Моисей украсилъ слухъ Израильтянъ усерзями, то есть, закономъ, а лжеименный братъ отъемлетъ приданное слуху украшеніе, и дѣлаетъ изъ него идола. И при первоначальномъ вторженіи грѣха было нѣкое отъятіе усерзей — совѣтъ преслушать заповѣдь. Можетъ ли другомъ и ближнимъ первозданныхъ почитаемъ быть змій, совѣтующій, какъ нѣчто полезное и доброе, отступить отъ Божія повелѣнія? Это и значитъ отъять у слуха *усерязь* заповѣди. Посему убивающій таковыхъ братьевъ, друзей и ближнихъ, услышитъ отъ закона оныя слова, по сказанію исторіи, произнесенныя Моисеемъ таковымъ убійцамъ. *Наполните руки ваша днесъ Господу, кійждо въ сынъ своего, и въ братья, да дастся на васъ благословеніе* (Исх. 32, 29.).

Но благовременно, кажется, войти въ слово сіе припоминанію о допустившихъ грѣхъ; чтобы дознать, какъ богозданныя скрижали, на которыхъ начертанъ былъ божественный законъ, падшія изъ Моисеевыхъ рукъ на землю, и сокрушенныя упорствомъ дольняго, Моисей приносить снова, уже не совершенно тѣже самыя, но только съ тѣми же на нихъ писменами. Ибо взявъ скрижали изъ вещества дольняго, предложилъ могуществу Начертывающего на нихъ законъ. И такимъ образомъ призываетъ благодать, на каменныхъ дскахъ

неся законъ, послѣ того, какъ Самъ Богъ изобразилъ слова на камнѣ; потому что и ими путеводимымъ возможно еще придти въ уразумѣніе Божія о насъ промышленія. Ибо, если истиненъ божественный Апостолъ, именующій *скрижали сердца* (2 Кор. 3, 3.), то есть, владычественное души; безъ сомнѣнія же истиненъ испытующій духомъ глубины Божіи, то послѣдовательно можно изъ этого дознать, что естество человѣческое, устроенное Божіими руками и украшенное неписанными начертаніями закона, въ началѣ было не сокрушимо и безсмертно; потому что естественно была въ насъ согласная съ закономъ воля, обнаруживающаяся въ отвращеніи отъ зла, и въ чествованіи Божества. Когда же коснулся насъ гласъ грѣха, который въ первомъ писаніи именуется гласомъ змѣи, а въ исторіи скрижалей гласомъ поющихъ отъ вина (Исх. 32. 18.): тогда павъ на землю, природа наша сокрушается. Но истинный Законоположникъ, прообразомъ Котораго былъ Моисей, снова изъ земли нашей истесалъ себѣ скрижали нашего естества. Ибо не бракъ соорудилъ Ему божественную плоть, но Самъ Онъ дѣлается каменосѣццемъ собственной Своей плоти, исписуемой Божественнымъ перстомъ. *Духъ Святый* снишелъ на Дѣву, и *сила Вышняго* осѣнила Ее (Лук. 1, 35.). Когда же совершилось сіе; естество снова пріобрѣло несокрушимость, на-

чертаніями перста содѣланное безсмертнымъ. Перстомъ же во многихъ мѣстахъ Писанія именуется Духъ Святый. И такимъ образомъ совершается въ такой степени и мѣрѣ претвореніе прославленія Моисеева, что должному оку стало невмѣстимо явленіе оной славы. Изучившій же Божественное таинство нашей вѣры, безъ сомнѣнія, не незнаетъ, сколько согласуется съ исторіей сей высшій взглядъ. Ибо Возстановитель сокрушенной скрижали нашего естества (уразумѣешь, безъ сомнѣнія, въ сказанномъ Того, Кто уврачевалъ наши сокрушенія), поелику снова въ древнюю лѣпноту возвелъ сокрушенную скрижаль нашего естества, какъ сказано, украсивъ ее Божественнымъ перстомъ, дѣлается уже невмѣстимымъ для взоровъ недостойныхъ, по превосходству славы ставъ неприступнымъ для взирающихъ на Него. Ибо по истинѣ, *егда прїидетъ*, какъ говорить Евангеліе, *во славу Своей, и вси Ангели съ Нимъ* (Матѣ. 25, 31.), и для праведныхъ едва будетъ вмѣстимъ и видимъ: а нечестивый и іудействующій, какъ сказуетъ Исаія, останется непричастнымъ сего видѣнія. *Да возметъ нечестивый, говорить, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10.). Но сіе ввели мы въ рѣчь, слѣдуя порядку разсмотрѣннаго относительно къ высшему взгляду на сіе мѣсто; теперь же возвратимся къ тому, что слѣдуетъ.

Почему тотъ, о комъ Божественный гласъ

свидѣтельствуеть, что во многихъ богоявленіяхъ явственнѣ видѣлъ Бога, а именно, когда говоритъ: *лицемъ къ лицу, якоже аще бы кто возмалоуалъ къ своему другу* (Исх. 33, 11.), при всемъ этомъ, какъ неподобившійся еще того, чего, по свидѣтельству Писанія, должно признать его сподобившимся, молить Бога явить Себя ему (13.); какъ будто всегда являвшійся не былъ еще имъ видимъ? И гласъ свыше хотя соглашается теперь уступить желанію просящаго и не отрекается даже присовокупить ему сей благодати, однакоже вводитъ еще въ отчаяніе, объявляя, что просимое имъ и невмѣстимо для жизни человѣческой. Но есть, говоритъ Богъ, нѣкое у Мене мѣсто, и на мѣстѣ томъ камень, а въ камнѣ *разсѣлина*, въ которой повелѣваетъ пребывать Моисею. Потомъ налагаетъ Богъ руку на устье разсѣлины, проходитъ мимо, и Моисей видитъ *задняя* Повелѣваго, и остается въ той мысли, что увидѣлъ, о чемъ просилъ, и что обѣтованіе Божественнаго гласа неложно (21—23.).

Если взирать на сіе, ограничиваясь буквою, то смыслъ для ищущихъ онаго, не только останется неяснымъ, но даже и нечистымъ отъ превратнаго о Богѣ понятія. Ибо у того только, что представляется въ очертаніи, есть и переднее и заднее; а всякое очертаніе есть предѣлъ тѣла; такъ что представляющій Бога въ очертаніи не признаетъ Его свободнымъ

отъ тѣлеснаго естества: всякое же тѣло, безъ сомнѣнія, сложно: а сложное имѣетъ составъ изъ соединенія разнородностей; и о составномъ никто не скажетъ, что оно не разлагаемо; а разлагаемое не можетъ быть нетлѣннымъ; потому что тлѣніе есть разложеніе составнаго. Посему, если кто задняя Божія пойметъ буквально; то послѣдовательно и необходимо доведенъ будетъ до сей нелѣпости, потому что переднее и заднее, безъ сомнѣнія, бываетъ въ очертаніи, а очертаніе у тѣла; тѣло же разлагаемо и разлагается по собственной своей природѣ; такъ какъ разлагаемо все сложное; разлагаемое же не можетъ быть нетлѣннымъ. Посему, кто рабски слѣдуетъ буквѣ, тотъ по необходимой связи понятій допустить въ Богѣ тлѣніе. Но Богъ нетлѣненъ и нетѣлесенъ. Какой же посему смыслъ приличествуетъ написанному, кромѣ представляющагося съ перваго взгляда? Если же въ связи рѣчи эта часть написаннаго принуждаетъ насъ отыскивать другой смыслъ: то конечно надлежитъ тоже разумѣть и о цѣломъ. Ибо что разумѣемъ въ части, подобнымъ сему необходимо принимаемъ и цѣлое.

Итакъ и мѣсто у Бога, и камень на томъ мѣстѣ, и помѣщеніе въ камнѣ, которое именуется разсѣлиною, и вшествіе туда Моисея, и наложеніе руки Божіей на устье, и прохожденіе мимо, и воззваніе, и послѣ сего видѣніе

заднихъ,—основательнѣе будетъ разсматривать по закону возведенія смысла къ высшему взгляду. Посему что же изображается симъ? Какъ готовыя къ паденію тѣла, какъ скоро пріобрѣтутъ нѣкое стремленіе катиться по наклонности, хотя послѣ перваго движенія и никто не будетъ понуждать ихъ вновь, сами собою сильнѣйшимъ порывомъ несутся внизъ, пока путь ихъ покать и клонится къ низу, притомъ не встрѣчается ничего такого, что противнымъ движеніемъ пресѣкало бы ихъ стремленіе: такъ вопреки сему душа, отрѣшившаяся отъ земнаго пристрастія, дѣлается несущемою горѣ и скорою въ этомъ движеніи выспрь, воспаряя отъ дольняго въ высоту. И какъ свыше ничто не пресѣкаетъ ея стремленія (естество добра къ себѣ привлекаетъ возводящихъ къ нему взоры): то конечно непрестанно становится она выше и выше себя самой, по вожелѣнію небснаго, какъ говоритъ Апостолъ, простираясь въ предняя (Фил. 3, 13.), и будетъ всегда совершать пареніе къ высшему. Ибо по причинѣ уже пріобрѣтеннаго, вожелѣвая не оставлять недостигнутою еще выше усматриваемую высоту, непрерывно продолжаетъ стремленіе къ горнему, тѣмъ самымъ, въ чемъ преуспѣла, непрестанно обновляя усиліе къ полету. Ибо одна только дѣятельность, обращенная къ добродѣтели, питаетъ силы трудомъ, не ослабляя, но увеличи-

вая дѣломъ напряженіе къ нему. Посему гово-
 римъ, что Моисей, всегда бывшій великимъ,
 нимало не останавливается въ восхожденіи,
 не полагаетъ себѣ никакого предѣла въ стрем-
 леніи къ горнему: но однажды вступивъ на
 лѣствицу, на которой, какъ говоритъ Іаковъ,
 утверждается Богъ (Быт. 23, 13.), непрестанно
 восходитъ на высшую и высшую ступень, и
 не престаётъ возвышаться; потому что и на
 высотѣ находитъ всегда ступень, которая выше
 достигнутой имъ. Отрекается онъ отъ ложнаго
 родства съ египетскою ^{королевскою} царевною; дѣлается
 отмстителемъ за Еврея; переселяется жить въ
 пустыню, которой не возмущала жизнь чело-
 вѣческая; пасетъ въ себѣ стадо кроткихъ жи-
 вотныхъ, видитъ сіяніе свѣта; по снятіи обуви
 необременительнымъ дѣлаетъ восхожденіе къ
 свѣту; избирается для освобожденія родствен-
 наго и единоплеменнаго народа; видитъ тону-
 щаго врага, покрываемаго волнами; распола-
 гается станомъ подъ облакомъ; утоляетъ жажду
 камнемъ; на небѣ воздѣлываетъ хлѣбъ; по-
 томъ воздѣянiемъ рукъ побораетъ иноплемен-
 ника; слышитъ гласъ трубы; входитъ во мракъ;
 проникаетъ во святилище нерукотворенной
 скинии: изучаетъ тайны божественнаго свя-
 щенства: уничтожаетъ идола, умиливаетъ
 Божество; возобновляетъ законъ, сокрушенный
 грѣхомъ Іудеевъ, сіяетъ славою, и превозне-
 сенный на такіа высоты, пламенѣтъ еще

вождельніемъ, ненасытимо ищетъ бѣльшаго, и
 что всегда имѣлъ во власти, еще того жаж-
 деть: и какъ не причастившійся дотолѣ, домо-
 гается улучшить это, прося Бога, чтобы явилъ
 ему Себя, не въ такой только мѣрѣ, въ какой
 вмѣститъ онъ можетъ, но каковъ Богъ Самъ
 въ Себѣ. Мнѣ кажется, что чувствовать это
 свойственно душѣ, которая исполнена какимъ-
 то пламенѣющимъ любовію расположеніемъ къ
 прекрасному по естеству, и которую отъ ви-
 димой ею красоты надежда влечетъ всегда къ
 красотѣ высшей, непрестанно приобретаемымъ
 всегда возжигая въ ней вождельніе сокровен-
 наго. Почему сильный любитель красоты, не-
 престанно видимое имъ принимая за изобра-
 женіе вождельваемаго, желаетъ насытиться
 видѣніемъ отличительныхъ чертъ первообраза.
 Сіе-то и выражаетъ это дерзновенное и пре-
 ступающее предѣлы вождельнія прошеніе на-
 сладиться красотою, не при помощи какихъ
 либо зеркалъ, или въ образахъ, но лицомъ къ
 лицу. Божественный гласъ даетъ просимое, въ
 самомъ отказѣ не многими реченіями показы-
 вая какую-то неизмѣримую глубину понятій.
 Ибо щедродаровитость Божія соизволила ис-
 полнить желаніе Моисея: но не обѣщала ему
 какого либо успокоенія и пресыщенія въ этомъ
 желаніи. Богъ не показалъ бы Себя своему
 служителю, если бы видимое было таково, что
 могло бы успокоить вождельніе взирающаго.

Въ томъ и состоитъ истинное видѣніе Бога, что у взирающаго на Него никогда не прекращается это вождѣніе. Богъ говоритъ: *не возможеша видѣти лица Моего, не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). И сіе слово показываетъ не то, будтобы зрѣніе лица Божія для взирающихъ дѣлается виною смерти (какъ возможно лицу жизни стать когда либо виною смерти для приближающихся?); но, поелику, хотя Божество по естеству животворяще, однакоже собственно отличительнымъ признакомъ Божественнаго естества служить то, что Оно выше всего отличаемаго по признакамъ; то полагающій, что Богъ есть нѣчто познаваемое, уклонившись отъ сущаго къ тому, что признано существующимъ въ способномъ вмѣстить сіе представление, не имѣетъ въ себѣ жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь; а сіе не доступно вѣдѣнію. Посему, если животворящее естество превышаетъ вѣдѣніе, то постигаемое, безъ сомнѣнія, не есть жизнь; а что не жизнь, то не имѣетъ свойства содѣлаться сообщающимъ жизнь. Посему не исполняется желаемое Моисеемъ въ томъ, въ чемъ вождѣніе пребываетъ невыполнимымъ. Ибо сказаннымъ научается онъ, что Божество, по естеству Своему, неопредѣлимо, невключимо ни въ какій предѣлъ. А если бы Божество могло быть представлено въ какомъ либо предѣлѣ;

то по всей необходимости вмѣстѣ съ предѣломъ быlobы представляемо и то, что за нимъ, потому что заключенное въ предѣлы, безъ сомнѣнія, чѣмъ нибудь оканчивается; какъ предѣломъ для живущихъ на сушѣ—воздухъ, и для живущихъ въ водѣ—вода. Посему, какъ рыба во всѣхъ своихъ предѣлахъ объемлется водою, а птица — воздухомъ, среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающего, есть крайняя поверхность предѣла, объемлющая собою и птицу и рыбу, за которою слѣдуетъ или вода или воздухъ: такъ, если Божество представляемо будетъ въ предѣлѣ, необходимо Ему быть объемлемымъ чѣмъ либо инороднымъ по естеству, а объемлющему, какъ свидѣтельствуется послѣдовательность рѣчи, во много кратъ превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно съ прекраснымъ, то конечно есть нѣчто иное, а не прекрасное, и что внѣ прекраснаго, то заключается въ естествѣ зла. А доказано, что объемлющее во много кратъ больше объемлемаго. Посему думающимъ, что Божество заключено въ предѣлы, по всей необходимости должно согласиться, что Оно объято зломъ. И какъ всегда объемлемое умалено предъ естествомъ объемлющимъ, то слѣдуетъ произойти преобладанію преизобилующаго. И такъ заключающій Божество въ какой либо предѣлъ допускаетъ воз-

возможность надъ прекраснымъ возобладать про-
 тивоположному. Но это нелѣпно. Посему да не
 разумѣется какое либо постиженіе невидимаго
 естества. Непостижимому же не свойственно
быть объемлемымъ. Напротивъ того всякое
 вождѣленіе прекраснаго, привлекаемое къ оному
 восхожденію, всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ
 желаннымъ шествіемъ къ прекрасному. И сіе-
 то значитъ въ подлинномъ смыслѣ видѣть
 Бога, никогда не находить сытости своему
 вождѣлнію. Но кто видитъ, какъ только можно
 ему видѣть, тому надлежитъ непрестанно воз-
 гораться вождѣлніемъ увидѣть еще больше.
 И такимъ образомъ никакой предѣлъ не пре-
сѣчетъ приращенія въ восхожденіи къ Богу,
 потому что и прекрасному не отыскивается
 никакого предѣла, и никакимъ пресыщеніемъ
 не пресѣкается усиливающееся вождѣлніе
 прекраснаго.

Но какое это мѣсто, разумѣемое Богомъ?
 какой это камень? И чтó опять за вмѣстимость
 въ камнѣ? Какая это рука Божія, закрываю-
 щая устье пещеры въ камнѣ? Какое это Бо-
 жіе мимохожденіе? чтó такое задняя Божія,
 видѣніе чего общаетъ Богъ дать Моисею,
 просившему зрѣнія лицомъ къ лицу? Безъ со-
 мнѣнія, всему этому, и въ отдѣльности взя-
 тому, надлежитъ быть чѣмъ-то великимъ и до-
 стойнымъ великодаровитости Дающаго, чтобы
 обѣтованіе сіе можно было признать болѣе

величественнымъ и превысшимъ всякаго, бывшаго уже великому служителю, богоявленія. Посему, какъ же изъ сказаннаго уразумѣть кто ту высоту, на которой и Моисей послѣ столькихъ восхожденій желаетъ еще восходить; и Самъ, *любящимъ Бога вся поспѣшествующій во благое*. (Рим. 8, 28.), подъ Своимъ путеводительствомъ облегчаетъ восхождение? *Се листо у Мене*, говоритъ Богъ (Исх. 33, 21.). Съ объясненнымъ во взглядѣ семъ прежде согласно, можетъ быть, такое понятіе. Указавъ мѣсто, Богъ не ограничиваетъ указуемаго количествомъ (ибо для неколичественнаго нѣтъ мѣры), — но умолчаніемъ объ очертаніи относительно къ мѣрѣ руководитъ слушателя къ безпредѣльному и неизмѣримому. Посему слово, кажется мнѣ, выражаетъ таковую нѣкую мысль: поелику у тебя постоянно вождельніе простирается *въ предняя*, не имѣешь сытости въ продолженіе своего теченія, не знаешь никакого удовлетворенія добромъ, но всегда ^xжеланіе твое стремиться къ большему: то у Меня такое есть мѣсто, что проходящему оное никогда невозможно прекратить свое теченіе. Но сіе теченіе въ другомъ ^xсмыслѣ есть стояніе. Ибо говоритъ Богъ: *Коставлю тебя на камени* (Исх. 33, 21.). Всего же чуднѣе это, почему одно и тоже есть и стояніе и движніе. Кто восходитъ, тотъ, конечно, не стоитъ; и кто стоитъ, тотъ не восходитъ. А здѣсь са-

V мое стояніе дѣлается восхожденіемъ. Это значить, что, чѣмъ кто въ большей мѣрѣ пребываетъ твердымъ и непреложнымъ, тѣмъ успѣшнѣе совершаетъ течение добродѣтели. А кто непостояненъ и поползновенъ въ своихъ помыслахъ, не стоитъ твердо въ добрѣ, (но влается и скитается, какъ говоритъ Апостолъ (Ефес. 4, 14.)) колеблемый и сокрушаемый предположеніями и сомнѣніями о существующемъ,—тотъ никогда не взойдетъ на высоту добродѣтели; (подобно тому, какъ идущіе на возвышеніе по песку, хотя, по видимому, и переходятъ ногами большое пространство, трудятся безъ пользы; потому что ступни скользятъ всегда по песку въ низъ; такъ что, хотя и производится движеніе, но въ движеніи не происходитъ никакого поступленія впередъ. Если же кто, какъ говоритъ псалмопѣніе, извлекши ноги изъ глубокой тины, утвердилъ ихъ на камени (Псал. 39, 3.),—камень же есть Христосъ, всесовершенная добродѣтель, то, чѣмъ онъ тверже водруженъ въ добрѣ и *и поступенъ*, по совѣту Павлову (1 Кор. 15, 58.), тѣмъ удобнѣе совершаетъ теченіе, какъ бы нѣкими крыльями, пользуясь симъ стояніемъ и твердостію въ добрѣ окриляя сердце къ шествію горѣ.

Посему Показавшій Моисею мѣсто возбуждаетъ къ теченію поприщемъ, а общая стояніе на камнѣ, показываетъ ему способъ божь

ственнаго теченія. Вмѣстилище же въ камнѣ, которое въ Писаніи именуется *разсѣлиною*, прекрасно прѣтолковалъ собственными своими словами божественный Апостолъ, говоря, что разорившимъ земную скинію соблюдается въ упованіи храма нерукотворенная небесная (2 Кор. 5, 1.). Ибо дѣйствительно, кто, (какъ говоритъ Апостолъ,) *теченіе* совершилъ на этомъ широкомъ и пространномъ поприщѣ, (которое въ божественномъ Писаніи наименовано мѣстомъ, и *вѣру* соблюлъ (2 Тим. 4, 7.), или какъ говорится загадочно, утвердилъ ноги свои *на камени*;) того рука Подвигоположника украситъ вѣнцемъ правды. Но таковая награда въ Писаніи именуется различно. Ибо одно и тоже здѣсь называется *разсѣлиною* камня; а въ другихъ мѣстахъ *сладостію* рая (Быт. 3, 23.), вѣчнымъ кровомъ (Лук. 16, 9.), *обителью* у Отца (Іоан. 14, 2.), *лономъ* патріарха (Лук. 16, 22.), *страною живыхъ* (Пс. 114, 8.), водою покойною (Пс. 22, 2.), вышнимъ Іерусалимомъ (Гал. 4, 26.), царствіемъ небеснымъ (Матѣ. 7, 21.), почестію званія (Филип. 3, 14.), вѣнцемъ благодатей (Притч. 1, 9.), вѣнцемъ доброты (Прем. 5, 17.), столпомъ крѣпости (Псал. 60, 4.), веселіемъ за транею, сосѣденіемъ съ Богомъ, престоломъ суда (Псал. 9, 8.) мѣстомъ именитымъ (Иса. 56, 5.) и селеніемъ тайнымъ (Иса. 26, 9.). Посему утверждаемъ, что ту же мысль имѣютъ и причисляющіе сюда вѣнцы

Моисеево въ камень. Поелику у Павла подь камнемъ разумѣется Христось; все же упованіе благъ, какъ вѣруемъ, во Христѣ, въ Которомъ, какъ дознали мы, сокровища благъ; то пребывающій въ какомъ либо благѣ, конечно во Христѣ, содержащемъ въ Себѣ всякое благо.

А кто достигъ сего, и покрытъ рукою Божіею, какъ возвѣстило слово (рука же Божія есть зиждущая существа сила, Единородный Богъ, Которымъ *вся быша* (Іоан. 1, 3.), Который и для совершающихъ теченіе служить мѣстомъ, какъ *путь* ихъ теченія, по собственному слову Его (Іоан. 14, 6.), для утвердившихся же дѣлается камнемъ и для успокоившихся домомъ); тотъ услышитъ тогда призывающаго, и будетъ позади зовущаго, то есть, поидеть во слѣдъ Господа Бога, какъ повелѣваетъ законъ. Слыша сіе, уразумѣлъ великій Давидъ, и живущему *въ помощи Вышняго* сказалъ: *плечма Своима оспынитъ тя* (Пс. 90, 1. 4.); а сіе значитъ тоже, что быть позади Бога; потому что плечо принадлежитъ къ заднимъ частямъ. Да и о самомъ себѣ взываетъ Давидъ: *приле душа моя по Тебѣ: мене же пріятѣ десница Твоя* (Пс. 62, 9.). Видишь, какъ согласно съ исторіею псалмопѣніе. Какъ Давидъ говоритъ о воспріятіи десницею припнувшаго по Богу; такъ и тамъ касается рука ожидающаго Божія гласа въ камнѣ, и умоляющаго о дозволеніи слѣдовать позади. Да и

Господь, вѣщавшій тогда Моисею, ставъ исполнителемъ собственнаго своего закона; подобнымъ сему образомъ излагаетъ ученикамъ, раскрывая явныйъ смыслъ сказаннаго загадочно. *Аще кто хочетъ по Милъ ити*, а не предо Мною, говоритъ Онъ (Лук. 9, 23.). И умоляющему о вѣчной жизни предлагаетъ тоже самое. Ибо говоритъ: *прииди, ходи въ слѣдъ Мене* (Марк. 10, 21.). Но идущій въ слѣдъ видитъ задняя. Посему Моисей, нетерпѣливо желающій видѣть Бога научается теперь, какъ можно увидѣть Бога; а именно, что идти въ слѣдъ Бога, кѣда ни поведетъ Онъ, значить взирать на Бога, потому что мимохожденіе Божіе означаетъ вожденіе идущаго въ слѣдъ. Ибо незнающему пути невозможно безопасно совершить его иначе, какъ слѣдуя за путеводителемъ. Посему путеводитель тѣмъ самымъ, что предшествуетъ идущему въ слѣдъ, показываетъ ему путь. А идущій въ слѣдъ тогда не совращается съ прямого пути, когда непрестанно видитъ задняя вождя. Ибо кто въ движеніи уклоняется въ сторону, или направляетъ взоръ, чтобы видѣть ведущаго въ лице, тотъ пролагаетъ себѣ иной путь, а не указуемый вождемъ. Почему говоритъ Богъ руководимому: *лице Мое не явится тебѣ* (Исх. 33, 23.), то есть, не становись лицомъ къ лицу предъ ведущимъ; потому что шествіе твое непременно будетъ въ противоположную сторону; доб-

рое не въ лице смотритъ доброму, но слѣдуетъ за нимъ. Представляемое въ противоположности лицомъ къ лицу противостоятъ доброму. Ибо порокъ смотритъ вопреки добродѣтели: добродѣтель же не представляется лицомъ къ лицу противостоящую добродѣтели. Посему Моисей смотритъ не въ лице Богу, но видитъ *задня* Его. А кто смотритъ въ лице, тотъ не будетъ живъ, какъ свидѣтельствуемъ Божественный гласъ: *не бо узритъ кто лице Господне, и живъ будетъ* (20.). Видишь, сколько важно научиться, какъ ходить въ слѣдъ Богу, а именно, послѣ высокихъ оныхъ восхожденій, послѣ страшныхъ и славныхъ богоявленій, къ концу только жизни едва удостоивается сей благодати научившійся стать позади Бога. Кто такъ ходитъ въ слѣдъ Бога, тотъ уже не встрѣчаетъ никакого столкновенія съ порокомъ.

Послѣ сего поражается зависть къ нему братій: зависть—это начало зловредныхъ страстей, отецъ смерти, первая дверь грѣху, корень порока, порожденіе печали, мать бѣдствій, поводъ къ непокорности, начало стыда. Зависть изгнала насъ изъ рая, ставъ змѣемъ предъ Евою; зависть преградила доступъ къ древу жизни, и совлекши съ насъ священныя одежды, по причинѣ стыда привела къ вѣтвямъ смоковницы. Зависть вооружила Каина на естество, и произвела *седмижды* отмщае-

мую смерть (Быт. 4, 15.). Зависть содѣлала
 Юсифа рабомъ. Зависть — смертоносное жало,
 скрытое оружіе, болѣзнь естества, желчный
 ядъ, добровольное истощеніе, жестоко язва-
 щая стрѣла, гвоздь для души, огонь подъ
 сердцемъ, пламень сожигающій внутренности.
Для зависти неудача — не собственное свое
зло, но чужое добро; и на оборотъ также
 для нея удача, — не свое хорошее, но худое у
 ближняго. Зависть мучится благоуспѣшностію
 людей, и посмѣвается ихъ бѣдствіямъ. Сказы-
 ваютъ, что питающіеся мертвыми тѣлами гри-
 фы мрутъ отъ мура; потому что естеству ихъ
 сродно зловонное и испортившееся. И одержи-
 мый этою болѣзнію, при благоденствіи друзей,
 какъ бы отъ прикосновенія какого-то мура,
 гибнетъ. Если же слѣдствіемъ бѣдствія усмат-
 риваетъ какое либо страданіе, прилетаетъ къ
 страждущему, налагаетъ искривленный свой
 клювъ, извлекая имъ сокровенныя причины
 безуспѣшности. Многихъ прежде Моисея по-
 борала зависть. Но приразившись къ сему
 великому человѣку, подобно какому либо гли-
 няному изваянію ударившемуся о камень, сама
 себя сокрушаетъ. Ибо въ этомъ наипаче и
 оказалась польза хожденія съ Богомъ, которое
 совершалъ Моисей, протекающій Божиимъ мѣ-
 стомъ, ставшій на камнѣ, вмѣстившійся въ его
 разсѣлинѣ, покрываемый Божіею рукою, сзади
 идущій въ слѣдъ вождя; не въ лице ему взи-

рающій, но видящій *задняя*. Посему, что по мѣрѣ возможности содѣлался онъ наиблаженнымъ, доказываетъ сіе тѣмъ, что идетъ въ слѣдъ Бога, и притомъ выше полета брошенной изъ лука стрѣлы; потому что зависть пушаетъ стрѣлу въ него, но полетъ ея не достигаетъ высоты, на которой былъ Моисей. Тетива лукавства была не въ состояніи съ такою силою выстрѣлить въ Моисея страстію, чтобы отъ болѣвшихъ ею прежде дошла и до него. Но хотя Ааронъ и Маріамъ уязвлены были страстію злорѣчія (Числ. 12, 1.), и дѣлаются какбы нѣкимъ лукомъ зависти, вмѣсто стрѣлъ поражая его словомъ: однакоже Моисей столько далеку отъ общенія съ ними въ недугѣ, что даже врачуетъ заболѣвшихъ сею страстію, не только самъ оставаясь неподвижнымъ къ наказанію оскорбившихъ, но и умиловляя за нихъ Бога, тѣмъ самымъ, что дѣлалъ, показывая, какъ думаю, что хорошо огражденный щитомъ добродѣтели не будетъ уязвленъ остріями стрѣлъ; потому что твердость вооруженія притупляетъ остріе и отражаетъ стрѣлы назадъ. Оружіемъ же, охраняющимъ отъ таковыхъ стрѣлъ, бываетъ Самъ Богъ, въ Котораго облачается вонтель добродѣтели. Ибо сказано: *облецытеся Господемъ Іисусомъ* (Рим. 13, 14.). Вотъ несокрушимое всеоружіе, какимъ оградившись, Моисей лукаваго стрѣлка содѣлалъ бездѣйственнымъ. Такъ овладѣло Мо-

исеемъ смягчающее влеченіе къ оскорбившимъ; не незналъ онъ, что справедливо по естеству, и притомъ въ отношеніи къ осужденнымъ на нелицепріятномъ судѣ, — но содѣлался молитвенникомъ за братій предъ Богомъ. А сего не сдѣлалъ бы, еслибы не былъ позади Бога, Который для безопаснаго вожденія путемъ добродѣтели показалъ ему задняя.

А таково и прочее за симъ послѣдовавшее. Поелику естественный врагъ человѣковъ не имѣлъ возможности сдѣлать вредъ Моисею; то обращаетъ оружіе на тѣхъ, кого легче ему уловить. И какъ бы стрѣлу какую, пустивъ въ народъ страсть чревоугодія, настроилъ его въ пожеланіи пищи уподобиться Египтянамъ, небесной оной пищѣ предпочтя яденіе египетскихъ мясъ. Но высокій душою мужъ, возносящійся выше таковой страсти, всецѣло преданъ былъ будущему наслѣдію, какое обѣтовалъ Богъ переселеннымъ изъ мысленнаго Египта, и шествующимъ въ оную землю, въ которой течетъ млеко смѣшанное съ медомъ.

Посему-то соглядатаевъ дѣлаетъ нѣкими наставниками, извѣщающими о благахъ этой земли. И сими соглядатаями, по моему разсужденію, могли быть, какъ подающіе благія надежды, то есть, помыслы поражаемые вѣрою, утверждающіе въ упованіи на уготованныя блага; такъ доводящіе и до отчаянія въ добрыхъ надеждахъ, то есть, помыслы, внушае-

мые сопротивникомъ. ослабляющіе вѣру въ обѣтованія. Но Моисей, не обращая никакого вниманія на сопротивныхъ, признаетъ вѣрнымъ возвѣщающаго объ оной землѣ лучшее. Сообщающій же подтвержденіемъ своимъ вѣрность возвѣщаемому былъ предводитель лучшаго согляданія, Исусъ. На него взирая, Моисей имѣлъ твердыя надежды на будущее, признакомъ тамошняго обилія почитая гроздь виноградный, принесенный Исусомъ на *жердяхъ* (Числ. 13. 24.). А слыша объ Исусѣ, описывающемъ оную землю, и видя гроздь, повѣшенный на деревѣ, конечно, обратишь мысль къ Тому, на что и онъ взирая, укрѣпился въ надеждахъ. Ибо гроздь, висящій на деревѣ, Кто иной, кромѣ того въ послѣдніе дни повѣшеннаго на деревѣ Грозда, кровь Котораго содѣлалась спасительнымъ питіемъ для вѣрующихъ?

Послѣ того, какъ предрекъ намъ сіе Моисей загадочно: *кровь гроздову пїяху* (Второз. 32, 14.), чѣмъ указывается на спасительное страданіе, снова продолжается путь по пустынѣ, и народъ, отчаявшійся въ обѣтованныхъ благахъ, томится жаждою. Но Моисей снова наводняетъ для нихъ камнемъ пустыню. А таковое слово, при умозрительномъ взглядѣ, да научить насъ тому, что такое—таинство покаянія. Ибо по однократномъ вкушеніи воды отъ камня обратившіеся къ чреву и плоти и къ египетскимъ

удовольствіямъ осуждаются на гладъ помысловъ о причастіи благъ. Но возможно имъ снова при посредствѣ покаянія обрѣсти камень, который оставили, снова отверзсть себѣ водную струю. снова утолить жажду влагою, какую издаетъ камень тому, кто увѣровалъ, что согляданіе Иисусово истиннѣе согляданія сопротивныхъ, кто взираетъ на Гроздъ, за насъ источившій кровь и обогреннѣвшій кровію, кто снова древомъ заставилъ камень источить имъ воду. Впрочемъ народъ не обучился еще ходить по слѣдамъ великодушія Моисеева, еще увлекается въ рабскія похоти, склоняется къ египетскимъ наслажденіямъ. Исторія примѣромъ ихъ показываетъ нѣсколько, что человѣческая природа всего болѣе преклонна къ таковой страсти, и что тысящи путей ведутъ къ этой болѣзни. Почему Моисей, какъ нѣкій врачъ, умѣющій при помощи искусства преодолевать всегда страсть, не позволяетъ болѣзни возобладать надъ ними даже до смерти. Пожеланіе неумѣстнаго породило имъ змievъ, а угрызеніе сообщило смертоносный ядъ подвергшимся угрызенію: но великій законодатель подобіемъ змія привелъ въ бездѣйствіе силу настоящихъ змievъ.

Но время уже яснѣе раскрыть сію загадку. Одно врачевство отъ злыхъ этихъ страстей—очищеніе душъ нашихъ, совершаемое таинствомъ благочестія. Главное же, что пріемлетъ

ся вѣрою въ таинствѣ, есть воззрѣніе на страданіе за насъ Пострадаващаго. Страданіе же есть крестъ; почему взирающій на Него, какъ повѣствуетъ Писаніе, не терпитъ вреда отъ яда похотѣнія. Взирать на крестъ, значитъ всю жизнь свою содѣлать какъбы мертвою и распятою для міра, пребывать неподвижнымъ на всякій грѣхъ, какъ говоритъ Пророкъ, пригвоздившимъ страху Божию плоти своя (Пс. 118, 120.). Гвоздемъ же, удерживающимъ плоти, послужить воздержаніе. Посему, такъ какъ похотѣніе неумѣстнаго извлекаетъ изъ земли смертоносныхъ змійевъ (потому что всякое порожденіе лукаваго похотѣнія есть змій); то посему-то законъ предугадываетъ намъ являемое на древѣ: и это есть подобіе змія, а не змій, какъ и божественный Павелъ говоритъ: *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. 8, 3.). А истинный змій—грѣхъ; кто предался грѣху, тотъ облекается въ естество змія. Посему человекъ освобождается отъ грѣха Пріявшимъ на Себя подобіе грѣха, Тѣмъ, Кто содѣлался подобенъ намъ, превратившимся въ собственный видъ змія, Тѣмъ, Кто угрызенія дѣлаетъ не смертельными, но не уничтожаетъ самыхъ змійевъ. Зміями же называю похотѣнія. Ибо взирающіе на крестъ не подвергаются дѣйствию на нихъ лукавой смерти; но не вовсе изгибло въ нихъ остающееся похотѣніе плоти на духъ. И въ вѣрныхъ нерѣдко дѣйствуютъ угрызенія похотѣ-

нія; но кто взираетъ на Вознесеннаго на древо, тотъ прочь гонитъ отъ себя страсть, страхомъ заповѣди, какъ бы врачевствомъ какимъ, разсѣявъ силу яда. А что вознесенный въ пустынѣ змій естъ знаменіе крестнаго таинства, сему ясно учить Божіе слово, когда говорить: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человѣческому* (Іоан. 3, 14.).

Грѣхъ по какой-то на зло намъ послѣдовательности, свойственнымъ ему путемъ идетъ еще далѣе, какъ бы непрерывною какою цѣпью простираясь впередъ. И законодатель, какъ нѣкій врачъ, вмѣстѣ съ стрѣмленіемъ зла сраспростираетъ и свое врачевство. Поелику угрызеніе змievъ для взирающихъ на подобіе змія (безъ сомнѣнія, разумѣешь сказанное загадочно) содѣлалось недѣйствительнымъ; то иной способъ грѣха примышляется разнообразно ухищряющимся противъ насъ (а подобное сему, какъ и нынѣ можно видѣть совершающимся это во многихъ. Иные, когда цѣломудренною жизнію обуздають страсть похотѣнія, самовольно вторгаются въ священство, чело-вѣческими происками и усиліями присвоить себѣ рукоположеніе, оскорбляя Божіе домостроительство. А до сего злаго послѣдованія грѣху доводитъ тотъ, кого обвиняетъ исторія, что онъ внушаетъ людямъ злое. Когда земля, по вѣрѣ въ Вознесеннаго на древо, перестала въ

наказаніе похотливимъ раждать зміевъ, и убѣдились, что не повредятъ имъ ядоносныя угрызенія, тогда въ освободившихся отъ страсти похотѣнія входить недугъ гордыни. Признавая низкимъ хранить на себѣ чинъ, въ которой поставлены, сами вторгаются въ санъ священства, усиливаясь изгнать изъ него пріившихъ служеніе сіе отъ Бога; погибли они, поглощенные разверзтою землею; а что осталось на землѣ отъ подобнаго скопища, то пожжено молніями. И Писаніе, думаю, повѣствованіемъ симъ научаешь, что конецъ горделиваго превозношенія есть нисхожденіе въ преисподнюю. И иный на семъ, можетъ быть, основаніи не несправедливо опредѣляетъ гордость схожденіемъ долу. Если же, по предположенію многихъ, мысль о томъ клонится къ противному, не дивись сему; ибо многимъ кажется, будтобы словомъ: гордость озпачается — быть выше другихъ. Но истина повѣствуемаго подтверждаетъ наше опредѣленіе. Ибо если превознесшіеся надъ другими низшли долу въ зіяніи разсѣдшейся земли; то никто не осудитъ опредѣленія, по которому гордость есть паденіе въ самыя дольнія страны. Моисей взирающихъ на сіе научаешь **Б**ыть скромными и не превозноситься преспѣяніями, но всегда хорошо распорядяться настоящимъ. Ибо по той причинѣ, что сталъ ты выше сластолюбія, не имѣешь уже права безотчетно предаваться

другому роду страсти. Всякая страсть, пока будетъ страстію, есть паденіе; въ замѣнѣ же страстей одной другою нѣтъ никакой разности паденій. Кто поползнулъ отъ скользкости удовольствій, тотъ палъ; и кто запнулся по гордости, также палъ. Ни одного же рода паденій не избереть для себя имѣющій умъ, но равно долженъ избѣгать всякаго паденія, пока оно будетъ паденіемъ. / Почему, если и нынѣ увидишь кого, что съ одной стороны свободенъ отъ недуга сластолюбія, но, стараясь показать, что онъ выше другихъ, вторгается въ священство; то представляй, о немъ, что видишь его съ высоты гордости падающимъ въ преисподнюю.

Ибо въ послѣдующемъ законѣ учить, что священство есть достояніе божественное, а не человѣческое, учить же сему такъ, жезлы каждаго колѣна, означивъ именами дѣвшихъ, Моисей полагаетъ при алтарѣ, чтобы жезлъ, отличенный отъ прочихъ нѣкимъ Божественнымъ чудомъ, содѣлался свидѣтельствомъ рукоположенія свѣше. И поелику сіе исполнилось, жезлы другихъ колѣнъ остались тѣмъ же, чѣмъ были, а жезлъ іерея, укоренившись въ себѣ самомъ, не отъ посторонней какой влаги, но вложенною въ него божественною силою, произрастилъ вѣтвь и плодъ; и плодъ пришелъ въ зрѣлость; плодомъ же былъ орѣхъ; то по совершеніи сего всѣ подвластные Моисею обу-

чились благочинію. По причинѣ же плода, произращеннаго жезломъ іерейскимъ, надобно придти къ мысли, сколько воздержною, строгою и суровою надлежитъ быть жизни въ священствѣ по внѣшнему ея поведенію, а внутренно, втайнѣ и невидимо какую содержать въ себѣ питательность, что въ орѣхѣ обнаруживается, когда питательное со временемъ созрѣетъ, твердая оболочка распадется, и деревянистый этотъ покровъ на питательномъ плодѣ будетъ сокрушенъ. Если же дознаешь, что жизнь какого либо, такъ называемаго, іерея похожа на яблоко, благоуханна, цвѣтетъ, какъ роза (весьма же многіе изъ нихъ украшаются виссономъ и червленицею, утучняютъ себя дорогими явстами, пьютъ *вино процуженное*, мажутъ *первыми вонями* (Амос. 6. 6.)), и все, что только по первому вкушенію кажется сладкимъ, признаютъ необходимымъ для жизни пріятной); то прекрасно будетъ сказать тебѣ при этомъ евангельское слово: вижу плодъ, и по плоду узнаю древа священства. Инаковъ плодъ священства; а инаковъ этотъ; тотъ плодъ—воздержаніе; а этотъ—роскошь; тотъ землею влагою не утучняется; а къ этому съ дольнихъ мѣстъ стекается много потоковъ наслажденій, съ помощію которыхъ такой красотою рдѣетъ зрѣлый плодъ жизни.

Когда же подчиненные Моисея стали свободны и отъ этой страсти; тогда вступаютъ

въ иноплеменную жизнь, между тѣмъ какъ законъ при уклоненіяхъ въ другую сторону ведетъ ихъ царскимъ путемъ. Ибо путнику уклоненіе въ сторону опасно. Какъ если двѣ сдвинувшіяся стремнины оставляютъ одну тропинку на высокомъ береговомъ утесѣ, то идущему по ней не безбѣдно туда и сюда уклоняться отъ середины, потому что на обѣихъ, можетъ быть, сторонахъ за уклоненіемъ послѣдуетъ обрывъ со стремнины: такъ и законъ требуетъ отъ идущаго по его слѣдамъ не оставлять *пути*, какъ говоритъ Господь, *узкою и тѣсною* (Матѣ. 7, 14.), никакого уклоненія ни въ лѣво, ни въ право не признавая благоуспѣшнымъ. И симъ словомъ опредѣляется то ученіе, что добродѣтели состоятъ въ срединѣ. Почему всякій порокъ обыкновенно совершается, или отъ недостатка, или отъ нарушенія мѣры, добродѣтели; на примѣръ относительно къ мужеству робость есть нѣкоторый недостатокъ сей добродѣтели; дерзость — нарушеніе мѣры; но что свободно отъ того или другаго изъ сихъ пороковъ, то усматривается въ срединѣ между ними и есть добродѣтель. Точно также и все прочее, что заботится о совершеннѣйшемъ, держится какъ-то середины между худымъ соудствомъ; мудрость занимаетъ средину между хитростію и простотою. Непохвальны ни мудрость змія, ни простота голубя, если каждое изъ сихъ свойствъ взять одно, само по себѣ; но

поведеніе, держащееся средины между тѣмъ и другимъ, дѣлается добродѣтелию. У кого недостаесть цѣломудрія, тотъ развратенъ; а кто имъ избыточествуетъ, тотъ *созжженъ совѣстію*, какъ опредѣляетъ Апостолъ (1 Тим. 4, 2.). Одинъ неудержимо утопаетъ въ удовольствіяхъ; другой и бракомъ гнушается наравнѣ съ прелюбодѣйствомъ; поведеніе же, усматриваемое въ срединѣ между сими, есть цѣломудріе. Поелику же, какъ говоритъ Господь, *міръ сей во зль лежитъ* (1 Іоан. 5, 19.), а для послѣдователей закона иноплемменно то, что противоположно добродѣтели, то есть порокъ: то проходящій жизнь въ этомъ мірѣ безопасно совершить необходимое сіе теченіе добродѣтели, если сохранить истинно царскій путь, углаженный и убѣленный добродѣтелию, нимаю не совращаемый порокомъ на прилежація распутія.

† Но какъ, по сказанному, съ восхожденіемъ добродѣтели вмѣстѣ восходить и злокозненность противника, отыскивающая примѣнительно къ каждому поводы къ совращенію въ грѣхъ: то, чѣмъ болѣе народъ возрастаетъ въ жизни по Богу, и сопротивникъ противъ этихъ сильныхъ въ военномъ дѣлѣ употребляетъ тогда иную кознь. Когда воюющіе видятъ, что полкъ превосходящихъ силами враговъ неодолимъ въ открытомъ бою, тогда преодолаваетъ ихъ, ведя переговоры и ставя засады. Такъ и полчище злобы противъ укрѣпившихся зако-

номъ и добродѣтелию, не лицомъ къ лицу выводитъ силы свои, но въ какихъ-то засадахъ скрытно строить имъ козни. Поэтому, и злоумышляя на Израильтянъ, призываетъ въ помощь чародѣйство. И вотъ исторія говоритъ, что былъ нѣкій *волхвъ* (Ис. Нав. 13, 22.) и птицегадатель (Чис. 23, 23.), по какому-то демонскому дѣйствию имѣлъ при этомъ силу вредить, принадлежалъ же къ числу враговъ, и властителемъ Мадіанитянъ нанятъ былъ своими проклятіями нанести вредъ живущимъ по Богу: и онъ-то клятву перемѣнилъ въ благословеніе. А мы изъ связи разсмотрѣннаго доселѣ уразумѣваемъ, что волшебство недѣйствительно противъ живущихъ добродѣтельно; напротивъ того подкрѣпляемые Божіею помощію преодолеваютъ всякую кознь. О томъ, что упомянутый исторіею занимался птицегадательнымъ волхвованіемъ, свидѣтельствуетъ она, когда говоритъ: *волхвованія въ руки его* (Числ. 22, 7.), и совѣщается онъ съ птицами, а еще прежде сего сказуетъ, какъ крикомъ ослицы наущенъ, что предстояло его усилю.

Голосъ этой ослицы (такъ какъ волхву обычно было, по какому-то демонскому дѣйствию, совѣщаться съ голосами безсловесныхъ) Писаніе представляетъ, какъ бы членораздѣльнымъ, показывая, что предзанятыя таковымъ демонскимъ обольщеніемъ доходятъ до убѣжденія принимать за слово по нѣкому наблюденію

изъ голоса безсловесныхъ извлеченное ими наставленіе. И волхвъ, внимая сему, тѣмъ самымъ, чѣмъ обольщался, наученъ, что непреоборима сила тѣхъ, противъ кого онъ нанятъ. И по евангельской исторіи къ сопротивленію власти Господа готовилось ~~полчище~~ (легионъ) демоновъ: но когда приближается къ нему Имѣющій державу надъ всѣми, возглаголетъ оно о превосмогающей силѣ и не скрываетъ истины, что Божіе естество — Тотъ, Кто въ надлежащее время наложить наказаніе на согрѣшившихъ. Ибо демонскій голосъ произносить: *вѣлъ Ты кто еси, Святый Божій* (Марк. 1, 24.); и: *пришелъ еси прежде времени мучити насъ* (Матѣ. 8, 29.). Тоже произошло и тогда; сопровождавшая волхва сила демонская открываетъ Вааламу непреоборимость и непобѣдимость народа Божія.)

А мы, принаровняя исторію къ изслѣдованному доселѣ, утверждаемъ, что ^{намѣреваю} щійся проклясть живущихъ добродѣтельно не можетъ произнести ни одного огорчительнаго и противнаго слова, но проклятiе обращаетъ въ благословеніе. Разумѣется же подъ симъ то, что живущихъ добродѣтельно не касается укоризна злорѣчія. Ибо какъ нестяжателя укорить въ любостяжательности? Какъ объ отшельникѣ и живущемъ уединенно распускать кому либо слухъ, что онъ живетъ распутно? или о кроткомъ, что онъ раздражителенъ? или

о смиренномудренномъ, что онъ кичливъ? или иное что укоризненное разглашать о людяхъ, которые извѣстны съ противной стороны, /у которыхъ та и цѣль, чтобы представить жизнь неуволнимою для насмѣшника, да *посрамится*, какъ говорить Апостолъ, *противный, ничто же имѣя славы* (Гал. 2, 8.). Посему и голосъ призваннаго для проклятiя произносить: *что проклену, его же не кленетъ Господь* (Числ. 23, 8.)? то есть, какъ буду злословить недавшаго пити злословію? У него, поелику взоръ обращенъ къ Богу, то и жизнь неуязвима порокомъ.

Впрочемъ изобрѣтатель зла, когда не устѣлъ въ этомъ, не вовсе перестаетъ примышлять козни тѣмъ, на кого злоумышлялъ, а напротивъ того обращаетъ изобрѣтательность на особую военную хитрость, уловляетъ естество человѣческое въ порокъ приманкою удовольствiй. И дѣйствительно удовольствіе, подобно какой-то приманкѣ, ко всякому пороку, какъ скоро поставлено на видъ, жадныя души удобно привлекаетъ удою гибели; особливо же естество наше безъ всякой какой-то осторожности вовлекается во зло сладострастіемъ. Такъ было и тогда; тѣхъ, которые преодолѣли оружіемъ, показали, что всякое прираженіе желѣза уступаетъ крѣпостию собственной ихъ силѣ, стремительно обратили въ бѣгство со противныя дружины,—ихъ самихъ сластолюбие

уязвило женскими стрѣлами. И побѣдившіе мужей уступили побѣду женамъ. Едва только показались предъ ними женщины, вмѣсто оружій противопоставили имъ свои лица, и они немедленно забыли о силѣ мужества, раздраженіе ихъ перемѣнилось въ желаніе нравиться. И въ такое пришли состояніе, въ какомъ естественно быть до неистовства предавшимся беззаконному смѣшенію съ иноплеменницами.

Освоеніе же со зломъ стало отчужденіемъ помощи добраго; потому что вскорѣ востало на нихъ Божество. Но ревнитель Финеесъ не ждалъ, чтобы грѣхъ былъ очищенъ по приговору свыше; напротивъ того самъ содѣлался и судіею и исполнителемъ казни. Подвигшись гнѣвомъ на неистовыхъ, исполнилъ онъ дѣло іерея, кровію очистивъ грѣхъ, и кровію не какого либо невиннаго животнаго, непринявшаго на себя никакой скверны непотребства, но кровію совокупившихся между собою въ грѣхѣ. И копьё, произившее два ихъ тѣла, успокоило готовое подвигнуться на нихъ Божіе правосудіе, наслажденіе согрѣшившихъ сливъ въ едино съ ихъ смертію. Но мнѣ кажется, что исторія сія предлагаетъ вмѣстѣ людямъ душеполезный вѣкій совѣтъ, научающій насъ, что изъ многихъ страстей, поборающихъ человѣчскіе помыслы, ни одна не имѣетъ на насъ такой силы, чтобы равняться ей съ недугомъ сластолюбія. Ибо что и эти Израильтяне, кото-

рые показали себя неубоявшимися египетской конницы, побѣдили Амаликитянъ, содѣлались страшными и послѣ нихъ слѣдовавшему народу, а потомъ преодолѣли дружину Мадіанитянъ,— и они самые внезапно, при одномъ воззрѣніи на иноплемennыхъ женщинъ, поработились сему недугу. и симъ, какъ сказано, не иное что доказываютъ, а только то, что сластолюбіе—такой нашъ врагъ, который съ трудомъ поборается и преодолевается, который однимъ своимъ появленіемъ одержавъ верхъ надъ непобѣдимыми оружіемъ, воздвигъ памятникъ ихъ безчестія, стыдъ побѣжденныхъ предавъ позору, при свидѣтельствѣ дневнаго свѣта. Сластолюбіе въ скотовъ преобразило людей, которыхъ скотское и неразумное стремленіе къ непотребству убѣдило забыть челоуѣческую свою природу; и они не таятъ преступленія, но величаются безчестіемъ страсти, утѣшаются скверною срама, подобно свиньямъ открыто, въ глазахъ другихъ, валяются въ тинѣ нечистоты.

Чему же научаемся изъ сего повѣствованія? Тому, чтобы, дознавъ, съ какою силою вовлекаетъ въ зло недугъ сладострастія, какъ можно дальше, отъ подобнаго сосѣдства устраняли мы жизнь свою, и чтобы не могъ, какимъ бы то ни было путемъ, прокрасться къ намъ этотъ недугъ, подобный какому-то огню, однимъ приближеніемъ производящему губительное за-

паленіе.] Сему учитъ Соломонъ, совѣтуя въ книгѣ Премудрости: обнаженною ногою не касаться горящаго угля и не класть огня въ нѣдра (Прит. 6, 27. 28.); такъ какъ въ нашей волѣ пребывать въ безстрастіи, пока мы далеко отъ поджигающаго насъ. А если до того сблизимся, что будемъ касаться этого палящаго зноя, то огонь похотѣнія внѣдрится въ насъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ то, что и нога будетъ обожжена, и нѣдро повреждено. Чтобы вдали берегли мы себя отъ подобнаго зла, Господь въ Евангеліи, собственнымъ словомъ Своимъ, какъ бы нѣкій корень страсти, отсѣкаетъ пожеланіе, возбуждаемое зрѣніемъ, научая, что принявшій въ себя страсть взоромъ даетъ путь болѣзни; потому что лукавыя страсти, подобно заразѣ, какъ скоро однажды овладѣютъ существеннымъ въ человѣкѣ, прекращаются только смертію.]

Но думаю, что тѣмъ, которые цѣлую жизнь Моисееву предложили читателямъ въ образецъ добродѣтели, нѣтъ нужды длить слово. [Кто напрягаетъ силы свои къ жизни высокой, тому и сказанное послужить нескуднымъ напутіемъ къ истинному любомудрію; а кто изнемогъ для подвиговъ добродѣтели, для того, если написать и во много кратъ больше сказаннаго, не будетъ пользы отъ этого труда, развѣ только будетъ предано забвенію то, въ чемъ слово наше, по опредѣленію высказанному въ пре-

дисловіи, стоитъ твердо, а именно: совершенная жизнь такова, что никакое описаніе совершенства не останавливаетъ дальнѣйшаго преслѣзанія въ оной, но непрестанное возрастаніе въ усовершеніи жизни для души есть путь къ совершенству.

Приведа слово къ концу Моисеевой жизни, хорошо будетъ доказать, что сіе данное намъ правило совершенства несомнѣнно. Ибо кто въ теченіи всей жизни достигаетъ большей и большей высоты етоль многими восхожденіи, тотъ не сомнѣвался стать еще выше себя самаго, такъ что жизнь его, подобно орлу, во всемъ, думаю, усматривается надоблачною, превыспреннею, парящею въ эфирѣ мысленнаго восхожденія. Родился онъ, когда Египтянами родиться Еврею вмѣнялось въ проступокъ. Мучитель по закону наказывалъ родившагося. Но Моисей не подчиняется губительному закону, спасенный сперва родителями, а потомъ и самими постановившими законъ; и кому по закону надлежало стараться объ его смерти, тѣ приложили все попеченіе, не только о жизни его, но и о жизни славной, обучая юношу всякой премудрости. Послѣ сего ставитъ онъ себя выше человѣческой почести, принимаетъ царскаго сана, признавъ болѣе могущественнымъ и царственнымъ, вмѣсто званія царскаго оруженосца, и вмѣсто царскихъ украшеній, имѣть право стать на стражѣ доб-

родѣтели и величаться ея велелѣпіемъ. Потомъ спасаетъ соплеменника, низлагаетъ же ударомъ Египтянина, подѣ которыми въ нашемъ послѣдовательномъ обозрѣніи разумѣемъ мы врага и друга души. Послѣ этого преподавателемъ высокихъ уроковъ дѣлаетъ безмолвіе, и просвѣщаетъ умъ свѣтомъ, возсіявшимъ изъ купины. И тогда прилагаетъ стараніе и соплеменниковъ сдѣлать участниками въ дарованныхъ ему свыше благахъ. При этомъ представилъ сугубое доказательство силы, карательное въ разнообразныхъ одна за другою послѣдовавшихъ казняхъ врагамъ, и благотѣльное соплеменникамъ. Пѣшимъ переводить черезъ море многочисленный народъ, не отрядъ кораблей приготовивъ для себя, но въ Израильтянахъ для плаванія оснадивъ вѣру. Немокренною дѣлаетъ для Евреевъ глубину, а для Египтянъ море — моремъ. Воспѣлъ и побѣдную пѣснь, и путеводемъ былъ столпомъ, озаряемъ небеснымъ огнемъ, устраивалъ свою трапезу изъ снѣди, подаваемой свыше, утолялъ жажду камнемъ, воздѣлывалъ руки на погибель Амаликитянъ; и къ горѣ приступаетъ, слышалъ звукъ трубы, входитъ и во мракъ, приблизился къ Божию естеству, пребывалъ въ горней скинии, придалъ благолѣпіе священству, устроилъ скинію, исправилъ жизнь законами, напоследокъ, по сказанному, преуспѣлъ въ войнахъ. При концѣ своихъ преслѣяній,

при помощи священства наказалъ непотребство; ибо сіе далъ разумѣть гнѣвъ Финееса, обнаруженный имъ противъ страсти.

Въ заключеніе всего этого восходитъ на гору упокоенія, не сходитъ на дольную землю, къ которой по обѣтованію обращалъ взоры стоявшій долу народъ, не вкушаетъ болѣе земной пищи помышлявшій о снѣди дождливой свѣше, но пребывая выспръ на самой вершинѣ горы, какъ свѣдущій какой ваятель, преобразивъ себя въ полное оживленіе жизни, въ заключеніе произведенія со тщательностію прилагаетъ, не конецъ, но вѣнецъ дѣлу всему. Ибо что говорить о немъ исторія? *Скончися Моисей, рабъ Господень, словомъ Господнимъ, и не успѣда никтоже погребенія его; и не отемнить очи его, и не истлѣло лице его* (Втор. 34, 5. 7.).

А изъ сего научаемся, что за столь многія преспѣянія удостоивается тогда этого высокаго имени — чтобы называться рабомъ Божиимъ, что значитъ тоже, какъ и сказать: онъ сталъ совершеннѣе всякаго. Ибо никто не возможетъ служить Богу, развѣ только тотъ, кто всѣхъ совершеннѣйшимъ содѣлался въ мірѣ. У Моисея и конецъ добродѣтельной жизни созершился *словомъ Господнимъ*. Исторія называется ойной кончиною, кончиною живою, за которою не слѣдуетъ погребеніе, не насыпаютъ могильнаго холма, не оказывается поте-

миѣнія въ очахъ и истѣнія въ лицѣ. И такъ чему же научаемся сказаннымъ?]Одинъ конецъ имѣть въ виду въ продолженіе жизни,—чтобы за содѣланное нами въ жизни быть названу рабомъ Божиимъ. Ибо, когда преодолѣешь всѣхъ враговъ, Египтянина, Амаликитянина, Идумея, Мадіанитянина, перейдешь чрезъ воду, озаришься облакомъ, уследишь дровомъ, испіешь отъ камня и вкусишь пищи свыше, чистотою и невинностію положишь путь къ восхожденію на гору, и бывъ тамъ, посвященъ будешь въ Божественное таинство при звукѣ трубъ, въ неудобозримомъ мракѣ приближишься вѣрою къ Богу, тамъ обученный таинствамъ скиин и изучившій санъ священства; когда содѣлаешься каменосѣчемъ сердца своего, чтобы на скрижаляхъ его Богомъ могли быть начертаны слова Божіи; когда уничижишь золотой кумирь, то есть, изгладишь изъ жизни похоть любостыжанія: когда столько возвысишься, что содѣлаешься непреодолимъ для Валаамова волхвованія (а слыша о волхвованіи, разумѣй многоразличную прелесть этой жизни, отъ которой люди, какъ бы напоенные изъ какой-то киркенной чаши, вышедши изъ собственнаго своего естества, превращаются въ видъ безсловесныхъ); когда совершится все это, и прозябнетъ въ тебѣ жезлъ священства, не всасывая въ себя для прозябенія никакой земной влаги, но самъ въ себѣ заключая силу

плодоношенія, и именно принесеніе въ плодъ орѣха, у котораго первое, что въ немъ представляется, горько и твердо, но содержащее въ этомъ сладко и годно въ пищу; когда все возстающее противъ твоего достоинства, приведешь въ уничтоженіе, какъ Давана, погложеннаго землею, или истребишь огнемъ, какъ Корея: тогда приблизишься къ концу; концемъ же называю то, ради чего все дѣлается. Какъ на примѣръ: конецъ земледѣлія — вкушеніе плодовъ; конецъ постройки дома — обитаніе въ домѣ; конецъ торговли — богатство; конецъ трудовъ подвижническихъ — вѣнецъ: такъ и конецъ высокаго житія — называться рабомъ Божиимъ, подѣль чѣмъ разумѣется также и то, чтобы не имѣть надъ собою могильной насыпи, то есть, сдѣлать жизнь не влекущую за собой дурныхъ послѣдствій.

Но Писаніе сказываетъ другіи признаки сего рабства, — непотемнѣніе очей и неистлѣніе лица. Ибо оку, которое всегда во свѣтѣ, какъ отемнѣть отъ тмы, которой оно чуждается? И кто во всю жизнь преуспѣвалъ въ нестлѣніи, тотъ, конечно, не приѣмлетъ въ себя никакого тлѣнія. Ибо кто дѣйствительно созданъ по образу Божію, и не измѣнилъ въ себѣ ни одной Божественной черты; тотъ носитъ въ себѣ сіи признаки, и подобіемъ во всемъ соответствуетъ первообразу, нестлѣніемъ, не-

измѣняемостию и отсутствіемъ всякой примѣси порока украшая свою душу.

Вотъ тебѣ, человѣкъ Божій, Кесарій, предлагается краткое сіе наше слово о совершенствѣ жизни добродѣтельной, изобразившее жизнь великаго Моисея, какъ нѣкій въ лицахъ первообразъ красоты, съ котораго и мы, каждый порознь, подражаніемъ симъ упражненіямъ, можемъ изображать въ себѣ очертаніе показанной намъ красоты. Что Моисей преуспѣлъ въ возможномъ совершенствѣ, въ этомъ найдется ли для насъ какой свидѣтель, достовѣрный Божію слова, которое говоритъ ему: *оуди ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 12.). И то, что Самимъ Богомъ наименованъ онъ другомъ Божіимъ, и, что, желая лучше погибнуть со всѣми, если Богъ и имъ по благоволенію не окажетъ помилованія за все, въ чемъ согрѣшили, остановилъ гнѣвъ на Израильтянъ, потому что Богъ измѣнилъ опредѣленіе Свое, чтобы не огорчить друга,—и это и все сему подобное служить яснымъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что жизнь Моисея достигла самаго крайняго предѣла совершенства.

Итакъ, поелику вопросъ у насъ былъ о томъ, что такое совершенство въ добродѣтельномъ житіи; а по сказанному совершенство сіе найдено: то остается тебѣ, доблестный, имѣть предъ очами этотъ образецъ, и что усмотрѣно при высшемъ взглядѣ на сказанное

исторически, примѣнивъ это къ собственной жизни, стараться о томъ, чтобы познаннымъ быть отъ Бога и содѣлаться другомъ Божиимъ.

Ибо вотъ тѣ подлинномъ смыслѣ совершенство — не раболюпно, не по страху наказанія удаляться отъ порочной жизни, и не по надеждѣ наградъ дѣлать добро, съ какими нибудь условіями и договорами торгуя добродѣтельной жизнью; но теряя изъ вида все, даже что по обѣтованіямъ соблюдается надеждѣ, одно только почитать для себя страшнымъ — лишиться Божіей дружбы, и одно только признавать драгоценнымъ и вождѣннымъ — содѣлаться Божиимъ другомъ, что, по моему разсужденію, и есть совершенство жизни. / Но что можетъ быть найдено тобою твоимъ умомъ, превознесеннымъ къ болѣе велѣбному и Божественному, найдется же и многихъ.....; то, безъ сомнѣнія, будетъ общою пользою для всѣхъ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, аминь.

4. О МОЛИТВѢ

С Л О В О 1-е.

Божіе слово преподаетъ намъ ученіе о молитвѣ, въ которомъ достойнымъ ученикамъ своимъ, тщательно ищущимъ вѣдѣнія о молитвѣ, излагаетъ оно, какими молитвенными реченіями надлежитъ преклонять къ себѣ Божій слухъ. А я осмѣливаюсь предположить написанному, что настоящему собранію надлежитъ сперва учиться не тому, какъ должно молиться, но тому, что непременно должно молиться, о чемъ, можетъ быть, и не слыхали еще многіе. Священное и божественное сіе дѣло—молитва многими во время жизни оставляется въ нерадѣніи и небреженіи. Посему, кажется мнѣ, прилично будетъ сперва, сколько возможно, подтвердить словомъ, что непременно должно, какъ говоритъ Апостолъ, *пребыиать въ молитвѣ* (Рим. 12, 12.); и потомъ уже выслушать Божественное слово, излагающее намъ способъ, какъ надлежитъ возносить моленіе ко Господу.

Вижу, что въ настоящей жизни о всемъ другомъ прилагается болѣе тщанія, одинъ къ одному, другой къ другому устремленъ душою, но благо молитвы не съ усердіемъ взыскуется людьми. Мелочный торгашъ съ раннего утра сидитъ съ товарами, стараясь прежде промывляющихъ тѣмъ же показать покупателямъ свое, чтобы, предваривъ другихъ, удовлетворить потребности нуждающагося и продать свое. А также и покупатель, имѣя въ виду не остаться безъ потребнаго ему, если прежде захватить это другой, сѣлится не въ домъ молитвы, а на рынокъ. И у всякаго, кто имѣетъ равное пожеланіе получить выгоду, и старается предупредить ближняго, тѣмъ, о чемъ онъ заботится, похищается часть молитвы, будучи перенесенъ на торжище. Такъ занимающійся рукодѣліемъ, такъ и упражняющійся въ наукахъ, такъ подсудимый, такъ получившій право судить—каждый, всецѣло увлекаясь заботливостію о томъ, что у него подъ руками, предастъ забвенію упражненіе въ молитвѣ, признавая богомысліе утратою для лежащаго ему дѣла; потому что, кто занимается искусствомъ, тотъ Божіе въ лежащемъ ему дѣлѣ содѣйствіе почитаетъ чѣмъ-то бесполезнымъ и ни къ чему не служащимъ: почему, оставивъ молитву, возлагаетъ надежду на свои руки, не памятуя о томъ, Кто далъ ему эти руки. А также, кто прилагаетъ попеченіе объ образо-

ваніи въ себѣ дара слова, тотъ не помышляетъ о Томъ, отъ Кого имѣеть сей даръ, но какъ будто самъ себя возвелъ въ естество (в), обращаетъ вниманіе только на себя, и предается изученію уроковъ; въ той мысли, что отъ Божія содѣйствія не будетъ для него ничего добраго, своей тщательности отдастъ предпочтеніе предъ молитвою. Подобно сему и прочія занятія заботливостію о тѣлесномъ и земномъ не даютъ душѣ досуга на попеченіе о важнѣйшемъ и небесномъ.

Посему-то великій это въ жизни грѣхъ, непрестанно отъ разныхъ приращеній болѣе и болѣе увеличивающійся, соединенный со всѣми человѣческими заботами, отчего и забвеніе о Богѣ преобладаетъ всѣми, и благо молитвы не включается людьми въ число заслуживающаго ихъ заботливости. Съ торговлею привходитъ любостыжательность, а любостыжательность есть идолослуженіе. Такъ земледѣлецъ не съ необходимыми потребностями соразмѣряетъ труды земледѣлія, но, простирая всегда тщательность до большей мѣры, доставляетъ грѣху свободный входъ въ занятіе тѣмъ, что

(в) Слѣдующія за симъ выраженія переведены по пергаменной рукописи X—XI вѣка, хранящейся въ Москов. Синод. Библіотекѣ N 71, въ которой читается: *πρὸς αὐτὸν βλέπει καὶ ταῖς τοῦ μηθημιῶν προσιέχει σπουδαῖς δουρὲν ἐκ τῆς τοῦ Θεοῦ συνεργείας* и проч.

вносить оное въ чуждые предѣлы (г). Отсюда происходят некончаемые споры, когда одержимые подлостью недугомъ любостязательности входятъ въ собою въ состязанія о границахъ зѣлѣнаго раздраженія, побужденія къ злымъ дѣламъ, и взаимныя нападенія другъ на друга часто оканчиваются кровопролитіемъ и убійствомъ. А также усиленные хожденія по судамъ, избобрѣтая тысячи извѣщеній неправдѣ, служатъ множеству разныхъ грѣховъ. Судья, или произвольно за взятку кривить вѣсами правосудія, или, противъ воли введенный въ обманъ старающимися затемнить истину, подтверждаетъ неправду. И что, если пересказать подробно это множество видовъ и способовъ, какими грѣхъ примѣшивается къ человѣческой жизни ?

Причиною же грѣха не иное что, а единственно то, что люди къ тѣмъ средствамъ достигнуть желаемого, какія у нихъ подъ руками, не хотятъ присовокупить и Божію помощь. Если усиленному старанію предшествовать будетъ молитва, то грѣхъ не найдетъ доступа къ душѣ. Пока въ сердцѣ твердо памятованіе о Богѣ, недѣйствительными остаются примышленія сопротивника; потому что въ дѣ-

(г) По той же рукописи читается: *κατα τὴν ἐπιτηδεύματος καὶ τοὺς ἀλλοτρίους ὁρῶντες.*

лахъ сомнительныхъ вездѣ за насъ ходатайствуетъ правда. Молитва и земледѣльца удерживаетъ отъ грѣха, на маломъ пространствѣ земли умножая плоды, такъ что онъ не входитъ уже съ пожеланіемъ болѣе. Такъ путешественникъ, такъ вступающій въ воинскіе ряды, или въ супружество, такъ всякій, къ чему бы ни было направлено его стремленіе, если каждое дѣло будетъ дѣлать съ молитвою, благоуси́шностію въ томъ, чѣмъ онъ занятъ, будетъ отвращенъ отъ грѣха, такъ какъ ничто противное не увлечетъ души его въ страсть. Если же кто отступитъ отъ Бога, всецѣло предастся собственному уси́лю; то, ставъ внѣ Бога, по всей необходимости непремѣнно перейдетъ онъ во власть противника. Отлучается же отъ Бога, кто не въ единеніи съ Богомъ посредствомъ молитвы.

Посему надлежитъ намъ тому сперва научиться въ этомъ словѣ, что *подобаетъ всегда молиться, и не стужати* (Лук. 18, 1.). Ибо слѣдствіе молитвы то, что бываемъ мы съ Богомъ: а кто съ Богомъ, тотъ далекъ отъ сопротивника. Молитва есть охранныя стража цѣломудрія, доброе направленіе раздражительности, обузданіе кичливости, очистительное средство отъ памятозлобія, истребленіе зависти, уничтоженіе неправды, исправленіе нечестія. Молитва есть крѣпость тѣлу, обиліе въ дому, благоустройство въ городѣ, могущество

царства, побѣдный памятникъ на брани, безопасность во время мира, собраніе разъединенныхъ, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать дѣвства, вѣрность супружества, оружіе путешественникамъ, стражъ спящимъ, смѣлость бодрствующимъ, плодъ сіе земледѣльцамъ, спасеніе плавающимъ. Молитва—защитникъ подсудимымъ, освобожденіе узниковъ, успокоеніе утружденныхъ, ободреніе скорбящихъ, удовлетвореніе радующихся, утѣшеніе плачущихъ, вѣнецъ вступающихъ въ супружество, торжество въ день рожденія. погребальная пелена умирающимъ. Молитва—собесѣдованіе съ Богомъ, созерцаніе невидимаго, несомнѣнная увѣренность въ вождѣваемомъ, равночестіе съ Ангелами, преспѣваніе въ добрѣ, низложеніе зла, исправленіе согрѣшающихъ, наслажденіе настоящимъ, осуществленіе будущаго. Молитва Іонѣ кита содѣлала жилищемъ, Езекию изъ вратъ (д) смерти возвратила къ жизни; а тремъ ѳтрокамъ пламень обратила въ духъ росный (Дан. 3, 50.), Израильтянамъ воздвигла памятникъ побѣды надъ Амаликитянами, сто восемьдесятъ пять тысячъ Ассиріянъ поразила въ одну ночь невидимымъ мечемъ; и кромѣ сего можно найти

(д) По рукоп. вмѣсто: *ἀντὶν* читается: *ἐκ τῶν*.

въ томъ, что было уже прежде, тысячи примѣровъ, изъ которыхъ дѣлается явнымъ, что) изъ всего цѣнимаго въ жизни ничто не выше молитвы.

Но хотя время уже заняться самою молитвою; однакоже присовокупимъ еще нѣчто къ слову, потому что, по Божіей благодати, благъ всякаго рода у насъ много, для воздаянія же за полученное имѣемъ у себя это одно—возможность платить долгъ Благодарителю молитвою и благодареніемъ. Посему разсуждаю, что, если и цѣлую жизнь продолжимъ свое собесѣдованіе съ Богомъ, пребывая въ благодареніи и молитвѣ, то воздаяніе наше будетъ такъ же малоцѣнно, какъ если бы мы непо-заботились еще положить и начала исполненію этой обязанности—чѣмъ либо воздать Благодарителю. Продолженіе времени дѣлится на три отдѣла: на прошедшее, настоящее и будущее. Сими тремя отдѣлами объемлется благодарѣніе къ намъ Господне. Помыслишь ли о настоящемъ? Ты о Господѣ живешь: или о будущемъ? Онъ для тебя — упованіе ожидаемаго; или о прошедшемъ? Тебя и небыло бы если бы не отъ Него получилъ бытіе; тѣмъ самымъ ты облагодѣтельствованъ Имъ, что получилъ отъ Него бытіе, облагодѣтельствованъ и тѣмъ, что пользуешься бытіемъ, потому что о Немъ живешь и движешься, какъ говоритъ Апостолъ (Дѣян. 17, 28.). Да и надежды на будущее

зависятъ отъ сего же благодѣянiя (е). Самы ты властенъ только въ настоящемъ, такъ что, если бы и во всякое время не переставалъ ты благодарить Бога, то едва могъ бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее, и за прошедшее. А мы столько скудны въ должной (ж) благодарности, что и по мѣрѣ возможности небываемъ признательны, не говорю, цѣлаго дня, даже большей части дня не удѣляя на богомыслие. Кто распростеръ для меня землю? Кто примышленiемъ своимъ и влажное естество содѣлалъ проходимымъ? Кто устроилъ мнѣ *небо яко калару* (Иса. 40, 22.)? Кто носитъ передо мною свѣтильникъ солнца? Кто посылаетъ источники въ долину? Кто уготовалъ русла рѣкамъ? Кто отдалъ мнѣ въ услуженiе безсловесныхъ животныхъ? Кто меня—неодушевленный прахъ содѣлалъ причастникомъ жизни и разумѣнiя? Кто сіе бренное образовалъ по подобію образа Божiя? Кто омраченный во мнѣ грѣхомъ Божiй образъ снова привелъ въ первоначальную лѣпоту? Кто меня, изгнаннаго изъ рая, удаленнаго отъ древа жизни, сокрытаго въ безднѣ вѣщественной жизни, влечетъ къ первобытному блажен-

(е) По рукъ вмѣсто *ἐνεργίας* читается *ἐνεργείας*

(ж) Въ рукопъ вмѣсто: *κατὰ δέοντιν* читается: *κατὰ ἀξίαν*.

ству? *Нѣсть разумѣвая* (Рим. 3, 11.), говорить Писаніе. Взирая на это, [должны бы] мы были во все продолженіе времени жизни безконечное и непрерывное воздавать благодареніе.]

✓ Но теперь все почти человѣческое естество бдительно для одного вещественнаго, объ этомъ вся его тщательность, къ этому все усердіе, это составляетъ предметъ и памятованія и надежды. Неусыпно и неудержимо во всякомъ дѣлѣ естество человѣческое къ вожделѣнію большаго, гдѣ только можетъ еще быть найдено что либо большее, въ чести ли это и славѣ, въ избыткѣ ли имуществъ, или недуга раздражительности, вездѣ естество наше имѣетъ въ виду достигнуть въ этомъ большаго, объ истинныхъ же благахъ Божіихъ, или извѣстныхъ по обѣтованію, нѣтъ и помышленія.

Но время изслѣдовать, по возможности, смыслъ реченій, употребленныхъ въ молитвѣ; ибо явно, что получить желаемое нами, дѣлается для насъ возможнымъ, только когда познаемъ, какъ надлежитъ сего испрашивать. Посему какое же преподано о семъ ученіе? *Молящеся* сказано, *не лишше глаголите якоже язычницы*: *мнятъ бо яко въ многоглаголаніи своемъ услышани будуть* (Мѡ. 6, 7. ✕). Хотя содержаніе сего ученія, будучи изложено намъ просто, само по себѣ можетъ быть ясно, и не требуетъ никакого болѣе тонкаго изысканія:

однакоже достойно для насъ изслѣдованія: что значить реченіе: *лишиеглаголаніе*, чтобы, дознавъ смыслъ сего слова, не дѣлать намъ за-
прещеннаго.

Мнѣ кажется, что, Господь уцѣломудриваетъ суетность ума, обуздываетъ погружающихся въ суетныя пожеланія, и потому изобрѣлъ это неупотребительное дотолѣ и новосоставленное реченіе въ обличеніе неразумія тѣхъ, которые развлекаются пожеланіями бесполезнаго и суетнаго. Ибо слово благоразумное, смысленное и направленное къ полезному въ собственномъ смыслѣ называется словомъ, а произносимое неисполнимыми пожеланіями ради неосуществимаго удовольствія есть не слово, но *лишиеглаголаніе*, или какъ иный, выражая мысль болѣе употребительными словами, сказалъ бы: пустословіе, бессмыслица, вздоръ, и что либо другое подобнаго сему значенія. Посему, что же внушаетъ намъ слово сіе?— Во время молитвы не подвергаться тому же, что, напримѣръ, происходитъ въ дѣтскомъ умѣ. Ибо несовершенные умомъ не о томъ думаютъ, что могло бы дѣйствительно быть исполнено по ихъ мысли, но самовластно строятъ себѣ какую-то счастливую судьбу, предполагая сокровища, супружество, царства, большіе города, называемые ихъ именами, представляютъ себя обладателями того, что изобразила имъ суетность помысловъ, а иные

еще смѣлѣе предаются такой суетности, и преступивъ мѣру естества, или дѣлаются мысленно птицами, или сіяютъ подобно звѣздамъ, или носятъ въ рукѣ горы, или небо представляютъ для себя удобопроходимымъ, или предполагаютъ прожить тысячи лѣтъ, изъ стариковъ дѣлаясь молодыми, или иные подобныя симъ похожія на пузыри и пустыя представленія (3) пораждаютъ сердце въ юныхъ умахъ; посему, какъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ не разсуждающій о томъ, чѣмъ достигается какое либо изъ благихъ желаній, но осуетившійся не исполнимыми пожеланіями, какъ человѣкъ неразумный и жалкій, въ этихъ грезахъ тратитъ время, въ которое могъ бы подумать, какъ сдѣлать для себя что либо полезное: такъ и тотъ, кто во время молитвы устремленъ не къ тому, что полезно душѣ, но просить Бога оказать благоволеніе къ страстнымъ движеніямъ его ума, какъ человѣкъ нелѣпый, есть дѣйствительно лишнеглаголивый, молящійся о томъ, чтобы Богъ сталъ содѣйственникомъ и служителемъ его суетностей. Скажу для примѣра: приступаетъ кто либо съ молитвою къ Богу, и не уразумѣвъ умомъ высоты того могущества, къ какому приступаетъ, самъ того не понимая, оскорбляетъ сіе величіе срамными и низкими прошеніями. (Какъ если кто, по

(3) По рус. вѣсто: *поимати* читается: *воимати*.

чрезвычайной бѣдности, или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоцѣнными, а потомъ пришедши къ царю, готовому раздавать богатства и чины, отложивъ въ сторону прошенія, какія прилично предлагать царю, станеть у почтеннаго такимъ саномъ просить чтобы изъ глины лѣнилъ, что для него желательно; такъ и невѣжественно пользующійся молитвою не возносится самъ до высоты Дающаго, а напротивъ того желаетъ Божественное могущество низвести до собственнаго своего низкаго и земнаго пожеланія, и поэтому страстныя стремленія простираеть къ Тому, Кто видитъ сердца, и простираеть не для того, чтобы уврачевалъ неумѣстныя движенія сердца, но чтобы содѣлалось оно еще худшимъ, когда лукавое сіе стремленіе, при содѣйствіи Божиємъ, увѣнчается дѣломъ. Поелику такой-то оскорбляетъ, и сердце къ оскорбляющему расположено непріязненно, то говоритъ Богу: «порази его», какъ бы такъ вопія: «моя страсть да содѣлается и Твоею, моя злоба да перейдетъ и въ Тебя». Какъ въ человѣческихъ битвахъ невозможно стоять за кого либо съ одной стороны, нечувствуя вмѣстѣ съ гнѣвающимся раздраженія на противоборствующаго; такъ, очевидно, и возбуждающій Бога противъ своего врага просить Его, чтобы вмѣстѣ съ нимъ прогнѣвался, и сталъ участникомъ въ раздраженіи. А сіе значитъ Божеству

придти въ страсть, уподобиться человѣку и
 благое естество претворить въ звѣрскую же-
 стокость. Такъ славолубецъ, такъ по гордости
 желающій имѣть у себя больше и больше,
 такъ усиливающейся одержать побѣду въ судо-
 производствѣ, такъ посиѣшающій получить
 вѣнецъ въ тѣлесныхъ борьбахъ, помогающійся
 одобренію на зрѣлищахъ, а часто и истощен-
 ный неистовою страстію юности — всѣ они
 возносятъ моленія къ Богу не о томъ, чтобы
 освободиться отъ преобладающаго ими недуга,
 но о томъ, чтобы болѣзнь въ нихъ достигла
 своего предѣла; и поелику каждый изъ нихъ
 не успѣтъ въ этомъ признаетъ для себя несча-
 стіемъ, то подлинно они лишние глаголютъ,
 умоляя Бога, чтобы сталъ Онъ содѣйствени-
 комъ умственнаго ихъ недуга: а что всего
 хуже, имъ желательно, чтобы Божество при-
 нимало противоположныя стремленія, дѣля Бо-
 жію дѣйственность на жестокость и человѣко-
 любіе: потому что, о Комъ желаютъ, чтобы
 милостивъ и кротокъ былъ къ нимъ, Того же
 просятъ показать Себя жестокимъ и немилос-
 тивымъ къ ихъ врагамъ. / Какое неразуміе
 лишние глаголющихъ! Если Богъ жестокъ къ
 нимъ, то, безъ сомнѣнія, не благосклоненъ и
 къ тебѣ. А если, по надеждѣ твоей, къ тебѣ
 преклоняется на милость, то почему придетъ
 въ противоположное расположеніе, перемѣнивъ
 милость на жестокость?

Но у любителей споровъ подъ руками на это возраженіе. Ибо въ защищеніе своей жестокости немедленно представляютъ пророческія слова, и именно: Давида, желающаго, *да погибнутъ* грѣшныя (Псал. 9, 4.), и молящагося о постыженіи и посрамленіи враговъ (Псал. 82, 18.); Іеремію, изъявляющаго желаніе видѣть *мщеніе* Божіе на сопротивныхъ (Іерем. 11, 20.), Осію, испрашивающаго дать врагамъ *утробу неплодящую и сосцы сухи* (Ос. 9, 14.), собираютъ и многое другое, разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ священныхъ Писаній, доказывая, что должно молиться объ отмщеніи противникамъ и благодать Божію дѣлать содѣйственницею своей жестокости. Но чтобъ, какъ бы мимоходомъ, прекратить лишнеглаголаніе по сему поводу уклоняющихся въ противное. о каждомъ изъ упомянутыхъ мѣстъ предложимъ мы слѣдующее:

Ни одинъ изъ дѣйствительно святыхъ, вдохновенныхъ Духомъ Святымъ, которыхъ реченія по Божественному смотрѣнію написаны въ назиданіе послѣдующимъ родамъ, не окажется прилагающимъ реченія о чемъ либо худомъ. Но одна цѣль въ ихъ словахъ, она клонится къ исправленію естества отъ вселившагося въ немъ порока. Посему, какъ молящійся, чтобы небыло больныхъ, не было нищенствующихъ, желаетъ не смерти людей, а истребленія болѣзни и нищеты: такъ и каждый изъ святыхъ,

молясь о томъ, чтобы пришло въ уничтоженіе все враждебное и непріязненное естеству, только людямъ наиболѣе невѣжественнымъ по-
даетъ поводъ къ такой мысли, будто бы свя-
тые ожесточены и раздражены противъ лю-
дей. Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ: *да исчез-
нутъ ирпшницы отъ земли и беззаконницы, якоже
небыти илѣ* (Псал. 103, 35.), молится о томъ,
чтобы исчезли грѣхъ и беззаконіе; потому что,
не человѣкъ человѣку враждебенъ, но пороч-
нымъ движеніемъ произвола соединенное съ
нимъ по естеству дѣлается ему врагомъ. По-
сему Давидъ молится, чтобы исчезло зло; но
человѣкъ—не зло. Ибо какъ быть зломъ по-
добію Благаго? Такъ, если молится о постыж-
деніи и посрамленіи враговъ, то указываетъ симъ
тебѣ на полчище сопровитниковъ, отъ неви-
димаго врага нападающихъ на жизнь человѣ-
ческую, о которыхъ откровеннѣе выражается
Павелъ, говоря, что у насъ *брань къ началомъ,
ко властемъ и къ міродержителямъ тмы* (и)
сея, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Ефес.
6, 12.), къ демонскимъ кознямъ, по которымъ
представляются людямъ дурные случаи ко грѣху,
приводящіе въ раздраженіе встрѣчи, поводы
къ вождельніямъ, предлоги къ зависти, нена-
висти, гордости, и подобнымъ порокамъ.

(и) Такъ читается по рукописи.

Видя, что все это злокозненно окружаетъ душу каждаго, великій Пророкъ, молящійся объ отмщеніи симъ врагамъ, молится, чтобы они были постыждены, то есть, чтобы спастися ему самому (i); потому что естественно побѣжденному въ борьбѣ стыдиться своего паденія, какъ и побѣдившему радоваться побѣдѣ. А что сіе дѣйствительно такъ, даетъ разумѣть видъ молитвы. *Да постыдятся, сказано, и посралятся ищущіи душу мою* (Псал. 34, 4.). Пророкъ молится объ отмщеніи не тѣмъ, которые злоумышляютъ причинить ущербъ имуществу, или спорятъ о предѣлахъ владѣнія, или указываютъ какой либо порокъ въ его глѣбѣ, но которые злоумышляютъ на душу. Злоумышленіе же на душу въ чемъ иномъ состоитъ, какъ не въ отчужденіи ея отъ Бога? А душа человѣческая не иначе отчуждается отъ Бога, какъ страстнымъ расположеніемъ. Поселику Божество всегда безстрастно, то постоянно пребывающій въ страсти отлучается отъ общенія съ Божествомъ. Потому, чтобы не потерпѣть сего, Давидъ молится о постыженіи противоборствующихъ. А сіе не иное что значить, какъ испрашивать себѣ побѣды надъ сопротивниками. Сопротивники же эти суть страсти. Такъ и Іеремія, имѣя рев-

(i) По рукописи: τὸν αὐτὸν.

ность о богочестіи, поелику тогдашній царь до безумія преданъ былъ идоламъ, а съ нимъ вмѣстѣ увлеклись и подданные, не собственную какую либо врачуешь бѣду, но вообще о людяхъ приносить моленіе, желая, чтобы ударомъ, какой наносится нечествующимъ, уцѣломудренъ былъ весь человѣческій родъ. Такъ и Пророкъ, который видѣлъ тогда порокъ у Израильтянъ многоплоднымъ, справедливо осуждаетъ его на безчадіе, и желаетъ, чтобы иссохли горькіе сосцы грѣха, и чтобы зло не раждалось и не воспитывалось больше у людей. Посему и говоритъ Пророкъ: *даждь имъ Господи утробу неплодящую и сосцы сухи* (Ос. 9. 14.). И если у святыхъ найдется другое какое подобное слово, которымъ выражается и означается нѣкое раздраженіе, то, конечно, скрывается въ немъ та мысль, чтобы изгнано было зло, а не истребленъ человѣкъ. *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1, 13.). Слышишь этотъ рѣшительный приговоръ! Посему, какъ же Пророкъ сталъ бы вымаливать смерти собственнымъ врагамъ своимъ у Бога, Которому чужда дѣятельность смерти? *Не веселится Онъ о погибели живыхъ*. Только лишнеглаголющій и желающій отъ собственныхъ своихъ враговъ отворотить Божіе человѣколюбіе побуждаетъ веселиться о человѣческихъ бѣдствіяхъ.

Но говорятъ: иные удостоились уже начальства, почестей, богатства, употребивъ къ сему

молитву, и такую благоуспѣшностію подали о
 себѣ мысль, что они боголюбивы. Поэтому
 скажетъ кто нибудь: какъ же запрещаешь намъ
 возносить Богу моленія о чемъ либо подоб-
 номъ?—Всякому, правда, извѣстно, что ^{все} ~~все~~
 зависитъ отъ Божіей воли, и настоящая жизнь
 устроится свѣше, никто не станеть и про-
 тиворѣчить сему ученію: однакоже познаемъ
 и другія причины таковой успѣшности мо-
 литвы, и безъ сомнѣнія, не какъ благое, удѣ-
 ляетъ сіе Богъ просящимъ; но чтобы въ лю-
 дяхъ поверхностныхъ утверждалась этимъ вѣра
 въ Бога, и чтобы, познавая на опытѣ, какъ
 Богъ внимлетъ нашимъ моленіямъ, испрашива-
 ніемъ маловажнаго мало по малу возвысились
 мы со временемъ до пожеланія даровъ выс-
 шихъ и боголѣпныхъ, какъ усматриваемъ это
 на дѣтихъ своихъ. Пока они при матернихъ
 сосцахъ, сколько можетъ вмѣстить ихъ при-
 рода, столько и требуютъ отъ родившей. Если
 же младенецъ возмужаетъ, и получитъ при
 этомъ нѣкоторую способность говорить, то не
 глядитъ уже на сосцы, а смотритъ у матери
 на что либо такое, какъ напримѣръ или на
 волосы на головѣ, или на одежду, или на иное
 сему подобное, чѣмъ увеселяется дѣтскій глазъ.
 Когда же придетъ въ возрастъ, вмѣстѣ съ тѣ-
 ломъ получитъ приращеніе и умъ; тогда, оста-
 вивъ всѣ дѣтскія пожеланія, будетъ просить
 у родителей служащаго къ жизни совершен-

ной. Такъ и Богъ, всѣми мѣрами приучая чело-
вѣка обращать взоры къ Нему, для сего са-
маго бываетъ нерѣдко внимателенъ и къ мало-
важнымъ прошеніямъ, чтобы благодареніемъ въ
маломъ получившій сію милость вызванъ былъ
на пожеланіе высшаго. Посему и ты, если
такой-то челоѣкъ, по Божію Промыслу, изъ
невидныхъ сдѣлался извѣстнымъ и знамени-
тымъ, или приобрѣлъ что либо другое, чего
домогаются люди въ этой жизни, начальство,
или богатство, или блистательное положеніе,
представляй себѣ цѣль этого, а именно, что
Божіе въ этомъ челоѣколюбіе служить для
тебя доказательствомъ великаго Божія могу-
щества, чтобы ты, получивъ дѣтскія игрушки,
возсымалъ къ Отцу прошенія о важнѣйшемъ
и совершеннѣйшемъ. А таково все, что при-
носить пользу душѣ. Ибо всего неразумнѣе
будетъ, если приступающій къ Богу станетъ
просить Вѣчнаго о временномъ, Небеснаго—
о земномъ, Всевышняго—о пресмыкающемся
по землѣ, Дарующаго небесное царство—объ
этомъ земномъ и низкомъ благополучіи, На-
дѣляющаго неотъемлемымъ—о кратковремен-
номъ пользованіи чужимъ достояніемъ, и отъ-
ятіе котораго необходимо, и наслажденіе
которымъ кратковременно, и распоряженіе
опасно.

Прекрасно изображаетъ Господь сію несооб-
разность присовокупленіемъ, сказавъ, *якоже*

язычники. Ибо имѣть попеченіе о видимомъ свойственно не предоставляющимъ для себя никакой надежды въ будущемъ вѣкѣ, ни страха суда, ни угрозы геенной, ни ожиданія благъ, ни чего либо уповаемаго по воскресеніи, — свойственно людямъ, которые, на подобіе скотовъ, видятъ только настоящую жизнь, признаютъ за благо одно то, что могутъ дать въ удовлетвореніе гортани, чрева и прочихъ сластолюбивыхъ требованій тѣла. Или первенствовать между иными и заставить о себѣ думать, что ты выше прочихъ, или почивать на множествѣ талантовъ, или обладать чѣмъ инымъ, что только служить къ житейскому обольщенію, — свойственно такимъ людямъ, которымъ, кто скажетъ объ упованіи въ будущемъ, тотъ кажется пустословомъ, какъ скоро начинаетъ описывать рай и царство и небесную жизнь и подобное тому. Итакъ, поелику не имѣющимъ надежды свойственно прилѣпяться къ жизни настоящей, то излишества и суеты пожеланія, которыхъ сластолюбцы надѣются успѣшно достигнуть молитвою, прекрасно называетъ Писаніе свойственными язычникамъ, думающимъ неотступностію неслѣпыхъ прошеній довести Божество до содѣйствія, въ чемъ недолжно. *Мнѣтъ бо, сказано, яко въ многочисленіи своемъ услышани будутъ.*

Но какъ изъ того, что нами излѣдовано.

научились мы, чего не должно просить (к), такъ о томъ, какое моленіе надлежитъ приносить Богу, услышимъ въ послѣдующемъ, по благодати Господа Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2-е.

Отче нашъ, Иже еси на небесахъ
(Мѣ. 6, 9.).

Когда великій Моисей приготавлилъ Израильскій народъ къ тайноводству на горѣ; тогда не прежде удостоилъ ихъ богоявленія, какъ предписавъ народу законъ объ очищеніи соблюденіемъ плотской чистоты и омовеніемъ. Да и послѣ сего не осмѣлились Израильтяне видѣть явленіе Божія могущества, но въ ужасъ приводило ихъ все видимое, огонь, мракъ, дымъ, трубы; и снова обратившись къ себѣ самимъ (а), просили законодателя стать ихъ посредникомъ предъ божественнымъ изволеніемъ, такъ какъ у нихъ не было достаточной

(к) Въ рукописи читается: *α δι' ημῶν ἀγίων.*

(а) По рукоп. вмѣсто: *πρὸς τοὺτους* читается: *πρὸς ἑαυτοὺς.*

силы приблизиться къ Богу и перенести Божіе присутствіе. А нашъ Законоположникъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, намъреваясь, привести насъ къ Божественной благодати, указываетъ намъ словомъ не гору Синайскую, покрытую мракомъ и дымящуюся огнемъ, не гласы трубъ, звучащихъ что-то невятное и страшное, и не соблюденіемъ тридневной плотской чистоты, не водою, омывающею скверны, очистивъ душу, и всю церковь оставивъ при подошвѣ горы, одному только позволяетъ взойти на вершину, покрытую мракомъ, сокрывающимъ въ себѣ Божественную славу; а напротивъ того, сперва вмѣсто горы возводитъ на самое небо, содѣлавъ оное для людей удобопроходимымъ посредствомъ добродѣтели; потомъ содѣлываетъ, не зрителями только, но и причастниками Божественной силы, и приступающихъ къ Нему вводитъ нѣкоторымъ образомъ въ родство съ превысшимъ естествомъ, и не мракомъ покрываетъ все превосходящую славу, чтобы неудобозримою была для ищущихъ, но, озаривъ мракъ яснымъ свѣтомъ ученія, содѣлалъ, что чистые сердцемъ въ полной ясности созерцаютъ неизреченную славу. Даетъ же и воду для окропленія, не изъ чуждыхъ потоковъ почерпаемую, но текущую въ насъ самихъ, будетъ ли кто разумѣть, подь нею источники очей, или чистую совѣсть сердца, — узаконивъ не допускать никакой

тины порока; да и плотскую чистоту (м) составляет въ воздержаніи, не отъ законнаго только общенія супруговъ, но и отъ всякаго вещественнаго и страстнаго расположенія; и такимъ образомъ посредствомъ молитвы возводитъ къ Богу. Ибо такова сила реченій, изъ которыхъ, не какіе либо звуки произносимые въ слогахъ, познаемъ изъ Божія слова, но предначертаніе восхожденія къ Богу, успѣшно приводимое въ исполненіе высокою жизнію.

Но изъ самыхъ словъ молитвы можно уразумѣть Божественное тайноводство. *Егда молитесь* (Лук. 11, 2.), говоритъ Господь. Не сказалъ: *егда изрекаете обѣтъ* (ἐνυχθε), но говоритъ: *егда молитесь* (προεύχθε); потому что надлежащее по обѣту должно быть уже исполнено прежде, нежели приступаешь къ Богу съ молитвою. Какое же различіе въ значеніи сихъ именованій? То, что обѣтъ (ἐνυχῆ) есть объявленіе о чемъ либо, по благочестію посвящаемомъ въ даръ Богу; а молитва (προεύχῃ) есть прошеніе благъ, уничиженно обращенное къ Богу. /Итакъ, поелику потребно намъ дерзновеніе, когда приступаемъ къ Богу, обращаясь съ уничиженными прошеніями о

(м) По рукоп. читается: *μηδὲ μίαν ἰλὺν ἀπὸ κακίας ἐπιγομένην, ἀγνείαν δὲ οὐκ ἀπὸ τῆς ἐνδόμου τῶν γυμνῶν δουλίας ἐπιγομένην*

полезномъ для насъ, то необходимо предшествовать исполненію того, что объявлено по объѣту, чтобы, совершивъ зависящее отъ насъ, потомъ уже смѣлѣе изъявлять желаніе о полученіи воздаянія отъ Бога. Посему-то Пророкъ говоритъ: *воздамъ Тебѣ молитвы* (*τὰς ἐυχὰς*—обѣты) *моя, яже изрекостъ устъ твоихъ* (Псал. 65, 13. 14.), и еще: *помолитесь* (*ἐὐχασθε*—дайте обѣты) *и воздадите Господеву Богу нашему* (Псал. 75, 12.). И во многихъ мѣстахъ Писанія можно видѣть подобное значеніе слова: *ἐυχῇ* (обѣты), и поэтому знать, что обѣты, какъ сказано; есть благодарственное возвѣщеніе о принесеніи дара, а молитва означаетъ приближеніе къ Богу, по исполненіи обѣщаннаго Ему. Посему Господне слово научаетъ насъ, не просить чего либо у Бога прежде, нежели что либо угодное Ему принесемъ Ему въ даръ. Ибо прежде надлежитъ совершить обѣты, и потомъ молиться; какъ иный скажетъ, что сѣянiе должно предшествовать собираиію плодовъ. Посему надлежитъ сперва посѣять сѣмена обѣта, и когда этотъ залогъ сѣмь возрастеть, собирать плоды, молитвою воспріемля благодать. Посему, такъ какъ не будетъ дерзновенія просить, если приступимъ безъ предварительнаго какого либо обѣта, или дара; то молитвъ по необходимости да предшествуетъ обѣты.

Посему, такъ какъ обѣты уже выполнены,

Господь говорить ученикамъ: *егда молитесь, глаголите: Отче нашъ, Иже на небѣсехъ* (Лук. 11, 2.). Кто дастъ ми *крыль яко голубинъ* (Псал. 54, 7.)?—говорить въ одномъ мѣстѣ псалмопѣнія великій Давидъ. Осмѣлюсь и я сказать тоже слово: кто дастъ мнѣ оныя *крыль*, чтобы могъ я воспарить умомъ на высоту величія сихъ реченій,—и оставить всю землю, перейти весь разлитый въ срединѣ воздухъ, коснуться эфирной лѣноты, достигнуть звѣздъ увидѣть все ихъ украшеніе, да и на нихъ не остановиться, но миновать и это, стать внѣ всего движимаго и измѣняемаго, объять естество постоянное, силу неподвижную, въ себѣ самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имѣетъ бытіе, все, что зависитъ отъ неизреченной воли Божіей премудрости, чтобы, ставъ мыслію вдали отъ всего измѣняемаго и превратнаго, въ непреложномъ и неуклонномъ состояніи души могъ я сперва сродниться мыслію съ Непреложнымъ и Измѣняемымъ, потомъ призывать самымъ родственнымъ наименованіемъ и говорить: *Отче?* Ибо произносящему это какая потребна душа? Сколько нужно дерзновенія? Какую надобно имѣть совѣсть, чтобы, сколько возможно, познавъ Бога, примышленными Ему наименованіями руководясь къ уразумѣнію неизреченной славы, и дознавъ, что естество Божіе, представляемое въ себѣ самомъ, есть благодать,

святѣнія, радованіе. сила, слава, чистота, вѣч-
ность. то, что всегда тоже и гаковоже, и все,
что подобнаго сему представляется мыслію о
Божіемъ естествѣ, и уразумѣвъ при помощи
божественнаго Писанія и собственнаго раз-
судка, — потомъ уже осмѣлится выговорить
это слово, и такое Существо наименовать
своимъ Отцемъ? Явно, что, если имѣетъ кто
сколько нибудь разума, то, не усматривая въ
себѣ тогоже, что въ Богѣ, не осмѣлится про-
изнести къ Нему слова сего, и сказать: *Отче*.
Ибо не естественно благому по сущности стать
Отцемъ лукаваго поступка, и святому — Отцемъ
оскверненнаго по жизни, а также Неизмѣняемому
— Отцемъ превратнаго, Отцу жизни — Отцемъ
умерщвленнаго грѣхомъ; Чистому и безпри-
мѣсному — Отцемъ опозорившихъ себя стра-
стями *безчестія*, Благодѣтелю — Отцемъ любо-
стяжателя, вообще Тому, Кого представляемъ
во всякомъ добрѣ — Отцемъ пребывающихъ
въ какомъ либо злѣ. Если кто, видя себя имѣю-
щимъ еще нужду въ очищеніи и порочную
совѣсть свою признавая исполненною сквернъ
и дурныхъ отмѣтокъ, прежде нежелая очи-
стися отъ такихъ и столь многихъ худыхъ
свойствъ, включить себя въ родство съ Бо-
гомъ, и неправедный Праведному, нечистый
Чистому скажетъ: *Отче*; то реченіе сіе прямо
будетъ оскорбленіемъ и злословіемъ, если
только именуетъ онъ Бога Отцемъ собствен-

ной своей порочности. Ибо слово : отецъ означаетъ причину отъ него произшедшаго. Посему , если порочный совѣстію назоветъ Бога Отцемъ своимъ: то не иное что симъ выскажетъ , а то , что Богъ есть начало и виновникъ собственныхъ его худыхъ свойствъ. Но *никое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14.), говоритъ Апостолъ : напротивъ того свѣтъ основывается со свѣтомъ, справедливое съ справедливымъ, прекрасное съ прекраснымъ, нетлѣнное съ нетлѣннымъ. А противоположное, безъ сомнѣнія, имѣетъ сродство съ однороднымъ. Ибо не *можетъ древо добро плоды злы творити* (Мѡ. 7, 18.) (Посему, если кто, какъ говоритъ Писаніе, будучи *жестокосердъ*, и ищай *лжи* (Псал. 4, 3.), осмѣливается произносить слова молитвы , то пусть таковой знаетъ, что призываетъ онъ отца, не небеснаго, а -преисподняго, который самъ есть лжецъ и дѣлается отцемъ лжи, возникающей въ каждомъ, который есть грѣхъ, и отецъ грѣха. Посему-то Апостолъ имѣющихъ страстную душу называетъ *чадами инва* (Ефес. 2, 3.). И отступившій отъ жизни именуется *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3.); а чловѣкъ сластолюбивый и изнѣженный названъ сыномъ *дѣвока блудница* (1 Цар. 20, 30.), равно какъ напротивъ сего имѣющіе чистую совѣсть называются сынами свѣта (Лук. 16, 8.) и дня (1 Сол. 5, 5.), а другіе, ~~укрѣпившіе~~ себя

до Божественной силы, и сынами силы (Суд. 21, 10.).

Посему, когда Господь учитъ насъ въ молитвѣ называть Бога Отцемъ, не иное чтó, кажется мнѣ, дѣлаетъ, какъ узаконяетъ возвышенный и выпреченный образъ жизни; потому что истина учить насъ не лгать, не говорить о себѣ того, чего въ насъ нѣтъ, не именовать себя тѣмъ, чѣмъ мы небыли, но, называя Отцемъ своимъ Нетлѣннаго, Праведнаго и Благаго, родство сіе оправдывать жизнію. Поэтому видишь ли, сколько необходимо намъ приуготовленія, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы съ возвышеніемъ нашей совѣсти достигнуть (н) такой мѣры дерзновенія, и осмѣлиться сказать Богу: *Отче?* Ибо если въ виду у тебя деньги если озабоченъ ты житейскою прелестію, если домогаешься людской славы, если служишь наиболѣе страстнымъ пожеланіямъ, и потомъ приемишь въ уста такую молитву: чтó, думаешь, скажетъ Тотъ, Кто видитъ твою жизнь, и слышитъ молитву? Такія, кажется мнѣ, слышу слова, какъ бы Самимъ Богомъ изречаемыя подобному челоуѣку: «и ты, растлѣнный по жизни, называешь своимъ Отцемъ Отца нетлѣннаго? Для чего нечистымъ своимъ голосомъ

оскверняешь чистое имя? Для чего реченіе это употребляешь лживо? Для чего оскорбляешь нескверное естество? Если ты чадо Мое: то, безъ сомнѣнія, и жизнь твоя должна носить на себѣ черты Моихъ благъ. Не признаю въ тебѣ образа Моего естества; черты твои противоположны. *Какое общеніе сълѣдствіе ко тѣмъ? Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистаго по естеству съ нечистымъ? Велико разстояніе между благодѣтелемъ и любостыжательнымъ, непримиримо противленіе милостиваго съ неумолимымъ. Иной отецъ злыхъ въ тебѣ свойствъ. Мои порожденія украшаются добрыми отеческими качествами, сынъ милостиваго милостивъ, чистаго — чистъ, нетлѣннаго—чуждъ растлѣнія, и вообще благаго—благъ, правдиваго—правдивъ. А васъ незнаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сію молитву, и Бога именовать Отцемъ своимъ.*

Но вслушаемся еще въ слова молитвы, при частомъ ихъ повтореніи не уразумѣемъ ли сколько нибудь сокровеннаго въ нихъ смысла? *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ.* Что добродѣтельною жизнію надлежитъ усвоить себя Богу, достаточно изслѣдовано это нами въ предыдущихъ словахъ. Но кажется мнѣ, что слѣдующее Писаніе указываетъ и на нѣкій болѣе глубокий смыслъ: ибо имъ напоминаетъ намъ, изъ какого отечества мы низшли, и какого благо-

родства лишились. Повѣствованіемъ о юношѣ, оставившемъ отеческій домъ и предавшемся свинообразной жизни, Писаніе, исторически описывая его удаленіе и распутную жизнь, показываетъ бѣдственное состояніе человѣчества, и не прежде возвращаетъ сего юношу въ первоначальное состояніе, какъ по возчувствованіи имъ настоящаго бѣдствія, когда пришелъ въ себя, и привелъ себя на мысль слова покаянія. А онъ согласенъ нѣсколько съ словами молитвы. Ибо тамъ сказалъ юноша: *Отче, согрѣшихъ на небо и предѣ тобою* (Лук. 15, 21.), но не упомянулъ бы въ исповѣданіи о грѣхѣ на небо, если бы не былъ увѣренъ, что небо—его отечество, оставивъ которое, онъ впалъ въ согрѣшеніе. Посему-то помышленіе о такомъ исповѣданіи дѣлаетъ ему доступнымъ отца; почему спѣшитъ онъ къ сыну, привѣтствуетъ лобзаніемъ выи, что означаетъ словесное иго, посредствомъ евангельскаго преданія устами возлагаемое на человѣка, свергшаго съ себя прежнее ярмо заповѣди и отринувшаго охранительный законъ; потомъ возлагаетъ на него *одежду*, не иную, но *первую*, отъ которой обнаженъ былъ преслушаніемъ, вмѣстѣ съ вкушеніемъ запрещеннаго увидѣвъ себя обнаженнымъ. А *перстень на руку* изображеніемъ, сдѣланнымъ на обводѣ, означаетъ возвращеніе образа; и ноги обезонашиваетъ отецъ *сапогами*, чтобы, обнаженною пятою

приближаясь къ головѣ змія, не подверглись угрызенію. Посему, какъ тамъ причиною оказаннаго юношѣ отцемъ челоѣколюбія послужило возвращеніе его въ отеческій домъ (а это есть *небо*, согрѣшившимъ на которое признаетъ себя предъ отцемъ): такъ, кажется мнѣ, и здѣсь Господь, научая призывать Отца, *Иже на небесахъ*, дѣлаетъ тебѣ напоминаніе о благомъ отечествѣ, чтобы, возбудивъ сильнѣйшее пожеланіе прекраснаго, поставить тебя на путь, снова ведущій въ отечество.

Путь же, возводящій челоѣческое естество на небо, не иное что, какъ отступленіе и бѣгство отъ земныхъ золъ; а средствомъ къ избѣжанію золъ, не иное что, думаю, служить, какъ уподобленіе Богу; и уподобиться Богу значить сдѣлаться праведнымъ, святымъ, благимъ, и всѣмъ сему подобнымъ. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлѣетъ въ себѣ черты сихъ совершенствъ, то какъ бы по естественному порядку, безъ труда изъ земной жизни преселится въ страну небесную; потому что не мѣстное какое разстояніе у Божества съ челоѣчествомъ, такъ что была бы намъ потребность въ какомъ нибудь орудіи или примышленіи, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести въ образъ жизни нетѣлесной и духовной. Но, по разумномъ отлученіи добродѣтели отъ порока, отъ одного челоѣческаго произволенія) зависитъ 2) быть

человѣку тамъ, куда преклоненъ пожеланіемъ. Посему, такъ какъ никакого нѣтъ труда избрать доброе, а за избраніемъ слѣдуетъ и приобрѣтеніе того, что къмъ избрано: то возможно немедленно быть на небѣ и тебѣ, объявшему умомъ своимъ Бога. Если, какъ говоритъ Екклесіастъ, *Богъ на небеси юрь* (5, 1.), а ты, по слову Пророка, прилѣпился *Богowi* (Пс. 72, 28.): то по всей необходимости должно тому, кто въ единеніи съ Богомъ, быть тамъ, гдѣ Богъ.

Посему, предписавъ въ молитвѣ говорить, что Богъ Отецъ нашъ (о), не иное что повелѣваетъ, какъ богомѣпною жизнію уподобляться Отцу небесному; такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ яснѣе заповѣдуетъ сіе же самое, говоря: *будьте совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. 5, 48.). Итакъ, если уразумѣли мы смыслъ таковой молитвы: то время уже уготовать души свои къ тому, чтобы со временемъ осмѣлится воспріять устами сіи реченія и съ дерзновеніемъ сказать: *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ.*

Какъ явны признаки уподобленія Богу, по которымъ каждому можно содѣлаться чадомъ Божиимъ; ибо сказано: *елицы пріяша Ею, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1,

12.), Пріємлетъ же въ себя Бога, кто воспріемлетъ совершенство въ добрѣ: такъ и у лукаваго нрава есть нѣкіе особые признаки, и кто имѣетъ ихъ, тому невозможно быть сыномъ Божиимъ, нося въ себѣ образъ противоположнаго естества. Угодно ли знать отличительныя свойства лукаваго нрава? Это—зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостяжательность, страстное пожеланіе, недугъ славобѣсія; симъ и подобными сему чертами отличается образъ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернившій душу будетъ призывать отца, то какой отецъ услышитъ его? Очевидно состоящій въ родствѣ съ призваннымъ, а этотъ отецъ — не небесный, но преисподній. Признаки близости съ кѣмъ носить на себѣ чловѣкъ, тотъ и признаетъ несомнѣнно родство свое съ нимъ. Итакъ молитва чловѣка порочнаго, пока онъ въ порокѣ, бываетъ призываніемъ діавола; а кто оставилъ порокъ, и живетъ въ благости, того гласъ призываетъ благаго Отца.

Поэтому, когда приступаемъ къ Богу, будемъ, сперва обращать вниманіе на жизнь свою, имѣемъ ли въ себѣ что либо достойное Божественнаго родства, и потомъ уже осмѣливаться на произнесеніе такового слова. Повелѣвшій сказать: *Отецъ* не позволилъ* говорить ложь. Посему, кто жилъ достойно божескаго благородства, тотъ прекрасно возводитъ

взоръ къ небесному граду, небеснаго Царя
 именуя Отцемъ и небесное блаженство—оте-
 чествомъ. Къ чему же клонится цѣль сего со-
 вѣта? Къ тому, чтобы мудрствовать намъ гор-
 ния: гдѣ Богъ, тамъ полагать основаніе своего
 жилища, тамъ собирать сокровища; туда пере-
 селиться сердцемъ своимъ; *идиже бо есть со-
 кровище, ту и сердце* (Матѣ. 6, 21.), *и* непре-
 станно имѣть въ виду отеческую лѣпоту и
 сообразно съ оною украшать собственную
 душу. *Нсть на лица зрѣнія у Бога* (Рим. 2,
 11.), говоритъ Писаніе. И отъ твоего образа
 да бѣдетъ удалена такая нечистота. Божество
 непричастно зависти и отъ всякой скверны,
 и на тебѣ да не кладутъ пятна подобныя стра-
 сти: ни зависть, ни кичливость, ни что либо
 другое оскверняющее богоподобную лѣпоту.
 Если сдѣлаешься таковымъ, то смѣло гласомъ
 своимъ призывай Бога, и Владыку вселенной
 именуи Отцемъ своимъ. Онъ воззрѣтъ на тебя
 отеческими очами, облечетъ тебя въ божествен-
 ную одежду, украситъ перстнемъ, и ноги твои
 для шествія горѣ снабдитъ евангельскими са-
 ногами, возстановитъ тебя въ небесное оте-
 чество, о Христѣ Иисусѣ Господѣ' нашемъ.
 Ему подобаешь слава и держава во вѣки вѣ-
 ковъ! Аминь.

С Л О В О 3-е.

Да святится Имя Твое: да приидетъ царствіе Твое (Матѣ. 6, 9. 10.).

Законъ, сънь ильйи *трудоуцхъ* блазъ (Евр. 10, 1.), и нѣкіими прообразовательными гаданіями провозвѣщающій истину, когда во святилище вводитъ священника для принесенія молитвы Богу, сперва очистительными нѣкіими жертвами и окропленіями очищаетъ входящаго, потомъ, украсивъ священническою одеждою, благолѣпно испещренною золотомъ, багрянцею и красками другихъ цвѣтовъ, возложивъ на него наперсникъ и увясло, прицѣпивъ къ краямъ одежды звонки съ пуговицами; — а на раменахъ состегнувъ верхнюю одежду, и главу приукрасивъ діадимою, обильно изливъ миро на власы, вводитъ его наконецъ во святилище, совершать таинственныя священнодѣйствія.

Духовный же законоположникъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, обнажая законъ отъ тѣлесныхъ покрывалъ и приводя въ ясность гадательный смыслъ прообразовъ, во первыхъ не одного только избираетъ изъ цѣлаго народа, вводитъ въ собесѣдованіе съ Богомъ, но всякому равно даруетъ сіе достоинство, предложивъ желающимъ общую благодать священства; а потомъ незаимствованнымъ убран-

ствомъ, найденнымъ въ какой либо краскѣ и тѣлескомъ ухищреніи, придаетъ искусственную красоту священнику, но возлагаетъ свойственное и сродное ему украшеніе, вмѣсто разнообразно испещренной одежды, дѣлая цвѣтоноснымъ пріятностями добродѣтелей; и грудь украшаетъ, не земнымъ золотомъ, но непорочною и чистою совѣстію придавая лѣпоту сердцу. Къ увяслу же сему принаровляетъ и блескъ драгоценныхъ камней, а это, по мнѣнію Апостола,—свѣтлости святыхъ заповѣдей. Да и надрагами обезопасиваетъ ту часть, которой украшеніемъ служить такой видъ одѣянія; конечно же не незнаешь, что украшеніе таковой части — покровъ цѣломудрія. Привѣсилъ къ рясамъ жизни духовные звонки, и пуговицы, и цвѣты (Исх. 28, 34.) (п), а подъ ними иной справедливо можетъ разумѣть видимое въ добродѣтельной жизни, чтобы прохожденіе сей жизни содѣлалось славнымъ; а посему къ рясамъ симъ вмѣсто звонка придалъ благозвучное слово вѣры, а вмѣсто пуговицы—сокровенную готовность къ надеждѣ на будущее, прикрытую суровою жизнію, и вмѣсто цвѣтовъ доброцвѣтную красоту рая (р);

(п) По рук. читается: *καὶ τὰ ἄρθρα.*

(р) Дополнено изъ рукоисп, гдѣ читается такъ: *ἀντὶ δὲ τῶν ἀρθήτων, τῇ ἐνανθῇ τοῦ παραδείσου χάριν.*

такимъ вводить его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное, и не рукотворенное, но сокровенная хранина нашего сердца, если дѣйствительно она непроницаема для порока, и недоступна лукавымъ помысламъ. Главу украшаетъ небеснымъ мудрованіемъ, не изображеніе буквъ начертавъ на золотой дщицѣ, но самого Бога изобразивъ во владычественномъ разсудкѣ. А на волосы разливаетъ миро, душою внутри себя самой составленное изъ добродѣтелей; и уготовляетъ его къ принесенію Богу, въ таинственномъ священнодѣйствіи, въ благоуханіе и жертву не чего либо иного, но себя самого. Такъ возведенный Господомъ въ сіе священство, умертвивъ плотское мудрованіе мечемъ духовнымъ, *уже есть малолѣтній Божій* (Ефес. 6, 17.), потомъ пребывая во святилищѣ, умиляетъ Бога, таковою жертвою посвятить себя самого и представивъ *тѣло свое жертву живую, святу, благоуходную Богу* (Рим. 12, 1.).

Но, можетъ быть, скажетъ кто либо, что смыслъ молитвы, предложенной нами для истолкованія, по первому взгляду не имѣетъ сего значенія; а нами придуманы подобныя понятія, не соотвѣтствующія понятіямъ, заключающимся въ собственныхъ словахъ молитвы. Посему пусть таковой снова приведетъ себѣ на память первые уроки молитвы. Ибо кто приуготовилъ себя къ тому, чтобы съ дерзнове-

ніемъ осмѣлится наименовать Бога отцемъ своимъ; тотъ въ точности облеченъ тою одеждою, какая описана въ словѣ, звучить звонцами, цвѣтетъ пуговицами, блистаетъ на персяхъ лучами заповѣдей, на раменахъ носить патріарховъ и Пророковъ, вмѣсто именъ обративъ добродѣтели ихъ въ собственное свое украшеніе; и главу украшаетъ вѣнцемъ правды; власы имѣетъ умащенные небеснымъ муромъ; и пребываетъ внутри пренебеснаго святилища, которое поистинѣ непроницаемо и недоступно для всякаго нечистаго помысла. Но какъ надлежитъ приготавливать себя посвящаемому, достаточно показано сіе словомъ въ изслѣдованномъ доселѣ, остается же разсмотрѣть самое прошеніе, какое пребывающему внутри святилища Господь повелѣлъ возносить къ Богу.

Ибо кажется мнѣ, что излагающій просто слова молитвы по первому взгляду не доставляетъ намъ удобопонятнаго смысла. Сказано: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое*. Какъ относится это къ моей потребности? скажетъ иной человѣкъ, или покаяніемъ наказывая себя за грѣхи, или, чтобы бѣжать отъ преобладающаго имъ грѣха, призывая на помощь Бога, потому что всегда предъ очами у него поборающій искушеніями. Здѣсь раздражительность выводитъ разсудокъ изъ упрядоченаго состоянія; тамъ пожеланія неумѣстнаго ослабляютъ силы души; въ другой разъ

наводятъ слѣпоту на зоркость сердца любо-
 стяжательность, кичливость, гордыня, нена-
 висть и остальная толпа противоборствующаго
 намъ, подобно какому-го полчищу вокругъ
 обступившихъ враговъ, при самой крайности
 ввергаютъ душу въ опасность. Послѣ этого
 старающемся, при благомъ содѣйствіи, изба-
 виться отъ сихъ золь какія всего пригоднѣе
 употребить слова? Не тѣ ли, которыя употре-
 билъ великій Давидъ, сказавъ: *да избавлюся*
отъ ненавидящихъ мя (Псал. 68, 15.), и еще:
да возвратятся враги мои вспять (Псал. 34, 4.),
 и еще: *даждь намъ помощь отъ скорби* (Псал.
 59, 13), и другія симъ подобныя, которыми
 можно возставить Божіе противъ враговъ со-
 дѣйствіе? Теперь же чтó говоритъ законъ мо-
 литвы? *Да святится имя Твое*. Если и не бу-
 деть это мною сказано, ужели возможно имени
 Божію не быть святымъ? *Да придетъ царствіе*
Твое. Чтó же изъято изъ подъ власти Бога,
 Который, какъ говоритъ Исаія, объемлетъ дланію
 все небо, горстію всю землю, рукою со-
 держитъ влажное естество, въ объятіяхъ но-
 сить всю и этого міра и премірную тварь
 (Иса. 40, 12.)? Посему, если имя (с) Божіе
 всегда свято, ничто не избѣгло державы вла-
 дычества Божія, но всѣми обладаетъ, и въ

(с) По рукоп. вмѣсто: *τὸ κράτος* читается: *τὸ ὄνομα*.

святѣнѣ не требуетъ (т) прибавленій, во всемъ нескудный и совершенный: чтоъ выражаетъ молитва словами: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое?*

Писаніе подѣ *видолѣ* молитвы не учить ли (у), можетъ быть, чему либо такому: природа чело-вѣческая для пріобрѣтенія чего либо добраго немощна; и потому о какомъ бы добрѣ ни заботились, не достигали бы мы онаго, если бы не совершало сего въ насъ Божіе содѣйствіе. А главное для меня изъ всѣхъ благъ то, чтобы жизнь мою прославлялось имя Божіе.

Вразумительнѣе (ф) же сдѣлается для насъ этотъ смыслъ чрезъ предположеніе противнаго. Слышу, что священное Писаніе осуждаетъ гдѣ-то тѣхъ, которые дѣлаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: *горе тѣмъ, иже ради имя Мое хулятся во языцехъ* (Иса. 52, 5.). А сіе значить: не увѣровавшіе еще слову истины взирають на жизнь пріявшихъ вѣру въ таинство; а посему, когда иные носятъ на себѣ имя вѣры, а жизнь ихъ противорѣчить имени, или идолослужительствуя любо-

(т) По рукоп. вмѣсто: *зъ ἐπιδέχεται*, читается: *ἐκ ἐπιδέχεται*.

(у) По рукоп. вмѣсто: *и* читается: *ѣ*.

(ф) По рукоп. вмѣсто: *πρотивότερα ἢ ἐννοια* читается: *υπερμω-
τερα ἢ διανοία*

стяжательностію, или безчинствуя въ пьянствѣ и на пиришествахъ, или, на подобіе свиней, валяясь въ тинѣ распутства: тогда у невѣрныхъ тотчасъ готовъ отзывъ, осуждающій, не произволь худо пользующихся жизнию, но таинство, какъ будто оно учитъ поступать такимъ образомъ, и будтобы такіи-то человѣкъ, посвященный въ божественныя таинства, не сдѣлался бы или злорѣчивымъ, или любостяжательнымъ, или хищникомъ, или подверженнымъ иному какому пороку, если бы грѣшить не было для нихъ законно. Посему-то Писаніе обращается къ таковому съ строгою угрозою, говоря: *горе тѣмъ, иже ради имя Мое ху-
лится во языцехъ.*

Если это понято нами, то благовременно будетъ обратить вниманіе на то, что говорится съ противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежитъ молиться и главнымъ предметомъ молитвы поставлять то, *чтобы жизнию моею имя Божіе не хулилось, но прославлялось и святилась вѣра въ таинство (х).* Посему во мнѣ, говоритъ молящійся, *да святится* призываемое мною *имя Твоего владычества, да видятъ* человѣки добрыя дѣла, *и прославятъ Отца, Иже на небесехъ* (Матѳ. 5, 16.). А кто столько звѣроподобенъ и не-

(х) Слова сіи дополнены по рукописи.

разумень, что, въ вѣрующихъ въ Бога видя
 жизнь чистую, преуспѣвающую въ добродѣ-
 телн, свободную отъ всѣхъ сквернъ грѣха,
 чуждую всякаго подозрѣнія въ худомъ, сіяю-
 щую цѣломудріемъ, достойную уваженія за
 благоразуміе, мужественно отражающую при-
 раженія страстей, нимало не разслабляемую
 тѣлеснымъ сладострастіемъ, всего болѣе уда-
 ляющуюся отъ забавъ, нѣги и кичливой сует-
 ности, столько пользующуюся житейскимъ,
 сколько сіе необходимо, концами только нож-
 ныхъ перстовъ касающуюся земли, во время
 пребывания на землѣ не утоающую въ на-
 слажденіяхъ удовольствіями сей земной жизни,
 но стоящую выше всякаго чувственнаго оболь-
 щенія и въ жизни плотской соревнующую
 жизни безплотныхъ, признающую единствен-
 нымъ богатствомъ пріобрѣтеніе добродѣтели,
 единственнымъ благородствомъ — усвоеніе
 себя Богу, единственнымъ достоинствомъ
 и единственнымъ владычествомъ — обладаніе
 самимъ собою, и нераболѣпство человѣческимъ
страстямъ, обременяющуюся продолжительно-
 стію жизни въ вещественномъ вѣкѣ, и подобно
 бѣдствующимъ на морѣ, поспѣшающую въ
 пристань срѣтить тамъ успокоеніе—кто, видя
 все сему подобное, не прославить имени, при-
 зываемаго такою жизнію.

Посему, кто говоритъ въ молитвѣ: *да свя-*
тится имя Твое во мнѣ, тотъ, по силѣ про-

уносимыхъ имъ словъ, молится о слѣдующемъ: «при содѣйствіи Твоей помощи да содѣлаюсь неукоризненнымъ, справедливымъ, богочестивымъ, буду воздерживаться отъ всякаго лукаваго дѣла, говорить истину, дѣлать правду; ходить по правотѣ, отличатьсѣ цѣломудріемъ, украшатсѣ нерастлѣніемъ, мудростию и благоразуміемъ, мудрствовать горнее, презирать земное, просіявать ангельскимъ житіемъ». Сіе и подобное сему содержитъ въ себѣ это краткое прошеніе, въ молитвѣ взывающее Богу: *да святится иля Твое*. Ибо не иначе возможно Богу прославлятьсѣ въ человѣкѣ, какъ развѣ, когда добродѣтель его свидѣтельствуесть, что причина благъ въ Божіемъ могуществѣ.

Въ послѣдующихъ словахъ заключается молитва о томъ, чтобы пришло царствіе Божіе. Ужели теперь только желательно, чтобы содѣлался царемъ Царь вселенной, всегда Тотъ же, какимъ Онъ есть, для всякаго измѣненія непреложный. Кому не возможно и найти что либо лучше, во что могъ бы измѣниться? По сему что же значить молитва, призывающая царствіе Божіе? Но истинное о семъ понятіе вѣдомо тѣмъ, кому Духъ истины открываетъ сокровенныя тайны; а мы имѣемъ такое разумѣніе сего изреченія: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствуетъ и царствуетъ во вселенной, не насиліемъ какимъ, не самоуправнымъ властительствомъ, не стра-

хомъ, не принужденіями приводящая въ подчиненіе, что покорено ей: потому что добродѣтели надлежитъ быть свободною отъ всякаго страха, не по жестокому надъ собою владычеству, но по добровольному разсужденію избирать доброе; а главное во всякомъ добрѣ — состоять подъ животворною властію. Посему, такъ какъ природа человѣческая въ сужденіи о добрѣ обманомъ введена въ заблужденіе, то въ произволѣи нашемъ произошла склонность къ противоположному, жизнь человѣческая преобладается всѣмъ худымъ, потому что смерть тысячами путей вмѣшалась (ц) въ природу; всякій видъ грѣха дѣлается какъ бы какимъ путемъ къ намъ смерти. Посему, такъ какъ состоимъ подъ такимъ самоуправствомъ, какъ бы какими исполнителями казней или врагами, прираженіями страстей поработочены смерти: то хорошо молимся, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе. Ибо невозможно иначе свергнуть съ себя лукавое владычество тлѣнія, пока. X не воспріиметь надъ нами снова владычества животворящая сила.

Посему, если просимъ, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе; то въ дѣйствительности X умоляемъ Бога о слѣдующемъ: «да избавлюсь я отъ тлѣнія, да освобождусь отъ смерти, да

(ц) По рукоп. вмѣсто: *κατακρίθειςτος* читается: *καθιμυχθειςτος*.

V буду разрѣшенъ отъ узъ грѣха, да не царствуетъ болѣе надо мною смерть, да не будетъ болѣе дѣйствительнымъ надъ нами самоуправство порока, да не преобладаетъ мною врагъ, да не водить меня плѣнникомъ, порабощая грѣхомъ; но *да придетъ* на меня *царствіе Твое*, чтобы отступили отъ меня, или, лучше сказать, обратились въ ничто преобладающія и царствующія нынѣ страсти. *Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: и яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ*» (Псал. 67, 3.). И дымъ, разлившись въ воздухъ, не оставляетъ по себѣ никакого признака собственнаго своего естества; и воскъ, побывавшаго въ огнѣ, уже не найдешь. Но и воскъ, напитавъ собою пламень, претворился въ паръ и въ воздухъ; и дымъ пришелъ въ совершенное уничтоженіе. Такъ, когда придетъ на насъ царствіе Божіе, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится въ ничто; потому что тма не терпитъ присутствія свѣта; не остается болѣзни по возвращеніи здоровья: не дѣйствуютъ и страсти при появленіи безстрастія; бездѣйственна смерть, исчезаетъ тлѣніе, когда воцаряется въ насъ жизнь, и начинаетъ обладать нетлѣніе.

Да придетъ царствіе Твое. Какое сладостное изреченіе! Имъ ясно приносимъ Богу слѣдующее моленіе: «да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменни-

ковъ, да прекратится борьба плоти съ духомъ, да не служить тѣло прибѣжищемъ непріятелю души, да явятся на мнѣ царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющихъ, тьма помогающихъ съ правой руки, чтобы съ противной стороны пала тьма враждующихъ. Сопротивникъ силенъ; но страшенъ и непреоборимъ для лишенныхъ Твоей помощи. пока побораемый имъ одинъ. А какъ скоро откроется Твое царствіе, *отбѣжсе и печаль и воздыханіе* (Иса. 35, 10.), на мѣсто же ихъ входятъ жизнь и миръ, и радованіе. Или, какъ яснѣе истолкована намъ таже мысль Лукою, кто проситъ, чтобы пришло царствіе, тотъ взываетъ о содѣйствіи Святаго Духа. Такъ въ Евангеліи отъ Луки, вмѣсто словъ: *да придетъ царствіе Твое*, сказано: *да придетъ Святыи Духъ Твой на насъ, и очиститъ насъ*.

Чтѣ скажутъ на это дерзко отверзающіе уста свои на Духа Святаго? По какому разумѣнію царственное достоинство превращаютъ они въ рабское уничиженіе? Лука называетъ Духомъ Святымъ, чтѣ Матѳеи наименовалъ царствомъ; почему естество Духа (ч) низводятъ въ подчиненную тварь, естество царственное причисля къ естеству, подвластному царской власти?

(ч) По рукоп. вмѣсто: *ὁ θεομήχης* читается: *τὴν φύσιν τοῦ Πνεύματος*.

Тварь рабствуетъ, а рабство — не царская власть. Духъ же Святый есть царствіе. А если царствіе (ш), то, безъ сомнѣнія, царствуетъ, а не подъ царскою властію: но что не подъ царскою властію, то не тварь; потому что твари только свойственно быть въ рабствѣ. Посему, если Духъ есть царствіе, то почему причисляютъ Его къ естеству рабственному (щ) не научившіеся еще молиться, незнающіе, кто очищаетъ оскверненное. Кому принадлежитъ держава царства (ъ)?

Сказано: да прійдетъ Святый Духъ Твой, и очиститъ насъ. Посему особая и преимущественная сила и дѣйственность Святаго Духа — очищать отъ грѣха. Ибо чистое и неоскверненное, конечно, не имѣетъ нужды въ очищающемъ. Но сіе же самое свидѣтельствуется Апостолъ и объ Единородномъ (ы), когда говоритъ: *очищеніе сотворивъ грѣховъ, спде одесную.. величестія* (Евр. 1, 3.) Отцева. Посему одно дѣло у Того и Другаго, у Духа очищающаго

(ш) По рукоп. вмѣсто: *ἐκὼν τῆς κατὰ τὴν κτίσιν κρινονίας κερχόρσται* и проч. читается: *εἰ δὲ βασιλεία ἔστιν, βασιλεύει παντὶς.*

(щ) Въ рукоп. читается: *πῶς, τῇ δουλειᾷ φέρει συναριθμοῦν.*

(ъ) Въ рукописи: *τίς ὁ τῆς βασιλείας ἀναδεγμένος τό κράτος.*

(ы) Сіе мѣсто и послѣдующее за симъ переведено по рукописи и согласно съ печатнымъ изданіемъ Франца Элера подъ заглавіемъ: *Bibliothek der Kirchenväter. Leipzig. 1859.*

грѣхъ, и у Христа содѣлавшагося очищеніемъ. А у кого одно дѣйствіе, у тѣхъ, конечно, и сила одна и таже; потому что всякое дѣйство есть слѣдствіе силы. Поэтому, если и дѣйство одно и сила одна, то какъ можно представлять себѣ инаковость естества у тѣхъ, у кого не находимъ никакой разности ни въ силѣ, ни въ дѣйствѣ? Какъ по свойствамъ огня, когда два сіи дѣйства свѣтитъ и сжигать равны и подобны, нельзя заключать о видоизмѣненіи предмета: такъ и никто изъ цѣломудренныхъ наученный божественнымъ Писаніемъ, что одно дѣйство Сына и Духа, не дойдетъ до того, чтобы предполагать какое либо различіе въ естествѣ.

Но нынѣ мнѣніями благочестивыхъ предварительно уже доказано, что естество Отца и Сына одно и тоже; ибо инородному не возможно называться именемъ Божиимъ; какъ скамья не называется сыномъ плотника, и никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что домоздатель построилъ сына; напротивъ того наименованіями отецъ и сынъ означаетъ единеніе ихъ по естеству. Когда два существа состоятъ во взаимномъ свойствѣ съ третьимъ, по всей необходимости надлежитъ не имѣть имъ различія и одному съ другимъ. Посему, если Сынъ по естеству въ единеніи съ Отцемъ, а тождествомъ дѣйствъ доказано, что Духъ Святой не чуждъ естества сыновняго: то въ

слѣдствіе сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тѣмъ какъ въ каждой Упостаси личное свойство, по преймуществу въ ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемѣшиваются такъ, — что признакъ Отчей Упостаси не переносится на Сына или Духа, или также признакъ Сына не примѣняется къ Отцу и къ Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается въ Отцѣ и въ Сынѣ. Но въ общности естества усматривается несообщимое различіе особностей. Отцу свойственно безвиновное бытіе. Сего нельзя видѣть въ Сынѣ и въ Духѣ; потому что Сынъ отъ Отца изшелъ (Іоан. 16, 28.), какъ говоритъ Писаніе, и Духъ отъ Бога (1 Кор. 2, 12.) и *отъ Отца исходитъ* (Іоанн. 15, 26.). Но какъ сіе — имѣть безвиновное бытіе, будучи свойствомъ одного Отца, не можетъ прилажаемо быть къ Сыну и къ Духу; такъ наоборотъ и сему — имѣть бытіе отъ вины, что свойственно Сыну и Духу, неестественно быть усматриваемымъ въ Отцѣ. А какъ общее свойство Сына и Духа — не быть не рожденнымъ, то, чтобы не усматривалось въ Нихъ какой либо слитности, можно опять найти несмѣшиваемое различіе въ ихъ личныхъ свойствахъ; такъ что и общее сохраняется, и особенныя свойства не сливаются. Ибо Сынъ въ святомъ Писаніи именуется Единороднымъ отъ Отца, и симъ Пи-

саніе ограничиваетъ личное свойство Сына. О Святомъ же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть сынъ новній. Ибо сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Божъ* (Римл. 8, 9.). Посему, хотя Духъ, сущій отъ Бога, есть и Христовъ Духъ, однакоже Сынъ, сущій отъ Бога, не есть и не называется Сынъ Духа: и относительная сія послѣдовательность не имѣетъ мѣста въ обратномъ порядкѣ, такъ что можно было бы равнымъ образомъ разложивъ рѣчь, превращать ее, и какъ Духа называемъ Христовымъ, такъ и Христа именовать Духовымъ. Посему, такъ какъ свойство сіе ясно и неслитно отличаетъ одно Лице отъ другаго, а тождество дѣйствія свидѣтельствуется объ общности естества, то тѣмъ и другимъ подтверждается благочестивое положеніе о Божествѣ, что исчисляется Троица по впостасямъ, и не разсѣкается на иноестественные отдѣлы (б).

Посему, каково же безуміе сихъ духоборцевъ, которые учатъ, что Господь—рабъ, для которыхъ не вѣрно и свидѣтельство Павла,

(б) Все сіе мѣсто, начинающееся словами: „такъ что признакъ Отчей впостаси,“ переведено по рукописи и по изданію Фр Элера

когда говорить, что Господь Духъ~ есть (2 Кор. 3, 17.). Или, можетъ быть, слово: *да придетъ*, почитаютъ унижающимъ достоинство? Не слушаютъ, значить, и великаго Давида, который призываетъ къ себѣ даже Отца, и воишетъ: *приди во еже спасти насъ* (Псал. 78, 3.). Если для Отца придти—дѣло спасительное, то почему для Духа придти—дѣло унижительное? Или и это—очищать отъ грѣховъ поставляютъ признакомъ униженія достоинства? Послушай невѣрныхъ Іудеевъ, которые вопіють, что отпущать грѣхи свойственно Единому Богу, разсуждая объ Отцѣ, говорятъ: *Кто есть сей, иже маетъ хулы? Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. 5, 21.)? Посему, если грѣхи оставляетъ Отецъ, возьметъ же на Себя грѣхъ міра Сынъ (Іоанн. 1, 29.), и отъ грѣховной скверны очищаетъ Духъ Святый тѣхъ, въ комъ пребываетъ Онъ: что скажутъ на сіе противоборствующие собственной своей жизни?

Но да придетъ на насъ Духъ Святый, и да очиститъ насъ, и да содѣлаетъ способными къ принятію возвышенныхъ и боголѣпныхъ понятій, указуемыхъ намъ въ молитвѣ гласомъ Спасителя. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 4-е

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь (Матѳ. 6, 10. 11.).

Слышалъ я одного врача, который по наукѣ естествословія разсуждалъ о состояніи здоровья; разсужденія его не будутъ, можетъ быть, далекими и отъ нашей цѣли — благосостоянія души. Уклоненіе какой либо въ насъ стихіи отъ надлежащей мѣры опредѣлялъ онъ началомъ и причиною болѣзненнаго состоянія; и наоборотъ также утверждалъ, что находящагося въ неправильномъ движеніи возстановленіе въ состояніе, тому свойственное и естественное, есть врачеваніе отъ болѣзнетворной причины. И посему полагалъ, что должно обращать вниманіе на то именно изъ движимаго въ насъ безпорядочно, преобладаніемъ чего вліяніе противоположнаго на возстановленіе здоровья всего болѣе дѣлается слабымъ. Такъ, если возобладаетъ теплота, должно оказывать содѣйствіе преобладаемому и увлаживать иссушаемое, пока теплое, потребляя само себя, при недостаткѣ вещества, совершенно не истощится и само собою не угаснетъ. А также,

если и другое что изъ оказывающаго въ насъ противоположныя одно другому дѣйствія преступить предѣлы, надобно подавать искусственную помощь умаляемому, чтобы оно противостояло умножаемому. И когда это сдѣлается, ничто не будетъ препятствовать равновѣсію стихій; тогда тѣлу возвратится здравіе, потому что въ естествѣ нѣтъ уже неправильнаго срастворенія стихій.

Къ чему же служить у меня это ~~личное~~ вступленіе въ слово? Не безъ цѣли, можетъ быть, такое начало и недалеко отъ предположеннаго предмета. Ибо разсмотрѣнію нашему подлежать слова: *да будетъ воля Твоя*. Для чего же упомянули мы о семъ въ медицинскомъ положеніи, объяснимъ это въ послѣдующемъ.

Духовное въ человѣчествѣ было нѣкогда здорово, потому что нѣкія стихіи, разумныя душевныя движенія, растворены въ насъ были равномерно по закону добродѣтели. Когда же усилилась способность вождѣвательная, расположеніе, представляемое ей противоположнымъ, а это есть воздержаніе, стало преобладаемо избыточествующимъ; и не было уже ничего препятствующаго неумѣренному движенію вождѣнія, къ чему не должно; тогда въ человѣческомъ естествѣ произошла отъ сего смертельная болѣзнь — грѣхъ. Посему истинный Врачъ душевныхъ страданій, ради одержимыхъ болѣзнію вступивъ въ жизнь человѣческую,

молитвенными рѣшеніями (Ѣ) ослабляя болѣз-
 нетворную причину, возводитъ насъ въ духов-
 ное здравіе. Здравіемъ же для души служить
исполненіе Божественной воли, равно какъ и
наоборотъ, отпаденіе отъ благой воли есть
болѣзнь души, оканчивающаяся смертію. По-
 сему, такъ какъ сдѣлались мы немощными,
 когда въ раю, оставивъ добрый образъ жизни,
 безъ мѣры вкусили яда преслушанія, и потому
 природою нашею возобладала жестокая и смер-
 тельная болѣзнь: то пришелъ истинный Врачъ,
 по закону врачебнаго искусства исцѣляющій
 зло противоположнымъ ему, и одержимыхъ
 недугомъ потому, что отступили отъ Божіей
воли, освобождаетъ опять отъ болѣзни едине-
ніемъ съ Божіею волею. Ибо слова молитвы
 служатъ врачеваніемъ отъ постигшаго душу
 недуга. У кого душа одержима, какъ бы нѣ-
 кіими болѣзнями, тотъ молится, говоря: *да бу-*
детъ воля Твоя. А воля Божія — спасеніе
 людей.

Посему, когда дойдемъ до того, чтобы ска-
 зать Богу: *да будетъ воля Твоя* и на мнѣ:
 тогда совершенно необходимо осудить прежде
 ту жизнь, которая была несогласна съ Божіею
 волею, и выразить сіе исповѣданіемъ: «поелику

(Ѣ) По рукоп. читается *рѣшеніи*, а не *рѣшеніи*.

во время протекшей жизни на зло мнѣ дѣй-
 ствовала во мнѣ противная Твоей воля, содѣ-
 лался я служителемъ лукаваго мучителя, и
 какъ бы исполнителемъ казни, приводящимъ
 въ исполненіе надъ самимъ собою приговоръ
 врага: посему, возбудившись жалостію къ моей
 гибели, даруй, чтобы со временемъ и во
 мнѣ совершалась воля Твоя. Ибо, какъ въ
 мрачныхъ пещерахъ, когда вносится туда
 свѣтъ, мракъ исчезаетъ: такъ, когда Твоя воля
 во мнѣ будетъ совершаться, всякое лукавое и
 неумѣстное движеніе произвола обратится въ
 ничто. Цѣломудріе угаситъ невоздержное и
 страстное стремленіе ума, смиренномудріе
 истребитъ кичливость, скромность уврачуеъ
 болѣзнь гордыни, а доброта любви изгонитъ
 изъ души многочисленный сонмъ противопо-
 ложныхъ золь; бѣгутъ отъ нея ненависть, за-
 висть, негодованіе, гнѣвное движеніе, раздра-
 жительное расположеніе духа, злонамѣренность,
 притворство, памятованіе огорченія, жажда
 мщенія, воскипѣніе крови въ предсердечіи,
 недоброе око, — все это стадо таковыхъ золь
 уничтожится любвеобильнымъ расположеніемъ».

Такъ дѣйственность Божіей воли исторгаетъ
 сугубое идолослуженіе; называю сугубымъ,
 какъ неистовую приверженность къ идоламъ,
 и какъ вождельніе серебра и золота — этихъ,
 какъ наименовало ихъ пророческое слово,
 идоловъ *языкъ* (Псал. 113. 12.). Посему да

будетъ воля Твоя, чтобы стала недѣйствитель-
ною воля діавола.

✓ Но почему просимъ у Бога, чтобы произво-
леніе наше содѣлалось благимъ? Потому что
естество человѣческое, однажды приведенное
въ разслабленіе порокомъ, немощно для добра.
Ибо человѣкъ не съ тою же легкостію, съ ка-
кою доходить до худаго, возвращается отъ
него опять къ доброму; какъ подобный сему
законъ можемъ примѣчать и въ тѣлахъ, потому
что неодинаково. не съ равнымъ удобствомъ,
здоровое тѣло дѣлается больнымъ, и заболѣв-
шее выздоравливаетъ. Пользовавшійся дотолѣ
здоровьемъ часто отъ одной раны приходилъ
въ крайнюю опасность, и одинъ оборотъ или
припадокъ горячки истреблялъ всю силу въ
тѣлѣ, малый пріемъ яда, или совершенно раз-
рушалъ тѣло, или производилъ это постепенно,
и за угрызеніемъ пресмыкающагося. или за
ужаленіемъ одного изъ ядовитыхъ животныхъ,
или за поползновеніемъ ноги, или за паденіемъ.
или за вкушеніемъ съ жадностію чего либо
сверхъ силы, или за инымъ тому подобнымъ,
мгновенно слѣдовала, или болѣзнь, или смерть;
освобожденіе же отъ недуга, если когда и бы-
вается, то при сколькихъ (э) достигается при-

(э) По рукописи вмѣсто: *πολλὰς* читается *ποσάκις*.

мышленіяхъ, затрудненіяхъ и врачебныхъ искусственныхъ средствахъ? Посему, когда дѣйствуетъ въ насъ стремленіе къ злу, нѣтъ потребности въ содѣйствующемъ, потому что порокъ самъ собою довершаетъ себя въ волѣ нашей. Если же возникаетъ склонность къ лучшему; то нужно, чтобы пожеланіе Богъ привелъ въ исполненіе. Посему говоримъ: велику цѣломудріе—Твоя воля, *азъ же плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14.): то Твоею силою да преуспѣетъ во мнѣ благая сія воля. Тоже говоримъ о справедливости, о благочестіи, объ отчужденіи отъ страстей. Слово: воля объемлетъ собою всѣ вообще добродѣтели, словами же: воля Божія означаетъ по одиначкѣ все, разумѣемое подъ именемъ добраго.

Но что значитъ сіе прибавленіе: *яко на небеси, и на земли?* Слово сіе, какъ мнѣ кажется, указываетъ, можетъ быть, на одинъ изъ болѣе глубокихъ догматовъ, и составляетъ ученіе боголѣннаго разумѣнія при взглядѣ на тварь. Смыслъ же того, о чемъ говорю, таковъ: вся разумная тварь дѣлится на естество безплотное и на облеченное тѣломъ. Безплотное естество есть ангельское, а другой видъ естества—мы люди. Посему первое духовно, какъ отрѣшенное отъ бременящаго тѣла (разумѣю же тѣло это грубое и къ землѣ тяготящее), проходитъ горній жребій, по легкости и удобо-

движности естества пребывая въ странахъ легкихъ и эфирныхъ. А другое, по сродству нашего тѣла съ оземленѣвшимъ, по необходимости получило въ удѣлъ, какъ бы нѣкій отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, чтó устроила этимъ Божія воля, то ли, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольний жребій не былъ безучастнымъ въ небесныхъ высотахъ, и небо не вовсе было безучастно въ томъ, чтó на землѣ, но вслѣдствіе образованія человѣческаго естества изъ обоихъ стихій происходило нѣкое общеніе усматриваемаго въ той и другой стихіи, такъ какъ духовная часть души, которая, по видимому, есть нѣчто сродное и одноплеменное съ небесными силами, обитаетъ въ земныхъ тѣлахъ, и оземленѣвшая сія плоть, при измѣненіи тлѣнныхъ и восхищеніи праведныхъ, вмѣстѣ съ душою переселится въ небесную область (ю)? Ибо *восхищени буделѣтъ*, какъ говоритъ Апостоль, *на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ, и тако- всегда съ Господемъ буделѣтъ* (1 Сол. 4, 17.). Поэтому сіе, или иное что устроила симъ Божія премудрость,—все разумное естество, по двоякой сей жизни, дѣлится на части, и есте-

(ю) По рукописи читается: *ἐν τῇ ἀναλλογῇ μὲν φθαρτῶν, ἀρραγῇ δὲ τῶν δικαίων εἰς τὸν θρανίον ἡῶρον μετὰ τῆς ψυχῆς ἐπιδημείσης.*

ство безплотное пріяло въ свой жребій небесное блаженство, а другое, по причинѣ плоти, обитаетъ на землѣ, по сродству съ нею. Хотя вождельніе прекраснаго и добраго равномерно всуществлено въ томъ и другомъ естествѣ, и Правитель вселенной въ обоихъ содѣлалъ равными самоуправленіе, самовластіе и свободу отъ всякой необходимости, чтобы все одаренное словомъ и разумѣніемъ распоряжалось собою по самозаконному нѣкоему произволу: однакоже жизнь горняя во всемъ хранить себя чистою отъ порока, и съ нею несовмѣстно ничто представляющееся противоположнымъ, всякое же страстное движеніе и расположеніе, которымъ подверженъ родъ человѣческій, приводитъ въ круженіе жизнь дольную. Посему житіе святыхъ силъ на небесахъ богодухновенное слово признаетъ неимѣющимъ примѣси порока и чистымъ отъ всякой грѣховной скверны. Все же, что умышленіемъ худаго и отступленіемъ отъ добраго (я) превращается въ зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается въ эту обыкновенную (ѳ) жизнь; и оскверняется человѣческій родъ, находя въ этой тмѣ препятствіе къ тому, чтобы усматри-

(я) По рукоп. *τῇ τῷ χείρονος ἐπιβουλία καὶ ἀποσάσιν τοῦ ἀγαθοῦ.*

(ѳ) По рукоп. вмѣсто *τῇ καὶ καὶ* чит. *τῇ καὶ καὶ*.

вать Божественный свѣтъ истины. Посему, если высшая жизнь безстрастна и чиста, а здѣшняя бѣдственная жизнь погружена во всякія страсти и злостраданія: то явно, что горнее житіе, какъ чистое отъ всего худаго, преуспѣваетъ въ благой волѣ Божіей; ибо гдѣ нѣтъ зла, тамъ по всей необходимости добро. А наша жизнь, утративъ общеніе въ добрѣ, отпала и отъ Божіей воли. Посему научаемся мы въ молитвѣ, въ такой мѣрѣ очищать нашу жизнь отъ худаго, чтобы, какъ въ небесномъ жительствѣ, и въ насъ безпрепятственно управляла Божія воля, такъ чтобы можно было иному сказать: «какъ въ престолахъ, началахъ, властяхъ, господствахъ, и во всякой премірной силѣ совершается Твоя воля, и никакой порокъ не препятствуетъ дѣйствію добра: такъ и въ насъ да совершается доброе, чтобы, по истребленіи всякаго порока, въ душахъ нашихъ, благоуспѣшно исполнялась во всемъ Твоя воля».

Но возразятъ кто нибудь: возможно ли въ той чистотѣ, какая въ безплотныхъ силахъ, преуспѣвать получившимъ въ удѣлъ жизнь во плоти, когда душа по тѣлеснымъ потребностямъ погружена въ тьмы заботъ?—Посему-то, кажется мнѣ, какъ бы устраняя такую невозможность, Господь въ послѣдующихъ словахъ разрѣшаетъ кажущееся затруднительнымъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Ибо сими словами, въ

повелѣніи просить насущнаго хлѣба, предлага-
 ется намъ. думаю, ученіе, что довольство
 малымъ и умѣренность по закону безстрастія
 равняется тому, чтобы не имѣть ни въ чемъ
 нужды по естеству. Ангелъ не просить въ
 молитвахъ Бога о подаванні ему хлѣба, потому
 что одаренъ естествомъ, неимѣющимъ нужды
 въ чемъ либо подобномъ; а челоѣку повелѣно
 просить, потому что дѣлающееся пустымъ не-
 премѣнно имѣетъ нужду въ наполняющемъ.
 Скоротеченъ и преходящъ составъ челоѣче-
 ской жизни, вмѣсто отдѣлившагося требуетъ
 возобновляющаго. Посему, кто въ услуживаніи
 естеству, не увлекается сверхъ необходимости
суетными заботами, тотъ не много ниже ан-
 гельскаго чина по жизни, въ довольствѣ для
 себя малымъ подражая Ангеламъ, ни въ чемъ
 неимѣющимъ нужды. Посему повелѣно намъ
 домогаться только остаточнаго къ сохраненію
 тѣлесной сущности, говоря Богу: *хлѣбъ* намъ
даждь, — то есть даждь не забавы, не богат-
 ство, не доброцвѣтныя багряницы, не золотые
 уборы, не блескъ камней, не серебряные со-
 суды, не обширныя помѣстья, не военачаль-
 ство, не владѣніе городами и народами, не
 стада коней и воловъ, и великое множество
 другаго скота, не обиліе невольниковъ, не зна-
 менитость на торжищахъ, не памятники, не
 изображенія, не шелковыя ткани, не увеселе-
 нія музыкой, и ни что либо сему подобное.

чѣмъ душа отвлекается отъ Божественной и болѣе досточестной заботливости; но *даждь хлѣбъ*.

Видишь ли эту широту любомудрія? Сколько ученій содержится въ семь краткомъ изреченіи? Словомъ: *хлѣбъ* какъ бы такъ взываетъ Господь внимающимъ: «перестаньте, люди, истощаться пожеланіями суетнаго! перестаньте на горе себѣ самихъ умножать поводы къ трудамъ! Не великъ твой естественный долгъ;

обязанъ ты доставать плоти своей пищу, — дѣло не большое и не трудное, если имѣешь въ виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долговъ, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всѣмъ подобнымъ услаждать тебѣ этого всегдашняго собирателя податей — чрево, которому потребенъ только хлѣбъ, удовлетворяющій тому, въ чемъ нуждается тѣло?» А ты отправляешься къ Индамъ, терпишь бѣды на чужеземномъ морѣ, пускаешься въ плаваніе на цѣлые годы, чтобы привезенными оттуда покупками усладить пищу, не обращая вниманія на то, что ощущеніе сладостей имѣетъ предѣломъ небо во рту, а также и благовидное, и благовонное, и услаждающее вкусъ доставляетъ чувству какую-то скоропреходящую и мгновенную пріятность. / Кромѣ неба во рту разность влагаемаго въ гортань

ничѣмъ не различима; потому что естествомъ одинаково, измѣняется все въ зловоніе. Видишь ли конецъ повареннаго искусства? Видишь ли послѣдствіе поваренныхъ уищреній? Проси хлѣба для жизненной потребности; въ этомъ природа сдѣлала тебя должникомъ тѣлу. А что сверхъ этого изобрѣтено изнѣженностию (v) роскошныхъ, то изъ числа привсѣянныхъ плевель. Сѣяніе домовладыки—пшеница, а изъ пшеницы дѣлается хлѣбъ; роскошь же—плевелы; они врагомъ привсѣяны къ пшеницѣ. Но люди, переставъ служить природѣ необходимымъ, дѣйствительно, какъ говоритъ негдѣ Писаніе (Мар. 4, 7. 19), бываютъ подавляемы раченіемъ о суетномъ, и остаются не достигшими зрѣлости, потому что душа непрестанно занимаетъ себя сими суетностями.

О чемъ-то подобномъ, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, загадочно любомудрствуетъ и Моисей, совѣтникомъ Евѣ къ наслажденію вкушеніемъ представивъ намъ змія. Сказываютъ, что ~~(то животное)~~ змій, если вставить голову въ пасть стѣны, въ который вползаетъ, то не легко вытащить его изъ паза тому, кто потянетъ за хвостъ, потому что упирающаяся чешуя естественно противится усилю тяну-

(v) По рукоп. вмѣсто τὰς ἐπιβολὰς читается: τὰς χλιδὰς.

щаго назадъ; и кому проходъ впередъ безпрепятственъ, потому что чешуя по гладкому скользитъ, для того обратный путь назадъ, задерживаемый упорствомъ чешуи, затруднителенъ. А слово сіе, думаю, показываетъ, что надлежитъ беречься удовольствія, когда оно входитъ и вползаетъ въ скважины души, и, сколько можно, тщательнѣе заграждать пазы жизни. Ибо въ такомъ случаѣ жизнь человѣческая блюдетъ чистою отъ смѣшенія съ жизнію скотскою. Если же, по разстройству въ насъ связей жизни, найдетъ себѣ какой-либо входъ змій сластолюбія; то поэтому укроется въ насъ, такъ какъ по причинѣ чешуи труднымъ сдѣлается извлеченіе его назадъ изъ вмѣстилищъ разумѣнія. А слыша о чешуѣ, разумѣй подъ этою загадкою разнообразныя поводы къ удовольствіямъ; ибо страсть къ сластолюбію по родовому понятію—одинъ звѣрь, но разные и различные виды удовольствій, примѣшиваемые чувствами къ человѣческой жизни, это—чешуи на змѣѣ, испещренныя разнообразіемъ страстей. Посему, если избѣгаешь сожителства съ змѣею; то берегись головы, то есть перваго прираженія къ тебѣ зла; ибо къ сему ведетъ загадочный смыслъ Господней заповѣди: *той твою блости будетъ главу, и ты блости будешь его пята* (Быт. 13, 15.). Не давай входа пресмыкающемуся, которое вползаетъ во внутренность, и при самомъ началѣ

входить всею длиною своего тѣла. /Ограничивайся необходимою потребностію. Предѣломъ заботливости твоей о жизни пусть будетъ удовлетвореніе нужды тѣмъ, что у тебя есть.

Если и съ тобою Евинъ совѣтникъ вступить въ бесѣду о томъ, что прекрасно для взора и пріятно для вкуса, и при хлѣбѣ станешь искать такой-то снѣди, приготовленной съ такими-то приправами, а потомъ въ слѣдствіе сего прострешь пожеланіе далѣе необходимыхъ предѣловъ: то увидишь тогда, какъ пресмыкающийся въ слѣдъ за симъ непримѣтно прокрадется къ любостязательности. Ибо, отъ пищи необходимой перейдя къ лакомымъ снѣдямъ, перейдетъ и къ тому, что пріятно для глазъ, будетъ домогаться свѣтлыхъ сосудовъ, красивыхъ слугъ, серебряныхъ ложъ, мягкихъ постелей, прозрачныхъ съ золотою насыпью покрывалъ, престоловъ, треножниковъ, купаленъ, чашъ, роговъ, холодильниковъ, ковшей, лаханей, свѣтильниковъ, курильницъ (а). А чрезъ это входитъ похоть любостязательности, и домогается подобныхъ вещей (б): но чтобы въ заготовленіи оныхъ не было недостатка (в),

(а) Слова: καὶ τα τοιαῦτα ἐπιζητοῦν въ рук. не читаются.

(б) Сіе дополнено по рукописи.

(в) Такъ въ рукописи читается λεῖποι, а не λίποι.

потребны доходы на приобрѣтеніе требуемаго. Поэтому надобно иному быть въ печали, живущему вмѣстѣ проливать слезы, многимъ сдѣлаться бѣдствующими, лишившись собственности, чтобы въ слѣдствіе ихъ слезъ за столомъ этого человѣка было блистательно. А когда змій обовѣется вкругъ этого, и наполнить чрево, чѣмъ было желательно, тогда, въ слѣдъ за симъ, по пресыщеніи человѣкъ болѣе и болѣе вовлекается въ неистовство не потребности; и это есть крайнее изъ золъ человеческихъ.

Посему, чтобы не происходило ничего этого, ограничивай молитву (г) испрошеніемъ сего пособия — хлѣба, ища снѣди, приправляемой тебѣ самою природою. И сія приправа есть добрая совѣсть, при правильномъ употребленіи хлѣба всего болѣе его улаждающая. А если желательно тебѣ усладить и ощущеніе гортани; то пусть приправою у тебя будетъ скудость, пусть не прилагается сытость къ сытости, возбужденіе къ принятію пищи не притупляется нѣнствомъ, но вкушенію оной да предшествуетъ у тебя по заповѣди пролитіе пота. *Въ потъ и трудъ съищи хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19.). Видишь ли, какая первая приправа пищи, по

Писанію? Достаточно для тебя сею только потребностію занимать мысль свою; лучше же сказать, до этого только связывать душу попеченіями о хлѣбѣ. Но скажи Тому, Кто изводитъ *хлѣбъ отъ земли* (Пса. 103, 14.), скажи Тому, Кто питаетъ врановъ (Пса. 146, 8.), даетъ *пищу всякой плоти* (Пса. 135, 25.), отверзаетъ *руку* и исполняетъ *всякое животію благоволенія* (Пса. 144, 16.): «отъ Тебя моя жизнь, отъ Тебя да будетъ и средство къ жизни. Ты *даждь хлѣбъ*, то есть, даруй имѣть пищу отъ праведныхъ трудовъ». Ибо если Богъ есть правда, то не отъ Бога имѣть хлѣбъ, кто имѣетъ пищу отъ любостяжательности.

Самъ ты властелинъ испрашиваемаго въ молитвѣ, если довольство твое не изъ чужаго, если доходъ твой—не отъ слезъ другаго, если при твоей сытости никто не сдѣлался голоднымъ, если при твоёмъ излишествѣ никто не воздохнулъ. Особенно же Божій хлѣбъ таковъ,—это—плодъ правды, класъ мира, несмѣшанный съ сѣменами плевелъ и неоскверненный ими. Если же, воздѣлывая чужое поле, безъ стыда дѣлая неправду и записями закрѣпивъ незаконное приобрѣтеніе, скажешь потомъ Богу: *даждь хлѣбъ*: то другой будетъ внимать этимъ словамъ твоимъ, а не Богъ; потому что плодъ неправды плодоприноситъ естество противное Богу. Кто старается о правдѣ, тотъ отъ Бога

пріемлетъ хлѣбъ; а кто воздѣлываетъ неправду, того питаетъ снабдитель неправды. Посему, взирая на совѣсть свою, приноси Богу прошеніе о хлѣбѣ, зная, что у Христа нѣтъ общенія съ Веліаромъ. Если принесешь даръ отъ неправды: то даръ твой—цѣна пеліи и лжи блуднича (Второз. 23, 18.). Хотя приносишь подаянія щедростію, однакожь отъ Пророка, гнушающагося такими приношеніями, услышишь: *что Ми множество жертвъ? глаголетъ Господь. Исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука аягцовъ, и крове юнцовъ, и козловъ не хочу. Кадило мерзость Ми есть* (Иса. 1, 11. 13.); и въ другомъ мѣстѣ: *жрѣй Ми телца, яко убиваяй пса* (Иса. 66, 3.) вмѣнится. Посему, если отъ Господа имѣешь хлѣбъ, то есть, отъ праведныхъ трудовъ; то позволительно тебѣ приносить Ему начатки отъ плодовъ правды.

Прекрасно же и присовокупленіе слова: *днесь. Ибо сказано: хлѣбъ насущный даждь намъ днесь. Въ этомъ словѣ заключается другое любомудріе; произнося это, долженъ ты дознать, что жизнь человѣческая однодневна. Собственность каждаго — одно только настоящее, а надежда на будущее остается въ неизвѣстности; не знаемъ, что родитъ находяй* (Прит. 27, 1.). Для чего мучимъ себя неизвѣстнымъ, томимъ заботами о будущемъ? Сказано: *довольте дни злѣе ея* (Матѣ. 6, 34.).

гдѣ злобою называется злостраданіе. Для чего прилагаемъ попеченіе *объ утрѣи*? Посему Господь тѣмъ, что повелѣваетъ говорить: *днесь*, запрещаетъ тебѣ заботу *объ утрѣи*, какъ бы слѣдующее внушая тебѣ симъ словомъ: «Кто далъ тебѣ день, Тотъ дастъ и потребное на день. Кто *сіяетъ солнце* (Матѣ. 5, 45.); Кто уничтожаетъ ночную тму; Кто показываетъ тебѣ лучъ свѣта; Кто ^{желаетъ} вращаетъ небо, чтобы ^{подъ сѣнникомъ} надъ землею стало ^{желать} свѣтило; Кто даетъ тебѣ это и многое другое, Тотъ ужели имѣетъ нужду въ твоёмъ содѣйствіи, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдивъ ее потребнымъ? Какую тщательность о собственной жизни привносить отъ себя естество безсловесныхъ? Какія пашни у врановъ, какія житницы у орловъ?

d { Не одна ли у всѣхъ снабдительница жизни — Божія воля, которою все содержится? Воля, или осель, или другое какое безсловесное, неучась, отъ природы имѣютъ любомудріе, и хорошо располагаютъ настоящимъ; о томъ же, что будетъ послѣ, нѣтъ у нихъ никакой заботы».

Ужели мы имѣемъ нужду въ совѣтникахъ, чтобы уразумѣть эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вразумляемся тѣмъ, что бываетъ съ другими? Какъ не уцѣломудриваемся собственною своею жизнію? Что было пользы отъ большаго заготов-

ления тому богачу, который обольщалъ себя неосуществимыми надеждами, разорялъ, строилъ, собиралъ, роскошествовалъ, чего достало бы на многіе годы, то въ суетѣ надеждъ записалъ въ житницы? Не одна ли ночь обличила всю эту мечтательность надежды, какъ суетное нѣкое сновидѣніе о чемъ-то нестоющемъ вниманія? Жизнь тѣлесная ограничивается однимъ настоящимъ; а жизнь, предоставляемая надеждѣ, есть собственность души. Но человѣческое неразуміе погрѣшаетъ въ употребленіи той и другой, думая тѣлесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя въ наслажденіяхъ настоящимъ. Посему-то душа, занимаясь видимымъ, по необходимости дѣлается чуждою надежды существенной и дѣйствительной, по надеждѣ опираясь на непрочное, и симъ не овладѣваетъ, и чего надѣялась, того не имѣетъ.

Посему научимся изъ настоящаго совѣта, чего надлежитъ просить сего дня, и чего въ послѣдствіи. Хлѣбъ — сегодняшняя потребность; а царствіе — уповаемое блаженство. Сказавъ же о хлѣбѣ, Писаніе разумѣетъ подъ симъ всякую тѣлесную потребность. Если сего станемъ просить, уму молящагося будетъ явно, что забота его объ однодневномъ. Если же просимъ чего либо изъ душевныхъ благъ, то явно, что прошеніе имѣетъ въ виду всегда пребываю-

шее и нескончаемое, на что Господь и повелѣваетъ наипаче взирать молящимся, какъ на важнѣйшее, удовлетворяющее и первой потребности. *Просите, говорить Онъ, царствія и правды, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33.) о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5-е.

Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ въ напасть, но избави насъ отъ лукаваго (Матѳ. 6, 12. 13.).

Слово, простираясь впередъ, вошло на самый верхъ добродѣтели. Ибо словами молитвы изображаетъ, какимъ, по его требованію, долженъ быть приступающій къ Богу; показываетъ, что онъ уже виѣ предѣловъ естества человѣческаго, и уподобляется по добродѣтели Самому Богу; такъ что дѣлая то, что свойственно дѣлать одному Богу, по видимому, и самъ дѣлается вторымъ богомъ. Ибо оставленіе долговъ есть Божіе свойство, и свойство преимущественное — сказано: никтоже можетъ

оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ (Лук. 5, 21.). Посему, если кто въ жизни своей уподобился отличительнымъ чертамъ Божія естества; то самъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается тѣмъ же, съ кѣмъ сходство показалъ въ себѣ точнымъ уподобленіемъ.

Итакъ чему же учить слово сіе? Во первыхъ съ дерзновеніемъ, на какое приобрѣтено право предшествовавшей жизнию, сознать въ себѣ уподобленіе Богу, и тогда уже осмѣлится называть Бога Отцемъ своимъ и просить прощенія въ прежнихъ прегрѣшеніяхъ; потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желаетъ, но тому, кто дѣлами приобрѣлъ себѣ право просить (д) съ дерзновеніемъ. Ибо сіе прямо внушаетъ намъ Господь въ настоящемъ изреченіи, а именно: приступая къ благодѣтелю будь самъ благодѣтелемъ; приступая къ доброму, будь добрымъ; приступая къ правдивому, будь правдивымъ; приступая къ терпѣливому, будь терпѣливымъ; приступая къ человеколюбивому, будь человеколюбивымъ; а также будь и всѣмъ пнымъ, приступая къ добросердому, къ благосклонному, къ общительному въ благахъ, къ милующему

(д) Сіе мѣсто перезедено по рукописи и по изданію Элера.

всякаго, и если еще что усматривается божественнаго, во всемъ этомъ уподобляясь произволеніемъ, приобрѣтай тѣмъ себѣ дерзновеніе на молитву. Посему, какъ не возможно лукавому освоиться съ добрымъ, и покрытому нечистыми сквернами имѣть общеніе съ чистымъ и несквернымъ: такъ приступающаго къ Божію человеколюбію отлучаетъ отъ онаго жестокосердіе. Посему, кто за долги держитъ человека въ своей власти, и обходится съ нимъ жестоко, тотъ нравомъ своимъ устранилъ себя отъ Божія человеколюбія. Ибо какое общеніе у человеколюбія съ звѣрствомъ, у любвеобильнаго расположенія съ свирѣпостію, и у всего прочаго, что по противоположности злу представляется принадлежащимъ противной сторонѣ, и въ такомъ непримиримомъ ему сопротивленіи, что преданный одному необходимо удаленъ отъ противоположнаго? Какъ сдѣлавшійся добычею смерти уже не живъ, и наслаждающійся жизнію удаленъ отъ смерти: такъ приступающему къ Божію человеколюбію совершенно необходимо быть чуждымъ всякой жестокости. А кто содѣлался чуждымъ всего разумемаго подъ именемъ порока, тотъ нѣкоторымъ образомъ по такому нраву дѣлается Богомъ, доводя до преслѣянія въ себѣ то, что разумъ признаетъ и о Божественномъ естествѣ.

Видишь, до какого величія Господь возвы-

шаетъ слушателей словами сей молитвы, предлагая нѣкоторымъ образомъ естество человѣческое въ божественное, и узаконяя, чтобы приступающіе къ Богу сами дѣлались богами. «Для чего», говоритъ Онъ, «ты, поражаемый страхомъ; бичуемый своею совѣстію, рабѣнно приходишь къ Богу? Для чего самъ себѣ заграждаешь дерзновеніе, заключенное въ свободѣ души и изъ начала существенно принадлежащее естеству? Для чего льстишь словами Необольстимому? Для чего съ услужливыми и угодливыми рѣчами обращаешься къ Тому, Кто взираетъ на дѣла? Тебѣ, одаренному свободою и благоразуміемъ, можно со властію имѣть всякое благо, какое только дается отъ Бога. Будь самъ себѣ судіею. Произнеси себѣ спасительный приговоръ. Желаетъ, чтобы отпущены были тебѣ Богомъ долги? отпусти самъ; Богъ изрекъ приговоръ; твой судъ надъ соплеменникомъ, въ которомъ ты властенъ, каковъ бы то ни былъ, есть и твой приговоръ. Чтѣ самъ о себѣ знаешь, то подтверждено о тебѣ и Божиимъ судомъ».

Но какъ достойнымъ образомъ раскроетъ кто все величіе Божія слова? Заключающаяся въ немъ мысль превосходитъ словесное истолкованіе. *Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Ту мысль, какая мнѣ приходитъ при семъ на умъ, смѣло

и держать въ умѣ, а еще смѣлѣе раскрыть ее въ словѣ. Ибо чтó сказано? Какъ преуспѣвающимъ въ добрѣ представляется въ подражаніе Богъ, по словамъ Апостола: *подражатели лишь бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.): такъ наоборотъ требуется, чтобы твое расположеніе къ добру стало образцомъ для Бога; измѣняется нѣкоторымъ образомъ порядокъ, и мы осмѣливаемся надѣяться, что, какъ въ насъ подражаніемъ Богу совершается доброе, такъ и Богъ будетъ подражать нашимъ дѣламъ, когда преуспѣемъ въ чемъ либо добромъ, и ты сможешь сказать Богу: «чтѣо сдѣлалъ я, сдѣлай и Ты; подражай рабу своему Ты, Господь, убогому и нищему Ты, царствующій надъ всѣмъ; я отпустилъ долги, не взыскивай и Ты! Я уважилъ просителя, не отвергни и Ты просящаго (е)! Я отпустилъ должника своего веселымъ, таковъ пусть будетъ и Твой должникъ! Не дѣлай, чтобы Твой былъ грустнѣе моего! Пусть оба равно благодарятъ оказавшихъ милость (ж)! Пусть посредникамъ обоихъ подтверждено будетъ равное отпущеніе и моему и Твоему должнику! Моимъ должникомъ такой-то, а Твоимъ я; какое рѣшеніе далъ я о своемъ должникѣ, такое же да возымѣетъ

(е) Рѣчь дополнена по рукописи и по изданію Эьера.

(ж) Въ рус. вместо: *τοὺς δακτύλους, καὶ τοὺς χρυσοὺς*.

силу и у Тебя; я разрѣшилъ, разрѣши и Ты! Я отпустилъ, отпусти, и Ты! Я великую милость оказалъ соплеменику; подражай и Ты, Господи, человеколюбію раба Твоего».

«Но мои прегрѣшенія предъ Тобою тяжелѣе сдѣланныхъ предо мною моимъ должникомъ. Признаю это и я; разсуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всякомъ добрѣ. Тебѣ справедливо, намъ согрѣшившимъ даровать милость, соразмѣрную преизбытку Твоего могущества. Малое человеколюбіе оказалъ я; потому что. большаго не вмѣщаетъ природа моя; а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспренитствуешь щедродаровитости Твоей».

Но съ большею тщательностію выразумѣмъ подлежащее изреченіе молитвы; разсмотрѣніе смысла его, можетъ быть и для насъ послужить нѣкимъ руководствомъ къ высокой жизни. Потому изслѣдуемъ, какіе тѣ долги, которымъ повинно естество человѣческое, и еще какіе тѣ долги, отпущеніе которыхъ въ нашей власти; познаніе сего доставитъ намъ достаточное нѣкое уразумѣніе преизбыточества Божіихъ благъ. А посему, сдѣлаемъ здѣсь перечисленіе человѣческихъ прегрѣшеній предъ Богомъ. Человѣкъ сталъ подлежать наказанію отъ Бога во первыхъ за то, что отступилъ отъ

Сотворшаго, и передался противнику, содѣлавшись бѣглецомъ и отступникомъ отъ Того, Кто его Владыка ю естеству, (во вторыхъ за то, что самовластную свободу промѣнялъ на лукавое рабство грѣху, и быть подь самоуправствомъ тлетворной силы предпочелъ сопробыванію съ Богомъ. Да и это,—не взирая на красоту Создавшаго, а обратить лице къ гнусности грѣха, можно ли признать какимъ либо вторымъ изъ золъ? И какой родъ наказаній заслуживающими почѣсть должно презрѣніе Божественныхъ благъ, предпочтеніе же приманокъ лукаваго? Заглаженіе образа, поврежденіе Божественныхъ чертъ, отпечатлѣнныхъ въ насъ при началѣ творенія, потеря драхмы, удаленіе отъ отчей трапезы, освоеніе съ зловонною жизнію (з) свиней, расточеніе драгоценнаго богатства, и всѣ подобныя прегрѣшенія, какія можно видѣть при помощи Писанія и разсудка, исчислить ли какое слово?

Итакъ, поелику родъ человѣческій за таковыя вины долженъ понести отъ Бога наказаніе: то мнѣ кажется, что поэтому слово Божіе ученіемъ, изложеннымъ въ молитвѣ, наставляетъ насъ, къ молитвенному собесѣдованію

(з) По рукописи: съ зловонными нравами свиней.

съ Богомъ, хотя бы кто изъ насъ и всѣхъ болѣе далека былъ отъ нравственныхъ прегрѣшеній, никогда не приступать съ такимъ дерзновеніемъ, какъ будто бы онъ чистая совѣсть. Ибо иной, можетъ быть, подобно одному богатому-юношѣ, образовавъ жизнь свою по заповѣдямъ, въ правѣ, какъ и тотъ, похвалиться своею жизнію, и сказать Богу: *вся сія сохранихъ отъ юности моя* (Матѣ. 19, 20.), и даже предполагать о себѣ, что ему, какъ ни въ чемъ не погрѣшившему противъ заповѣдей крайне неприлично прошеніе объ оставленіи долговъ, пригодное однимъ согрѣшившимъ. Оскверненному блудомъ, скажетъ онъ, приличны такія слова, или за любостыжательность обвиняемому въ идолопоклонствѣ необходимо просить прощенія, и вообще всякому какимъ либо прегрѣшеніемъ уязвившему совѣсть души, прекрасно и сообразно съ нуждою прибѣгать къ милосердію. А если онъ Ілія великій, или дѣйствуетъ *духомъ и силою Ілииною* (Лук. 1, 17.), или великъ *въ рожденныхъ женами* (Матѣ. 11, 11.), или Петръ, или Павелъ, или Іоаннъ, или другой кто изъ тѣхъ, чье превосходство засвидѣтельствовано божественнымъ Писаніемъ; то для чего употреблять подобныя реченія, которыми испрашивается оставленіе долговъ тому, на комъ нѣтъ никакого грѣховнаго долга? Для того, чтобы иной, имѣя въ виду что либо подобное, не впалъ въ высоко-

мѣріе, подобно тому фарисею, незнавшему и того, что онъ по естеству. (Ибо если бы зналъ, что онъ по естеству, то, конечно, естества своего не представлять чистымъ отъ скверны научился бы изъ святаго Писанія, которое говоритъ: не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дня могла быть безъ скверны (Іов. 14, 4. 5.)) Посему, чтобы у приступающаго съ молитвою къ Богу не произошло чего подобнаго съ душою, слово Божіе заповѣдуетъ не смотрѣть на преспѣянія, но приводить себя на память обще-долги человѣческаго естества, въ которыхъ всякій, безъ сомнѣнія, и самъ участвуетъ, какъ участвующій въ естествѣ, и умолять Судію, чтобы даровалъ прощеніе прегрѣшеній.

Ибо такъ какъ живетъ въ насъ Адамъ, и каждый изъ насъ—человѣкъ: то, пока видимъ на естествѣ своемъ кожаные эти хитоны, и скоро увядающіе листья вещественной этой жизни, которыя, обнажившись отъ вѣчныхъ и свѣтлыхъ ризъ, сшили мы себя ко вреду своему, вмѣсто Божественныхъ одеждъ облекши себя въ забавы, славу, однодневныя почести, убійственныя услажденія плоти, — и пока признаемъ на это плотское мѣстопребываніе, на которомъ осуждены мы обитать; какъ скоро обращаемся къ востоку (не потому только, что тамъ видимъ для насъ Богъ, Который,

какъ вездѣсущій не объемлется никакимъ исключительно мѣстомъ, но все равно содержитъ, а потому, что на востокъ первоначальное наше отечество, разумѣю же пребываніе въ раю, изъ котораго мы изгнаны (*насади Богъ рай во Еденъ на востоцѣхъ* (Быт. 2, 8.)); посему, какъ скоро обращаемъ взоръ на востокъ, и мысленно приводимъ себѣ на память изгнаніе изъ свѣтлыхъ и восточныхъ странъ блаженства, справедливо тогда присовокупляемъ сіи реченія и мы, отъняемые недоброю смоковницею жизни, отверженные отъ очей Божіихъ, самовольно предавшіеся змію, который ѣстъ землю, и по землѣ ползаетъ; ходить на персяхъ и на чревѣ своемъ, и намъ совѣтуетъ дѣлать тоже, — предаваться земнымъ наслажденіямъ, по землѣ пресмыкающимися и влачащимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чревѣ, то есть, заботиться о жизни снотливой; посему въ этомъ находясь состояніи, подобно оному блудному сыну, послѣ долгаго бѣдствованія, въ какомъ пребывалъ, пася свиней, какъ скоро приходимъ, какъ и онъ, въ себя, и приводимъ себѣ на мысль небеснаго Отца, тогда прекрасно пользуемся таковыми реченіями: *остави намъ долги наша* (и).

Посему, хотя бы кто былъ Моисеемъ и Самуиломъ, и другимъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелию, тѣмъ не менѣе, поколику онъ человѣкъ, почитаетъ для себя приличными слова сии, какъ причастный Адамова естества, участникъ и его паденія. Поелику, какъ говоритъ Апостолъ, *о Адамы вси улираемъ* (1 Кор. 15. 22.): то изреченію, какое прилично Адаму, при покаяніи, надлежитъ быть общимъ для всѣхъ съ нимъ умершихъ, чтобы, намъ, при дарованіи прощенія прегрѣшеній, снова, какъ говоритъ Апостолъ, спастись благодатию Господнею (Еф. 2, 5.). Но сіе сказано, чтобы иный при взглядѣ на болѣе общее, могъ уразумѣть предлагаемое въ словѣ. Если же кто будетъ искать истиннаго смысла въ семъ изреченіи; то, думаю, не потребуется отъ насъ возводить понятіе къ общему взгляду на естество; потому что достаточно совѣсти, чтобы въ разсужденіи каждаго поступка въ жизни содѣлать необходимымъ прошеніе о помилованіи.

Поелику въ этомъ мірѣ жизнь наша, какъ думаю, подлежитъ многообразнымъ вліяніямъ, какъ по душѣ и разумѣнію, такъ и по чувствамъ тѣлеснымъ; то трудно, или и совершенно невозможно, не увлечься ко грѣху хотя одною какою либо страстію. Напримѣръ, эта любящая наслажденія жизнь относительно къ

тѣлу дѣлится по нашимъ чувствамъ, а относительно къ душѣ оказываетъ себя въ стремленіи разума и въ движеніи произвола: кто же столько возвышенъ и одаренъ такимъ благо-разуміемъ, чтобы по той и другой жизни из-быть ему всякой скверны порока? Кто безгрѣ-шенъ окомъ? Кто невиненъ слухомъ? Кто чуждъ этого скотскаго услажденія гортани? Кто чистъ отъ прикосновенія ко грѣху осяза-ніемъ? Кому неизвѣстна эта предлагаемая Пи-саніемъ загадка: *взыде смерть сквозъ окна* (Іер. 9, 21.)? Ибо чувства, посредствомъ которыхъ сообщаясь съ внѣшними предметами, душа по выбору занимается ими, Писаніе назвало ок-нами, которыя, по слову же Писанія, и про-лагаютъ путь для входа смерти. Дѣйствительно многихъ смертей входомъ дѣлается часто глазъ, видитъ онъ раздраженнаго, и самъ возбуж-дается къ той же страсти; или видитъ благо-денствующаго не по достоинству, и воспла-меняется завистію; или видитъ горделиваго, и впадаетъ въ ненависть; или видитъ какое либо доброцвѣтное вещество, красивое расположе-ніе лица, и всецѣло поползается въ вожделѣ-ніе правящагося. И ухо отворяетъ окна смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ, что слышитъ принимаетъ въ душу многія страсти: страхъ, печаль, раздра-женіе, удовольствіе, вожделѣніе, неумѣренныя смѣхъ и тому подобное. А услажденіе вкуса, какъ скажетъ иный, есть матеръ всѣхъ по

порядку золъ. Ибо кому не извѣстно, что корнемъ почти погрѣшностей въ жизни служитъ заботливость о гортани? Отъ нея зависятъ роскошь, пїянство, чревоугодіе, безпорядочное поведеніе, многояденіе, пресыщеніе, разгульная жизнь, скотское и неразумное паденіе въ страсти безчестія. Подобнымъ образомъ чувство осязанія составляетъ крайній предѣлъ всѣхъ согрѣшеній; все, что ни дѣлается для тѣла сластолюбцами, принадлежитъ къ числу недуговъ осязательнаго ощущенія, подробное описаніе которыхъ было бы продолжительно: да и неприлично къ предметамъ важнымъ примѣшивать все то, что служитъ въ укоризну осязанію. А весь рой погрѣшностей души и произвола въ состояніи ли и исчислить какое слово? (Сказано: изнутри исходятъ помысленія злая (Матѣ. 15, 19.), и присовокупленъ списокъ оскверняющаго насъ помысломъ. Итакъ, если повсюду распростерты намъ мрежи грѣховъ всѣми чувствилищами и сердечными движеніями души, то кто похвалится, какъ говоритъ Премудрость, чисто и непятно сердце (Притч. 20, 9)? Кто чистъ отъ скверны? какъ о подобномъ сему свидѣтельствуетъ Іовъ (Іов. 14, 4.). А скверна для душевной чистоты есть удовольствіе, во многихъ видахъ и многими способами примѣняемое къ чловѣческой жизни и душою и тѣломъ, помысленіями и чувствами, намѣренными движеніями и тѣ-

лесными дѣйствіями. Итакъ у кого душа чиста отъ этой скверны? Кто не былъ пораженъ кичливостію? Кто не поправъ ногою гордыни? Кого не поколебала рука грѣшная? Чья нога не поспѣшала къ пороку? Кого не оскверняло безчинное око, не ввергалъ въ нечистоту невѣжественный слухъ, не занималъ собою вкусъ? У кого сердце оставалось бездѣйственнымъ для суетныхъ движеній?

Поелику въ насъ есть все это, и въ живущихъ скотски весьма дурно и несносно, въ болѣе же внимательныхъ къ себѣ сноснѣе, но всѣ, кто одного съ нами естества, всегда непрѣмѣнно участвуютъ въ погрѣшностяхъ естества; то, припадая въ молитвѣ къ Богу, просимъ поэтому оставить намъ долги. Но не приемлется (i) таковъ гласъ, и не достигаетъ Божественнаго слуха, если не вопіеть вмѣстѣ и наша совѣсть, что оказанное милостію дѣлиться съ другими—прекрасное дѣло. Ибо кто разсуждаетъ, что человѣколюбіе прилично Богу (а если бы не признавалъ приличнымъ, не сталъ бы просить у Бога неприличнаго и несообразнаго), отъ того справедливость требуетъ, собственными своими дѣлами подтвердить сужденіе о прекрасномъ дѣлѣ, чтобы самому не услышать отъ праведнаго Судіи:

(i) По рукоп. вмѣсто: *ἀπραγτος* читается: *ἀπαραδέικτος*.

*«врачу, исцѣлися самъ. Меня умоляешь о чело-
вѣколюбіи, которымъ не дѣлишься ты съ ближ-
ними. Просишь объ оставленіи долговъ; по-
чему же самъ мучишь должника? Умоляешь,
чтобы рукописаніе на тебя было изглажено,
а самъ тщательно хранишь договоры съ за-
нявшими у тебя въ долгъ? Просишь объ умень-
шеніи счета долговъ, а самъ данное въ долгъ
приращаешь лихвою? Твой должникъ въ тем-
ницѣ, а ты въ молитвенномъ домѣ? Онъ стра-
даетъ за долги, а ты испрашиваешь оставле-
нія долга? Твоя молитва не услышана, потому
что заглушаетъ ее голосъ страждущаго. Если
разрѣшишь тѣлесный долгъ, разрѣшены бу-
дутъ тебѣ душевныя узы. Если простишь,
прощено будетъ и тебѣ; самъ будешь своимъ
судіею, самъ себѣ предпишешь законъ, рас-
положеніемъ къ лежащему у ногъ твоихъ
произнося свыше приговоръ о себѣ».*

Чему-то подобному, кажется мнѣ, учить Го-
сподь въ другомъ словѣ, въ видѣ повѣствованія
предлагая сіе ученіе. По сему повѣствова-
нію нѣкій гдѣ-то царь грозно предсѣдатель-
ствуетъ на судѣ, и призываетъ къ себѣ слу-
жителей, собираетъ свѣдѣнія о каждомъ ихъ
распоряженіи. Приводятъ къ нему одного
должника, и царь оказываетъ ему челоуѣколю-
біе; потому что должникъ, припавъ къ его
ногамъ, вмѣсто денегъ въ уплату представилъ
просьбу; и онъ-то потомъ съ подобнымъ ему

рабомъ за небольшой долгъ поступаетъ жестоко и безчеловѣчно, и прогнѣваетъ царя своимъ безчеловѣчіемъ къ подобному себѣ рабу. Царь повелѣлъ исполнителямъ казни совершенно изгнать его изъ царскаго дома, и продлить мученіе до того времени, какъ вытерпитъ достойное вины наказаніе. И дѣйствительно, что значать нѣсколько ничего не стоящихъ и легко сосчитываемыхъ оводовъ въ сравненіи съ тѣми талантовъ; то и долги намъ братій нашихъ въ сравненіи съ нашими прегрѣшеніями, предъ Богомъ. Во вредъ тебѣ, конечно, служить, или нанесенная кѣмъ нибудь обида, или порочность служителя, или злый умыселъ на тѣлесную жизнь; и ты въ воспамененіи сердца раздраженъ къ отмщенію за это, отыскиваешь всѣ возможные средства къ наказанію огорчившихъ тебя.

И если раздраженіе воспаменено на служителя; не рассуждаешь, что не природою, но властолюбіемъ раздѣленъ родъ человѣческій на рабовъ и господъ. Ибо Домоправитель вселенной узаконилъ одному безсловесному естеству быть въ рабствѣ у человѣка, какъ говоритъ Пророкъ: *вся покорилъ еси подъ нозъ его: овцы и волы вся, еще же и скоты польскія, птицы и рыбы морскія* (Пса. 8, 7—9.) (к). Ихъ

называетъ Пророкъ и служебными, такъ какъ сказано въ другомъ мѣстѣ пророчества: *Даящему скотомъ пищу ихъ, и злакъ на службу чело́вѣкомъ* (Пса. 147, 8. 9.). Чело́вѣка же украсилъ Богъ даромъ свободы, такъ что поработенный тебѣ обычаемъ и закономъ по достоинству естества имѣетъ равенство съ тобою. Не отъ тебя получилъ онъ бытіе, не тобою живетъ, не отъ тебя заимствуетъ тѣлесныя и душевныя силы. Почему же столько воскипаетъ на него раздраженіе твое, если онъ погѣнился, или оставилъ тебя, или, можетъ быть, и въ глаза тебѣ оказалъ пренебреженіе? Должно тебѣ посмотрѣть на себя самаго каковъ ты бывалъ предъ Владыкою, Который сотворилъ тебя, ввелъ въ міръ посредствомъ рожденія, сдѣлалъ тебя участникомъ этихъ чудесъ въ мірѣ, въ наслажденіе тебѣ предложилъ солнце, даровалъ всѣ средства къ жизни изъ стихій, изъ земли, изъ огня, изъ воздуха, изъ воды, снабдилъ тебя даромъ разумнія, впечатлительнымъ чувствомъ, знаніемъ различающихъ доброе и худое? И чтоже? Ты развѣ послушенъ такому Владыкѣ, и не упоренъ противъ Него? развѣ не отступилъ отъ Его владычества? развѣ не бѣжалъ ко грѣху? развѣ не обмѣнилъ благаго владычества на лукавое? Развѣ, сколько отъ тебя это зависѣло, не оставилъ пустымъ Владычняго дома, оставивъ то, что заповѣдано тебѣ было *дѣлати и храни*

нити (Быт. 2, 15.)? И не при вездѣсущемъ ли всевидящемъ свидѣтелѣ Богѣ, или совершаешь исчисленныя прегрѣшенія, или говоришь, или думаешь, чего не должно? И потому, когда ты таковъ и столькими обремененъ долгами, считаешь за ничто великое, оказать милость подобному себѣ рабу тѣмъ, что оставишь безъ вниманія какое нибудь его предъ тобой прегрѣшеніе?

Посему, если намѣреваемся принести Богу моленіе о милости и прощеніи, то приуготовимъ дерзновеніе совѣсти, представимъ жизнь свою ходатайницею за произносимую молитву, чтобы воистинну можно было сказать: *яко и мы оставили должникомъ нашимъ.*

Что значить за симъ присовокупляемое къ сказанному? Почитаю необходимымъ не оставить и сего безъ разсмотрѣнія, чтобы, зная, кому молимся, приносить моленіе душою, а не тѣломъ. *Не введи насъ въ напасть (а), но избави насъ отъ лукаваго* (Матѣ. 16, 13.). Какая, братія, сила сказаннаго? Господь, кажется мнѣ, многообразно и различно именуется злаго по разности лукавыхъ силъ, называя его многими именами: діаволомъ (Матѣ. 13, 39.), Веельзевуломъ (Матѣ. 10, 25.), мамоною (Матѣ. 6, 24.), княземъ міра (Іоанн. 14, 30.), человеко-

(а) *Ecce пристрастенъ во искушеніе.*

убійцею (Іоанн. 8. 44.), лукавымъ, отцемъ жи (Іоан. 8, 44.) и другими подобными именами. Посему, можетъ быть, однимъ изъ разумѣмыхъ о немъ именъ есть и это: *напастъ*. И такую нашу догадку подтверждаетъ словосочиненіе въ сказанномъ; ибо Господь послѣ словъ: *не введи насъ въ напастъ*, присовокупляетъ прошеніе объ избавленіи отъ лукаваго, какъ будто тѣмъ и другимъ означается одинъ и тотъ же. Если, кто не входитъ *въ напастъ*, тотъ непременно *въ* власти лукаваго; и кто *въ напастѣ*, тотъ необходимо *бываетъ* во власти лукаваго: то слѣдуетъ, что *напастъ* и *лукавый* по значенію одно и то же. Чтѣ же внушаетъ намъ такое ученіе молитвы? — Стать въ *усматриваемаго въ мірѣ семъ*, какъ говорить ученикамъ въ другомъ мѣстѣ, что *міръ весь во зль лежитъ* (1 Іоанн. 5, 19.). Посему, кто желаетъ стать *въ* власти лукаваго, тотъ по необходимости преселяется изъ міра. Ибо *напастъ* не имѣетъ возможности коснуться души, если мірскую эту заботу, подобно какой-то приманкѣ, возложивъ на коварную уду, не простретъ къ жаднымъ. Но гораздо болѣе ясною для насъ сдѣлается мысль сія изъ другихъ примѣровъ. Море нерѣдко бываетъ страшно своими волненіями, но не для тѣхъ, которые живутъ отъ него вдали. Огонь истребительнъ, но только для подложеннаго въ огонь вещества. Война ужасна, но для однихъ вступив-

шихъ въ воинскіе ряды. Кто избѣгаетъ бѣд-
ствій, какія постигаютъ на войнѣ, тотъ молится,
чтобы не впасть въ необходимость воевать.
Кто боится огня, тотъ молится, чтобы не
быть ему въ огнѣ. Кто трепещетъ моря, тотъ
молится, чтобы небыло ему нужды пуститься
въ мореплаваніе. Такъ и тотъ, кто страшится
прираженій лукаваго, пусть молится, чтобы
не быть ему во власти лукаваго. А поелику,
какъ сказали мы прежде, по слову Писа-
нія *міръ во зль лежитъ*, и въ мірскихъ дѣ-
лахъ заключаются поводы къ *напастямъ*: то
молящійся объ избавленіи отъ лукаваго хо-
рошо и надлежащимъ поступаетъ образомъ,
когда просить, чтобы не придти ему въ
напасть. Ибо, не повлекши съ жадностію при-
манку, не возможно кому либо поглотить
крючекъ на удѣ.

Но и мы воставъ скажемъ Богу: *не введи
насъ въ напасть*, то есть, въ бѣдствіе, настоя-
щей жизни, *но избави насъ отъ лукаваго*, при-
обрѣтшаго силу въ этомъ мірѣ, котораго да
избавимся и мы по благодати Христа, потому
что Его и сила и слава со Отцемъ и всесвя-
тымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ во
вѣки вѣковъ (м). Аминь.

(м) Славословіе переведено по рукописи.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

	Стран.
1. О шестодесятѣ.....	1
2. Объ устройствѣ чловѣка.....	76
3. О жизни Моисея законодателя.....	223
4. О молитвѣ.....	380

II

278	1 св.	служить	служать
285	2 св.	плугами	пругами
292	1 св.	ваоющимъ предлагаемому	предлагаемому
—	7 св.	ясно	явно
296	5 сп.	были	быль
300	8 —	времени	времени
311	1 —	и показавъ	покажетъ
322	13 —	вѣдѣніе	видѣніе
327	1 —	принадлежить	принадлежать
376	6 —	квркенпой	квркенпой
377	3 св.	содержащее	содержащееся
393	7 св.	реченія	реченія
413	14 —	непричастно зависти	чисто отъ зависти
414	5 —	только избираетъ	только, избравъ
421	3 —	жизнью.	жизнью?
422	9 —	лучше	лучшее
430	12 св.	Единому	единому
440	12 св.	остаточнаго	достаточнаго
441	9 св.	самихъ	самимъ
445	13 —	а Ты	а Ты,
461	5 св.	слышитъ	слышитъ,

ИЗ 1925

4/5 219.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

12	4	сн. ибо	небо
35	6	св. исправленіемъ	истребленіемъ
70	1	— порядка. Если	порядка; если
71	15	— ество	естество
115	4	сн. излѣдованія	изслѣдованія
116	5	св. не признають	не признаю
123	7	сн. языкомъ	язычкомъ
131	12	св. оно	она
133	15	сн. упражняется	управляется
135	2	— одной	оной
151	15	св. воздѣленіе	возбужденіе
155	12	сн. не явно	не не явно
158	8	— но и не чистое	и не чистое
187	13	— не заключать	не заключаешь
222	4	св. съ которой	въ которой
234	11	— работами	работами
	4	сн. жезломъ	жезлами
	12	— покой	покою
238	3	св. надъ нимъ	подъ нимъ
250	8	сн. сталь	ставъ
259	2	св. вслѣдствіе	вслѣдствіе
261	7	св. свойства	свойства
	15	— безопасность	безопасность
277	10	сн. полнаго	полною
	1	сн. <i>плева</i>	<i>плева и стебліе</i>